

СЁСТРЫ ПО ОРУЖИЮ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИН
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

солдатские
мемуары

СЁСТРЫ ПО ОРУЖИЮ
ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

СЁСТРЫ ПО ОРУЖИЮ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЩИН
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

**Военно-исторический центр Карельского перешейка
Выборг, 2016–2017**

УДК 355.483(470-23) <1944>
ББК 63.3(2)622,13

И80 **Баир Иринчиев, Михаил Зиновьев, Вячеслав Давыдкин, Никита Глушков,
Алексей Сухановский, Ирина Андреева и другие**

Сёстры по оружию. Воспоминания женщин о Великой Отечественной войне.

Выборг: Издательство «Военно-исторический центр Карельского перешейка»,
2016–2017. — 304 с.

ISBN 978-5-9909020-5-3

Сборник воспоминаний советских женщин «Сестры по оружию» — продолжение книги «А зори здесь громкие». В обновленный сборник включены рассказы и интервью женщин, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной в самых разных родах войск. В книге читатель найдет уникальные истории — от начальника штаба полка «Ночных ведьм», партизанок и девушек-снайперов до совсем молодых девочек, которые пошли на войну со своими любимцами — собаками. В издание также включены наградные листы и фотографии. Эта книга — наша общая благодарность всем женщинам, которые честно воевали, самоотверженно трудились в тылу и внесли неоценимый вклад в Победу нашей Родины в Великой Отечественной войне.

ISBN 978-5-9909020-5-3

9 785990 902053

© Военно-исторический центр
Карельского перешейка, 2016–2017

- 11 Ирина Михайловна Дунаевская
Воспоминания военной переводчицы
- 33 Лидия Семеновна Гудованцева
История четырех подруг на Северо-Западном фронте
- 41 Елизавета Александровна Еранина (Самойлович)
На войну — со школьной скамьи, с любимой собакой
- 47 Евгения Борисовна Золотницкая
С Карельского перешейка до Польши с родной дивизией
- 58 Вера Сергеевна Потапова (Ипполитова)
Золотая Звезда Героя мне была не нужна...
- 77 Таисия Ивановна Высоцкая
В окружении с 2-й Ударной армией
- 82 Тамара Родионовна Овсянникова
Связистка в дивизии Донского
- 97 Галина Валерьяновна Гребнева
Какие волки тебя будут есть, на тебе мяса нет...
- 105 Александра Васильевна Кочнева
Гвардеец-пулеметчица: где твой дом? — в 134-м полку!
- 124 Кира Ивановна Луферова (Смирнова)
Связистка в штабе полка: когда начался артобстрел, я даже не проснулась, такая была усталость...
- 137 Евгения Константиновна Табачникова
Раненый боец закрыл меня своим телом
- 147 Татьяна Александровна Самохвалова (Петрова)
Волховский фронт был самый ужасный...
- 170 Зинаида Васильевна Варгина
С гвардией Ленинградского фронта
- 175 Лидия Ивановна Колоскова
Это не фейерверк, это бомбежка...

- 181 Валентина Семеновна Лихачева (Сева)
Я подделала документы, чтобы попасть на фронт
- 192 Нина Арсентьевна Смаркалова
Мой будущий муж сказал: «Мне не нога нужна, мне человек нужен...»
- 203 Евдокия Дмитриевна Савельева
На обороне Москвы
- 204 Галина Матвеевна Лимова (Коршунова)
Радистка на секретных машинах
- 207 Мария Дмитриевна Голяченко
Растирали обмороженных бойцов не спиртом, а снегом
- 210 Анастасия Ивановна Андреева
Из Выборга в финский плен и обратно
- 220 Евдокия Павловна Ельцина (Мозголова)
Валенки под Синявино превратились в ледяные колодки
- 231 Анна Григорьевна Архипова (Зелянина)
За чертой милосердия. Партизанская война в Карелии
- 240 Мария Сергеевна Толстых
**Джан, спасибо! Русский — якши, киргиз — якши,
а герман проклятый — зверь!**
- 249 Александра Михайловна Окунева
Слово командира полка в память о бесстрашной пулеметчице
- 254 Антонина Александровна Котлярова (Захарова)
Как можно убить человека, похожего на твоего брата?
- 259 Евдокия Алексеевна Медведева
...Я насмотрелась этого, и чего я до сих пор живу?!
- 264 Анна Марковна Зонова (Галак)
**Вот лежим, и я думаю: 17 лет прошло, я до восемнадцати
еще не дождала!**
- 275 Ирина Вячеславовна Ракобольская
**Мы просто хотели сделать больше вылетов.
Так воевали легендарные «ночные ведьмы»**

СОДЕРЖАНИЕ

Женщины России с древних времен помогали в обороне Отечества. Впервые массовое участие женщин в партизанском движении было отмечено на Отечественной войне 1812 года. Сестры милосердия и женщины, воевавшие с оружием в руках наравне с мужчинами, отличились и в Крымской войне, и в других войнах Российской Империи.

Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции роль женщины в обществе радикально изменилась. Женщины наравне с мужчинами работали на великих стройках 20-х и 30-х годов, трудились в колхозах и на заводах, учились, осваивали самолеты и другую технику.

В годы Великой Отечественной войны женщины совершили бесчисленное количество подвигов, и внесли свой неоценимый вклад в Победу. Они сражались во всех родах войск — в авиации, в танковых войсках, в пехоте, без усталости работали в госпиталях... Они заменили мужчин на всех рабочих местах, где это было возможно. Советские женщины-лётчицы и девушки-снайперы стали символами стойкости, патриотизма и мужества народа в грозные годы войны.

Нередко женщины оказывались духовно сильнее мужчин. Один вид хрупкой девушки-санструктора, первой поднявшейся в атаку, заставлял бойцов преодолеть страх и совершить бросок до вражеских траншей. Мужество и моральное превосходство женщин признавал и противник. Немецкий генерал Эрхард Раус, перешедший на службу к американцам, писал в послевоенной методичке о войне в России:

Русские женщины служили в полностью женских частях при так называемых партизанских бандах, или по отдельности в роли наводчиков в артиллерии, в качестве разведчиц, сбрасываемых с парашютом, в роли санструкторов при боевых частях или в тылу во вспомогательных службах. Они были политическими фанатичками, полными

ненависти к врагу, жестоки, и неподкупны. Женщины были яркими коммунистами, они были опасны.

Зачастую женщины сражались на фронте. Так, женщины в форме принимали участие в последних сражениях в Севастополе в 1942 году; медсестры стояли насмерть под Ленинградом с пистолетами и ручными гранатами. В боях на среднем Донце в феврале 1943 года русский танк лишился хода — наверное, из-за прямого попадания. Когда к нему приблизились наши танки, он внезапно открыл огонь и попытался прорваться. Второе прямое попадание снова его остановило, но, несмотря на безвыходное положение, он продолжал вести огонь все то время, что наша команда охотников за танками ползла к нему; наконец, подрыв заряда поджег танк. Только после этого открылся люк башни. Появилась женщина в танкистской форме. Она была женой и товарищем по оружию командира танковой роты, который, убитый первым попаданием, лежал рядом с ней в башне.

Если говорить о солдатах, женщины в форме стояли выше товарищей, или их уважали.

Женщины взяли на себя огромный объем тяжелой физической работы — они работали в банно-прачечных отрядах, сутки напролет ухаживали за ранеными в госпиталях, валили лес, добывали торф, работали в шахтах и на заводах, пахали в колхозах... Не будем забывать этих скромных тружениц войны, не получивших славы и известности. Зачастую за все четыре года войны они получали только медаль «За боевые заслуги».

В последние годы на память женщин на войне были вылиты водопады грязи. Задача этого сборника — показать роль женщин на защите Отечества, почтить их память, подчеркнуть достижения, рассказать о женском быте на войне, развеять вредные мифы, заполонившие печать в последние годы.

Женщина на войне стала не только символом мужества, стойкости и безграничной внутренней силы.

Она стала символом семьи, матери, сестры, подруги, самой Родины — всего того, что дорого каждому человеку. Символом всего того, что нужно было отстоять в Великой Отечественной войне. Ветераны вспоминают, что улыбка девушки-санинструктора, ободряющее слово женщины-врача, привет с неба от девушек-летчиц из кабины самолета По-2 помогли больше, чем газетные передовицы и политинформации.

Коллектив авторов постарался собрать самые разноплановые воспоминания советских женщин — участниц Великой Отечественной войны. Выражаем безграничную признательность и благодарность всем женщинам-ветеранам, которые согласились поделиться своими историями. Эти рассказы и светлый образ женщин-ветеранов навсегда останутся в наших сердцах.

Баир Иринчиев от имени всего коллектива авторов

**Советским женщинам
на Великой Отечественной войне
посвящается**

НАГРАДНО ЛИСТ 2

1. **Фамилия, имя и отчество** - ДУНАЕВСКАЯ Ирина Михайловна
2. **Звание** - младший лейтенант адм.служб
3. **Должность, часть** - переводчик 1 разряда Разведывательного отдела штаба 109 Стрелкового корпуса.
4. Представляется к ордену "Красная Звезда"
4. **Год рождения** - 1919г. 5. **Национальность** - еврейка.
6. **Партийность** - кандидат ВКП(б) с 1948 г.
7. **Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда)** - Отечественной война с апреля 1942 года.
8. **Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне** - ранена три раза.
9. **С какого времени в Красной Армии** - 1942 года
10. **Каким РВК произведен** - по комсомольскому набору Ленинградским Горкомом ВЛКСМ
11. **Чем ранее награжден (за какие отличия)** - медаль "За оборону Ленинграда" - 1948г.
12. **Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи.**

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. ДУНАЕВСКАЯ за время наступления наших частей неутомимо производила опросы пленных. Немецким языком владеет хорошо. При опросе военнопленных, проявляет инициативу, умеет правильно поставить вопросы. Благодаря тов. Дунаевской получен ряд ценных сведений о противнике, во многом облегчивших выполнение задачи корпуса.

За самоотверженное своего служебного долга тов. Дунаевская достойно награждена орденом "Красная Звезда".

ПОДСОБЩИК

РЕЗНИК

" " ЯНВАРЬ

Воспоминания военной переводчицы

З марта 1941 года мы с мужем поженились. Я была студенткой третьего курса филфака, а моему мужу Володе предстояла защита диссертации на биофаке. О предстоящей войне нам не доложили, и мы решили, что медовый месяц мы перенесем на лето. Дальше мы все занимались своими делами, 18 июня 1941 года Володя благополучно защитил диссертацию. Он был генетик и в этом смысле он был человек нелояльный советской власти, потому что он был настоящий, формальный генетик. Меня это не смущало, потому что у нас в школе нам прочитали курс дарвинизма, фактически являющимся введением в генетику, так что я сама немного разбиралась, и понимала, что мой муж занимается настоящими исследованиями.

К тому времени, как Володя защитился, у меня оставался несданным последний экзамен за третий курс, по диалектическому материализму. Домашняя ситуация была у нас тяжелая, потому что мы жили на два дома — часть времени проводили у моей мамы, часть у Володиной мамы. Если Володина мама относилась к нам очень терпеливо, то моя мама закатывала жуткие сцены ревности. Вообще было кошмарно, потому что постоянно оказывалось, что нужные книги, словари и конспекты оказывались в другой квартире... Мы решили, что 22 июня Володя поедет в Колтуши и договорится с кем-то из коллег, кто уезжал в южную экспедицию, чтобы мы пожили у них на квартире неделю до нашего медового месяца. Мы встали, позавтракали, Володя решил ехать

Ирина Дунаевская

со своей мамой (воскресная прогулка, как-никак). Нас утром удивило, что громкоговорители на улицах с утра были включены. Вроде праздника никакого нет, обычное воскресенье. Мы не слышали, что там говорил, и кто — мы были в квартире. Володя с мамой вышли, и через пять минут вернулись. Что такое? Я спрашиваю: «Володя, забыли что-нибудь?» Он кидает шляпу в кресло, плащ, мамин зонтик, и говорит: «Иришка, война». Вот так война началась для нас.

Первый день мы потратили на то, что бегали по магазинам, покупали темную бумагу для затемнения, клей — в общем, хозяйственные заботы. Потом мы помчались каждый на свой факультет записываться в ополчение. Мы тогда, наверное, сделали ошибку — надо было нам вместе записываться, а мы записались на разных. Володя уже защитился, так что он был вообще свободен, и все время ходил за мной, как ниточка за иглолочкой. Мы сидели на филфаке в комитете комсомола (это помещение до сих пор существует, в наше время это было что-то вроде клубного места), девушки шили какие-то тюфяки для ребят, что должны были ехать на рытье окопов, а ребята были в распоряжении военкоматов и разносили повестки. Они возвращались к нам в комитет довольно растерянные, и рассказывали, что их в семьях встречали слезами, а не восторгами. Я им говорила: «Ну вы сами подумайте. Вы люди свободные, а им надо оставлять жен, детей, мамам надо отпускать сыновей...пошевелите своими извилинами и представьте себе, что это такое!»

Муж мой попал в 277-й пулеметно-артиллерийский батальон. Я ходила в РОКК, и они мне дали какое-то ходатайство в этот артпульбат, но я там только пару недель продержалась. Там были девчонки, призванные через военкомат, и их домой нельзя было отправить, а у меня даже паспорт на руках остался. И мне в штабе говорят: «Все, дуй домой отсюда. Мы снимаем тебя с пайка». А это было в начале сентября, уже начались трудности, не могла же я сидеть там и объедать родного мужа! Я и вернулась в Ленинград, не то 5 не то 8 сентября.

277 артпульбат воевал между Стрельной и Ропшей, в районе деревень Райкузи и Павкюля. Не знаю, восстановили ли эти деревни после войны. За неделю боев батальон почти полностью погиб. Строевая часть батальона тоже была разбита, и о гибели мужа я узнала только в октябре, хотя погиб он 17 сентября. Я пошла в военкомат, везде качала права, везде подавала заявления, чтобы меня снова отправили на фронт. Мне сказали: «Голубушка, у нас порядок. Надо будет — мы вас известим». Я думала, что это просто отговорка, но очевидно, это действительно было начало какого-то порядка, потому что в апреле 1942 года меня из госпиталя пригласили, тут же отправили, и я поехала на фронт. На трамвайчике до села Рыбацкого. Там располагался политодел фронта, который ведал переводчиками. Вообще на войне переводчиками на уровне штаба армии заведовали две инстанции:

разведотдел и политотдел. Оба отдела имели свои службы переводчиков. Они контактируют, но не сообщаются, и вообще говоря, ревнуют друг к другу. У разведывательных переводчиков есть переводческая спесь, которой и я болею. Они считают, что они при настоящем деле, и убеждены в этом, и если попадают в политсистему, то стараются оттуда убежать, считая это ненастоящим делом. Может быть, это наивно, но тогда это так воспринималось. У переводчиков-политотдельцев другая война, их передовая кончается гораздо выше, самый низший переводчик — инструктор по работе среди войск и населения противника — сидит в политотделе дивизии. Там он один. На уровне штаба корпуса их уже группа, и так далее. На войне те, кто был ближе к передовой и настоящему военному делу, относились к ним слегка надменно, и эта ревность осталась до сих пор. С моей точки зрения, по бытовому, культурному, языковому содержанию работа переводчиков-политотдельцев была, конечно, интереснее, но по помощи войскам — конечно, помощи от этих переводчиков было меньше, чем от переводчиков из разведотдела.

Когда я была призвана в армию, меня оформили как командира без присвоения звания. В этом подвешенном состоянии я пробыла около года, и только после второго ранения мне было присвоено звание младшего лейтенанта, в котором я провела всю войну.

Во время войны я вела дневник, который сохранился, и части его были опубликованы в журналах и книгах. Вообще, чтобы вести дневник, надо было быть штабной крысой — чтобы всегда было перышко тоненькое и записная книжка. У меня было несколько записных книжек. Первая наименее отцензурированная, потому что тогда еще не успели на меня стукнуть, потом вторая, трофейная немецкая, потом советская, и потом самодельные. Ведение дневников было запрещено, но со смершевцем я всегда умела договориться. Вообще у меня постоянное желание все дневники уничтожить, но дочь не дает. Там есть некоторые интимные подробности, которые я не хотела бы публиковать.

Мое боевое крещение было во время боев под Тосно. Я в это время была еще в полку, но эпизод связан с командиром 952-го полка. Вообще, я подозреваю, что у нас в дивизии никогда не было трех переводчиков, так что где бы я ни числилась, я все равно была одна на всю дивизию. Во время боев на Тосно наши должны были взять Ивановское, бои были очень тяжелые, потери высокие. Взяли пленных в первый день, тогда же случился знаменитый эпизод с радистами. Пленный довольно сбивчиво что-то рассказывал, что-то говорил о переправе. Я стала его более подробно опрашивать. Наши ребята, разведчики, на Тосну ходили регулярно, и говорили, что немцы там весной стирку устроили. Только лед сошел, как они начали стирать форму в реке, хотя непонятно, почему так рано, вода-то была холодная! Когда я опрашивала этого пленного, он опять вскользь упомянул то ли о стирке, то ли о купании. И я подумала, не надо ли связать эти эпизоды. В результате этот пленный сказал,

что у немцев был подтопленный мост, который они построили весной, имитируя стирку. Интересно то, что по донесению переводчика только комдив мог принять решение, комполка не мог принять никакого решения. Допрос я вела сама. Может возникнуть вопрос, а что тогда делали наши штабные офицеры. Посмотрели бы вы на этих офицеров! Самые лучшие, профессиональные части мы потеряли в начале войны. Те, кто остались живы из этих частей, и имели хотя бы семь классов образования, были отосланы на курсы повышения квалификации командного состава. Сколько времени их там учили? От двух до четырех месяцев!! Так что я была пусть и баба, но все же с половиной университетского образования, и книжки читала, и военное дело у нас было. Я должна сказать, что на военном деле я больше читала французские романы, но топографией я занималась.

Доложили комдиву — тогда это был Донсков. Надо сказать, что Борщев, наш комполка, далеко отстал от Донского и по культуре, и по решимости, и по уровню военного образования — короче говоря, по всем качествам боевого офицера. Донсков приказал пленного с переводчиком немедленно привести в штаб дивизии. Ниже по течению Невы находились здания Ленспиртстроя — сами здания были сильно разрушены, а штаб дивизии располагался в цокольных этажах. Меня ведут туда с пленным. У пленного срезан ремень, пуговицы на ширинке, чтобы не убежал. И тут случился комичный эпизод: из штабных помещений высыпали наши офицеры (в 1942 году пленный был событием!), хихикают: «Эй, смотри, штаны потеряешь! штаны потеряешь!» И я грешным делом, будучи девчонкой, одетой в шаровары, отнесла эти хихиканья на свой счет. В душе я ужасно рассердилась, и только позже поняла, что это не ко мне относится. Тут из штаба вышел Донсков, и сказал командным голосом: «Что вы тут стоите? Вам делать нечего? Сейчас всех выстрою и отправлю на передний край! Марш по местам!» После этого комдив повторил допрос, все вроде бы сошлось. Донсков тут же отдал приказ артиллеристам, и они как следует ударили по этому месту. На прощание Донсков мне пожал руку, поблагодарил, пообещал представить к награде, но не представил, и правильно сделал. Тогда, в 1942 году, награждали только самых героев, да и то большинство — посмертно.

В прорыв блокады я была переводчицей в полку, и действительно была на передовой, а в полное снятие блокады я была уже переводчицей в штабе 109-го корпуса, и это была совершенно другая война.

Вообще, побывать на войне — это совсем не все равно, где вы были. Допустим, люди из политуправления фронта, или политотдела фронта, не говоря уже о более высоких военных инстанциях, едучи в корпуса — говорили, что едут на фронт, на передовую. Из штаба корпуса в штаб дивизии они тоже едут на передовую. Из дивизии в полк они тоже не всегда едут, а идут на передовую. Потом из полка пешком или ползком в батальоны — на передовую. Из батальонов в роты — это уже как

получится. Из роты можно только в боевое охранение попасть, скорее всего, ползком. И все равно, куда едешь или идешь — все передовая!

Все же даже в тылу бывали иногда достаточно странные эпизоды. Например, человек работает переводчиком в штабе корпуса — достаточно далеко от фронта, достаточно далеко от опасности, и можно служить спокойно. Со мной лично был такой эпизод: в какой-то момент меня обменяли (как курицу, ха-ха!) на переводчика из штаба дивизии. По незаконным, по вполне деловым соображениям: это был бывший инженер-электрик Алиевский, очень толковый, дельный и разумный человек (я его знала и до войны). Помимо всего прочего, у него была профессиональная военная подготовка, и иметь такого работника в штабе — просто находка, он работает за всех штабных бездельников! Он за них работает, а они могут спать спокойно не только ночью, но и днем. Поэтому при первой возможности такую процедуру обмена осуществили — нашли, к чему придраться в моей работе, и поменяли нас местами. Я в этой дивизии формально воевала до конца войны. На самом деле я фактически работала в высоком штабе — такие были обстоятельства, было много пленных, война шла к окончательной победе, и переводчики были всюду нарасхват, не то, что в начале войны. А Алиевский сидел на моем месте. И представьте себе, я никогда не слышала, чтобы штаб корпуса бомбили. А тут устроили налет, и он, бедняга, остался без руки. Так что никогда не знаешь, где твоя судьба.

Незадолго до прорыва блокады я подала заявление в партию — из соображений, которые сейчас могут показаться наивными, но тем не менее: если убьют, то понятно, за что. Понятно, за что погибла.

Возвращаясь к прорыву блокады: мы вышли к месту сосредоточения. Я тогда была в 947 полку. Для нас были заранее приготовленные срубы. Я помню, как офицеры в штабе одевали масхалаты, и один офицер-остряк, которого даже Ворошилов одобрительно назвал рыжим чертом, мне говорит: «Переводчица, ты только не думай, что я тут в подштанниках белых бегаю — это я масхалат одеваю». Другое дело, нужны ли были вообще эти масхалаты при штурме — после артподготовки немецкий берег был черный. И масхалаты помогали обнаруживать, а не прятаться. Потом было приказано всем сверить часы. Офицеры разошлись по подразделениям, а тем штабным, которым никуда расходиться не надо было, было приказано разместиться в глубоком и широком противотанковом рву. Сидим, начинается артподготовка. Это надо было видеть. Я больше никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах ничего подобного не видела, хотя я после этого еще долго была на войне. Стреляло все, что могло стрелять. Стреляли с кораблей на Неве, с берега — отовсюду. Длилось все это больше двух часов. Мы сидим во рву, через нашу голову все это летит и рвется на немецком берегу, который отчетливо виден, потому что он выше нашего. Сидим, делимся впечатлениями, и в какой-то момент мы проголодались. Нам выдали сухой

паек, и с одним незнакомым бойцом, что сидел рядом, мы вскрыли мои офицерские банки консервов американских, подзакусили. Наши уже наступают, а нам никакого приказа нет! И только когда наши на наших же глазах взяли берег, нам пришел приказ перейти реку и присоединиться к наступавшим частям. Прибежали связные, что-то сказали, и мы вместе с шифровальщиком и еще с кем-то из штабных пошли на тот берег. На льду были воронки, в одну из них я слегка обмакнулась.

В первый день у нас был большой успех, наши ушли вперед, мы же заняли совершенно великолепные (на наш взгляд) немецкие командные блиндажи, и разместились там. Интересно, что они были устроены совсем не так, как наши. Это было очень большое помещение, врытое в землю, с большим центральным залом, к которому примыкали кабинки — только не с дверьми, а с занавесками. То есть большое помещение было для работы, а кабины для отдыха. Я захожу в одну из этих кабин, и вижу на стене висит фляжка. Пить хотелось ужасно. Фляжка тоже была не такая, как у нас — в суконном футляре, с навинчивающейся крышкой — короче, вся Европа в одной фляжке. Я ее открываю, и не знаю, можно это пить или нет. Хотя глупые это были размышления, конечно — как будто у немцев было время травить свой кофе, когда им надо было ноги уносить отсюда. Забежал какой-то из наших бойцов, схватил у меня эту фляжку, выпил кружку. После этого весь штаб эту фляжку распил, хотя по логике надо было подождать, посмотреть, что с этим бойцом будет.

Ночевали мы в этом же блиндаже, а наутро помощник начальника разведки говорит мне: «Сейчас поедem, на передовую, там наши штаб разворачивают». Был командир полка, начальник разведки, двое связных, я и два радиста. Мы пошли вперед, ближе к нашим частям, которые накануне хорошо продвинулись, и мы воображали, что дальше все тоже будет так же хорошо, и штабу будет там в самый раз. Нашли подходящее место в глубоком кювете, перекрытом досками, дополнительно сделали крышу из поваленных деревьев, и весь штаб забрался туда. Тесно, не слишком удобно. Я к тому же не успела поесть, вылезла оттуда, и стала есть, прислонившись к подбитой немецкой танкетке. К нам должны были подойти наши разведчики, и я увидела какие-то тени, приближающиеся к нам. Они тоже меня увидели, и открыли по мне огонь. Я перескочила через дорогу и ворвалась в наш импровизированный блиндаж. А тени эти все приближаются! Тут командир полка громовым голосом, очевидно, чтобы создать впечатление, что нас очень много, отдает приказ занять круговую оборону. Тут произошла небольшая сумятица, и сразу же появились наши разведчики. На этом инцидент был вроде бы исчерпан. Тут командир полка заметил меня — он меня видел все время, но ему не до меня было — и очевидно он подумал: «Попасть в такую переделку, да еще с этой девчонкой!» И он мне приказал немедленно отправляться на противоположный берег, в тыл. Я не

умела в то время по лесу ходить одна, компаса у меня не было, карты тоже, я в трех соснах могу заблудиться! Так что я просто отошла в сторонку, сдуру расположившись рядом с радистами. Те установили связь, комполка Козино подошел, увидел меня, рассердился: «Я кому приказал! Марш отсюда!» Я ему в ответ: «Товарищ майор, я не ориентируюсь в лесу!» — «Чему вас учили в ваших университетах?!» Этому точно не учили, хотя военное дело у нас было.

Я ушла в лесок. За всю войну, ни до, ни после, я никогда так не боялась. В лесу лежат убитые, и наши, и немцы, я одна. Из-за любого дерева может выйти немец. Слышу хруст веток, и идет наш боец. Его на передовой немного подранило, и он шел в тыл. Мне сразу стало легче на душе — это был нормальный деревенский парень, который прекрасно знал, куда идти. По дороге к нас пристало еще человек десять легкораненых. Мы вышли на берег, там был медпункт с врачом и двумя санитарями. Это был медпункт другой части, не нашей, но на войне это было не важно, и они стали принимать этих раненых. Я задержалась, чтобы записать раненых из нашей дивизии и чтобы их в штабе не отметили как пропавших без вести. Санитары и врач приняли всех раненых, остался один. Его спрашивают: «Ты куда ранен?» — «в руку». Рукав ватника цел. Санитар полоснул кинжалом рукав его ватника, а рука тоже цела. Этот боец не был ранен, он просто сбежал. Тут я использовала весь запас нецензурных слов, что я к тому времени уже выучила, но не употребляла. Не думаю, что мои слова на него сильно повлияли, я не знаю, куда он потом подевался. Я ему приказала идти назад.

Я перешла на наш берег, раненых бойцов эвакуировали. Дальше война была своим чередом, и этот инцидент, когда меня комполка отправил на свой берег, может даже показаться странным, но потом я узнала, что у нас чуть КП дивизии с комдивом Борщевым не накрылся. Борщев вышел из землянки, а ему навстречу немцы! Связной среагировал моментально, выскочил из землянки с автоматом, и выручил комдива. Это свидетельствует о том, что после нашего первоначального успеха линия фронта была весьма неопределенной. Потом уже, встречаясь с ветеранами после войны, мы узнали, какова была обстановка на самом деле. Левее нас шла 136я стрелковая дивизия, которая за этот бой стала гвардейской. Прорыв намечался на их левом фланге, у Шлиссельбурга, и все внимание штаба фронта было сосредоточено на этом, это было важнее всего. Мы же были на противоположном фланге советской группировки, рядом с ГЭС, и наше положение усугублялось тем, что еще правее нас был штрафбат и войска на Невском пяточке, которые должны были быть на самом правом фланге. А эти войска не достигли успеха, и самым правым флангом стали мы! Поэтому нам так сильно досталось. И дивизия до сих пор обижена, потому что это толком нигде не отражено. Когда ветераны были живы (а сейчас почти все поумирали), все считали, что нам досталось мало славы за эти бои. В этом

всегда есть свои нюансы — как раз в тот самый момент, когда Борщев со своим штабом отбивался от немцев, его вызывал вышестоящий штаб, а он не откликнулся! И начальство решило, что он не должным образом командует дивизией.

Помимо всего прочего, я была секретарем комсомольской организации штаба полка, то есть занималась с комсомольцами в штабе. Как-то раз надо было провести беседы с представителями комсомольских ячеек. Надо было написать предписание, отдать связным, чтобы они разнесли по всем подразделениям штаба полка. Этих подразделений было довольно много, потому что к штабу полка относятся и связисты, и химики, и саперы, и разведчики, и канцелярия (так называемая строевая часть). И вот, все они собрались, и так мне показалось забавным, что от каждого подразделения пришли по двое: мальчик и девочка. Я говорю: «Подумать только, как у нас с вами получилось: каждой твари по паре!» Они на меня все как-то странно посмотрели, мы провели беседу, а потом эти ребята-комсомольцы на меня пишут рапорт: она нас оскорбила, назвала тварями! Их снова собрали, я им провела библейский ликбез, объяснила, что тварь — это творение, то, се, пятое, десятое — нипочем, не захотели меня простить. И успокоились они, только когда начальник политотдела объявил мне порицание, потому что он сам не очень понимал, при чем тут Библия, твари и почему я ничего плохого не сделала. Вот такая любопытная история о нашем времени.

После этого в составе нашей дивизии я два раза была под Красным Бором, и оба раза была ранена. В первый раз я даже не поняла, насколько это серьезно, а последствия ранения я ощущаю до сих пор — потому что меня ранило осколками в мягкое место.

В первый раз, когда мы были под Красным Бором, мы стояли на высотах. Там было несколько эпизодов. Один раз мы стали с нашей высоты свидетелями нашей танковой атаки. Как они шли и как от них ничего не осталось — все случилось на наших глазах. Как они горели, как они пытались выбраться из горящих машин, как они карабкались на нашу высоту. Какие безумные лица были у тех двоих, кто до нас добрался. Мы их перевязывали. Это было очень сильное впечатление. Присидеть всю войну в каком-то штабе, и участвовать в танковой атаке — это не сравнить.

Мне там еще запомнился эпизод, просто тем, что я не думала, что такое возможно — ночью мы сидели у крохотных костерков, накрытых котелками. Несколько групп бойцов. Вдруг один из них падает на спину. Его стали поднимать — убит. Что, где, как убит? Искали, искали в темноте — оказалось крохотное проникающее ранение в череп. Мгновение — и человека нет.

Вообще бои под Красным Бором были очень тяжелые. У меня постоянно была полная полевая сумка перевязочных пакетов и полная санитарная сумка этих же пакетов, которую мне кто-то оставил. Я все

По ранению

8 переводчица 942 стр. 268 сд. КрЗв

Обязательно все графы заполнить полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Дунаевская Ирина Михайловна

Военное звание мл. лейтенант

Должность, часть переводчик в резерве, 38 отдельный батальон резерва офицерского состава

Представляется к к ордену Красной Звезды

1. Год рождения 1919 г. 2. Национальность еврейка

3. С какого времени состоит в Красной Армии с апреля 1942 года 4. Партийность нагд. ВКП(б)

5. Участие в боях (где и когда) Ленинградский фронт с 04.1942 г. по 08.1944 г.

2002 Приб. фр. с 08.1944 по 11.1944 г. 2 Белорусск. фр. с 12.1944 по 01.1945 г. 3 Белорусск. фр. с 01.1945 по 03.1945 г.

6. Имеет ли ранения и контузии одно тяжелое, два легких

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медаль „За оборону Ленинграда“
Медаль „За боевые заслуги“

8. Каким РВК призван добровольно, Лен. Гор. Ком. ВЛКСМ

9. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семья):

Д
Л
Я
Г
О
Д
Ш
И
В
Н
И

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. Дунаевская участница Отечественной войны с апреля 1942 года.

За период Отечественной войны имеет три ранения.

В апреле 1943 года работая переводчицей 942 стрелкового полка, 268 стрелковой дивизии, при выполнении боевого задания была ранена в левую ногу.

2 я тип. Воениздата ИНО СССР им. К. Ворошилова. № 44.6

тов. Дукиевская в Красной Армии
добровольно.

Вывод: Достоянка награждения правительственной
наградой орденом Красной Звезды

[Large handwritten signature]

1945 г.

Командир ~~38 ДБРС~~
Полковник *[Signature]*
(Покровский)

их израсходовала. Все время были раненные. Санитарам тоже хватало работы. Я вымоталась так, как за всю войну не выматывалась. Что же говорить о тех, кто ходил в атаку, и воевал не на бумаге. Я устала так, что не то, чтобы я стала бояться — я устала от этого напряжения, я больше не могла. А поскольку обе сумки были пустые, то у меня было моральное право спуститься в полковые тылы. Вообще, меня никто на передовой не держал, но я считала своим долгом быть на передовой.

Я пошла по дороге в тыл. Шла по участку артснабжения дивизии. Немцы вели артобстрел, я на него особо не реагировала. На войне особо на это не обращаешь внимания. Вроде бьют, но снаряды падают сзади, и по огневой точке справа... Иду я мимо палаток артснабжения. Оттуда выскакивает офицер, и говорит: «Заходи к нам». Я в ответ: «Мне некогда, мне надо перевязочные материалы достать» — «а у нас горячий суп есть». Этим-то он меня соблазнил. Палатки были добротные, с подкладкой, с окошками и подоконниками. Артиллеристы мне что-то горячее наливают. Я была заиклена на перевязочных материалах, и зафиксировала в памяти, что у них на подоконнике лежат индпакеты. Начала кушать, обстрел продолжается, и я слышу крик с другой стороны дороги. Там был кювет, и прежде чем зайти в палатку, я запомнила, что там стояла пушка, а под ней лежал наш боец и что-то в пушке чинил. Я схватила индпакеты, выскочила из палатки и подбежала к бойцу. У него из руки хлестала кровь. Я попыталась снять с него ремень и наложить жгут, и тут нас накрыло. Я успела подумать: «Вот тут я попалась». Отчетливо помню эту фразу. Тут артобстрел прекратился, тишина. Бойцу моя помощь уже не нужна. Я встала и пошла по дороге. Тут ко мне подбегает этот лейтенант и кричит: «Вы ранены, вы все в крови!». Оказалось, что меня не только ранило, но и слегка контузило, поэтому мне и показалось, что наступила тишина.

Этот лейтенант пошел провожать меня в медсанбат, я на ногах стояла. Мне надо было узнать размеры бедствия. Дальше у дороги стояла огромная медсанбатовская палатка — пункт обогрева. Там стояла большая печка из бочки, бойцы сушились и сушили портянки. Их с фронта отводили по очереди обогреться и обсушиться. Запах там был такой, что человека можно было убить без всякой амуниции. Я лейтенанту сказала, что несогласна в такой палатке быть, и пошли мы дальше. Потом я узнала, что в эту палатку попал снаряд, и можно предположить, что там было.

Дошли до какой-то маленькой санчасти, где было два санитаря, врач, и трое носилок. Я их попросила дать мне воды и вату. Они мне дали немецкий котелок, где на дне была пшенная каша, а сверху вода, и клочок ваты. Я начала умываться, и обнаружила осколок в моче уха. Помимо этого, вся физиономия у меня была, как в веснушках. Я больше всего боялась за глаза, но они были в порядке. После этого я пошла в мою медчасть, они мне все это дело вымыли. Постепенно эти осколки

вышли из кожи, последний вышел, когда дочь уже в школу пошла. То, что у меня осколок был в заднице, я никому не сказала, да и сама тогда не поняла еще.

Потом меня второй раз ранило, и поскольку у меня был свищ от первого ранения, то у меня температура поднялась за полдня до сорока градусов. Поэтому когда я пришла в санчасть (ходить я еще могла), врач закричал: «Уберите ее отсюда немедленно!» было видно, что у меня жар, а у них должна быть чистая операционная. Так что он меня смотрел и обрабатывал в другом помещении. После второго ранения меня эвакуировали одновременно с Тamarой (Тamarой Родионовной Овсянниковой). Мы с ней встретились сначала в санитарной машине, а потом в госпитале. Для Тamarы война на этом закончилась, потому что у нее было серьезное ранение, она хромот до сих пор, а я отлежала месяц в госпитале. После этого госпиталь мне осточертел. Комиссаром госпиталя была наша бывшая студентка, и я вошла с ней в сговор, и меня выписали. Ходить мне было все же сложно, и из резерва офицерского состава меня направили в политотдел 42й Армии. Оттуда меня направили в 85й отдельный полк связи.

Работа была очень любопытная. Полк размещался в Благодатном переулке (сейчас это Благодатная улица), в новостройках (тогдашнего времени, конечно). Техника в полку была самая разная, и в частности, было две машины. Одна называлась ЗВС-200, а вторая МГУ-1000 — это отдельный сюжет, но я для рассказа о них не гожусь. Я к ним относилась скептически, с гонором переводчика-разведотдельца, а те, кто на них работал всю войну, считают, что внесли свой вклад в Победу. Это звуковещательные машины, и использовались они по-разному. Когда наша армия перешла в наступление, и эти машины использовались для призывов сдаваться в плен, подбирать наши листовки-пропуски в плен, и при помощи этих машин можно было даже договориться о капитуляции какого-то маленького населенного пункта — я могу себе представить, что эти работники имели все основания считать себя очень важными. А в вот начале войны и в блокаду... МГУ-1000 каталась по разным участкам фронта и вещала на немцев, программу давал политотдел 42-й армии. Программа всегда была одинаковая — приказ главного командования, сводка или листовка о том, какие немцы бедные и несчастные, а потом мы давали музыку. То же самое делала и ЗВС-200, и те же программы мы передавали из специальных земляночек. На нашем направлении землянка была в нескольких сотнях метров от нынешнего проспекта Ветеранов. Эта землянка подчинялась 109-й стрелковой дивизии. Начальником этой землянки был капитан Кемпф, который был в 109-й дивизии как раз инструктором по работе среди войск и населения противника.

Мои обязанности были такие: я сидела и говорила в микрофон в блиндаже, почти как в мирное время. Установка обслуживалась

выносными громкоговорителями с проводной связью. Была специальная группа, которая обслуживала эти громкоговорители и полностью отвечала за них. Вообще мы сильно зависели от направления ветра. Если ветер был на нас, то я не работала, а болтала с моим приятелем, Самуилом Харитоновым.

Нельзя сказать, что у нас был постоянный коллектив дикторов. Помимо меня, там на учете и довольствии состоял еще один диктор, бывший актер Женя Мусатов, который потом стал экскурсоводом в Царском Селе. Я ему по гроб жизни обязана тем, что он меня научил правильно дышать, чтобы гортань не сильно уставала и при этом все было слышно. Его старший брат тоже у нас работал диктором. Еще у нас был один русский немец, Унрау. Он был в привилегированном положении, ни под какие репрессии он не попадал.

Итак, было еще две установки. Установкой ЗВС-200 командовал совершенно замечательный лейтенант Старков. Более обворожительно человека в своей жизни я не встречала. Честно скажу, влюблена не была, но он был страшно обаятельный москвич. Он специализировался на каких-то хитрых звуковещательных установках, которые испытывались на кораблях в бесконечных командировках. Поэтому, как он шутливо мне рассказывал, у него с женой был вечный медовый месяц. Он показывал мне фотографию жены и двух достаточно больших девочек. А потом я узнала, что он с войны вернулся женатым на одной из наших девочек! Может быть, его жена во время войны нашла себе другой медовый месяц...

С этой установкой у нас был прелестный эпизод. У железнодорожных мостов любили остановиться Катюши. Они встанут, отстреляются и сразу уедут. Они же перед нами не отчитывались, когда они приедут и когда уедут. Так вот, один раз мы приехали на это место со своей установкой сразу после того, как уехали Катюши. И получили все, что этой Катюше причитается от немцев. Машина была как решето, а никто из нас не был ранен! И что делать? сдвинуться с места мы не можем... Мы, конечно, возликовали, потому что все уцелели. Дело было на рассвете, и Старков отправился искать тяговую силу. Он притащил откуда-то лошадь с хомутом, дугой, лошадь запрягли, и тронулись. мы все тронулись следом, дружно смеясь: «Звуковещательный комбайн системы Старкова»!

МГУ-1000 была уже серьезной машиной, с ней была другая история. Наше командование, не знаю, на каком уровне, придумало хитрый ход, как нас использовать. Очень давно не было пленных, и очевидно, на них уже сыпались шишки сверху. При стабильной обороне пленного взять вообще непросто. Мы свои передачи вели довольно регулярно, и реакция немцев на наши программы тоже была довольно постоянная. Пока мы вещали, они готовились, а когда мы в заключение программы пускали музыку, они все вылезали из блиндажей, и отплясывали! Наши

плясали с нашей стороны, а немцы с той! И все были друг другом очень довольны. Командование решило это использовать. Подготовили группу для разведки боем. Все сделали как всегда, за исключением того, что когда они все повыскакивали из блиндажей, наша группа на них накинута. Все прошло очень удачно, я уже не помню, сколько пленных наши взяли, но мы получили от командования благодарность за хорошую работу. Вот это, я считаю, было хорошей работой с нашей стороны. Дальше, как мне показалось, началось безобразие: нельзя же считать противника полным идиотом, но командование решило повторить этот трюк. Как оказалось, можно! И во второй раз этот трюк сработал. А на третий раз уже, разумеется, ничего не получилось.

Вообще я эту работу не любила, но позарилась на нее из-за того, что у меня было плохо с ногами. Но программу иногда нам привозили, а иногда за ней надо было в тыл ходить пешком! От проспекта Ветеранов на Заневский проспект! Через весь город! Это кончилось тем, что я примерно через месяц опоздала на Заневский, меня отругали. Майор Генкин, начальник 7-го отдела говорил говорит: «Ну, раз вы так задержались, то идите домой на Васильевский!» Я ему говорю: «Ни шагу я не сделаю! организуйте мне ночлег!» Майор махнул на меня рукой. Я тогда пошла к девчонкам — в штабе армии и в политотделе много девчонок сидит по разным отделам. Прошу их: «Так и так, девчонки, пустите переночевать». Они в ответ: «А у нас нет общей казармы или комнаты для отдыха» — «Где же вы спите???» — «С мужьями дома!» Ну, дела... Я обратно к Генкину. В результате, дали койку какого-то офицера, который был в отъезде. Вскоре после этого случая у меня вскоре стало совсем плохо с ногами, и меня прооперировали. После операции я сказала, что в 7-й отдел больше не хочу, и стала проситься в разведотдел. Дело шло уже к 1944 году.

Тогда я услышала, что на Ленинградском фронте формируются корпуса, чего раньше не было. Я, как переводчик, была о себе высокого мнения — куда же мне, как не в штаб корпуса! И вот меня направили в штаб корпуса, и там я долго работала. Вот вы говорите, что офицер-разведчик должен допрашивать пленного, ставить вопросы, а я, как переводчица, просто переводить. Конечно, так должно быть в идеале. Но в реальности все было по-другому. Заместитель начальника разведки в нашем корпусе любил бить пленных, и я ему сказала, что если он хочет, чтобы я присутствовал на допросе, чтобы он это бросил. Один раз он за кочергу схватился, так я просто вышла из комнаты. Он сначала даже не понял, почему. Потом я объяснила ему, почему я так поступила, и он затаил на меня обиду. Другие офицеры, что служили в этой должности, были попроще, с ними можно было договориться, а этот был принципиальный, поступал, как считал нужным. Это был, между прочим, первый камешек в мою судьбу, этот офицер потом мне подпортил работу.

Итак, этот офицер допрашивает пленного, очень грозно, пленный его безумно боится, а на самом деле пленного нужно к себе расположить, женщины для этой цели очень хороши. Казалось бы, глупо, но если его допрашивает женщина, то пленный себя спокойнее чувствует. Он командным голосом допрашивает пленного, я перевожу нейтральным голосом, перевожу ответы. Офицер все повышает голос, и пленный начинает нести полную чушь, он начинает приспосабливаться к желаниям господина офицера! А господину офицеру это страшно нравится. Он говорит: «Я доложу наверх». Я ему: «Подождите, куда вы торопитесь?» — «нет, я доложу». Он звонит в штаб, а я тем делом разговариваю с пленным о том, о сем, немного по-бабьи. Вообще интеллект переводчика имеет огромное значение (это я не о себе, а о другом переводчике, о котором расскажу позднее). Переводчик должен быть как минимум на том же интеллектуальном уровне, что допрашиваемый, и чем он умнее пленного, тем лучше. Итак, он докладывает, а я в это время провела свой допрос и поняла, что все, что капитан докладывает — полная туфта. Я говорю ему: «Капитан, остановитесь!» Он как-то закруглился, я говорю ему: «Сядьте и не мешайте». Разумеется, все оказалось совсем не так, как капитан докладывал, он просто оскандалился! Так он позвонил в штаб и сказал, что это переводчица все напутала! Вот так он мне еще раз напортил. И таких вот пакостей, если офицер разведотдела не дорожил хорошим переводчиком, можно было наделать очень много.

Так вот, об интеллекте переводчика. У нас работал переводчиком Шурик Касаткин, который потом стал профессором и заведовал кафедрой романской филологии. Такая полная, вялая зануда! Но какие он протоколы допроса делал!!! Иногда к нам попадали протоколы допросов по внутренней системе, и они были потрясающие. Я не знаю, как он допрашивал, но я его методой пользовалась при допросах. Начнем с пленных.

Вообще, пленный на Ленинградском фронте — редкое событие. Разведчикам довести пленного от переднего края до штаба было проблемой. До тех пор, пока не спустили приказ разведчикам, что если по дороге в штаб пленный будет убит или покалечен, разведчиков сразу отправят за другим, они не могли успокоиться. Итак, возвращаясь к профессору Касаткину и его методу. Сидит у нас пленный повар. Долговязый, нескладный, невоенный, перепуганный тыловик. Начальник разведки на него уже рукой махнул. Я его спрашиваю: «Ну что, много приходится готовить?» — «Да» — «И на сколько человек?» — «Столько-то» — «А сколько офицерских пайков?» — «Столько-то» — «А что-то особое приходится готовить?» — «Да на фронте продукты нете, чтобы деликатесы готовить... вот разве что когда генерал приезжал...» — «А когда это было?» — «Тогда-то» — «А потом не приезжал?» — «Да иногда заглядывал». Вы понимаете? Переводчиков надо специально обучать таким ситуациям и методам допроса, а у нас в мирное время

как было — учения, сборы, так переводчики свободны, гуляйте! Не было специального обучения, и всему учились уже на войне.

В университете был еще достаточно иллюзорный курс по организации иностранных войск — на этом курсе я любопытствовала, что как у немцев в армии называется. Но нас не готовили как военных переводчиков! Переводчиком ставили любого, кто мог слепить фразу по-немецки! Одно дело — нормально задать вопросы пленному, надо же еще понимать, что он тебе в ответ говорит! А они же говорили не на том немецком, что нас в школе учили. Иногда, когда они хотели мне сказать комплимент, пленные мне говорили, что я говорю как учительница в их школе в Германии. То есть я говорила на общем немецком, без акцента. У немцев в языке двойная бухгалтерия — даже те, кто получили до войны прекрасное образование, кто говорил на прекрасном литературном немецком языке, если их специалист послушал, он все равно бы сказал, откуда этот человек — из Саксонии, из Баварии или еще откуда.

У меня были определенные трудности с пониманием разных диалектов немецкого, но ведь хозяин — барин, я могла его заставить повторить фразу столько, сколько мне было нужно. У меня была совершенно очаровательная история при первом допросе. Это было первое наше наступление, первый пленный. Я прибежала из города, я чуть не опоздала, потому что я была в увольнительной, а дивизия пошла в наступление. Обстановка такая: стол в землянке, я, все, кто был в штабе, столпились вокруг стола, и нет Донского, чтобы их разогнать по местам. Допрашиваем, как полагается: начальник разведки спрашивает по-русски, я перевожу. «Где у вас тылы?» Казалось бы, чего проще! Он говорит: «*An Trop schino*». Я карту специально перед наступлением смотрела. Что за Тропшино? Такого поселка в полосе нашей дивизии нет! Если я скажу: «*Ich verstehe nicht*», то это поймут все. И все, можно отправляться домой. И тогда я говорю: «*Schreiben Sie nieder*». Я, кстати, с ним всегда на «Вы» обращалась. Он пишет «*Antropschino*». Ура! Эту деревню мы все знаем. Я, конечно, вида не подала, что его сначала не поняла. Это все, что было нам нужно. Больше в полку ничего сделать было нельзя. А вообще, я не понимаю, зачем допрашивать пленных в полку, они же все прямо из горячки боя, что он может знать? Сколько их было в подразделении? Да какая разница, сколько их было до начала боя?! Их уже все равно там нет.

Вообще, если говорить о среднестатистическом немецком военнопленном и о среднестатистическом красноармейце. У нас до войны говорили, что у нас всеобщее среднее образование. Да возьмите строевую часть любой дивизии, полистайте список рядовых: три класса, четыре класса образования. Восемь классов? О, это будущий сапер или химик — вот так у нас было с образованием рядового состава. Так же было с офицерами — их же можно было обучать только из тех, кто есть... Например, у меня был приятель, он погиб на участке 109-й дивизии — Самуил

Маркович Харитонов, преподаватель математики. Честный офицер, храбрый парень, до войны преподаватель математики. Он рупористом иногда работал, читал немцам тексты, но произношение у него было — за голову схватишься. На слух он немецкий язык вообще не понимал. И это нормальное явление было, при всех недостатках его немецкого языка он числился переводчиком в одном из полков 109-й дивизии! Далеко не все переводчики даже такого уровня. Самуил погиб так: он один шел на передовую по каким-то делам, и его в спокойный момент ранило в ноги. Пока его нашли, он истек кровью. Его отвезли в город, в госпиталь, ампутировали обе ноги, и на следующую ночь он умер. Я его навестила в госпитале перед смертью, но он уже никого и ничего не узнавал. Вот так погиб. На фронте нельзя погибнуть глупо, но все равно было очень грустно.

По поводу рупористов мое мнение такое, что это было абсолютно неэффективно. У всех рупористов было ужасное произношение. Например, мы говорим «Гитлер», а они говорят «Хитлэ». В начале звук «х», а не «г», в конце звука «р» вообще не слышно! Вдобавок, рупористы вещали на общем немецком, который деревенские немцы с трудом понимали, а если учесть, как наши этот общий немецкий знали! И что наши потом наговорят по шпаргалкам, было вообще невозможно понять. Нам прислали целый ворох этих шпаргалок, и я по ним должна была еще учить наших офицеров произношению того, что на них написано. Делалось это в минуты затишья — лучше хоть что-то делать, чем сидеть без дела. Но я считаю, что это было абсолютно бессмысленно.

Переводчиков не готовили для полков, готовили только для штабов дивизии. Там как раз сидел этот самый инструктор по работе среди войск и населения противника. Вот кто должен был отлично знать язык! Но даже их не готовили. И наш инструктор в дивизии, капитан Кемпф, которого мы все считали очень симпатичным и дельным офицером, вообще не говорил по-немецки! С ним была смешная история: когда я туда прибыла, мне надо было обосноваться. Обосноваться — значит, вбить в стенку гвоздь, чтобы повесить полевую сумку. Я взяла гвоздь, булыжник, и стала забивать гвоздь. Он мне: «Что вы делаете?» — «Как что, гвоздь забиваю в стенку» — «Нельзя, клопы будут!» — «что, от гвоздя???» — «Да, от гвоздя. Вы видите, сколько тут клопов?» Вот такие смешные представления у него были. Как мне рассказали после войны, он печально кончил — благополучно дожил до конца войны, а там слишком разохотился на немецкое имущество. Как ни странно, он был уличен и разжалован.

Еще был интересный эпизод с одним пленным. Он был из эсэсовцев, но с головой. Он попал в плен в начале войны, и был переквалифицирован в пропагандисты в Красногорске в школе комитета «Свободная Германия». Он жил там же, где я иногда бывала, в Благодатном переулке, и я с ним иногда пересекалась по работе, да и иногда просто в коридоре

сталкивалась. И этот наглец все мне говорил: «Ирина, я не знаю, как к Вам обращаться. По имени — *zu kurz, Frau Leutnant — unmöglich!*» То есть с его точки зрения женщина не могла вообще быть офицером.

Один раз, уже в самом конце войны я чуть не ввязалась в опасную авантюру — на конечном этапе войны в тыл немцам в глубокую разведку уходила группа, которая должна была изображать заблудившуюся немецкую часть. В конце войны для немцев это была банальная ситуация. Офицерами там были наши, русские, а рядовыми — бывшие пленные немцы, прошедшие у нас перековку. Офицерам было велено при публике рта не открывать, потому что акцент сразу был бы услышан. Но, Слава Богу, мне сказали: «Вы что, не знаете структуры немецкой армии? Где ближе всего к фронту могут быть женщины в немецкой армии?!» Это так называемые *Blitzmädchen*, девушки с молнией на рукаве, связистки. 50 км от фронта. «Вы что, хотите чтобы всю вашу группу сразу же повязали?!»

Мы получали каждый день из политотдела фронта, который на Заневском, материалы для чтения на войска противника. Читали, сколько горючего хватало, если вещали из землянки. Если вещали с машины, то по условиям. Материал был оформлен в качестве листовки, и такие же листовки разбрасывали над немецкими позициями, но этим занимались не мы. В листовке были отдельные части: высказывания военнопленных, что наши очень любили. Если своих военнопленных не было, то не брезговали военнопленными с других фронтов. Было хорошо, если пленный был из той части, что стояла напротив. Это было хорошо, но смею Вас уверить, что пока мы не стали эффективно действовать, проявлять инициативу и двигать фронт, никто не бежал сдаваться. На нашем участке фронта я не знаю ни одного случая, чтобы немец пришел и сдался. На других участках такое, может быть, и было.

Кроме того, у нас в разное время работали разные военнопленные. На момент прибытия к нам они уже прошли то ли обработку, то ли проверку, но мы с ними общались как со своими, и они с нами так же. Был любопытный случай с немцем Келлером. Он хоть и был в офицерском звании, знаков различия не носил, ходил в нашей форме. У нас был негласный приказ — его одного куда не пускать, все время сопровождать. Как-то вышло, что некому было его сопровождать, и с ним пошла я. Слава Богу, что он в клозет не попросился! Мы с ним шли, разговаривали по-немецки, и к нам прицепились бдительные юные пионеры. А вы кто, а что тут делаете. Я им объясняю, они мне, разумеется, не верят. Я говорю: «Ну хорошо, идемте до ближайшего КПП». Там, чтобы нас проверить, или этих детей утешить, созвонились с нашим штабом, наши все подтвердили. Детям сказали спасибо, а нас отпустили.

В блокадном Ленинграде была еще такая особенность: когда шли с фронта во второй эшелон и в город, или наоборот, то во время обстрелов и воздушных тревог военных тоже загоняли в подворотни (до

бомбоубежища мы никогда не доходили, так как ждали, что будет отбой и можно будет идти дальше). Мне это надоело, и я тех самых девиц, что отказали мне в ночлеге, попросила (должна же от них быть хоть какая-то польза!) сделать мне «секретный пакет». Они мне сделали пакет со всеми печатями и прочим, и меня перестали на улицах отлавливать и заставляли пережидать обстрелы и налеты в подворотнях. Военная хитрость.

Незадолго до полного снятия блокады, когда формировались корпуса (это был конец 1943 года), меня послали переводчицей в 63-ю гвардейскую дивизию. Мне там так понравилось! Я пробыла там всего сутки, меня там так замечательно приняли! У них было волнение, что они пойдут в наступление вообще без переводчика. Все было замечательно, а через сутки вернулась их родная переводчица. И тут уже ничего не поделаешь. Она болела, но выздоровела и вернулась. Я, кажется, за всю войну ни о чем так сильно не жалела, что увидела, какой это замечательный корпус, и сразу из него вылетела. Это примерно соответствовало тому, что гражданский человек представляет себе об армии. В начале войны, когда я попала в армию, сколько у меня было разочарований! Конечно, это был другой период, другая армия.

В результате я вернулась, не солоно хлебавши, в резерв офицерского состава Ленфронта. Большие бараки в Гатчине, койки рядами, маленький уголок огорожен. Две койки в огороженном уголке — на случай того, если будут женщины-офицеры. Один раз я там была с другой женщиной-офицером, во второй раз — одна. И мужики кругом. Так эти мужики каждую ночь обсуждали свои похождения. Ну знаете, после этого у меня квалификация неслыханная! Из резерва офицерского состава я попала в 109-й корпус. Это было в сентябре. В декабре мы полком перебазировались на кирпичный завод, в гигантские помещения. Там разместился наш штаб, на одной стороне коридора разместился штаб полка, а на другой стороне коридора мы потом разместили военнопленных. Был собачий холод. Мы были прекрасно одеты — ватники, полушубки, а немцы вот не очень. Немцы зябли, а мы им говорили — все жалобы к Гитлеру. Мы вас одевать и не можем, и не собираемся.

Ленинградцев во время блокады старались отпускать в город, потому что все знали, что такое блокада. Понимали, что когда с фронта солдат придет домой, то немного своих подкормит. Боже мой, сколько раз мы прощались с мамой! То ли навсегда, то ли еще на какое-то время... Хотя тогда «навсегда» не входило в планы. Я маме еще тогда дала обещание писать каждый день, и обещание это выполнила.

Мама мне тогда налила в мою замечательную немецкую фляжку плодово-ягодного вина, которое ленинградцам выдавали на Новый Год. Разумный блокадник заправлял стакан этого вина ложечкой крахмала, получался кисель — а это уже еда! И вот, мама мне льет в фляжку это вино, а я заявляю активный протест, но мама стоит насмерть.

Я с уязвленной совестью и полной фляжкой уезжаю в свою часть, в эти печи кирпичного завода. И тут выясняется — ни раза такого за войну не было — начальник разведки охрип, его вообще не слышно, и я тоже осипла. Как мы завтра будем вести допросы — одному Аллаху известно. Медикаментов нет, и кто их выдаст! Мы вино разогрели, выпили его напополам, и наутро мы были в порядке. Так что я всегда говорю, что моя мама тоже приняла участие в операции по полному снятию блокады Ленинграда.

Снятие блокады у меня в памяти отложилось уже с абсолютно другой точки зрения. В бой идут полки, а штаб корпуса что? Он только урожай собирает. Реляции, доклады, ни шагу пешком, все на машинах, никакой опасности. Санаторная жизнь. Это только моя точка зрения. У командира корпуса, разумеется, другая точка зрения — ему нужно следить за состоянием боя, он получает устную информацию, он должен принимать решения — ничего не видя, вообще говоря. Вообще, это фантастика, что такое война! Что разведка может в наступлении? Да ничего не может, все сдвинулось. Несмотря на это, все мельтешат, развивают бурную деятельность.

Во время снятия блокады я забрела в блиндаж, видимо, немецких артиллеристов. Я там порылась, нашла карту, где были нанесены немецкие огневые позиции, и, прокомментировав, отдала ее начарту корпуса, уже не помню. Уже позже, после полного снятия блокады, когда мы стояли в Кингисеппе и нам вручали медали «За оборону Ленинграда», начарт мне сказал: «Поехали посмотрим, что мы по этой карте наработали». Он провез меня по разбитым немецким позициям, и это было для меня огромным моральным поощрением.

Еще одна моя обязанность во всех штабах было склеивать карты для штабных работников.

После этого я попала во вторую стрелковую дивизию и числилась там до конца войны, до увольнения.

В какой-то момент мы попали в Польшу и стояли там долго. Все-му этому предшествовала переброска с Первого прибалтийского фронта на Второй. У нас было два переезда поездом, что было отдельным приключением. При санитарных остановках все господа военные выстраиваются в ряд и спокойно решают свои дела, а что делать дамам? Дамы сигают под вагон и делают свои дела на другой стороне вагона. Один раз мы так чуть не отстали от эшелона. Вообще женский быт на войне — это захватывающая тема.

Через Латвию мы шли пешком. Латвия была божественная. В первых, нас там любили. Хотя у нас там уже не было проблем с питанием, латыши не знали, чем нас еще угостить. Вообще марш был зверский, за 10 дней мы прошли 600 километров. В первый день я вымоталась настолько, что не то, что руки и ноги были не мои — у меня шея голову не держала! Это было осенью 1944 года, война шла к концу,

вообще была очень красивая осень. Мы с моим другом (капитан Пресняков, начальник шифротдела) решили пожениться, и как только узнали, что в 20 километрах от нашего расположения появилась гражданская власть, решили официально пожениться. По топографической карте мы пошли в городок Мадона. Когда мы туда пришли, там чуть ли не вывеску райисполкома к стене дома еще прибивали. Они только устранивались, а тут мы пришли. Они к нам были очень хорошо расположены, много нас расспрашивали, как написать свидетельство о браке по-русски. Выловили на улице свидетелей и официально зарегистрировали наш брак. Для меня это был второй брак, так что я могла помочь сотрудникам все бумаги составить правильно. Оно, это свидетельство о браке № 1 у меня так и осталось, хотя позже мы с Алешей разошлись. Поженились мы из нескольких соображений — во-первых, война еще шла и непонятно, что могло случиться, во-вторых, был приказ, поощряющий службу супругов в одной части.

После официальной регистрации латыши нас угощали, и обратно 20 километров мы проползли чуть ли не на четвереньках. Пришли в палатку, а мой муж в свой шифротдел принимать шифрограмму. И приходит шифрограмму: «Капитану Преснякову убить в такую-то дивизию». Это наш начальник штаба устроил, сволочь он у нас был.

Итак, муж мой сразу убыл в другую часть. Недаром он был начальник шифротдела — он научил меня простенькому шифру, при помощи которого он мог сообщить в письме, где находится его часть. Шифр был завязан на его фамилию и дату, когда письмо было написано. Так что я всегда знала, где он находится.

Примерно через месяц получилось так, что его дивизия была рядом с нашей, и я отпросилась туда. Не в отпуск — вообще я не видела, чтобы отпуск на войне давали, а выписывали, как правило, командировку с какой-то надуманной целью. Мне в его дивизии очень понравилось — приятная публика, дельные и умные офицеры, должность переводчика вакантна. Вообще, должность переводчика почти всегда вакантна, за исключением случаев, когда она занята женами начальства. Это была очень распространенная ситуация. Конечно, никакого отношения к переводу они не имели, про них говорили, что они переводят хлеб на кое-что другое, но это отдельная история. Итак, они были готовы меня отвоевать у 2-й дивизии и предприняли какие-то действия для этого. У моего начальника штаба на этот счет было иное мнение. Вся корреспонденция шла через штаб армии, и мой начштаба просто придержал бумаги, а потом дивизия моего мужа оказалась в другой армии. И все, я осталась во 2-й дивизии. Я пару раз еще ходила к Алеше в гости. Результат налицо — моя дочка Ольга. У начальника штаба было такое мнение, что если я замужем, то ему все можно, о чем разговор! Тем более, что муж уже в другой части. Я писала панические письма домой, мать хлопотала о моем возвращении в университет (тогда уже

действовал приказ об отзыве с фронта особо редких специалистов). Но я все же считала, что мое место в действующей армии. Да и медики мне сказали, что рано или поздно меня с передовой отзовут. Потом меня забрали в штаб 50-й Армии, где было невероятное количество работы. Неудивительно, ведь это был конец войны, все продвигались, везде много материалов, много пленных.

Мы с моей подругой Татьяной Козуновой жили на частной квартире в очень многодетной семье. Дети все время пищали «жимно, жимно», т.е. «холодно». Мы с Татьяной им все теплые вещи, что могли, раздали. Им было голодно, хотя не так, как здесь в блокаду.

Что касается женского обмундирования, то до 1943–1944 года никакого женского обмундирования не было. Женщин одевали в мужскую форму малых размеров, сапог маленьких размеров не было, чтобы их перешить, нужно было расположение начальства. Я, поскольку бывала в городе, эту проблему там решила. Что касается белья, то это невидимые миру слезы. Если носишь брюки, то нужно либо специальное белье для брюк, либо мужское белье. Специального женского не было, а мужское, извините за натурализм, зверски трет. Совершенно беспощадно.

По-моему, в 1944 году появилась отдельная женская форма. Это было как раз перед нашим пешим маршем. Обмундирование было такое: бюстгалтеры фантастического фасона, повязки на случай месячных, которые для этой цели совершенно не годились, юбки, чулки на подвязках с карабинчиками. Какие юбки? Людям надо ходить в сапогах, какие чулки? Перед маршем выдали нам эту форму новую. Девчонки-ветераны плевать на нее хотели, получили ее и забросили на дно вещмешков. Ходят в чем ходили. А девчонки, только что на фронт прибывшие, полностью оделись в новую форму. Я рапорт начальнику снабжения — на первом же привале все будут с потертостями! Так и получилось. На втором привале он начал говорить, что у него того нет, сего нет. Я сказала ему: «С места не сойду, пока не выдадите нормальную солдатскую форму!» И потом, кто этих молодых девчонок научит нормально наматывать портянки? Я помню, меня саму солдат один учил, говорил: «Через год научишься нормально наматывать, а потом год еще будешь отвыкать от них». Так и получилось — сначала год не могла нормально намотать портянки, а потом после войны еще год отходила в сапогах.

Кроме того, у женщин были постоянные проблемы с туалетом. Даже в обороне я не припомню, чтобы для женщин был отдельный туалет. Был общий туалет, будка над ямой. Если вас, женщин, двое в части, то надо группироваться — одна стоит на подступах и не пускает мужиков, а вторая в это время делает свои дела. Если вы, женщина, в части одна, то надо терпеть дотемна. Еще вариант — если часть в обороне, и ходы сообщения и окопы тесно населены, то тихого уголочка не найдешь. Так что надо в каком-то месте поспокойнее вылезать на бруствер, а там трассирующие пули.

История четырех подруг на Северо-Западном фронте

Предрасветный туман. Необычная для переднего края тишина. Вместе с напарницей Сашей Кузьминой выползаю на нейтральную полосу, поближе к противнику. Стараюсь быть спокойной, но чувствую неумную нервную дрожь. Но вот мы на заранее выбранном месте. Старательно маскируемся, чтобы не обнаружили вражеские наблюдатели. От болотистой земли еще продолжает подниматься испарина, но уже можно осмотреться. Позиция оказалась удачной: отсюда просматривается большой участок обороны немцев.

Наступило чудесное июльское утро, а вместе с ним и неподвиженное испытание: нас «атаковали» комары и мелкая мошкара. Какой-то кошмар! Пользуясь тем, что нам нельзя шелохнуться, они усердно обрабатывали наши лица и руки.

Вдруг на опушку леса вышел немец. Он держал в руках медный чайник, поблескивавший на солнце. За спиной — ранец. Видимо, нес завтрак в траншеи. Дистанция метров 400. Когда он прошел чуть более половины опушки, я выстрелила. Он упал.

Через минуту забегали в траншеях фрицы и открыли автоматнопулеметный огонь. Мы затаились, продолжая наблюдать за участком. В конце дня из леса короткими перебежками проскочил фашист и упал возле убитого. Накинул ему на ноги веревочную петлю и по его сигналу тело потащили в лес. Сам он пополз рядом. Но веревку тянули быстро, и он не поспевал. Прозвучал точный выстрел моей напарницы Саши Кузьминой, и все было кончено. До самой темноты гитлеровцы вели минометный огонь по переднему краю нашей роты.

Когда мы пришли к командиру роты для доклада, солдаты в землянке дружно рассмеялись. Он одернул весельчаков, протянул нам зеркала: «Не тушуйтесь, «стеклышки» (так нас прозвали в роте за нашу оптику), — полюбуйте на себя».

Вместо лиц мы увидели сине-багровые рожицы со щелочками вместо глаз: жестоко обошлись с нами комары. Но мы были несказанно счастливы — открыт счет мести.

Впереди будут многие снайперские засады, удачные и менее удачные боевые дни, но этот первый фронтовой экзамен никогда не забудется. Еще во время напряженной учебы на женских снайперских курсах мы, девочки, неудержимо рвались на фронт. Порой нам казалось, что полугодовой срок учебы слишком велик. Уже на фронте мы не раз с благодарностью вспоминали нашу школу, требовательных наставников, которые заставляли нас ежедневно ползать по-пластунски, бегать, совершать утомительные марши с полной выкладкой, стрелять по целям в любых погодных условиях... как эта закалка и военная наука выручали нас в боевой обстановке!

Говоря о моем первом удачном выстреле по врагу, я должна сказать, что он прогремел на Северо-западном фронте, куда я вместе с четырьмя подружками по учебе прибыла в июне 1943 года. Здесь нас всех определили в 23-ю гвардейскую стрелковую дивизию под командованием полковника А.М.Картавенко, которая стояла в обороне и входила с 1-ю Ударную армию. Всю войну я пробыла в 1-м батальоне 68-го стрелкового полка.

За два с половиной месяца на Северо-Западном фронте мы уничтожили по 10–11 фашистов каждая. За эти первые успехи командование наградило Тосю Федорову (Федорову Антонину Павловну) и Зину Ягодкину (Ягодкину Зинаиду Ивановну) медалями «За боевые заслуги», Сашу Кузьмину (Кузьмину Александру Петровну) и меня — медалями «За отвагу».

Осенью 1943 года, когда мы держали оборону в районе Холма, у реки Ловати, Тося Федорова и я подали заявление о приеме кандидатами в члены партии. Вручая кандидатские карточки, начальник политотдела дивизии гвардии подполковник В.В.Деев поздравил нас и дал нам добрые напутствия. Я их помню и по сей день.

В период позиционной обороны в перерыве между «охотой» и отдыхом мы обучали бойцов снайперскому делу. В нашей «школе» занимались 27 человек.

А когда выпадала свободная минута, мы частенько пели песни под баян гвардии старшего лейтенанта Коли Махова. Однажды, когда роту отвели на отдых, мы устроили для бойцов концерт. Наша бригада «артистов-снайперов», как мы в шутку себя называли, выступила с песнями, исполнила «лявониху»...

После «охоты», возвратясь в землянку, которую для нас натапливали бойцы, мы находили котелки с завтраком, обедом, ужином. Наваливались на еду — ведь целый день во рту не было ни крошки. А потом отдыхали, разговаривали, вспоминали родных, делились самым сокровенным.

СЗКО
2012.11

Вх. 031135 Приказ № 050 СЧ 137 см.
По 68 гвардейскому егерскому полку
23 гвардейской егерской дивизии Севера Западного Фронта
30 сентября 1943 года.

От имени Президиума Верховного Совета
Союза ССР — награждать:

Медалью „За отвагу“.

1. Снайпера 1-ей стрелковой роты эскадрона
Гудованцеву Лидию Семеновну за то, что за период
нахождения в обороне в Новгосиля по 9 сентября 1943 года
отним из снайперской вышки уничтожила 5 фашистских.

1922 года рождения, русская, член ВЛКСМ, урож-
дена в РККА Фрунзенский РКК Киргизской
ССР, Чалынский округ; 1

Саша Кузьмина, застенчивая — скажешь о ней слово, вспыхнет, словно маков цвет, — как-то призналась, что не обитися ни ран, ни смерти, боится попасть в плен. Тося Федорова страшилась стать инвалидом: у нее старенькая мать и нужно ей помогать в хозяйстве. Зина Ягодкина, веселая, жизнерадостная — боялась быть раненной в ногу. Смеялась: кто с деревянной ногой замуж возьмет! А я обмирала от мысли, что фашистская пуля может угодить в лицо.

(Страхи страхами, а война распорядилась по-своему. Забегая вперед, скажу, что Саша Кузьмина побывала в плену и перенесла все его ужасы. Тося Федорова в результате тяжелого ранения осталась инвалидом. Зина Ягодкина была дважды ранена в бедро и ногу. У меня последнее из трех ранений было в лицо...)

Пока что все шло своим чередом. Но дивизии предстояло форсировать реку Великую, а я плавать не умела и очень боялась воды. Села в какой-то закуток траншеи, написала маме, что впереди река и если долго не будет от меня писем, значит утонула. Потом мама рассказывала, как она плакала над этим письмом.

Но все обошлось. Мы закрепились на высоком песчаном берегу. Фашисты предприняли попытку сбросить нас в реку. Появились

13
11

П р и к а з

463

68 гвардейскому Стрелковому Полку
23 гвардейской Стрелковой Дивизии
1 Ударной Армии 3 Прибалтийского Фронта.
2 Октября 1944 года. № 062

От Имени Президиума Верховного Совета Союза ССР на г -
р а ж д а н :
М е т а л л и ч " З А О Т В А Г У " .

4. Санинструктора являющегося санитарного 2 стрелкового батальона гвардейского полка младшего сержанта Г у л о в а ч п е т р а М и л и ю Семеновну за то, что во время боя 15 сентября 1944 года под обстрелом противника вынесла с поля боя 17 человек раненых бойцов вместе с их оружием и оказала им первичную медицинскую помощь.

1922 года рождения, русская, член ВКП(б), ранения не имеет, ранее награждена медалью За Отвагу, призвана в ГВКК Филинским районкоматом города Москва, помещена в адрес:

вражеские бомбардировщики. Пронзительный вой фугасок, снарядов, мин заполнил воздух.

Я съезжилась в окопчике, оглушенная, окаменевшая от страха: в такой крошечный ад мне еще не доводилось попадать. Но вскоре наша артиллерия и авиация обрушились на первую линию вражеской обороны. Стремительная атака — и первые траншеи нами взяты. Вперед пошли самоходки, легкие танки. Наше подразделение ворвалось во вторую линию траншей. Появились первые раненые. Я перевязывала их, вытаскивала с поля боя.

Когда я вытащила очередного раненого танкиста и, свалившись в траншею, передала его военфельдшеру, меня окликнули:

— Солдат, ко мне!

Вбежала в землянку, увидела убитого радиста. Командир полка (это он звал) приказал мне надеть наушники. Назвал позывные: нашего полка «Дощечка», авиации — «Чайка». Я должна была повторять все, что он скажет, слово в слово.

До этого я к радиции никогда не подходила и, конечно, растерялась. В эфире кричали, бранились, смеялись даже.

— «Чайка!» «Чайка!» Я — «Щепочка!» — принялась я за дело и увидела, как лицо полковника побагровело.

— Какая ты, к черту, «Щепочка»? Ты — «Дощечка!» «Дощечка!»

Я закивала головой: поняла, товарищ полковник. А он уже требовал авиации о переносе огня с одного квадрата на другой. И ругал «Чайку» за то, что она плохо следила за боем. Конечно, я тут же забыла, в какой квадрат надо переносить огонь. И снова кричу в эфир:

— «Чайка!» «Чайка!» Я — «Щепочка!»

Полковник рассердился вконец. От обиды я разревелась.

На мое счастье в землянку пришли офицеры. Один из них сел за рацию, а я вернулась на поле боя.

Участвуя в атаке второй линии вражеских траншей, я была ранена: пуля угодила в бок. В медсанбате собирались вынуть пулю. Когда боль утихла и я смогла ходить, то, дождавшись ночи, сбежала от медиков. Где пешком, где попутными машинами, догнала дивизию...

Линия вражеской обороны проходила по высокому склону оврага. В несколько рядов тянулось проволочное заграждение. На противоположном склоне, почти открытом, располагался наш участок. Все ночи над оврагом вспыхивали осветительные ракеты. Несколько раз наш батальон пытался наступать, но безуспешно.

На третий день к нам прибыло подкрепление — морская пехота.

Огонь с вражеской стороны, казалось, не прекращался ни на минуту. Особенно усердно фрицы месили минометным огнем овраг: воронки, воронки, воронки... Снег на землю падал уже черным...

Очередное наступление было назначено на 4 часа 30 минут. Недалеко от передовых порядков, у проселочной дороги, находилась палатка санитарного взвода. Около нее — собаки с волокушами. Здесь я увидела симпатичного мальчишку. Ему очень хотелось походить на взрослого. Со стороны это выглядело очень трогательно.

Он подошел ко мне и попросил какой-нибудь еды для собак. Я отдала ему три сухаря, кусочек сала, сахар. Он, присев на корточки, кормил собак и ласково разговаривал с ними, словно с младшими братиками и сестренками...

Мне рассказали, что мальчуган недавно пришел к разведчикам, попросил их взять к себе. Ему отказали, он заплакал. Было ему 13 лет, звали его Петей. Отец умер, мать расстреляли гитлеровцы, двое старших братьев ушли в партизаны. Пожалели его бойцы, но командир полка приказал отправить его в тыл. Не знаю как, но Петя остался в санвзводе, стал там любимцем, заменил погибшего проводника собачьей упряжки.

В разгар боя пуля сразила комсорга батальона. Неподалеку упал комбат. И тут появился Петя. Я показала ему на командира батальона, просила вывезти побыстрее из-под огня. За мальчиком, скуля, поползли его четвероногие санитары. Проводник втащил командира в волокушу и побежал впереди упряжки. Фашисты били пулеметными очередями.

Петя упал на комбата, крикнул своим питомцам «Пошли!» и те помчали их с поля боя.

В медицинской палатке (меня ранило осколком в спину) я лежала лицом вниз на пахучих хвойных ветках у самого входа. Вдруг услышала, что рядом кто-то заскулил. Приподняла край палатки: на земле лежал Петя. Детская ручонка откинута в сторону, глаза открыты. Хлопьями падал на него снег, а его верные друзья лизали ему лицо, руки, жалобно скуля над бездыханным телом своего маленького хозяина.

Однажды, преследуя отходящего противника, мы шли почти до полного изнеможения. Наконец, остановились. Зимой это было. Холод, темень, пурга. Мы, девчонки, искали, где бы отдохнуть, обогреться. Увидел нас адъютант командира полка, старший лейтенант, и направил к домику — единственному уцелевшему в деревне. Там вповалку спали солдаты. Прикорнули, привалившись к стене, и мы. Сон мгновенно одолел нас. Но поспать почти не пришлось.

— Немцы!...

И начался бой. Мы помогали перевязывать раненых и оттаскивали их за домик, в воронку. Потом вместе с бойцами лежали в цепи, стреляли. Участвовали в атаке, брали траншеи противника...

Совместно с 182-й стелковой дивизией и 137-й отдельной стрелковой бригадой наша дивизия 24 февраля 1944 года освободила город Дно.

От Старой Руссы с боями я дошла до гитлеровского логова. Последний бой для меня был 12 апреля 1945 года на подступах к Берлину. К этому времени на моем счету числилось 75 уничтоженных фашистов.

Мы закрепились у шоссе. До вражеской обороны 700–800 метров. Очень нахально действовал здесь немецкий снайпер.

Вызвал меня командир полка:

— Головой в пекло не лезь, но фрица найди и уничтожь!

Я облюбовала себе участок в кювете между двух раздавленных пушек.

Утром появился немец и направился к деревьям. Но был он почему-то без снайперской винтовки, да и вообще без оружия. Подумала: оборудовал себе место на дереве, уходит на ночь к своим, а утром возвращается. Решила не спешить, понаблюдать. Он залез на дерево, но ни одного выстрела не сделал. А вечером, уже в сумерках, слез и пошел восвояси. Я ничего не понимала.

Три дня я усиленно наблюдала. Все повторялось без каких-либо перемен. На четвертый день решила его «снять». Когда фашист появился, я взяла его на мушку и только собиралась произвести выстрел, как раздался глухой щелчок, во рту появился солоноватый привкус и на приклад винтовки закапала кровь. Прижала подбородок к вороту шинели, чтобы задержать кровотечение. Замерла у прицела. Порой мне казалось, что вот-вот потеряю сознание. Во второй половине дня меня начало одолевать сомнение: не напрасно ли все? Вдруг с одного

2. Снайпера 1 авиаполковой развед. взвод. ефрейтор.
Кузьмину Александру Петровичу за то, что за период
нахождения в обороне в Новгороде - по Уставу 1943 года
мешком от нем уничтожил 5 вражеских.

1924 года рождения, всегородской, русская,
призвана в РККА Свердловский ФВК Ярославс-
кой обл., Домашний адрес;

из деревьев, немного левее того, на которое три дня подряд залезал фашист, спрыгнул снайпер. Вот, оказывается, где он был! Я нажала на спусковой крючок. Это был 76-й уничтоженный мной враг.

Так закончился мой последний поединок. Я лежала до темноты, временами в каком-то забытьи. Подползший разведчик помог добраться до своих. Я была ранена в нижнюю челюсть.

Уже в медсанбате узнала, что сразила матерого снайпера, в звании обер-лейтенанта.

2 мая 1971 года на встрече выпускников Центральной женской снайперской школы я узнала адрес Тоси Федоровой. Оказывается, она жила совсем рядом, в Московской области, в Раменском.

Утром 9 мая мы с дочерью приехали в Раменское. Тоси дома не оказалось. Женщина из соседней квартиры подсказала, что она с мужем ушла в парк. Но как найти в многолюдном парке Тасю, да и узнаю ли: прошло столько лет!

На открытой эстраде шел концерт. Я решила пройти на сцену. По моей просьбе объявили, что Тосю Федорову ищет ее боевая подруга. Объявили раз, второй. И я увидела, как, проталкиваясь в толпе, к эстраде спешит моя Тося. Нас сразу вывели на эстраду. Забыв обо всем, плакали, обнявшись...

Через год после этой встречи мне удалось разыскать Сашу Кузьмину. Она приехала в Москву из Йошкар-Олы. Все втроем: Тося, Саша и я несказанно радовались встрече и не ведали тогда, что четвертую верную подругу Зину Ягодкину судьба забросила из Подмосковья в Уфу. Она нашлась лишь в сентябре 1982 года. Зина тут же откликнулась на мой зов и вместе с Тосей и со мной (Саши Кузьминой уже не было в живых) провела в Москве несколько незабываемых дней.

Приводится по книге «Южнее озера Ильмень». Л., 1980

Кр. Зв.

и.ч. 03409

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

180

Дуб

Фамилия, имя, отчество... САМОИЛОВИЧ Елизавета Александровна

Военное звание... красноармеец

Должность, часть... Вожатки ездовой собаки.
54 Отдельный Батальон собак минометчиков
и истребителей танков.

представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

- 1. Год рождения... 1928
- 2. Национальность... еврейка
- 3. С какого времени состоит в КА... с 9.6.42г.
- 4. Партийность... Чл. ВЛКСМ
- 5. Участие в боях... с августа 1942г. на Ленинфронте.
- 6. Имеет ли ранения, контузии... не имеет.
- 7. Чем ранее награждена... наград не имеет.
- 8. Каким РВК призвана... Добровольно через Приморск. РВК г. Ленинграда.
- 9. Постоянный домашний адрес..

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.

Вожатки упряжки ездовых собак, на которой вывезла с поля боя под комбинированным огнем врага 54 человека раненых, в том числе 30 чел. с их оружием. Доставила на передний край 2650 кгг. боеприпасов и инженерных грузов. Военным собаководством занимается с пионерского возраста. В Красную Армию вступила добровольно.

Приложение: Выписка из справок частей 67 и 55 Армии. Достоинна награды орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

Командир 54 ОБСМИТ
И а и о р *Маслаченко* /Заводчиков/

На войну — со школьной скамьи, с любимой собакой

Я была бойкой девчонкой. Спуску мальчишкам не давала. На родной Петроградской стороне, на Ропшинской улице прошло все мое детство. Мой папа был музыкантом, тапером. Очень любил собак. О чем может мечтать настоящая пионерка, любящая собак? Конечно, о немецкой овчарке. Немецкая овчарка — это предел мечтаний юного собаковода.

Любимый старший брат подарил мне клубного щенка. Это было в 1936 году. Щенка я назвала Джульбарсом. Чепрачный немец, крупный, яркий — он был удивительно талантливой и способной собакой. Нас, юных собаководов, в те годы в Ленинграде было много и к нам относились очень серьезно. Смотры, парады, всесоюзные съезды — нам с Джульбарсом везде удалось побывать, даже на страницах «Пионерской Правды». Наша ленинградская команда за несколько лет перед войной выиграла Всесоюзный смотр-соревнование. Вот, на фото, я — вторая справа. А первая — Риточка Меньшагина — наш командир отряда. Вот, мы дети еще — галстуки пионерские, знамена, барабаны. С Ритой бок о бок нас провела судьба по жизни. И провела, и хранила, но об этом потом.

Дрессировали мы собак «по-взрослому». Учителя были очень строгие. Растили собак для дела, не для забавы. Связная служба, следовая, «задержание», охрана...

В 1939 году тихо началась Финская война. Джульбарса мобилизовали. Но перед тем, как собаку призвали на фронт, мы переучивали его, готовили на заставу. Джулик должен был работать... молча, чтобы не выдать расположение наших. Пес мимикой, движением показывал, что обнаружил кого-то. Солдат, которому достался Джульбарс, писал мне домой благодарственные письма: «Чудо, что за собака! Спасибо тебе, Лиза, за Джульбарса». Знаю, что они имели несколько задержаний, правительственную награду, а потом... потом связь с ними прервалась

и больше никогда ни о солдате, ни о собаке я ничего не слышала. Долго не верилось в худшее. И сейчас не хочется верить.

За Джульбарса наш клуб премировал меня щенком, тоже овчаркой. Я его назвала Мигом. Миг был очень перспективной собакой, в племенном смысле — ценной. Мигуля, Мигуля! Мой самый верный, самый честный пес.

Грянул сорок первый. Мне — семнадцать. Сужалось кольцо блокады, исчезали из домов животные. Их съедали люди, обезумевшие от голода. За нами — мной и мамой ходили люди и умоляли: «Отдайте, продайте собаку. У нас дети умирают от голода!» Золотые горы предлагали, сервисы, шубы! Да и нам уже нечем было кормить Мига.

Мига мы с мамой сдали в армию — отвезли в военный питомник, который располагался в Сосновке. Его начальником была Ольга Дмитриевна Кошкина — наша учительница, начальник Клуба и огромный авторитет в собаководстве. Это было осенью сорок первого. Потом — рыли окопы и противотанковые рвы, дежурили на крышах, гасили зажигалки и страшно, люто голодали.

Весной 42-го мне исполнилось 18. «Я иду на фронт добровольцем!» — заявила я старшим. — «Ты с ума сошла! Война — мужское дело!» Мама ругала, умоляла меня, а потом смирилась и благословила. «Иди и служи честно», — сказала она мне у дверей военкомата на улице Шамшина, на Петроградской стороне. Я только об одном просила военкома: «Хоть куда, лишь бы только были собаки!» И получила назначение в Сосновку! Считайте, рядом с домом. Хотя и фронт тоже был рядом с домом.

Первая, кого я увидела в части, была Рита Меньшагина — моя самая близкая подруга по Клубу юного собаковода! «Лиза! Лиза! Твой Миг здесь! В вольере, пойдем, я отведу тебя к нему!» Это было такое счастье. Я рыдала, обняв собаку. А он скулил и вылизывал мне щеки. Командир части Петр Алексеевич Заводчиков, наш Батя незабвенный, приказал передать Мига мне. И что за чудо? В части стали собираться девчонки лет по 18–19. А командирами, старшинами были серьезные, взрослые мужики, фронтовики.

Мы — инструкторы-дрессировщики были младшим комсоставом — ефрейторами, сержантами. Учили девочек-ровесниц азам дрессировки. Нас самих командиры учили минному делу, учили очень сурово. Хотя, нет, не сурово — строго. Представляете, в разгар войны — сто девушек за забором?! Но Батя был не только строгим, он был отцом родным! На нас ни один солдатик не смел косо посмотреть, ни один офицер! Батя нас, как цыплят, под крылом караулил. С Заводчиковым никто бы и связываться не посмел.

Наша «девичья команда» — отдельный 34-й батальон, так и осталась девичьей командой. У нас в батальоне только одна девчонка в конце войны демобилизовалась по беременности. А остальные честь сберегли! Как вспомню — худющие, глазастые, блокадные девчонки. Все были

такие изголодавшиеся! А пайка-то, хоть и побольше, чем на гражданке, но не очень-то и большая. Мы даже, стыдно говорить, у собак в первое время тайком конину вареную (дохлятину!) подворовывали. Плачешь, прощения у собаки просишь, а сама потихоньку отвернешься и съешь кусочек из миски. Потом, более-менее, отъелись. Обмундирование нам выдали мужское. Сапоги 41–43 размера, меньше не нашлось.

Один раз на занятиях по строевой мы сговорились и в шутку про-вернулись в сапогах на команду «Кругом!» Старшина кричит: «Самойлович! Бутыркина! Почему у вас ноги пятками вперед?» — «Сапоги велики, товарищ старшина!» — а сами стараемся не рассмеяться. Он только вздохнул, рукой на нас махнул и отправил наматывать на ноги по три пары портянок. В этих сапогах мы к вечеру уже не могли ноги волочить. Строевая служба, минное дело, дрессировка собак, стрельба, а все-таки мы оставались девчонками и втихаря то глазки подведем, то подрумянимся. Плюс выводы — собаку вычесать надо, амуницию держать в порядке, с этим было очень строго. Шлейки, поводки, ошейники, санитарные нарты, упряжь, портдепешники — все это считалось боевым снаряжением. Чтобы «поставить собаку» на минное поле, качественно, надежно поставить, нужен год работы, очень профессиональной и тонкой. Цена ошибки — погибшая собака, погибшие люди. А собаки-то разные. Кто стрельбы боится, кто небрежничает.

Переучивали, заставляли, исправляли. Выбирать не из кого особо было. В Ленинграде собаки рождались только в нашем питомнике. Собаки были не только редкостью, они были величайшей ценностью! Работали с ними терпеливо, на пищевом подкреплении — сушили ломтики конины, отдавали им свой сахар. Какие это были умнички! На прорыве блокады мы трудились с утра до ночи и с ночи до утра. Минные поля снимали, доставляли донесения, разматывали связь и раненых вывозили на упряжках. Овчарок запрягали по четыре. Дворняжек, лаечек — по пять-семь. Раненые, тяжелораненые целовали собак и плакали.

Мой Мигуля водил упряжку на передовую под огнем. Упряжка собак ползком подавала раненому нарты. Представьте только — сто-сто пятьдесят метров ползком. Туда и обратно — по рытвинам, по снегу, по земле. Один раз тяжелораненый, грузный мужчина кричит мне: «Стой, стой, сестра, стой!» Я думала надо перевязать. А он из последних сил говорит мне: «Сестричка, у меня колбаска в вещмешке и сахар, отдай собачкам. Сейчас, при мне отдай!» Моя упряжка вывезла на прорыве семьдесят два человека. И другие наши упряжки не меньше.

Самым страшным было разминирование. Мины, фугасы, минные ловушки. Ошибется собака, ошибешься сам — погибнешь. Собака обозначала заряд посадкой перед миной. Пока мина не обезврежена, собака не должна двигаться. Помню, Мигуля сел в воду под Петергофом, на болотах — в ледяную воду, в жижу. Я подняла из этой жижи тридцать четыре мины. Одну за другой — маленьких противопехотных,

в деревянных коробочках. Подняла и обезвредила. Такие мины не могли искать приборами — корпус «не звенит». Они были самыми коварными. Несколько часов работы собака сидела не шелохнувшись, в каше из воды и снега...

Наши собачки ходили по битым кирпичам, по стеклу на руинах, резали лапы, мы резались об осколки. Но они работали! Восемь-десять часов. Лапки у собаки замерзнут, снимешь варежки, разотрешь ей лапы и вперед! На передовую — «инженерное имущество», снаряды, мины, ящики с патронами. Оттуда — тяжелораненых. Потом — на минные поля, на танки! Танки... У Заводчикова слезы стояли в глазах, когда собаки уходили под танки. Как-то он собрал нас, командиров, сержантов: «Мы теряем высококвалифицированных обученных собак. Сегодня пять ушло под танки, завтра еще пять уйдет. Год работы! Год работы! С кем будем разминировать?! Истребителей надо готовить отдельно, нельзя наших собак пускать под танки. Поеду с докладом!» Начштаба его понял. Батальон престал готовить истребителей, мы искали мины.

К тому времени у нашей части была уже очень хорошая репутация, а у собак — репутация чудо-техники. И еще: раньше об этом не говорили — стали повторяться случаи, когда собака взрывала не немецкий, а наш танк. Собака ведь не различает — звезда или свастика на башне. А на полях сражений становилось все больше наших танков. Собака могла пойти на ближайший, по эту сторону окопа.

Помню случай. Послали нас «взять» Рыжика, крупную хитрющую дворнягу. Приказ есть приказ. Рыжик обогнул танк и... испарился. С заряженным истребительным вьюком! Четыре килограмма тола! Немцев отбили, откинули далеко назад. В большой землянке мы все сидим, обедаем, ложками стучим. И вдруг вбегает Рыжик! Вьюк на боевом взводе, а Рыжик виляет хвостом, морда превеселая. Все враз похолодели: если пес заденет за что-либо палочкой, торчащей из вьюка, то это — все, конец. Заводчиков тихо-тихо скомандовал: «Не двигаться, прекратить прием пищи». Подманил собаку, ухватил за взрыватель одной рукой, за ошейник другой: «Ко мне, снимайте вьюк!» Аккуратно сняли, разрядили. Было тихо-тихо, спокойно так, но у всех холодный пот тек по спине. Из этого Рыжика вышел отличный миноразыскной пес, но все-таки он погиб потом, подорвался. Слишком был суетливый, веселый. Хотя из дворняжек выходили отличные миноразыскные собаки! Породное поголовье убывало, и его пополняли теми, кого подобрали, сменяли или купили у местных жителей. Выбывали и люди, и собаки. Девчонки погибали и командиры тоже. Сапер ошибается один раз, говорят.

Только на Карельском перешейке мы с Мигом подняли 3400 мин. А всего обозначили и обезвредили около сорока тысяч. Сорок тысяч раз смерть прошла мимо, только подумайте. Все ж таки я подорвалась. Раньше меня подорвалась Нина Бутыркина, взрывом противопехотной мины ей оторвало ногу. Мы так испугались. Нет, не смерти — испугались

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

9102

1. Фамилия, имя и отчество МЕНЬШАГИНА Маргарита Борисовна
2. Звание Сержант
3. Должность, часть командир отделения
34 Отдельного Батальона собак миноискателей
- Представляется к ордену ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ
4. Год рождения 1923
5. Национальность русская
6. Партийность Канд. ВКП/б/
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) в Отечественную войну на Ленинском фронте с 10.6.42г.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне н е т
9. С какого времени в Красной Армии 10.6.42г.
10. Каким РВК призван Ленинск. РВК гор. Ленинграда
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За оборону Ленинграда"
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Собаководством занимается с 10-тилетнего возраста будучи пионеркой и комсомолкой в порядке общественной оборонной работы подготовила для Красной Армии десятки отличных военных собак.

В Красную Армию и в Батальон добровольно вступила летом 1942 года. За время службы показала отличные знания общевойсковых дисциплин и специальности. Выросла до звания сержанта. На переднем крае Ленинградского фронта работала со связными собаками в 1/59 от 109 од. поддерживала связь между боевым охранением, ротами и КПВ. Получала отличную оценку боевой работы от командования стрелкового полка.

С переходом Батальона на хрессаровку и применение собак миноискателей отлично подготовила себя в качестве минера, свое отделение и собак.

За период времени с 18.1.44г. по 23.2.44г. лично обнаружила и обезвредила 249 мин.

Всего имеет на личном счету обнаруженных и обезвреженных мин 744.

На шоссе Ленинград-Стрельна обнаружила 2 фугаса, взрыв которых был рассчитан на разрушение этой важной фронтовой магистрали.

В подвале Павловского дворца обнаружила и обезвредила фугаз, состоящий из противотанковой мины, поставленной с тяжкой.

Постоянно награждена орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ.

191 г. 4

Подполковник /ЗАВОДЧИКОВ/ (подпись)

ДА Я ПО Д Ш И В К И

остаться без ног, и пообещали друг другу дострелить того, кто подорвется. Для нас тогда, с нашим юношеским максимализмом это было понятно, хоть и глупо. Ведь подорвавшихся собак приходилось достреливать. И вот я сама проворонила «противопехотку». Чья ошибка? Мига или моя? Или роковое стечение? Счастье, что я не наступила на мину полной ступней. Мне раздробило пятку, сожгло, опалило ноги и вся одежда на мне была сорвана и обуглена. Помню, что мужчины ко мне побежали: солдатики и наши командиры. Я только одно кричала: «Не подходите, я голая! Отвернитесь, не подходите!» Они подбежали, сорвали с себя форму и закутали меня в рубахи, в шинели. Очнулась я в лазарете, а надо мною — Валя (Валентин Васильевич Ермолинский — офицер. — *Прим. ред.*). Я ему с упреком: «Ведь обещали же, обещали — дострелить!» — А он мне — «А ноги-то, вот они! В сапогах!» Сапоги еще не успели разрезать. Я заплакала, а Валя нагнул и сказал: «Лизка, мы еще с тобою вальс после победы станцуем». Сколько же мы раз танцевали с ним после Победы! Собирались у нас, у Риты. Батя нас называл — девоньки. «Девоньки, с вас пироги-закуски, водку сам куплю». Так мы для него и остались — девоньки, девчонки.

Еще о Миге. Он же был не только рабочий, он был племенной кобель. Первая послеблокадная выставка! Для нас это был настоящий праздник. Собак в ринге очень мало: какая-то течная сучка мелькала, еще кто-то. Наши кобели то ли одурели от радости, то ли мы расслабились. Миг как-то по-дурацки задирает хвост, шею и в итоге получил «хорька». То есть «хорошо», но по сути очень и очень плохо. Не поверите, но я так огорчилась. Сейчас смешно вспоминать.

Потом разминировали Нарву, шли дальше. Что бы ни говорили, но местные жители очень хорошо принимали и наших собак и нас. Ведь мы снимали мины, фугасы, ловушки с их полей, из их домов. Жители приносили собакам угощение, а нам водочки. Я водочку, грешна, брала, но меняла на конфеты.

Помню, в Эстонии прямо перед нами (мною и Ритой Меньшагиной), авиаснаряд ударил в корову. Корову разорвало в двух шагах от нас. Какая первая мысль? «Ой! Сколько мяса собакам привалило!» Все бросились ошметки этого мяса разбирать, чтобы побаловать своих собак.

Сейчас в это трудно поверить, но так было. Из лазаретов рвались обратно, в часть, к своим. Мигуля остался в части — мне просто некуда его было забрать. Он долго еще работал на разминировании Ленинграда. После войны я передала его в очень хорошие руки. Себе я выбрала самую мирную профессию — стала парикмахером. У меня были ученики, было дело, которое я любила, которому учила.

Каждую ночь мне снятся или собаки или чужие локоны. Я во сне делаю укладку, стрижку, или собаки одна за другой проходят перед глазами: на минное поле, в нартах. Всех помню, всех!

С Карельского перешейка до Польши с родной дивизией

До войны я была физкультурницей, занималась разными видами спорта. И гимнастикой, и плаванием, и ходьбой на лыжах. Был значок ГТО, ГСО. Нормы ГТО я даже за мою сестру сдавала — они так и не научилась на лыжах ходить. Сдавали нормы ГТО по лыжам на замерзшей Неве, между мостами.

Курсанты там прокладывали лыжню и мы между мостами бегали. Зимой 1939 года при упражнении на кольцах я сильно упала, растянула руку и сломала два ребра, и после этого гимнастикой уже не занималась. Во время советско-финской войны я дежурила в госпитале. Только один раз мне пришлось быть на санитарном поезде и привозить раненых. У меня страшно болело плечо после травмы, и один раненый на меня облокотился сильно. Я там вместе с ним села на пол от боли. В основном были обмороженные. Их было очень много. Гранату кидать после этого мне было очень сложно. Один раз на учениях, когда кидали учебные гранаты, я кинула гранату как раз под ноги командиру дивизии.

Первый день войны я встретила в Павловске — к тете поехала. Я купалась в озере в тот момент, когда народ узнал о войне. Мне кричат: «Вылезай из озера, война!» Я сразу поехала домой, поезда еще ходили. На углу 3-й Красноармейской была колонка для забора воды — водопровода еще не было, и там был установлен громкоговоритель. Народ собрался и ждал выступления Молотова. Я тоже его там слушала.

До войны я работала на Октябрьской железной дороге, и меня с еще одной девушкой на второй день войны послали вдвоем ловить шпионов — прошел слух, что на железной дороге возможно появление немецких диверсантов. Самолеты немецкие уже летали, но еще не бомбили. Представляете? Две девушки, в платях, с молоточками — по рельсам стучать. Идем мы вдвоем, стучим по рельсам, смотрим, чтобы они не были повреждены. И нам повстречался цыганский табор. Человек 50 там было. Мы им сказали, что мы военные, и чтобы они шли

за нами. Так мы и пришли на станцию Рыбацкое, цыгане нас слушали, несмотря на то, что у нас не было формы.

Я ушла в армию добровольно, на второй или третий день после начала войны. Сначала я была в прачечно-дезинфекционном отряде, была командиром взвода, где были одни мальчики. Совсем молоденькие. Когда начались бои, всех этих мальчиков забрали. Некоторые из них потом встретились мне — в Польше уже. Зимой, в блокаду, в отряде остались только женщины. Вошебойки, то есть дезинфекционные камеры, были на грузовиках, и работали от бензина. Бензина не было, а форму бойцов дезинфицировать надо! Женщины из отряда на саночках привозили канистры с бензином, ходили за ним за двадцать километров. Это ли не подвиг? А ведь их никого не наградили.

В полк я пришла в сентябре 1942 года, когда они вернулись с Невского пятачка на переформирование. Меня назначили сразу в санроту 314-го полка. Я сразу стала санинструктором. Мы готовились, учились ползать и так далее. Боевых действий сначала еще не было. Боевые действия начались, когда мы заняли оборону на Карельском перешейке, против финнов. Наш полк стоял в районе Белоострова, восьмой полк — в районе Мертуги, седьмой — в Сестрорецке. Сначала копали окопы, строили рубежи. Тогда же к нам пришли артиллеристы, саперы, все другие службы дивизии.

Моя работа была выносить раненых, оказывать первую медицинскую помощь. Сначала я была в санроте, потом меня перевели в батарею сорокапятков. Всю войну была только одна работа. Учет вынесенных раненых я не вела. Их считали, наверное, те, кому я раненых приносила. Я их не считала. Каждую ночь — три, пять человек. Потом в батальоне была. Когда говорят, что у нас двадцать третья армия была невоюющая армия — это неправда. У нас было очень много разведок боем, и просто разведок. Одну нашу разведку (я в ней не участвовала) финны засекли, открыли огонь, прямо на проволоке остались трупы висеть. Я запомнила одного мальчика из этих разведчиков — мы его сумели вытащить и похоронить. Его фамилия была Шкловский, украинец, из Кременчуга. Я его запомнила потому, что до войны в Кременчуге бывала. Он единственный, других не вытащить было, не подойти, очень сильный огонь.

Юбки нам выдали, и сначала я носила юбку. Один раз, под утро, после ночного дежурства на передовой, прибежали девчонки, говорят «одевай брюки, тебя Боровиков, командир разведвзвода, в разведку берет». Я пошла, а пока меня не было, они мою юбку выкинули, чтобы я не одевала ее больше. Потом, в конце войны, платья выдали. Эти брюки — как они надоели, особенно во время походов. Длительные переходы начались летом 1944 года на Карельском перешейке и позже в Польше. На время марша нам давали селедку, как нам говорили, чтобы отбить жажду. И действительно — до этого солдаты пили воду чуть ли не из луж и воронок, а после этой селедки перестали. Водку и табак нам выдавали,

но поскольку я не курила, то получала конфеты, и мы потом с девчонками пили чай. За моей водкой очередь стояла — я водку меняла на что-то, или просто отдавала. Но тогда уже не было голода — все-таки срок четвертый год, лето. Ягод было много. А в голодное время — только сухарь, и немного супа горохового.

Сначала у нас были береты, потом пилотки. Пилотку я обычно носила за поясом, потому что у меня были очень пышные волосы, и она у меня плохо на голове держалась. Меня не заставляли их стричь. Ухаживать за волосами было очень сложно. Горячей воды не всегда можно было достать. Уже когда я была на батарее, и шли в наступление, ребята мне часто кричали «Женя, иди сюда, тут ручей, вода чистая!» Я шла туда умываться. Я не стеснялась бойцов.

Зимой мы носили валенки, ватные штаны, фуфайки. Шинели во время боев не одевали. Полушубок тоже был, белый — я в нем домой вернулась. А так в основном в фуфайке ходила. Тогда, в той разведке, мы поползли без касок, только в шапках-ушанках. Еще лыжный батальон у нас был. Хотя так, как финны наши лыжницы не ходили. Финны, похоже, вообще прирожденные лыжники. Я видела до войны, в Белоострове, когда работала на железной дороге, сцену, когда финская девушка на лыжах скатилась с горки прямо к реке Сестре, к границе, и потом резко развернулась и покатила вдоль границы. А наш пограничник уже ее на прицеле держал, готов был по ней стрелять, думал, нарушит границу.

Была любовь у девушек, было все. Были девушки, которых офицеры держали при себе, и никуда не отпускали, а в основном все честно делали свое дело. У нас в санроте только одну девушку отчислили за плохое поведение, а больше никого.

Один раз я участвовала в разведке перед наступлением, в феврале 1943 или 1944 года. До этого мы очень много дней дежурили, наблюдали, смотрели. Я попала в эту разведку потому, что до этого Шуру Кочневу ранило, и разведчики остались без санинструктора, и нас вдвоем с Лизой Евстигнеевой послали им в качестве замены. Саперы нам сделали проходы. По льду переползали через реку Сестру. Перед той разведкой мне так стало страшно, что я поняла, что не смогу сама выбраться из траншеи. Я попросила ребят просто выкинуть меня из траншеи, перекинуть через бруствер. Группа захвата во главе с командиром взвода разведки прошла первой, я была в группе обеспечения. Еще там была группа прикрытия. Наши дали отвлекающий артналет, и сначала мы просто лежали на льду. Это был февраль, Сестра хоть и была замерзшая, но на льду была вода. Лизу Евстигнееву оставили на позициях — она высокая девушка была, метр восемьдесят, я-то поменьше.

Те разведчики, что шли впереди, надевали что-то вроде панцирей на ватники, и перед разведкой шнуровались. Как раз я пришла к ним в землянку, когда они надевали эту броню. Он как-то не мог надеть эту броню, и ругался. Ему ребята говорят: «Не ругайся, Женя пришла».

Его как раз в этой разведке убило. Второго ранило еще, я прямо там наложила жгут, очень сильное кровотечение было. Притащили здорового унтера, привели его в землянку. Там как раз Лиза Евстигнеева сидела. Финн очухался, и на нее с ножом кинулся — там же не видно было, парень это или девушка. Лиза была первой, кого он увидел. Ему дали по руке, и схватили. Очевидно, у него был с собой нож. Тогда нас наградили — двум ребятам из разведгруппы дали Орден Красного Знамени, мне дали медаль «За Отвагу» а Лизе дали «За боевые заслуги». Мы были первые девушки из санроты, кого наградили.

На реке Сестре и мы, и финны часто вели пропаганду, кричали друг другу. Агитаторы и с той и с другой стороны устраивали что-то вроде переключки, перебранивались друг с другом. Листовок было много. Их с самолетов финны разбрасывали. Зачастую листовки были от имени наших пленных: «Ваш товарищ такой-то и такой-то у нас, и он вам пишет...» И даже фотографии этих наших ребят были, что попали в плен. Но они обратно-то не вернулись. Мы тоже листовки разбрасывали.

У нас был командир роты очень высокий, Иван Задорожный. Потом, после войны, он стал полковником, и преподавал высшем военном-инженерном училище на Каляева. Когда он шел по траншее, ему надо было пригибаться. А он не всегда пригибался, и финны ему кричали: «Иван! Нагнись! А то стрелять будем!» — они всех наших «Иванами» называли. Очень много было добродушных людей и с их стороны. Однако стрельба шла все время, и раненых было много каждый день. Мы ночью с девчонками выходили на передовую и к нейтралке, и нам на ПСТ (пост санитарного транспорта) доставляли раненых. Мы еще ссорились, кому первой идти туда. Раненых перевязывали получше, и везли в санчасть полка в Дибуну. Оттуда их везли в Сертолово, в медсанбат. А потом дальше в госпиталь. Вот такой путь проделывали наши раненые.

К нам в дивизию пришло много невысоких ребят из Средней Азии. Один меня спрашивает: «Если меня ранит, ты меня вытащишь?» Я говорю: «Конечно, вытащу, ты небольшой, не волнуйся». И тут подходит этот Иван высокий, и спрашивает меня: «А если меня ранит?» Я на него посмотрела и говорю: «Если тебя ранит, то держись — мне тебя не вытащить будет». Ивана и не ранило не разу. Его, наверное, финны полюбили.

Когда началось наступление, меня перевели в батарею сорокапятков, и я все время с ними шла. Сорокапятки были на конной тяге. Когда переправились через Вуокси, там уже все тащили на себе. В этой батарее я научилась ездить верхом, до этого никогда не умела. Щитки у сорокапятков были махонькие, не спрятаться. Нас называли артиллерия «прощай Родина».

Как началось наступление летом 1944 года, так мы достаточно быстро пошли вперед. Была мощная артподготовка, и мы как-то очень

быстро пошли вперед. Мы очень долго готовились и потом быстро пошли. Остановка была на финской линии обороны, и потом мы вышли к Вуоксе. Это было, наверное, самое серьезное сражение нашей дивизии. Это был июнь, лето, ирисы цвели — я это запомнила. И мы прямо по цветам, по красоте этой, шли вперед, в бой.

А Корпикюля! какие там бои были! Как раз за те бои я получила Орден Славы третьей степени, за вынос бойцов с неразминированного поля. По наградному листу я узнала, какая это была дата — это была атака на высоту 136 северо-западнее Корпикюля 15 июня 1944 года. На следующий день мы подошли к мосту, а там нам раненые с поля кричат. Из нашего разведзвезда. Это было как раз у линии финских надолбов. Почему они не пошли по мосту, зачем изменили маршрут — я не знаю. Там была девушка такая, фамилия Копылова, имени я не помню уже — так ей ногу оторвало полностью по бедро. Ее оттуда вытащили до того, как мы подошли. Я подошла, она лежит на плащ-палатке, и кричит «не трогайте меня, я все равно не буду жить!». Даже до медсанбата ее не довезли. Кровотечение было не остановить, жгут накладывают некуда. И умерла от потери крови. Старшина со мной пошел на минное поле выносить раненых. Старшине говорю — ступай по моим следам. Одного вынесли, второго вынесли, пять человек вынесли, и тут старшина наступил на мину. То ли у него ступня была больше, то ли оступись — не знаю. Старшину ранило тяжело (ногу оторвало), а меня выкинуло взрывной волной с минного поля. Потом он меня благодарил: «Теперь меня домой отправят!». Я приезжала к нему в госпиталь, и говорила: «Старшинка, я же не виновата, что у тебя нога больше!». Меня собирались эвакуировать, но я отказалась. Вообще я в госпиталях не лежала. Мелких ранений было много. Я до сих пор не могу носить металлический браслет на руке потому, что осколок маленький в руке мешает.

Был еще такой случай во время наступления — медсанбат развернулся на высотке в красном домике, и туда Тася Борисова вместе с Лизой Евстигнеевой несли раненого. Только внесли раненого в домик, как откуда-то шальной снаряд прилетел, и прямо в дом. Тасю Борисову убило. Руфя оторвало руку, а Тасю убило. Руфа кричала еще: «Если вы мне настоящие подруги, пристрелите меня! Я без руки не хочу жить!»

Тасю похоронили, а после войны ее отец приехал, просит показать могилу. Разве я помню, где именно мы ее похоронили? Пришлось сделать такую вещь — я ее отца привела просто к безымянной могиле, и сказала, что Тася в ней похоронена. Я знаю, что поступила нехорошо, но что я могла сделать? После войны, когда строили памятник на братской могиле нашей дивизии, я попросила, чтобы ее имя было выбито на памятнике.

Перед самой переправой через Вуокси я была свидетельницей ужасной картины — когда финны открыли огонь по своим же. Финны старались удержать плацдарм на высотах на южном берегу Вуокси, но

наши сильно на них давили. И в одну из ночей наши пошли в атаку. Мы очень тихо подошли. Финны не ожидали, у них началась паника, солдаты бросали оружие, срывали форму и кидались в Вуокси в одном нижнем белье или голыми. А с того берега по ним ударили свои же, из пулеметов. Это было страшно. На том берегу видели, что это финны, свои. Вообще весь южный берег был усыпан телами убитых финнов, они лежали везде. В нижнем белье много трупов лежало около переправы. Еще я видела большую группу пленных финнов, которые наши вели — откуда они взялись, где в плен попали?

На южном берегу мне запомнилось, как я перевязывала тяжело-раненую девушку — я даже не знаю, из какой части. Наверное, из саперов, которые переправу наводили. У нее на груди был Орден Боевого Красного Знамени — мне это очень запомнилось. Не знаю, выжила она или нет. Не нашла ее после войны, да и не найду уже — время уже ушло.

Перед переправой через Вуокси была сильная артподготовка, но все равно, у нас не все лодки до того берега доходили. Я не помню, чтобы наши ставили дымовую завесу при переправе. На том берегу, куда мы должны были переправляться, были какие-то белые здания, что-то вроде казарм. Оттуда по нам очень сильно били. Было наведена несколько переправ, по одной шла пехота, по другим — и пехота и техника.

А на плацдарме у Вуосалми весь северный берег Вуокси был завален нашими ранеными. Я их переправляла на южный берег на лодках. Один раз лодка была настолько переполнена ранеными, что мне пришлось плыть в воде, толкая лодку перед собой. И тут налет. Самолеты пикировали очень низко и били из пулеметов. Раненые лежали в лодке, мы их накрыли плащ-палатками. Настя Решетнева была на веслах, а я в воде. Я могла только в воду нырять, когда слышала «фьють, фьють». Не знаю, были ли это финские или немецкие самолеты. Плыла без сапог и без брюк — это все тянуло вниз. Там меня легко ранило 7 июля 1944 года — осколками по спине произошло, но в медсанбат я не пошла, потому что работы было много, раненых надо было выносить.

Один раз мне пришлось кричать на начсандива. Как раз я должна была отправлять очередную партию раненых на южный берег, и на лодке приплыл начсандив. Когда он увидел, что творится на плацдарме, он испугался, побледнел, и вцепился в лодку. Никак не хотел ее отдавать. Я на него кричала, чуть ли не матом, а он — ни в какую. Потом один из наших офицеров просто взял его в охапку и высадил из лодки. Я нагрузила лодку ранеными и поплыла на южный берег.

Уже когда на той стороне Вуокси были, на плацдарме, наша пушка осталась, а из расчета остался сержант Володя Глебов, командир орудия, и еще один парень. Так Глебов сам заряжал, сам себе командовал, и сам стрелял. А было до этого в расчете шесть человек. Я теперь сама себе удивляюсь, как я могла тогда — но я подтащила ему два ящика снарядов. Там были очень большие бои на плацдарме. Вообще, хотя я

НАГРАДНОМ ЛИСТЕ

Фамилия, имя и отчество: ЗОЛОТНИЦКАЯ Евгения Вера
 Военное звание: красноармеец
 Должность и часть: Санитарка санитарной роты 317 стрелкового полка
 92 стрелковой дивизии

Представляется к правительственной награде медали "ЗА ОТВАГУ"

1. Год рождения : 1915
2. Национальность: Эстонка.
3. С какого времени состоит в Красной Армии: с 1941 года
4. Партийность: член ВКП(б)
5. Участие в боях, где и когда: Карельский перешеек с 1942 года.
6. Имеет ли ранения и контузии: Не имеет
7. Чем ранее награжден: Медалью " ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА "
8. Каким РКК призван: Смольнинским РКВ города Ленинграда.
9. Домашний адрес/Представляемого и награждаемого или его семья/

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

За время службы в полку с августа месяца 1942 года в должности санитарки неоднократно участвовала в разведоперациях, где показала себя смелой, решительной и ответственной. Несмотря на взрывной артиллерийский и пулеметный огонь со стороны противника вынесла с поля боя на себе 13 бойцов и командиров с их личным оружием, чем самым спасла им жизнь.

Находясь на пункте санитарного транспорта весьма в трудных условиях оказала правильно и быстро первую помощь до 200 человек раненым при выполнении боевых задач.

В связи с чем: достойна правительственной награды медали " ЗА ОТВАГУ "

ПОДПИСА

Р :

СТАВА

ПИСЬ:

Трибуна (РВМЛ)

А. С. Сидоров (Т. С. Сидоров)

4.2.44 года.

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

- Фамилия, имя и отчество — ЗОЛОТНИЦКАЯ Евгения Берковна
- Воинское звание — Младший сержант медицинской службы
- Должность, часть — Сачитачный инструктор батареи 45 мм пулем 317 стрелкового полка 92 стрелковой дивизии
- Представляется к Правительственной награде ордена "СЛАВЫ 3 СТЕПЕНИ"
1. Год рождения — 1915 2. Национальность — еврейка
3. Партийность — член ВКП/б/
4. В Красной Армии с 1941 года
5. В действующей Армии — с 1941 года
6. Ранения — 16.6.1944-г. ранена
7. Награды — в 1942 г. медаль "За оборону Ленинграда"
1944 г. медаль "ЗА ОТВАГУ"
8. Каким РЭК призначена — Смольничским РЭК, города Ленинграда.
9. Домашний адрес —

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

15.6.44-г. при наступательных действиях на высоту 136 сев. западнее деревни Карпикюла, под огнем противника оказал умелую первую медицинскую помощь 21 человеку бойцам и офицерам и вынесла их с поля боя с личным оружием.

16.6.44 г. при прорыве второй линии обороны белофиннов в районе противотанковых заградных полос рискуя жизнью вынесла с заразами чирокачного поля 5 человек подорвавшихся на минах, где получила сама ранение отказалась эвакуироваться.

7.7.44 г. в боях за овладение плацдармом на правом берегу реки Вуокси вынесла с поля боя с их личным оружием 16 человек раненых, которых эвакуировала в Медсанбат.

ВЫВОД: Достоинна Правительственной награды ордена "СЛАВЫ 3 СТЕПЕНИ"

КОМАНДИР ПОЛКА
ПОДПОЛКОВНИК

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
МАИОР

/Глухов/

/Каргашев/

8.8.44г.

и научилась стрелять на войне, и автомат все время с собой носила, стрелять мне много не приходилось. А вот там, на плацдарме, когда мы с Володей остались одни у орудия, там в ход пошло уже все оружие, какое было. И я стреляла, но убила кого или нет — я не знаю. Дай Бог, что нет. Бои на Вуокси при переправе и на плацдарме — были самые тяжелые. Потом таких сильных боев не было.

Настя Решетнева, с которой я переправляла раненых с плацдарма, даже пленила одного финна. Он лежал раненый, перебинтованный, у нас в тылу. Она подумала, что это наш, подобрала, посадила на телегу — а оказался финн. Настя не умела плавать, и поэтому всегда была в лодке, а я плавала хорошо, еще с предвоенных лет, поэтому могла и лодку перед собой толкать.

После заключения перемирия мы шли дальше с полком, в районе Хиитола встали в оборону, и оттуда нас вывели на отдых в район озера Муолаанъярви. Там же нас награждали за бои на Карельском перешейке. Оттуда мы уже пошли на Польшу, и прибыли туда 29 декабря 1944 года. Я запомнила это потому, что у меня 26 декабря день рождения. Там как раз у поляков Рождество было, и я говорю ребятам — давайте пойдём, послушаем, как в церкви служба идет. И я в первый раз в жизни услышала, как звучит орган. Войну мы закончили в Польше, там уже полегче было.

Вуокси я запомнила на всю жизнь. Многие мои боевые товарищи по дивизии мне говорят: «Да что ты там помнишь!» Я говорю: «Это вы как можете не помнить, беспамятные! Это самое большое сражение, которое я видела за всю войну». В Польше были тоже тяжелые бои. Когда мы пришли в Краков, дядя Ваня у нас был такой, ему сорок лет тогда было — он шел вместе со мной, санитар. Дядя Ваня мне говорит: «Смотри, машина, давай покатаемся». Вроде Краков уже очищен, бои закончились, и вдруг стрельба. Власовцы из окон, из чердаков били. У нас был такой Миша Измаил, связной командира батальона, так он там заслонил офицера-особиста и сам погиб. Я так переживала, так мне Мишу было жалко. Уж лучше бы этот особист погиб. Этот Миша был за Невский пяточок награжден Орденом Боевого Красного Знамени. И погиб. Там много власовцев было. Они там один мост взорвали у нас как раз перед носом. Я не видела, чтобы власовцев не брали в плен, или расстреливали. Среди них же было очень много обманутых. Нашей же дивизии перешло знамя и номер 92-й стрелковой дивизии, которая погибла под Мясным Бором.

В Польше был такой эпизод. Мы шли с Настей Решетневой, впереди бойцы шли. Мы с Настей немного приотстали — надо было нужду справить. А эти брюки — пока расстегнешь, пока застегнешь. И тут на нас выходит девушка в черном платке с красными цветами. Говорит нам: «Добрый день». Мы ее спрашиваем: «Вы местная?» — «Нет, с Украины». Мы ей говорим: «Так давайте домой, на Украину уже, она

освобождена!» А она отвечает: «Зачем вы сюда пришли? Вас никто не звал, нам без вас и так хорошо было». В первый раз мы услышали такой ответ. Я помню, как бежали и стремились домой узники концлагерей, которых мы освобождали — это ужас был! А эта девица там прижилась.

При переправе через Вислу я провалилась под лед, но меня вытащили. Удивительно, что я даже не простудилась после этого.

Как-то раз после войны мы пошли с однополчанами посмотреть наши старые окопы под Белоостровом. Я в туфельках пошла, и спрашиваю ребят — как же мы тут ходили? Мне говорят — Женья, ты что, была, как ходила по траншее в сапогах и черпала воду? У нас голенища болтались сильно, на наши ноги не было подходящих размеров сапог.

Паничкин устроил смотр в то время, когда мы были на отдыхе. Наш полк выиграл все дивизионные соревнования. У нас была Надя, мастер спорта по плаванию, я плавала хорошо, и вообще спортсмены были хорошие. Мы взяли стрельбу, плавание, и строевую подготовку. Тут уж носочки тянули, как могли. Наш полк получил первое место.

Под Белоостровом я хорошо запомнила 1 мая 1944 года — когда наш Михаил Фролов и офицеры пришли к нам в гости праздновать 1 мая 1944 года. А чем угощать? Пришли, и все на стол флаконы одеколona выставили. Я говорю: «Мы из парикмахерской будем ресторан делать?» Я как раз чугун киселя наварила. Правда, наварила из овса, который был как шрапнель — чистить пришлось много. Но все равно, поели и посмеялись еще. Вот такое было. И шутили, и любили. Все было. Это же молодость. У кого вся юность, у кого более зрелая молодость прошла. Отнятая юность, отнятое детство. И теперь, когда я смотрю фильмы про войну, я реву реву.

Я не жалею о годах молодости, проведенных на войне. Мы стали не то, что жестче, не то, что смелее — не знаю, как сказать. Может, более сильными духом, может быть, более закаленными физически. Смогла бы я сейчас столько ходить, если бы мы тогда столько не ходили? Одно, чему я радуюсь — это тому, что не пришлось работать ни в каком штабе. Писарем я никогда не была.

На войне я вела дневник — просто записывала какие-то мысли, когда что-то приходило в голову. У нас был один фельдшер, Сазонов, который потом стал особистом, а потом после войны стал писать о войне, так он много у меня и списал, и выспрашивал. А вообще отношение к особистам у меня было неприязненное. Я никак не могла понять, зачем за нашими спинами надо всегда ходить и что-то вынюхивать. Они выискивали все время, очень неприятные люди это были. Это была слежка. Не дай Бог какое-то лишнее слово сказать. С другой стороны, они были нужны — шпионов ловили. Хотя они никуда не ходили, шпионов им приводили. А политработники у нас были очень хорошие. Комиссар 92-й дивизии, Мирон Побияха, погиб еще на Невском пятачке. Он был железнодорожник, я его знала еще с довоенного времени. Парторг

одного из полков, Вася (фамилии уже не помню), тоже был хороший человек. Начальник политотдела дивизии Знаменский тоже очень приятный человек был. Я всех их знала уже в послевоенное время, тогда я никого из штаба дивизии не знала. Тогда я знала только парторга батальона и полка. Потом, когда меня в партию приняли в Шувалово, я стала парторгом батареи. Мои обязанности были — проведение политбесед, политчасов. Насколько я видела — на фронте коммунисты шли первыми. Это то, что я видела — те, которых я знала. Политруки были разные, и командиры были разные.

Я была в госпитале в День Победы, малярия меня замучила. Я малярией болела еще до войны, и вот в мае 1945 года меня эта болезнь прихватила. Отстала от своих, и меня другая часть подобрала. Температура у меня была под сорок, и я попала в госпиталь. Когда мы получили известия о Победе — это было потрясающе! Нас не из чего было стрелять, но мы кричали, орали, прыгали. Я это помню. Потом нас перебросили в Петергоф, а меня перевели в прожекторную часть, которая в Ленинграде стояла. Оттуда я демобилизовалась. Я как пришла в эту прожекторную часть, сказала им — «для меня что ваш прожектор, что котелок — все равно!» Надо же было так сказать, обидно же! Но они меня выпускали в город. Эта часть стояла на углу Измайловского и первой Красноармейской, а моя мать жила на двенадцатой Красноармейской. В части служили солдаты местные, которые на фронт не пошли. Когда была их смена, мне говорили: «Слава, беги!» Они меня Женей не называли, только Славой. Я прибежала, маме приносила что-то из еды, потому что в армии в 1945 году было получше, чем на гражданке. И мне сразу надо было бежать обратно, чтобы они не сменились и меня не наказали за отсутствие из части.

Золотая Звезда Героя мне была не нужна...

Когда началась война, я училась в институте. Уже в институте у нас было военное дело. Мальчики учились как обычно, на командиров, а нам преподавали санитарное дело. Сдавали экзамены, и из нас получились самые настоящие санинструкторы. Звание присвоили уже в институте, я получила сержанта.

Я пошла на фронт добровольно, так как нас в начале войны еще не призывали. Из института ушло двадцать пять человек. Нас поселили во дворце Кшесинской, чуть ли не в подвале. Потом пятерых нас взяли в дивизию народного ополчения. Там мы недолго были, только один бой. Дивизия была оснащена нормально. Сейчас говорят, что дивизии народного ополчения в бой чуть ли не с палками шли — у нас не было не было такого. Были винтовки, были и ручные пулеметы. Нас привезли в медсанбат дивизии под Лугой. Неподалеку шел бой, и оттуда все прибывали машины с ранеными. Один из водителей, увидев нас, сказал: «Вот тут сколько девушек, а там перевязывать некому...»

Как это некому? И вместе с несколькими девчонками, такими же необстрелянными санинструкторами, я уехала на передовую. Без приказа. Без спроса.

Бой шел на поле, где стояла поспевающая рожь. Все это было настолько противоестественно, что не укладывалось в сознании и, казалось, кричало о великой беде, обрушившейся на нашу страну. Над хлебным полем грохотали орудия, свистели пули, полыхал огонь. А в золотые разливы колосьев падали убитые и раненые. Это шли вперед морские пехотинцы, кто в тельняшке полосатой, кто в форменке. Их за то и прозвали полосатые черти или черные черти. В результате отогнали немцев от деревушки.

Мы должны были принять участие в этой страшной реальности: бежать под пулями и ползти к раненым, доставать бинты, накладывать

жгуты и повязки... Бой был жестоким: ведь в июле — августе 41-го здесь проходил Лужский рубеж. Потери были большие, ранения — тяжелые. Мы на поле боя оказывали только первую медицинскую помощь, дальше раненых отравляли на машинах в санчасть. Не помню, сколько человек я перевязала в том первом бою: было не до подсчетов.

К вечеру, когда все кончилось, раненых собрали в лесочке и машинами эвакуировали. Я уехала в медсанбат обратно на последней машине. Там нас ждал выговор за то, что уехали на передовую самовольно. За это нас начальник этой части наказал, выгнав обратно в Ленинград. Пришла в военкомат, он мне написал в направлении какую-то чушь, и направил в госпиталь. Два дня поработала там, старшая меня спрашивает: «А ты сама откуда?» — «я из Ленинграда» — «ну молодец, даю тебе сутки отпуска за хорошую работу».

Я поехала домой с Петроградской. Там, где сейчас станция метро Горьковская, до войны недалеко был зубоучебный институт, и в этом институте был тот госпиталь, где я работала. Оттуда я поехала. Села в трамвай, кручу ручку для билета, кручу, кручу, а билета нет! Вдруг контролер подходит: «Ваш билет». А билета у меня нет! Тут вдруг военный подходит, протягивает билет и говорит: «Вот ее билет». Слово за слово, разговорились с ним, с этим молодым лейтенантом. Я ему пожаловалась, что хочу на передовую, или куда-нибудь, не хочу быть в госпитале. Он обещал помочь, написал записку, и сказал мне идти в штаб армии. Я пришла в штаб, нашла командира, который посмотрел записку, и спросил меня: «В какую часть хочешь? К летчикам хочешь?» Я говорю: «Нет, боюсь» — «А к морякам?» — «К морякам хочу». Так меня направили в Кронштадт. Сначала я была просто в Экипаже. Работали мы двенадцать часов в госпитале, потом отдыхали часов шесть, а потом еще помогали на разных работах. Из-за этого я в госпитале только один раз отработала. Меня главный повар назначил официанткой в кают-компанию, обед носить. Я принесла обед одному, второму, и в это время в помещение пришел какой-то новый офицер. Он, очевидно, что-то такое совершил, что все сидящие засмеялись и захолопали ему. А он сзади подошел, раз, и поцеловал меня в щеку. И говорит еще: «Какие щечки! Как персики!» Я поставила поднос, повернулась и как дам ему пощечину! И говорю: «А ручка как?» У него отпечаток моей пятерни во всю щеку. Все сначала ха-ха-ха, а потом вдруг замолчали. Оказывается, это был начальник Экипажа. Он закричал: «Это что

Вера Ипполитова

такое тут? Что за безобразие?». Я отвечаю: «Я ушла в армию добровольцем, защищать Родину, а не служить в бардаке!». — «Десять суток ареста!». Ему говорят: «У нас же нет гауптвахты для женщин». Потом шеф-повар мне говорит: «Ну ты дурочка, зачем тебе это надо было? Перетерпела бы, ничего бы тебе не стало». Я говорю: «Нет, что это за безобразие». И в ту же ночь нас отправили из Экипажа на фронт. Вместе со мной в 5-ю бригаду морской пехоты прибыли Мария Дьякова, Оля Головачева, Дуся Суравнева и Женечка (фамилию не помню). Помимо этого, в направлении было сказано, что Ипполитову, т. е. меня, необходимо отправить на фронт обязательно. Я так и знала.

Наша бригада организовалась примерно одиннадцатого сентября, а я прибыла в бригаду семнадцатого числа. В бригаде было много моряков с кораблей, и было много мальчишек из какого-то училища. Хорошие ребята, все в морской форме. Вооружены они были сначала только винтовками. Автоматы появились в начале 1942 года. Сначала автоматы пошли командирам, потом разведке, а потом у всех автоматы появились. Командир нашего батальона, Степан Боковня, первым получил автомат. Он еще в финскую воевал. Его я потом вытаскивала на своих плечах с минного поля, за это и получила первую медаль. В 1941 и 1942 годах у нас награждали только либо убитых, либо тяжело раненых. К 1943 году у всех командиров были автоматы, а у многих бойцов — трофейное оружие. Только в 1944 году, когда мы влились в 63-ю гвардейскую дивизию, трофейное оружие нам приказали сдать. Из разведки притаскивали в основном трофейные автоматы. Симоновские винтовки у нас в бригаде не любили, из-за того, что они из-за соринки заедали, а винтовки Мосина и в воде и в снегу могли лежать, и потом работать.

Мне, городской девушке, было сложно приспособиться к жизни в лесу. Я многого не знала. Однажды мы с Марией Дьяковой вышли утром из домика лесозаготовителей, где жили, и направились на позицию. Пройти надо было через лаз под узкоколейкой, которая обстреливалась. Но он за ночь заполнился водой. Значит, придется переходить рельсы? Мы замешкались, прислушиваясь. И вдруг услышали... разговор. Слов не разобрать, ясно только, что говорят не по-русски. Немцы? Так близко? Неужели они вышли в тыл к нашим войскам? Тогда надо предупредить своих...

И мы решили: Мария побежит обратно, а я останусь возле железной дороги, в кустарнике, чтобы посмотреть, куда дальше направятся голоса.

Через несколько минут я снова услышала речь. Сижу, дрожу, а в руках одна граната без запала — с таким «оружием» мы с Марией отправились в путь.

Целой вечностью показались мне те несколько минут, пока я сидела одна в кустарнике, вблизи «немецких голосов». Мария привела с собой разведчика Боря Вовка. Он прислушался и... расхохотался.

Оказывается, это «разговаривали» между собой оборвавшиеся телефонные провода.

В этот момент подросла вся батальонная разведка во главе с комбатом Степаном Боковней. Узнав, что тревога была ложной, он не на шутку рассердился. «Развели тут детский сад, убрать этих девчонок отсюда...» А я стою, перепуганная, трясусь болванкой от гранаты.

— Ты что, хочешь еще нас подорвать? — не унимался комбат.

— Да это пустая болванка, старшина нам не дает взрыватели — чуть не плача, ответила я.

И тут неожиданно у нас с Марией появился заступник — старшина разведки Виктор Вересов. Он сказал: «Надо же, с одной болванкой хотела встретить немцев... Ну, с такими девчонками можно и в разведку идти — не подведут». Нас оставили.

Бригада состояла из четырех отдельных стрелковых батальонов. У нас в батальоне было три стрелковых роты, минометный взвод, пулеметная рота. В роте три стрелковых взвода, минометный взвод, и пулеметный взвод. А еще нам обычно придавали взвод из пулеметной роты батальона. У нас была своя разведка, подчинявшаяся комбату. Минометы были маленькие, 50 мм. Мне один раз пришлось самой из него стрелять. Если синус и косинус знаешь, то прицеливаться несложно.

Шинели я не носила, она длинная, неудобная. Зимой я носила ватник, ватные штаны, пилотку. На фотографии у меня четыре треугольника — старшина, хотя я была старшим сержантом. Не знаю, почему — мне тогда было все равно, какое звание, я была просто санинструктор, и все тут. Первоначально вся бригада была обмундирована во флотскую форму, но уже в конце 1941 года начали нас потихоньку переодевать в армейскую форму. Тельняшки все моряки все равно оставляли. Давали сначала шинель, а к лету дали гимнастерки. Тельняшки не отбирали и меняли.

Снабжение было сначала совсем плохим. Если Ленинград был в блокаде, то мы были в блокаде вдвойне. Зимой 1941–1942 года давали на день один сухарь только. Потом иногда давали кипяток. Иногда ребята лазили на огороды, и приносили обмороженную капусту. Такой был сорок первый год, ноябрь, декабрь. Поэтому ребята, кто в разведку ходил, обязательно мне шоколадку приносили. А немцы нам кричали: «Рус, иди к нам! Опять конину жрешь? Давай сюда, дадим шоколад». Вот такая у немцев была пропаганда. Особенно когда ветер был в их сторону и они чувствовали запах, что мы конину варим. Ужасный запах! Листовок с немецкой стороны я не помню.

Появились и цинга, и авитаминоз, и куриная слепота. С этим боролись тем, что давали солдатам пить отвар хвои. От куриной слепоты давали какие-то капли, но это был не рыбий жир. Давали по одной-две капли в день, и этого хватало. Обморожений я не помню. Одеты солдаты были хорошо, и портянки часто меняли. Зимой нам выдавали толстые

и теплые портянки. У меня размер ноги 37, а сапоги у меня 39 размера были, так что было не холодно. Никаких противоэпидемических мероприятий у нас не было. Баня была хорошая, около Воронки, так что чистые мы были. Конечно, я там не часто бывала, потому что меня послали в боевое охранение, где и сапоги не снять. Нас сменяли раз в неделю, и тогда мы сразу шли в баню.

Бомбили и обстреливали часто. Маша, подружка моя, с которой я пришла в бригаду, получила страшное письмо от двоюродного брата (сама она была из-под Пскова). В этом письме брат написал, что всех его и ее родственников вместе со всей деревней немцы согнали в какие-то ямы, накрыли железом и пустили газ. Ему дядя завязал рот рубашкой, и поэтому он выжил, и ночью его оттуда вытащили. А все остальные умерли. Вот такое письмо. После него она стала бояться, и начинала плакать каждый раз, когда где-то начиналась стрельба. Я командиру говорю: «Ну что вы мучаете девочку, пускай идет с передовой в санчасть работать». Ее перевели в санчасть.

Как-то на майские праздники я к ней пришла. Она мне говорит: «Ой, Вера, мне тут так хорошо, у меня даже простыни есть! Раненых сразу обрабатываем, делаем уколы, отправляем, у нас машина своя. Так приятно работать! Что ты все еще санинструктором? Вон Петька, парень здоровый, пусть он идет в роту санинструктором, что ты там делаешь? Я поговорю с командирами». Я говорю: «Не надо говорить ничего. Командиры сами знают и видят, в каких условиях я там живу, и ничего». Распрощались, я говорю: «Пойдем, проводишь меня». Она: «Нет, нет!» Фельдшер тоже ее не пустил. Я пошла обратно на передовую одна. Иду и слышу — ууух, снаряд разорвался. Я бегом. Мимо как раз машина едет, в ней Горюнов. «Садись, подвезу» говорит. Я ни в какую: «Нет, я к своим побегу!» Как будто что-то мне подсказало, что не надо в ту машину садиться. Он поехал в санчасть, и только подъехал к ней, как второй снаряд накрыл санчасть. Они в машине живы остались, а в санчасти фельдшера-старика убило, Машеньку убило, а Клаву ранило тяжело. Горюнов мне потом говорит: «Все, буду только тебя слушаться».

Решили мы как-то перевести на немецкий язык сводку Совинформбюро и передать немцам «по радио». Вместе с офицером Платоном Николаевичем Матхановым заучили немецкий текст и морозной ночью отправились вдвоем к вражеским полициям. У меня с собой был жестяной рупор. Когда приблизились к нейтралке, разошлись в разные стороны. Тут уже надо было ползти, причем осторожно — ведь полоса заминирована. Вот подползла я ближе к Воронке — страшно, кругом темнота — и стала кричать в рупор: «Ахтунг! Ахтунг! Слушайте голос русской девушки — голос правды...» И дальше — о разгроме врага под Москвой, о близких победах Красной Армии. Немцы были в ярости, подняли стрельбу, подвесили осветительные ракеты. Я затихла, затаилась, а с другой точки говорить продолжил Платон Николаевич.

**Вера Ипполитова
на Ораниенбаумском
плацдарме. 1942 год**

На фотографии, где я с автоматом позирую, у меня немецкий автомат. С ним целая история была. Мы пошли в разведку, вскочили в немецкую траншею, а немец этот автомат бросил. Я его и подняла. Мне попало, разведчики говорят: «Повезло тебе, что фриц мирный попался, а то от твоего личика ничего бы не осталось». Но немец сдался тихо, не шумел, показал, где у них дорожка разминированная в нашу сторону. Оказалось, что это не немец был, а австриец. Высокий, беленький такой, блондинистый. Мы все смеялись с девчонками: «Какой красивый парень!» В той разведке был тяжело ранен только один из наших бойцов — Сахаров, самый здоровый и высокий, под два метра ростом. Он был ранен в грудь, легкое пробито. Я его перевязала и потащила на себе. А сил нет. Тащу я его по снегу и чуть не плачу «зачем такую громадину взяли в пехоту? Служил бы на корабле...» А он мне в ответ: «Брось меня!» Я дотащила его до кустов, там более основательно его перебинтовала, с клеенкой, и ему стало легче дышать. После этого еле-еле добралась с ним до Воронки.

Это было зимой 1942–1943 года. Много времени прошло с этого эпизода, я была в боевом охранении, и меня летом вдруг летом вызвали в штаб батальона. Я пришла, мне говорят: «Будешь заниматься немецким языком». Я спрашиваю: «А с какой стати?» Мне говорят: «Да этот немец, которого вы в плен взяли, рассказал, что как ты кричать в рупор начинаешь, то они собираются вместе и хохочут. Не берлинское, говорит, у тебя произношение». А у меня вообще, даже когда я училась в институте, были дефекты речи, и со мной занимался логопед. Немного неправильно произносила некоторые звуки. Так что этому немцу предложили со мной заниматься. Он согласился. Привезли меня на КП, немца привезли. Мы сели за столом, с одной стороны я, с другой немец, а еще сидел рядом Семен, наш главный отвечающий за пропаганду. Он хорошо знал немецкий, так как наш университет закончил. Дали мне

текст, чтобы я прочитала, и чтобы он меня поправил. Позанимались, на второй день опять занимаемся, на третий день — опять. А Семена нет! Мы вдвоем. Ребята говорят: «Семен занят, позанимайтесь сами». А было жарко, и мне мама как раз прислала кофточку. Зачем кофточка на фронте? Чего она выдумала? Я у девчонок эту посылку развернула, кофточка красивая, из шелка, короткий рукав, рюшечки. Примерила. Все девчонки говорят: «Ой, как хорошо! Иди на занятие!». Я говорю: «Да что вы, незачем» — «Иди на занятие!». Я скорее пошла. Сижу с ним, читаю, а он вдруг меня по руке погладил, и говорит: «Schön, schön Lorelei!» Я вскочила, как выбью из-под него табурет! И ногой еще поддала. Он упал, прибежал часовой. Я говорю: «Уведите его, и скажите, что я больше с ним заниматься не буду». Отдала девчонкам эту кофточку, сказала: носите, кто хочет. Одеда опять форму, и всем сказала, что больше немецким заниматься не буду. Так вот закончилась моя работа с агитацией.

Счета раненым, вынесенным с поля боя, никто не вел. Некому было этим заниматься. Разве что если примерно — например, в разведку ушло восемнадцать человек, а вышло восемь, два убито, значит, восемь вынесла. А так, чтобы кто записывал — не было такого. А потом, когда мы уже в гвардии были — какой тут учет? Что вы! Может, кто-то где-нибудь писал, но я никогда не записывала, и в голове не держала.

Официально я была санинструктором роты, но занималась и пропагандой, и в разведку ходила. Сколько раз я ходила в разведку, я не знаю, в памяти не отложилось. Запомнилось только несколько эпизодов — успешная разведка, когда этого немца взяли в плен, и спокойно до своих добрались, и неудачная, самая страшная разведка боем. Зажали там нас немцы. Зимой это было, 28 декабря 1941 года. Когда-то я помнила фамилии всех, кто в той разведке погиб. Командир роты (только что назначенный) был убит, политрук тяжело ранен, заместитель Чесноков был ранен, но всех вытащили. Они нас обнаружили, и когда мы подобрались к их проволочным заграждениям, они открыли огонь с флангов и чуть ли не сзади. Там был маленький проход через кустарник, и через этот проход я вытаскивала раненых, и возвращалась за ранеными. Помню, Саша Гудович там был, Саша Добенчук, Боря Вовк, Виктор Конопелько, Виктор Финюков, Саша Дубовецкий. А там как раз рассвело, уже не выбраться было с нейтралки, все простреливалось. Пришлось нам укрыться за большим камнем и весь день там лежать в снегу. Чтобы не замерзнуть, пустили по кругу фляжку с водкой. Продержались там до темноты и уползли к своим.

После этой разведки боем комиссар батальона Платонов спросил меня: «Хочешь стать членом партии? Я дам тебе рекомендацию». После этого я была принята в кандидаты, а через полгода стала полноправным членом ВКП (б).

10 декабря 1941 года разведка боем была успешной, захватили документы, много немцев убили. Тогда погиб Виктор Вересов,

Вера Ипполитова после награждения первой медалью «За отвагу» и Ольга, погибшая в разведке боем

прикрывавший отход. Командира тогда быстро убило, и старшина Вересов принял командование. Я думаю, что он, наверное, ранен был и не мог идти, просто дал команду отходить и а сам продолжил отстреливаться от немцев. Мы отошли, и смотрим — Виктор встает во весь рост, расстегивает бушлат, тельняшка видна. Немцы как раз ракету пустили, и его было прекрасно видно. Немцы увидели, что это моряк. Он еще шапку снял и бескозырку одел. И встал. Ребята очумели — не может быть, чтобы Витька Вересов сдался в плен, не может! А к нему около десяти немцев кинулось, чтобы взять его в плен. Мы слышали, что был такой приказ Гитлера — если кто в плен моряка возьмет, тому две недели отпуска домой. Вот к нему немцы и кинулись. А у него противотанковая граната, ух — взрыв — он подорвал себя с немцами. Мы рассказали о его подвиге, но никто не поверил. Уже и после войны рассказывали, бились за то, чтобы его наградили посмертно — ничего не помогало. Свидетелей нет, тело не найдено. Наш политрук Платонов тоже много писал, нет — и все. Только в 60-е годы нашему политруку принесли немецкую газету, в которой какой-то немец писал воспоминания о войне, как с русскими воевал. Там он описал бои на Воронке, упомянул матроса, который подорвал себя вместе с немцами 10 декабря 1941 года. Сам немец это видел, был недалеко. Платонов взял газету, перевел ее, и отправился в Москву. Только благодаря этому Вересов посмертно получил звание Героя Советского Союза.

А Ольга, подруга моя, тоже пошла в разведку и погибла. Я не знаю, что у них за рота такая была — мы никогда своих не бросали в разведке, а она там почему-то осталась у немцев одна. Эти все ушли. Я потом с их старшиной разговаривала: «Как вы Ольгу-то оставили?» Он ответил: «Она выдержала у меня руку и помчалась, прыгнула опять к немцам в окоп». И раздался взрыв гранаты. Очевидно, она тоже себя подорвала. Почему, что, зачем — никто не знает. Племянник ее бегаёт, хлопочет

о награждении, и ничего не может добиться. Он ко мне приходил, я ему говорю: «Ну ради Бога, я дружила с ней, я могу рассказать, какая она была». Но в той разведке я не была, и что с ней случилось — взорвала она себя или еще что случилось — я не знаю. Тела нет, доказательств никаких нет.

Случалось, что разведываходы осуществлялись экспромтом, без предварительной тщательной подготовки. Так случилось 2 января 1942 года — немцы почти сразу накрыли огнем первую группу разведчиков. Не зная, что делать, разведчики послали в батальон связного и запросили дальнейших приказаний. Командование запретило им отступать, приказало захватить языка во что бы то ни стало. В этот день погиб весь цвет нашей ротной разведки, причем погиб зря, не принеся никакой пользы. От бессмысленности ощущение потери было еще тяжелее.

Больше чем смерти, я боялась плена — и поэтому всегда с собой носила гранату «лимонку». То, что сейчас воспринимают как героизм, тогда было в порядке вещей. Один раз летом 1942 года наши пошли в разведку боем, сзади оставили для прикрытия минометный расчет. Я была рядом. Вскоре появились первые раненые, я начала их перевязывать. Наши бойцы своей атакой заставили немцев обнаружить свои огневые точки, и как только немцы открыли огонь, стали отходить назад. Один из разведчиков, бежавших в нашу сторону, крикнул минометчиком: «Огонь 600!». В этот же момент прямым попаданием мины минометный расчет был выведен из строя — первый номер убит, второй ранен. Я подбежала к миномету, перевязала раненого, установила нужный прицел и выпустила три мины в сторону немцев. Это помогло нашим выйти из-под огня и вернуться в свои траншеи.

Перевязочного материала всегда было достаточно, никого без перевязки не оставляли. Никакой дезинфекции мы не производили, только если жгут накладывали, а потом стерильную повязку. Остальное — уже в санчасти. Из обезболивающих там использовали и морфий, и адреналин, и все прочее.

В сентябре 1942 года мне предложили пойти в боевое охранение на том берегу Воронки. Тогда же я стала помощником политрука роты. Политрук нашей роты, Александр Трошин, назначил меня помощником, когда услышал, как я отчитываю и воспитываю молодое пополнение. Летом к нам пришли новые солдаты, совсем мальчишки, изголодавшиеся и истощенные. Они разводили пшенную кашу, которую мы называли «блондиночкой» водой, и от этого пухли. После этого их направляли с передовой в госпиталь лечиться. Увидев как-то утром, что один молодой боец добавил к своей скудной порции каши целый котелок воды, я не удержалась: «Что же ты делаешь? Как тебе не стыдно? Родина тебя отправила на фронт, чтобы ты ее защищал, а ты что делаешь? Вот моя двоюродная сестра семиклассница голодает в Ленинграде,

но шьет бойцам шинели и варежки, вяжет носки. Думаешь, тебе труднее всех? Может быть, это она сшила тебе эту шинель, чтобы ты как следует воевал, а ты? Совсем раскис. Думаешь, нашим отцам было проще в Гражданскую войну? Они вообще босиком или в лаптях в бой шли, голодали... Ты лучше скажи, ты знаешь, что такое Чеквалап?»

Боец не знал. И никто в роте не знал об этом слове ничего. И тогда я объяснила, что это была специально созданная Лениным Чрезвычайная комиссия по обеспечению Красной Армии лаптями и валенками.

Этот разговор заинтересовал Трошина, нашего политрука роты. Он вызвал меня и спросил:

— Ты это правду рассказала про Чеквалап или выдумала все? Что-то я такого не припомню.

— Конечно, правду, — ответила я. — Это нам на уроке истории рассказал наш учитель истории Михаил Григорьевич Миняев.

— Ну давай за хорошее знание истории я назначу тебя моим заместителем, будешь мне помогать, — сказал политрук.

В роли его помощника и, конечно, санинструктора, я ушла на тот берег Воронки в боевое охранение. Это было совсем рядом с немцами. В разведку мы отсюда не ходили, но наш Максим все время держал немецкие позиции под прицелом.

В боевом охранении на том берегу Воронки нас было семнадцать человек. Блиндаж, там пулемет Максим. У нас для связи был телефон и ракетница, и все. Находиться там было очень утомительно — не то, что раздеться, там даже сапог было не снять. Постоянное напряжение, чувство опасности и близости к врагу. Никакой возможности подвигаться, размяться. И вот однажды мы ждали ужин. Нам приносили еду два раза в день — вечером и утром. Зимой-то хорошо, когда рано темнеет, а летом совсем плохо. Это было часов в восемь, ужин еще не принесли. Вдруг мина взрывается на нейтралке, ближе к нам. Такая же маленькая пяткощипательная мина. Все к бою. Прибегаем туда. Старшина и говорит: «Вот там кусты, и там был взрыв. Там какой-то сверток лежит, но на зайца не похоже. Может быть, волк или человек? Хотя маленький для человека... Пойду посмотрю» — «Да куда ты пойдешь, там все заминировано!» — «ничего, я знаю проходы». Пополз он туда, пулемет его на всякий случай прикрывает. Он подполз к этому свертку, поднял его, и мы увидели, что это маленький человечек. Вытащил его старшина, и это оказался мальчишка лет десяти, подорвавшийся на этой мине. Я его забинтовала, принесли нам еду. Сахар был. Мы сделали сладкую-сладкую воду, он попил, отошел немного. Смотрит на нас, и спрашивает: «Вы русские?» — «русские, русские». — «Мама мне тут зашила карту в воротник, это командиру». Распорили воротник, смотрим — это карта Копорья. Больше этого мальчика ни о чем не успели расспросить — мы его послали в тыл с теми, кто еду принес. Им через Воронку надо было переходить, а там все под обстрелом было. Так что

судьбу этого мальчишки я не знаю. Потом в 1945 году я как вернулась, сразу пошла в Большой Дом, еще в форме, со всеми наградами. Говорю: «Вот из Копорья к вам мальчишку доставили, дайте мне человека, который мог бы рассказать о его судьбе». Они мне в ответ: «Не можем». Я говорю: «Ну как это — не можете? Я хочу знать о его судьбе, может, в Копорье у вас кто есть?» Дали мне адрес. Приехали туда, а там все разбито, еще не разминировано полностью. Нашли только одного старика, который говорит: «Ничего не знаю, знаю только, что тут немцы одну учительницу повесили, а сын ее, мальчишка, исчез куда-то. Вот и все». Сколько я в газету ни писала, по радио в 1945 году говорила, потом когда Сосновый Бор построили, все время там его искала — безрезультатно.

Местное население на плацдарме еще оставалось. В 1943 году нас на отдых вывели в деревню. Там хозяин жил с женой, и он по льду из Ленинграда привел мальчишку маленького. Хлеба они вообще не получали, у них только корова была. Я свой хлеб все время этому мальчишке отдавала. Потом они куда-то уехали.

Первую медаль «За Отвагу» я получила только в 1943 году. Я в то время была уже в третьем батальоне, а Боковня был командиром первого батальона. Боковня, командир разведки его батальона, политрук, и двое мальчишек-ординарцев пошли на рекогносцировку на стык батальонов. Мой новый батальон стоял как раз на том месте, которое я хорошо знала — раньше в тех местах мой бывший батальон стоял. И вот, идут они на рекогносцировку местности, все с автоматами. Спрашивают меня: «Знаешь эти места? Покажешь, что тут где?» Я говорю: «Знаю, но сейчас вам туда нельзя». Они говорят: «Да мы только посмотреть, далеко залезать не будем». Ладно, пошли мы. Дорожка небольшая идет, поле, кустарником заросшее, и большая воронка, наполненная водой. Около воронки сидит парень с другой стороны от нас и полощет свои портянки. Я ему говорю: «Как ты туда пробрался?! Тут же все заминировано! Боковня, это ваш солдат!» Солдат вытянулся, доложил, какой он роты. Я говорю Боковне: «Что такое? Мы же послали вам карты минирования! Здесь нельзя ходить!» — «Как так заминировано?» Я отвечаю: «Хорошо все заминировано, я сама присутствовала при этом». А у меня командир роты хороший был мужик, но малограмотный — уже пожилой. Он карты вообще не умел читать, иногда карты кверху ногами держал. Там же планы надо чертить! Так что если надо было карту какую-то или схему составить, то он посылал меня. Я стояла на дорожке, минеры минировали, а я чертила план — где какие мины. Это было минное поле как раз на стыке двух наших батальонов. Боковня говорит: «А, ладно, раз этот солдат прошел, то и я пройду». И пошел. Пятнадцать шагов сделал — и мина взорвалась у него под ногами. Мина была маленькая, мы называли их пяткощипательными, их часто делали из коробочек из-под пасты или баночки. Ступни у комбата больше нет. Эти четыре мужика стоят как окаменевшие, и смотрят. Он стоит

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

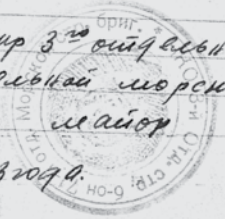
1. Фамилия, имя и отчество Ипполитова Вера Сергеевна
2. Звание Сержант 3. Должность, часть заместитель командира отделения 3-ей стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 71-го стрелкового корпуса 1-го стрелкового корпуса
Представляется к награде "30 октября"
4. Год рождения 1921 5. Национальность Русская
6. Партийность член ВКП(б) с 1942 года
7. Участие в Гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР / где, когда / 27.12.41 под дер. Косицкое с 9 Косицкое с 03.42 Петровицы, Косицкое с 05.42 в Луизи
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 8 июля 1941 года
10. Каким РВК призван по добровольно Петровицы РВК Ленинград
11. Чем ранее награжден / за какие отличия / не награждалась
12. Постоянный домашний адрес / представляемого к награждению или его семьи /

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

На фронте с 8 июля 1941 года с начала в 1-м батальоне, а с июля 1942 года находясь в 3-м батальоне 71-го стрелкового корпуса. С момента вступления в ряды РККА работа санитар-инструктором. неоднократно участвовала в развед. операциях где действовала смело и решительно. Вынесла с поля боя свыше 20 человек раненых бойцов. В своей повседневной работе неустанно работает по оказанию медицинской помощи, проводит политико-воспитательную работу в подразделении. Ипполитова одна из активнейших работниц по разложению немецкой армии методом непосредственной передачи мегароном. специальных текстов листовкам, находясь под

ружейно-пулеметным и арт-минометным огнем.
 Иттиомитова со своим отделением несет службу в
 боевом охранении батальона и личный состав которого,
 имея хорошую боевую подготовку представлял
 из себя крепко сложенный коллектив, способный
 выполнить любую задачу - неся смерть врагу. При
 выходе за передний край боевого охранения с
 целью истребления противника, тросы вания под-
 ступов к боевому охранению вылезая отсюда
 Иттиомитова всегда впереди в чаше своего отде-
 ления как командир и как сан инструктор.
 Отлично владеет пехотным оружием, имеет на
 своем счету 2-х истребленных вражеских.
 Пользуется авторитетом среди личного состава.
 Зодатайствую о награждении - медалью
 "за отвагу"

командир 3^{ей} бригады отдельного стрелкового батальона
 71 отдельной морской стрелковой бригады
 майор *Иванов* / *Иванов*
 06.03.43 год

Награжден Правительственной наградой медалью
 "ЗА ОТВАГУ".

КОМАНДИР 71 ОТДЕЛЬНОЙ МОРСКОЙ
 СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ

Полковник: -
 / КОЗУНЕНКО /

Козуненко

" 7 " Марта 1943 года.

на одной ноге бледный, рядом березка. А я знаю, что у той березки там мина, и не пяткощипательная, а здоровая, так что если наступит, то его вообще разнесет. Я вздохнула, говорю ему: «Стой спокойно, ничего не страшно, стой. Не шатай березу». И пошла. Пятнадцать шагов прошла. Хотя я и знала, где там мины, все равно страшно — мало ли, ногой за проволочку эту тоненькую зацепишься. Повернулась, на плечи его взяла, и вынесла. Боковня после этого моему комбату Маркову говорит: «Представь ее к медали «за Отвагу». Надо было ее раньше представить к награде...Только никому не говори, что она меня вынесла — это же кошмар — командир батальона подорвался на своей же мине. Говорила же она мне, предупреждала...» Мало того, вынесла я его на дорожку, подбежал его ординарец, и мы вдвоем его понесли. Два шага — и взрыв! Оказывается, что это политрук — то ли поскользнулся, то ли у него с головой что-то стало — упал, и прямо на мину. Конечно, его страшно разорвало. К месту происшествия уже бежала санинструкторша Катюша. Я ей говорю: «Иди, Катюша, там тебе ох какая работа!». Политрука за ноги вытащили с минного поля, Катюша его перевязала, но он все равно по дороге скончался от ран.

Следующая моя медаль «За Отвагу» была уже в гвардии. В наградных листах все написано не так, как было на самом деле. Когда я попала в гвардию, в 188-й гвардейский полк, меня Шерстнев представил к Красной звезде, но комиссар сказал: «Слишком много для нее Красная звезда будет, только что пришла в часть, и уже Красная звезда? Дай ей медаль «За Отвагу».

В январе 1944 года, когда начались бои по окончательному снятию блокады, наша рота была в авангарде. Бригада шла в основном по дорогам, а мы шли по пятам удирающих немцев, по бездорожью. Пошли к деревне, огородами начали подбираться к домам. Смотрим, между домами трое бегают с ведром, и с какой-то палкой, один в ведро макает палку, мажет стены домов, а третий поджигает. Дома все заколочены. Мы сразу атаковали деревню, всех троих убили моментально. Смотрим, там вдалеке два автобуса, в них немцы садятся. С нами разведчики были, так они сразу бросились туда, автобусы гранатами закидали, немцев много побили. Кто-то сдался в плен. Напротив нас дом стоит, уже горит. Один из разведчиков дверь открыл, туда вскочил, потом выскочил, и мне что-то бросил на руки. Я открываю сверток, а там девочка маленькая, годика два! А это все зимой, у нее ножонка голенькая, я свои рукавицы сняла, и ее завернула. У меня еще был большой пуховой платок — мне мама прислала, потому что до войны у меня часто ангина была. Как ни странно, за всю войну я не заболела ни разу — сколько ни лежала в снегу. Этим платком я ее закутала, говорю деду (потом разведчики еще деда старого из этого горящего дома вытащили): «Прости дед, больше у меня нет ничего, не могу ничем помочь». В этой деревне все дома были заколочены, внутри дети и старики, и немцы

бегали и поджигали их. До нашего появления они сумели поджечь несколько домов. Это то, что я видела своими глазами.

Бригада наступала по дороге, бой вели какой-то, но немцы в основном решили убежать, не принимая боя. Часть мы перебили, часть — тех, что сдались — около сарая выстроили. А у нас в четвертом батальоне был Саша Пушкин, командир отделения. Я его сама не знала, только слышала о нем. Он дружил с одной девочкой из бригады. И его в этом бою убило. Когда она узнала: «Ой, мой Пушкин! Убили! Убили!» Схватила автомат, и по этим немцам около сарая — раз очередь! Два очереди! Она была невменяемая. Ей кричат: «Перестань! Не стреляй!» Бесполезно. Потом уже командир бригады Козуненко плащ-палаткой накрыл и увел. Сколько она немцев там убила и ранила — не знаю. А Пушкина убили, хороший парень был, говорили.

До Нарвы мы шли как бригада, а потом нас вывели с передовой в тыл, и туда же вывели этих гвардейцев. И наши части слили, мы стали частью 63-й гвардейской стрелковой дивизии. Козуненко, нашего командира бригады, услали куда-то. Стояли под Нарвой, ее только в июне освободили — котелок нам такой немцы устроили.

Под Нарвой меня слегка ранило, осколок попал между двумя пальцами на ноге. Я перевязывать не стала, и в медсанбат не пошла. К вечеру нога распухла, температура поднялась до 39. Меня на волокуши и в медсанбат. Врач меня осмотрел, а нога уже почернела чуть ли не до колена, и говорит: «Сейчас без ноги будешь». Я говорю: «Как это без ноги? Как я танцевать буду?» Он говорит: «Ладно, я попробую. Тут мне лекарство прислали прямо из Москвы» — а у него родители тоже врачи были — «так что попробую на тебе». Он мне ногу перевязал и стал колоть раз в три часа. Под утро я ушла, и все было в порядке. А что это было за лекарство, я до сих пор не знаю.

Я была уже в санчасти полка, когда началось наступление на Карельском перешейке — мы развернули санчасть на горушке, поставили палатки. Это было под Выборгом. И сразу раненные начали поступать. Отправили машину, вторую, больше нет. Осталось двое тяжелораненых, отправлять не с кем. Врач Иванов меня спрашивает: «Ты знаешь Горюнова из 192-го полка?» Я конечно его знала, это же бывший наш врач из бригады. «Сбегай к нему, попроси его, чтобы он к нам за двумя тяжелоранеными заехал». Я побежала туда, за мной увязался один мальчишка Верхогляд из санзвода. Я добежала, договорилась обо всем, бегу обратно. И тут обстрел. Он мне ножку поставил, я упала, он рядом упал. Переждали, обстрел кончился. Пришли к нашей санчасти. Палатка наша накренилась, только одни убитые, никого нет. Все врачи и санитары убежали, все бросили. Это был самый позорный случай, что мне доводилось видеть за всю войну. Что делать? Пришлось мне весь бой работать одной. Только Верхогляд со мной был, и Иванов еще пришел. Я говорю: «А ты что не убежал?» Он в ответ: «А я знал, что ты

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

247

Фамилия, имя и отчество - ИПОЛИТОВА Вера Сергеевна

Военное звание - Сержант

Должность, часть - Санитарструктор 188 Гвардейского стрелкового полка, 65 Гвардейской стрелковой Красносельской дивизии.

Представляется к Ордену КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

1. Год рождения - 1921 года 2. Национальность - Русская

3. С какого времени состоит в Кр. Армии - 1941 года 4. Частность - Чкав. ВКД/с/

5. Участие в боях - Отечественная война с 1941 года.

6. Имеет ли ранения и контузии - Не имеет.

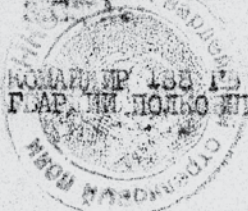
7. Чем ранее награжден - Медалью ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА, ЗА ОТВАГУ

8. Каким РМ награжден - Петрозаводским РМ.

9. Постоянный домашний адрес -

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. Иполитова в боях с 10.3.44 года в р-не п. Чепменбах проявила мужество и отвагу, расцарапав с личной жизнью, под сильным огнем пр-ка, охраняла проезд 118 раненым бойцам и санитарам. Сактивировала с боями боя 68 тяжело раненых с их личными оружием. Тов. Иполитова, востанна представительницей награды Ордена КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Иполитова

ЛИСТНЕ 1/

10.3.44 года.

Санитар ПИМ. Гвардии сержанта. ИПОЛИТОВУ Веру Сергеевну за то, что в бою с финскими варварами с 25.06. по 3.07.44г. проявила мужество и отвагу, работая на головном ПИМ невзирая на сильный артминогонь пр-ка, спасала жизнь бойцам и офицерам.

1921 года рождения. Русская. Член ВКП/б. в РККА с 1941г. призвана Петроградским РКК г. Ленинграда. Домашний адрес -

10. Санитарного инструктора санитарной роты, гвардии сержанта ИПОЛИТОВУ Веру Сергеевну за то, что в период боев с немецкими захватчиками проявила смелость и преданность Родине, работая на переднем крае, она вынесла с поля боя и оказала помощь 50 раненым бойцам.

1921 года рождения, член ВКП/б/, русская, ранений не имеет. Награждена медалью За Отвагу - 3.03.43г., 22.03.44г., 14.06.44г., 6.07.44г. Медалью За Оборону Ленинграда 22.12.42г. Призван в РККА-Добровольно. Домашний адрес -

придешь, как я мог убежать?». Он был ранен тяжело в ноги в 1941 году в бригаде, и я его вытаскивала. Так что вот так вот втроем работали. Отправляла я раненых так — с гранатой выходила на дорогу, и оставликала любую машину. Там еще в ложбине стояли артиллеристы, и им подвозили снаряды на машинах. Я туда спускалась, и если у них машина была свободная, то на ней я тоже раненых отправляла. И так дня три мне пришлось там работать. Никто не вернулся из врачей. Потом наши прорвались, пошли вперед. Тогда тишина наступила, и пришел Захаревич, врач. С ним пошли вперед.

Как раз тогда был такой случай: идем мы по дороге, а я вижу — чуть в сторонке пулемет Максим перевернутый, и раненых двое лежит. Я говорю: «Пойду посмотрю». Один убитый, остывает, а второй лежит, я его повернула, он глаза открыл, и улыбнулся мне. Я говорю: «Ну молодец какой, даже улыбаешься!» Иванов и этот второй мальчишка подошли и на носилках его вынесли. Отправили его в тыл. Потом после Победы уже лет двадцать прошло, и в День Победы стали переименовывать русскими именами. Одно село называли Дымово. Ребята из дивизии спрашивают: «А почему Дымово?» В военкомате говорят: «Здесь воевали наши гвардейские части, многие погибли, в том числе геройски погиб солдат Дымов». — «Дайте адрес, откуда он». Им адрес дали. Они написали туда, и вдруг ответ — «все верно, я воевал, но не погиб, меня спасла девушка с мушкой на губе. Когда я пришел в гвардейскую часть, то врач и эта девушка осматривали нас — нет ли потертостей, еще каких-то жалоб. И тогда мне старые ребята сказали — если ранит, и тебя будет перевязывать эта девушка с мушкой на губе — то ты останешься жив». Его вызвали сюда в Ленинград на День Победы, по телевидению целую передачу о нем сделали. Он приехал, простой охотник. Он в этой передаче еще сказал, что сумеет узнать девушку, спасшую его, по мушке на губе. И меня вдруг вызывают с работы на телевидение. Я понятия не имею, зачем это. Пришла туда, смотрю, там сидят ветераны, все с орденами.

Думаю — куда же я сяду? Села в уголке, рядом с женщиной. А я прямо с работы, даже без колодок орденских. Смотрю — Давиденко, наш бывший комполка, входит. Думаю, неужели это он такой концерт устроил? И тут появляется этот Дымов. Я его, конечно, тоже не узнала. Он прошел мимо этих женщин в орденах, и говорит: «Нет, ее здесь нет». А Давиденко меня увидел, и говорит: «Там дальше еще есть две женщины, посмотрите, может быть, их узнаете». Он пошел, и мне говорит: «Здравствуйте!». Мы после этого поехали в эту деревню, устроили там целый концерт. Литературная газета об этом первой статью напечатала, и потом пошло.

Я никогда не считала, сколько раненых я выносила. Так что в наградных листах написано — я не знаю. Я даже понятия не имела, что надо считать. После войны в военкомате меня сразу спросили: «А сколько ты вынесла с поля боя? Сколько перевязала? Может, дадут Героя». Я отвечаю: «Не знаю я, я никогда не считала. Мне хватит того, что у меня есть. Пять медалей за Отвагу, и медаль за Оборону Ленинграда».

В Эстонии отношение населения, по крайней мере к нам, было нормальное. Мы остановились в большом доме, на втором этаже, на первом была санчасть. Хозяйка с мальчишкой голодала, мы ее подкармливали. Когда уезжали, хозяйка мне вареники подарила.

Потом мы ликвидировали Курляндскую группировку. В сорок четвертом и в сорок пятом мы там стояли, до конца войны. Берлин уже взяли, а они все еще стреляли, заразы! Сколько у нас там погибло! Командир батальона, Трошев, за день до конца войны его убило. Жена и дочь осталась у нее.

Еще до войны на рынке ко мне подошла цыганка, говорит: «Дай погадаю». Мне тогда двадцать лет было, зачем мне это гадание? Нет, пристала. Дала ей руку, она посмотрела, и говорит «счастливая, но невезучая». И руку мою бросила. Я оторопела: «Как это — счастливая, но невезучая?» Она в ответ: «Подрастешь — узнаешь».

За всю войну я была ранена только два раза. Ерунда это все. Внук у меня хороший, дочка хорошая. Умирать мне теперь не страшно.

63. Санинструктора сан. роты гвардии сержанта ИПОЛИТОВУ Веру Сергееву за то, что в боях с 10 по 13.6.44 года оказала помощь 50 раненым 1.21 года рождения, член ВКП/б/, русская, призван в РККА-Петроградским РКК г. Ленинграда. Дом. адрес-

И. Фамилия, имя и отчество: *Валецкая Трансия Ивановна*

2. Звание: *Тв. сиб. сержант м/ср.* 3. Должность: *Младшая медицинская сестра 20 отдельного Медико-санитарного батальона 242 воеводской стрелковой дивизии.*

Презвывается к награде медалью "За боевые заслуги"

4. Год рождения: *1923* 5. Национальность: *русская*

6. Партизанность: *нет* 7. Участие в боевых действиях: *нет*

8. Участие в боевых действиях по защите СССР и Советской родины в годы Великой Отечественной войны: *на Валдайском, Ленинградском, Сибирском фронтах в 1941-42 гг. по госпиталям с апреля 1943 г.*

9. Имел ли ранения и контузии в годы войны: *нет*

10. С какого времени в рядах РККА: *с октября 1941 г.*

11. Место рождения: *Мань-Винерский район Ленинградской области*

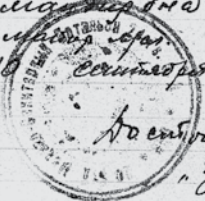
12. Действующий домашний адрес: *Мань-Винерский район Ленинградская обл.*

За время последних боевых операций дивизии, отдавая все свои силы заботливому уходу за ранеными и больными бойцами и командирами, обеспечила их пищу (из заготовки) эвакуацию в том числе 2000 человек, как заочный организатор хозяйки добилась боевого разгрома вражеско-привлеченных и разгромленой кавалерии своего полка.

Выйдя из госпиталя, требовательная медицинская работница, удостоена награждения правительственной наградой медалью "За боевые заслуги"

Командир батальона
 П. Мухоморов
 "16" сентября 1943 г.

Бологов (Бологовский)

На основании представленных материалов награждать медалью "За боевые заслуги"

16.09.1943г.

Наградил 24 в. с. д.
 в. майор И. И. Иванов /Иванов/

В окружении с 2-й Ударной армией

Нас было двадцать комсомольцев — медсестры и врачи 120-го медсанбата, получившие мартовским утром 1942 года задание пройти топкими болотами в расположение нашей окруженной дивизии, где скопились сотни раненых.

Нагрузившись до отказа медикаментами и перевязочными материалами, в теплом обмундировании, с неразлучными противогазами, мы отправились в путь. Мы — это комсорг Аня Петушкова, медицинские сестры Шура Королева, Тося Григорьева, Вера Балабина, Катя Васильева, Катя Корнеева, я (тогда Таня Высоцкая), врачи Николай Афонин, Маруканян, Вартамян и два санитары.

Это было под Мясным Бором. Войдя в лес, мы увидели страшную картину: трупы мирных жителей — стариков, женщин и детей, расстрелянных, по-видимому, с самолетов фашистскими стервятниками. Сердце сжалось от боли. Аня Петушкова сказала:

— Не плачьте, девочки! Наши отомстят за муки этих людей. А мы должны как можно быстрее идти вперед. Нас ждут раненые.

Вскоре мы подошли к большому болоту, периодически обстреливаемому немцами. Наш путь лежал через болото. Мы разделились на группы по пять человек и вошли в холодную воду. Две группы прошли незамеченными. Но когда третья группа дошла до середины болота, где вода доходила до пояса, Катя Корнеева, зацепившись за корягу, упала и вскрикнула. Тотчас застрочили автоматы. Катю Васильеву ранило, правда, не тяжело. Пройдя несколько километров, измученные, все в тине, мы присели отдохнуть. Выглянуло солнышко. Отжали мокрую одежду, обсушились немного и к вечеру пришли в назначенное место.

К нашему приходу были развернуты палатки и построены бревенчатые срубы с двухъярусными нарами. Везде, где только можно, лежали раненые. Ночь предстояла холодная, и мы принялись дергать мох, чтобы утеплить палатки и домики.

Началась наша работа. День и ночь шли операции и перевязки, день и ночь — кровь и стоны. Сейчас страшно вспоминать тот кошмар, в котором мы находились. Постоянно видеть окровавленных, беспомощных мужчин, сжимать их холодеющие пальцы, смотреть в потухающие глаза и при этом утешать: «Держись, еще немного, и тебе станет легче!» А в ответ слышать: «Нет, сестричка, не жилец я... вот, возьми адресок — сынок у меня там...»

Умрет — ты поплачешь в углу и идешь к новым раненым, которых везли и несли нескончаемым потоком. И опять заставляешь себя улыбаться, свертываешь дрожащими руками самокрутки и успокаиваешь, успокаиваешь, принимая боль на себя...

С питанием было очень плохо: все получали с воздуха, с самолетов — сухарики и крупу в мизерных количествах. Счастье, если найдем павшую лошадь и сварим суп из конины. Главным было накормить раненых, сами — как придется. А ведь и дежурили сутками, засыпая на ходу, и кровь сдавали для раненых. Но и голодая, шатаясь от усталости, все честно выполняли свой долг, отдавая раненым всю ласку и тепло, на которые были способны.

Всем в окружении было очень тяжело. Но все же солдаты сумели под обстрелом проложить узкоколейную дорогу, по которой мы вывозили раненых. Бойцы вручную толкали вагончики-платформы, а мы сидели с ранеными и разговорами отвлекали их от боли и стрельбы.

1.	Бетущикова Анна Андреевна	Лейт Сестра	ч.л.	1922, Саратов обл.
		ч/о/у/р/д/а/ч/и/р/у/р/д/у/д	В.К.Б.д.	г. Волжск Кузнецкая обл.
		Почтальник штаба 4 ^й гвардейской		
		Апостоловской Краснознаменной		
		Гвардии Подполковник		
		Почтальник отдела 4 ^й в. стр. А		
		Гвардии		

Командир полка.....

Начальник штаба полка.....

ЦТ НКО 6678—43

На Большой земле нас ждала радостная весть: нашей родной 111-й стрелковой дивизии присвоили звание гвардейской. Она стала 24-й гвардейской сд, а 120-й медсанбат — 20-м гвардейским. Очень хорошо помню митинг, торжественное вручение гвардейского знамени, которое 2 июля 1942 года принимал новый комдив — полковник П. К. Кошевой.

После Мясного Бора мы попали в Синявинские болота. Снова раненые, окружение и тяжелейший выход из него с большими потерями. И, несмотря ни на какие трудности, медики нашего батальона делали все от них зависящее, чтобы спасти раненых.

Во время обстрела под Синявино загорелась палатка, где находились раненые, подготовленные к эвакуации. Увидев пламя, командир эвакуовзвода Аня Петушкова крикнула: «Быстро выносите раненых!» А сама стала гасить пламя голыми руками, срывая горящий брезент. Аня получила тяжелые ожоги, но выздоровела. Погибла она в 1944 году при освобождении Одессы и осталась в памяти всех, кто ее знал, добрым и самоотверженным человеком.

Рукопись из музея
37-й железнодорожной школы
поселка Мга. Приводится по книге
Изольды Ивановой «Трагедия
Мясного Бора».

Вальский В.К.	Тропалов В.В.	отец:	Петушкова	Саратовск. обл. г. Волжск
Сарай. обл.	весны 20.3.44г	Андрей	Константинов	Кузнецко. г. 23.
Стрелковой				
Дивизии				
Взвода				
Медик				
Мед. Кр. Зн. Див.				
Майор				
(подпись)				
са				
(подпись)				

Наградной листок.

Рашида Умар Отгестов Петушков Иван Александрович.
Военное звание: Сержант войск связи.
Должность: часть Всеарм. хирургическая оперативная.

259

Представляется ^{Трагически и героически погибшим} ~~героически~~ в боях за Москву.

- 1 Год рождения 1922 2 Национальность русская
- 3 В каком времени состоит в Красной Армии с 25.10.41 4 Партийность ч-ль с.в.к.п(б)
- 5 Где Участие в боях не участвовал где и когда
- 6 Имел ли ранения и контузии не имел
- 7 Чем ранее награжден (за какие статьи) не награждался
- 8 Каким РВК призван Волским РВК
- 9 Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи

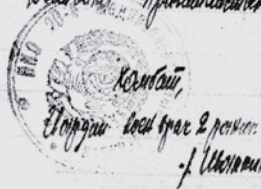
Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Запись и дату подтвердить командира, комиссара

Проживая в семье в родной деревне и призыве Ленин-Ситовки. самоотверженно работал в оперативной мет. прозвал. самым званием, а когда потребовалось - отдал свою кровь для подготовки трупов раненым.

33 Воюя 1942. получил тяжелые ранения зоревичинское поле боя, в которой получил 28 метроранениях.

Благодаря самоотверженной и умелой работе успешно свезено 30 ф.д. в 69 операции, сведения передала своим товарищам раненым.

Героически ^{Трагически и героически погибшим} ~~героически~~ в боях за Москву.

[Handwritten signature]

М.И.Иванов
Сержант войск связи *[Signature]*
1. Иванова

НАГРАДНОЕ

1. Фамилия, имя и отчество: *Гетушикова Анна Андреевна*

2. Звание: *Старшая санитарка*
3. Должность, место: *хирургическая операционная сестра 10 санитарного медицинского батальона 242 авиационной стрелковой дивизии*

Присвоено в: *награде орденом "Красная Звезда"*

4. Год рождения: *1922* 5. Национальность: *русская*

6. Партизанская деятельность: *с 1942 года* 7. Участие в боевых действиях: *в боях за освобождение территории СССР и отечественной войны (ран, контузия, на Волховском, Ленинградском, Выборгском фронтах 1941-42 гг. и Южном фронте 1943 г.)*

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: *не имеет*

9. С какого времени в отечественной войне: *с 15 июня 1941 года*

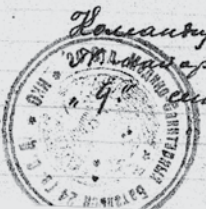
10. Наим РВК: *Воловский РВК* 11. Чем была награждена: *награждена "Медалью за отвагу" за самоотверженную работу в операционной палате*

12. Постоянные почтовые адреса: *в отделе семьи*

1. КРАТКОЕ КОМПЬЮТЕРНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО ВОЕННОГО ПОДВИГА

Одна из лучших медсестер операционно-перевязочного взвода отличилась освоением тяжелой хирургической работы и перевязками крови. За время последних боев операционной дивизии при самом потугменном равниак, самоотверженно несла на себе тяжелую работу, несколько суток работала без отрыва от перевязки более 600 перевязок сотни шинирований и 75 перевязок ранений перевязки крови. Своим работам в Гетушикова дала возможность взводу, тем же без задержки пришить ранения. Всегда подтянутая, дисциплинированная, отзывчивая т. Гетушикова заслужила уважение и авторитет среди сослуживцев.

Достижение награждена орденом "Красная Звезда"

Командир дивизии *Гетушикова*

Г. Бонотский

Связистка в дивизии Донского

Наша дивизия сформировалась 4 июля 1941 года. Формирование происходило в Загорске, ныне Сергиев Посад. Поэтому врачи и медсестры нашего медсанбата в основном из Москвы, московской области и центральной России. А среди командного состава было очень много пограничников. Почему так получилось? Многие командиры приехали в отпуск на лето 1941 года, и тут началась война. И многие так попали к нам в пехоту. Дивизия была брошена под Можайск, только один полк, какой, не знаю. Затем дивизия была отправлена в Вологду и потом, после нескольких часов простоя, отправилась в Ленинград. В районе Бологое железная дорога была разбита, и Ключанов по собственной инициативе организовал ремонт путей. Дивизия прибыла в Ленинград и направилась в Эстонию. Оттуда они отступали, через Нарву, Кингисепп, и в результате оказались в Ораниенбаумском плацдарме.

Маша Фридман была из Риги. Она и ее семья были на пароходе, который шел из Риги и был потоплен немецкой авиацией. Моряки ее спасли. В каком месте она пришла в дивизию — я не знаю. Знаю одно: при отступлении в одной деревне было много раненых. Полк отступал, и Маша Фридман спасла всех этих раненых. Она организовала отступающих бойцов, чтобы они держали оборону и сдерживали немцев, сама нашла подводы и лошадей и всех бойцов вывезла. После этого она была зачислена санитаркой в нашу дивизию и представлена к награждению Орденом Красного Знамени, но была награждена только Красной Звездой. В нашем полку она была в основном санинструктором роты, и комсоргом роты. На Ивановском пяточке она была у Сафронова в роте и много вытаскивала раненых из долины Смерти, и все поднимала бойцов в атаку — это очень страшно. А Сафронов ее все держал, не давал этого делать. Так она командиру полка пожаловалась на Сафронова! Командир полка, Гусев, сказал: «Я там не был, поэтому лейтенанта не осуждаю,

он поступил правильно». Потом она участвовала в прорыве блокады, вытаскала много раненых. Закончила войну она младшим лейтенантом. Боевая дивчина была. После войны она вышла замуж за француза, две дочери, но потом развелась. Потом она уехала в США. Кому-то она писала письма. Дочь ее вышла замуж за американца, и хорошо устроилась.

С Клариссой я столкнулась на Ивановском пятачке. Я о ней слышала до боев на пятачке. Она была ветфельдшер, но поскольку в зиму 1941–1942 гг. мы всех коней поели, и кони остались только у артиллеристов, ветфельдшер был уже не нужен. Так что она стала заведовать лабораторией нашей дивизии — брать пробы воды в источниках и водоемах в тех местах, где останавливалась наша дивизия. Она сама была из Подмосковья, из Сергиева Посада. Ее муж тоже был врач ветеринарный, и тоже был призван в армию. Приказ о том, что муж и жена могут служить в одной части, появился позже, и его направили куда-то на юг, где он погиб при отступлении. Она

после его гибели перекрасила гимнастерку в черный цвет и пилотку в черный цвет в знак траура. Как ее не ругали за это, она все равно носила их в память о муже. Она была красивая, ничего не скажешь. Не могу сказать, что она была очень высокая, но выше меня. Она все время рвалась в бой. Когда Ям-Ижору брали, тогда еще хватало мужиков санитаров, а когда начались бои на Ивановском пятачке, то она к нам пришла. Еще несколько девушек к нам было направлено в то же время. И сразу в бой. Голубенко Татьяна погибла там. Она была студентка из первого медицинского института. 19го августа мы переправились через так называемый «горбатый» мост и закрепились в развалинах бывшего пивоваренного завода. В первом отделении подвала лежали раненые, во втором был наш штаб — у немцев, очевидно, тоже там было что-то вроде штаба. А в первом отделении было очень много раненых. Они лежали и стонали, все время просили пить. Я с котелком все время бегала в Тосне за водой для них. Клюканов мне говорит: «Раненых в брюшную полость не пои, если видишь, что живот перевязан, воды не давай, как бы не просил!» Кларисса Чернявская пришла к нам на второй день с пополнением. Они прибыли к нам не через горбатый мост, а через мост, который наши саперы навели между горбатым мостом и Усть-Тосно. Вместе с ними пришел замкомандира дивизии подполковник Дементьев для руководства операциями. Она начала сразу эвакуировать раненых. На лодках она с помощью санитаров и нескольких бойцов эвакуировала

Тамара Овсянникова

всех раненых. А с утра немцы начали атаковать, и так сильно, что все принимали участие в обороне плацдарма, я одна в подвале оставалась у телефона и у рации. Клюканов мне строго приказал никуда не высовываться и сидеть у телефона и рации. «Голову не высовывать, никуда не рваться, никакой воды». Ну как не высунуться? Любопытно же ведь! Но я боялась страшно. Это тогда мы храбрились, говорили, что не страшно, а на самом деле было ужас как страшно. Подвал был на берегу, чуть выше по берегу стояли большие чаны пивзавода на подставках — человек влезет. Как грохнет немец минами, так все летит. Потом, когда у меня уже связь была оборвана, ничего не работает, почему бы не выглянуть? Пятачок находился в небольшой низине, и был весь изрезан траншеями. Наши в траншеях в низине. Немцы были в траншеях у шоссе, чуть у возвышенности. Я видела, что везде в траншеях идет гранатный бой, и немцы бьют отовсюду. Потом немцы встали в рост, и пошли в атаку. Наши поднялись им навстречу, и началась рукопашная. Кто лопатой, кто штыком, кто чем, кто кого рубил. В рукопашную вместе со всеми кинулся Клюканов, командир батальона, и Жуков, его адъютант. Клюканов был метра два ростом, он сильный, только их раскидывал. Жуков, хоть и поменьше, тоже высокий и здоровый, метр восемьдесят. Я видела, как они немцев вдвоем просто раскидывали в разные стороны. Немцы отступили. Я смотрела от подвала. А что? Делать в подвале все равно нечего. Кларисса в это время все перевязывала раненых, таскала их. Потом меня увидела: «Уйди отсюда! Нечего тебе здесь делать!» ну ладно, я ушла в подвал. Дверь осталась открытой. Тут ведут пленного немца начальник штаба капитан Георгиевский и еще один боец. Старшина и еще один боец подбежали к нему, заорали на него матом, замахнулись. Клюканов им кричит: «Не трогайте пленного!» Так что бойцы его не ударили, но немца все равно била крупная дрожь. Его привели в подвал, и посадили напротив меня. Он смотрит на меня, а я на него. И мне бойцы говорят: «Карауль его!» а у меня ни оружия, ничего нет! Я смотрю на его форму, на петлицы, и спрашиваю его: «Что это? СС?» Он говорит, я не СС, я вермахт. Потом поставил деревяшки, рассказал, где стоят эсэсовцы и где вермахт. Потом вроде разговорились, он два слова по-русски, я два слова по-немецки. У меня было немного хлеба, я с ним поделилась. Он отказался. Потом он жестами меня спросил, будут ли его бить. Я руками замахала «найн, найн». Знаками показала, что его в тыл пошлют. Ночью Клюканов позвонил Донскому, командиру дивизии, и пленного переправили на тот берег.

Ночью чуть спокойнее прошла, а потом утром как началось опять! Со стороны церкви как пошли они опять автоматчики, там такое началось! И Клюканов, и Кукареко — все были в бою. Не стреляли только мертвые. Раненые тоже стреляли до последнего. Там все перемешано было, там ведь песок, пыль. Немцы пошли в психическую атаку, со стороны церкви вели постоянный минометный огонь. И бойцы залегли.

За Сталина
113

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На санитарку 5 МСП, 22 МСД.

ФРИДМАН Марию Моисеевну.

(военное звание, фамилия, имя и отчество)

Медаль "За Сталина"
Орден Отечественной войны

(наименование награды)

- Д Л Я П О Д Ш И В К И
1. Год рождения 1925
 2. Национальность еврейка
 3. Социальное положение рабочая
 4. Партийность б/п.
 5. С какого времени в РККА или РКВМФ 1941г. июнь м.ц.
 6. Участие в гражданской войне не участвовала.
 7. Ранения и контузии одно ранение
 8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что не представлялась
 9. Какие имеет поощрения и награды и за что не имеет.
 10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену не служила, в плену не была.
 11. Постоянный адрес 22 МСД.

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ (составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Тов. ФРИДМАН добровольно вступила в сан. бат. 22 МСД. в г. Риге, все время была на передовых позициях в 5 ОП. неоднократно под сильным пулеметным и минометным огнем противника, на себе выносила раненых с поля боя. В районе м.з. Тери вынесла из боя 7 раненых. Всего имеет около 30 случаев спасения бойцов и командиров из-под огня противника.

Тов. ФРИДМАН достойна высокой правительственной награды

Командир (начальник) МСД 22
Полковой комиссар
Военный комиссар

Ст. политрук: -

9 - сентября

1941 г.

В. Смирнов
/ ГАШЕВ /

Чернявская их два раза поднимала в атаку. Первый раз они с Жуковым их поднимали, а потом она пошла раненых перевязывать. Я увидела, что она тянет раненого к подвалу. Принесла второго с собой. А потом я слышу, кричат: «Клариссу убило!» Как убило? Она раненого стала перевязывать, и повернулась к шоссе лицом, а к церкви боком. И ее то ли из автомата, то ли из пулемета очередью прошило. В сердце. Ее с поля боя вынесли и ночью переправили на тот берег. Похоронили ее в Рыбацком. Как рассказывала потом Мария Васильевна Орлова, педиатр, они ее вымыли, сняли гимнастерку простреленную. Медицинские сестры покрасили гимнастерку в черный цвет, одели ее и похоронили в Рыбацком. В 1965 или 1966 годах ее родственники приехали, и забрали ее прах в родные места. Посметрно она была награждена Орденом Ленина. Ее представляли к Герою Советского Союза. Это уже позже, в наступательных операциях, нам более щедро давали ордена и медали. А тогда, в 1942 году, нам всем сказали: «Вы не выполнили боевую задачу». То есть все усилия, все жертвы остались без наград. Вот и все. Такая ее история. Я ее, конечно, очень вспоминаю. Она была такая энергичная, очень твердая. Ее слово действовало как приказ. Она мне выбросила два котелка, говорит: «Принеси воды, Тамара!» и в то же самое время: «Смотри, осторожнее!». Я к Неве добралась с этими котелками между чанами, немцы простреливали это место. Я немного сориентировалась, после того, как немец выпустил очередь, подскочила к реке и набрала воды. А там в воде лежит боец убитый, голова разбита и мозги везде! А что делать? Воду-то надо брать. Я зачерпнула полкотелка одного, полкотелка второго. Принесла воду, рассказала, что там мертвый в воде лежит. Кларисса меня спрашивает: «А откуда ты знаешь, что он мертвый?» — «Да у него мозги вытекли» — «Ну тогда там воду больше не бери!»

Ольга Мурашова жила до войны в Зеленогорске, работала на хлебозаводе. Когда началась война, она вступила в народное ополчение Зеленогорска. Их там был батальон. Они обороняли город от финнов, и она уходила последней в отряде прикрытия, который подрывал склады, чтобы финнам не достались. Потом, когда они пришли в город, этот батальон был придан какой-то дивизии народного ополчения. В нашу дивизию она попала как раз перед Ивановским пяточком. Тогда как раз были нужны медсестры и она пришла в 942-й стрелковый полк. К нам тогда пришло новое пополнение девушек, и о судьбе многих никто не знает. Потому что привезли их к нам, а на следующий день — в бой. Например, Таня Голубенко пришла и погибла в первом же бою в нашей дивизии. Ольга Мурашова вспоминала, какой отважной была Таня Голубенко и как она погибла в бою. Пулей ее убило, когда она раненого перевязывала. Ольга ее до самой смерти вспоминала, с матерью ее переписывалась. Ольга была очень боевая и талантливая девушка. У нее было звание старшины медицинской службы, и в прорыв блокады она отличилась. Ее все мужики боялись. При этом она была очень

Обязательно все графы заполнять полностью.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество ЧЕРНЯВСКАЯ Клариса Станиславовна.

Военное звание Техник-интендант I ранга

Должность, часть Старший лаборант 325 ОМСБ 268 СД

Представляется к званию " ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ".

1. Год рождения 1914 года 2. Национальность русская
3. С какого времени состоит в Красной Армии с 1941 года 4. Партийность канд. ВКП/б/
5. Участие в боях (где и когда) Не участвовала
6. Имеет ли ранения и контузии Не имеет, Убита 28.8.1942 года
7. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медалью " ЗА ОТВАГУ "
8. Каким РВК призван Фрунзенским РВК, Московской области.
9. Постоянный домашний адрес: (представляемого к награждению или его семьи)

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. ЧЕРНЯВСКАЯ Клариса Станиславовна является добровольцем Красной Армии. В боях за нашу Родину с немецко-фашистскими захватчиками она совершила ряд истинно героических подвигов, проявив мужество и отвагу, беспредельную любовь к бойцам и командирам.

За период боевых операций дивизии на полях Эстонии, тов. ЧЕРНЯВСКАЯ вывезла с поля боя под огнем противника 300 человек раненых.

Только 18 августа 1942 года в районе НАРВА она спасла 50 человек раненых бойцов и командиров, оставленных нашими частями, при отходе на новый рубеж.

В боях за населенные пункты ПУТРОЛОВО и ЯМ-ИЖОРА тов. ЧЕРНЯВСКАЯ шла в первых рядах наступающих подразделений, увлекая за собой бойцов на героические подвиги. За период боевых действий с 23.7. по 5.8.1942 года под ее руководством было вынесено с поля боя 50 чел. тяжело раненых бойцов и командиров.

19.8.1942 года при наступлении частей дивизии в направлении села Ивановское, тов. ЧЕРНЯВСКАЯ одна из первых высаживается с десантом на восточный берег р. Тосно. В течение двух дней она лично участвует в наступлении вместе с бойцами десанта, выступая впереди

и воодушевляя своим героизмом всех бойцов. Она неоднократно вместе с бойцами ходила в атаку против немецких орд, внося им удар, за ударом.

После выполнения задачи, в трудных условиях оказывает первую медицинскую помощь раненым бойцам и командирам и организует их эвакуацию с поля боя, под интенсивным огнем противника, на другой берег реки ТОСНО.

В момент самой напряженной схватки с врагом была прервана связь с командным пунктом дивизии. Тов. ЧЕРНЯВСКАЯ рискуя жизнью устанавливает личную связь непосредственно с командиром дивизии, чем обеспечила своевременную переброску резервов в нужном направлении.

21.8.1942 года ЧЕРНЯВСКАЯ вновь в ожесточенных боях сама с одним санитаром работает на передовой, помогает и выносит с поля боя раненых бойцов и командиров. В течение четырех суток под сильным артиллерийским огнем и минометным огнем противника она днем и ночью производила эвакуацию раненых на лодках, плотах и пешком. Раненая в голову тов. ЧЕРНЯВСКАЯ не покинула поля боя, она с возгласом: " ЗА РОДИНУ !, " ЗА СТАЛИНА " вместе с бойцами и командирами идет до пяти раз в контратаку, отбивая яростные атаки врага, пытаясь вернуть утерянные позиции. Тов. ЧЕРНЯВСКАЯ пала в бой от снайперской пули врага, при эвакуации раненых с поля боя 25.8.1942 года в 15.00. Память о ней сохранит не одна сотня бойцов и командиров, коим она спасла жизнь, с которыми она ходила в контратаки. Она была патриотом Родины - МАТЬ спасающая в опасную минуту боя бойца и командира и личным примером воодушевляла бойцов и командиров, идя с ними в ожесточенные бои. Тов. ЧЕРНЯВСКАЯ К.С. достойна высшей государственной награды - звания - " ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА " с вручением ордена ЛЕНИНА и медали " ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ".

КОМАНДИР 325 ОМСБ
Военврач 2 ранга
/ РАЗУМОВ /

ВОЕНКОМ 325 ОМСБ
Ст. Политрук
/ САГАЛИН /

" 19 " сентября 1942 года.

№ 02666

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАРШИХ И ВЫСШИХ НАЧАЛЬНИКОВ.

Достойна награждения государственной награды - звания " ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, с вручением ордена ЛЕНИНА и медали " ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ".

КОМАНДИР 268 СД
Генерал-майор
/ ДОНСКОВ /

ВОЕНКОМ 268 СД
Полковой Комиссар
/ ИГНАТОВ /

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
М а й о р
/ РУМЯНЦЕВ /

" 19 " сентября 1942 года.

Командир (Начальник)

(званис)

1942 г.

душевная — одно другому не мешает. А мужиков она по-своему отшивала. Как-то раз на учениях офицеры собрались и начали что-то про девчонок говорить — как она на них налетела! А командир полка шел мимо и слышал. Он был очень порядочный человек, подошел к офицерам и говорит: «Ольга вам все правильно сказала. Эти девушки смотрят в лицо смерти каждый день, а вы про них всякие гадости говорите. Это от вас зависит, как они себя с вами будут себя вести. Не все могут устоять перед искушением!» Вообще благодаря командиру полка, у нас все в отношениях между мужчинами и женщинами было хорошо. Он строго преследовал всякие неприличности, но при этом говорил: «Если уж они действительно полюбили друг друга, то я им сыграю свадьбу!» и были свадьбы в полку. Это уже было после моего ранения, под Синявинскими высотами. Связистка и офицер сыграли свадьбу, а через три дня в ту землянку, где они ночевали, было прямое попадание, и все, кто там был, тринадцать человек, погибли. Ключанов сам женился в 1944 году, и расписывались они в поселке Пери.

После Ивановского пятачка была комсомольская конференция, где обсуждались недостатки, ошибки и так далее. Сначала эти конференции прошли по полкам, а потом уже в дивизии. Там, на этой конференции, я ее и увидела. До этого, в боях, я с ней не встречалась, потому что она была в 952-м стрелковом полку, а я с 942-м стрелковым полком была в долине смерти. О ее отваге уже говорили в дивизии. Я попала на полковую комсомольскую конференцию потому, что была комсоргом роты. Наш комсорг роты, сержант, стал членом партии, и стал заниматься партийной работой, а комсоргом стала я. После полковых конференций я была избрана делегатом на дивизионную конференцию. Там я рядом с Ольгой Мурашовой и познакомилась. В прорыв блокады она столько раненых вынесла! Потом нашему полку и их полку во время прорыва блокады было придано несколько танков, и она вместе с танковым десантом пошла туда в атаку. Там ее ранило, прямо на танке. За эти бои ее наградили орденом Красной Звезды. Ее ранение было не такое сложное, и она лечилась в медсанбате. Так что в первую Красноборскую операцию она еще лечилась в медсанбате. А во вторую Красноборскую операцию она нас всех вытащила из разбитого укрытия, когда меня ранило. Она нас всех тогда вынесла к Московскому шоссе, погрузила на грузовик, а сама опять ушла к передовой, на поле боя. Ей никто не приказывал, она сама туда ушла. Когда меня привезли в медсанбат, меня спросили, кто нас вынес. Я ответила, что это была Ольга Мурашова. Они сказали: «Мы ее сами ищем, куда она подевалась?» Раненые бойцы в ответ: «Да она сама на передовую ушла, там будет работать наверное еще сутки».

Ольгу я запомнила хорошо, и потому, что она меня спасла, и потому что мы с ней раньше встречались. Она всегда в ватнике и брюках ходила, и наган на поясе. После того, как она вынесла меня раненую

8. Свидетельницей массового взвода 30-го Ротного Красноармейского
Муромцева Ольгу Владимировну да то, что она в Роте 12 и 13-й в 1942
проживала в местечке Муромцево и отставку, находясь в плену
сёвскими в боях в рядках и по еливым отрядам партизанам
воинским с полк 18-го Ротного Рядов и командиров и добившая
их на Т.П.М. поста @ орусских.

1942 года рождения, или 1941 г. русская, проживала
в РККА Муромцевский РКК Московского округа
Восстанов. орус:

с поля боя, я с ней встретилась только в 1965 году. Тогда наш бывший командир полка был заместителем по тылу командующего Ленинградского военного округа, и устраивал большие встречи ветеранов. Вдруг я услышала: «Ольга, Ольга идет! Спасительница!» Все ее обступили. Она же многих вытащила и спасла. Я стою в уголке, и говорю тихо: «Спасительница моя пришла!» Рядом стоял Миша Жуков, адъютант Клюканова, и он спрашивает: «И тебя спасла?!» Я ему отвечаю: «Миша, разве ты не помнишь? Мы были в одном укрытии, когда в него две мины попали. Меня первой миной ранило, а тебя и Клюканова — второй. Вы ушли, а я осталась там с другими тяжелоранеными». Тут Ольга повернулась ко мне и говорит: «О, Тамара!» Я ей: «Ольга! Спасительница!» мы обнялись. Я ей говорю: «Я тебя почти каждый день вспоминала, как нога заболит, так сразу тебя вспоминаю!»

Она сама из Подмосковья, из большой семьи. Ее сестра Галина была врачом в 90-й стрелковой дивизии и две сестры встретились на Синявинских высотах в 1943 году.

Она была четыре раза ранена, один раз в голову. Из-за ранений она каждый год два месяца лежала в больнице, и после этого ей приходилось заново учиться ходить. Очень тяжелая у нее жизнь была после войны из-за ранений, но она никогда не жаловалась.

Я пришла в армию 22 июня 1942 года. Так как мы жили на второй линии обороны, и у нас было много военных — жили на квартирах. У меня был тогда красивый костюм, мамин, довоенный. Я его носила на работу, когда работала паспортистской. Не пойду же я в этом костюме на войну! И военные, которые у нас жили, дали мне гимнастерку и ремень. Я в этой гимнастерке и шерстяной черной юбке и пришла в дивизию. Пилотку выдали еще. И в этой форме я прошла все операции на фронте до ранения — Путрово, Ям-Ижора, Краный Бор, Ивановский пятачок, прорыв блокады. Дали мне пилотку и кирзовые сапоги.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Мурацкова Ольга Андреевна.

Военное звание Сержантка мед. службы.

Должность, часть Самостоятельный рота авиамехаников
942 стр. полка 268 стр. дивизии.

Представляется к ордену Красная звезда

1. Год рождения 1922 2. Национальность русская.

3. С какого времени состоит в Красной Армии с 1941. 4. Партийность л. ВКП(б)

5. Участие в боях (где и когда) В Отечественной войне.

6. Имеет ли ранения и контузии Имеет 4 ранения.

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) медалей "за боевые заслуги",
медалей "за оборону Ленинграда".

8. Каким РВК призван Ленинградский РВК г. Ленинграда.

9. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семьи) _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

За время боев с 4.8.43 г. тов. Мурацкова проявила исключительным образом мужество и бесстрашие и в боях вместе с бойцами роты авиамехаников.

Под сильными огнем противника не утратив духа и жизни вынесла раненых с поля боя, оказав им предварительную первую помощь. На угрозы действии ее роты, каждому раненому бойцу и командиру была своевременно оказана помощь,

И
В
И
Ш
Д
П
Я
Д

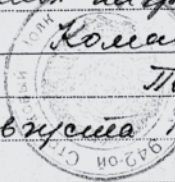
Крем самым его стаселем многие жизни.

Всех без исключения иждичено рашенных тов. Мурашова немедленно эвакуировала в КПП.

За время боя, и. Мурашова кесет павсе с иждиченом, знае мше свой свдиченный долг, выкесла с боя 36 иждичено иждичено рашенных бойцов и командиров с их оружием и мжиче оказала медицинскую помощь.

За беспримерную и своевременную помощь всем без исключения рашенным бойцам и командирам, эвакуацию их с боя и проявленную при этом мужество и отвагу тов. Мурашова, как верную и мужественную дочь своей родины, достойную и правительственных награды — ордена «Красная звезда».

Командир 942 сд
Подполковник

« 5 » Августа 1943. *Муромцев*

Командир (Начальник)

(Звание)

194 г.

Поскольку мне нужен был размер 34, мне дали размер 38. Меньше размеров не было. Сапог не хватало. Один мне ветеран рассказывал, что ему даже выдали два сапога, оба на правую ногу. Так что с этим плохо было. У Пани гимнастерка была до колен. У меня гимнастерка была еще ничего, но приходилось укорачивать. А что, иголка есть, нитки есть, руки есть. Сапоги, которые мне выдали на фронте, я спрятала в рюкзак. У меня с собой были хромовые сапоги из дома — как раз перед войной молодые ребята стали обзаводиться хромовыми сапогами, и обязательно в гармошку! Такая мода была. У моей двоюродной сестры муж ушел на фронт, у него были сапоги 38 размера. Сестра мне их еще до моего прихода в армию отдала. Такие блестящие, красивые! На фронте все на мои сапоги заглядывались. «Какой офицер вам их дал?» — «Генерал!»

С этими сапогами была история.

После Ивановского пятачка нас перевели в Рыбачкое, потом полки раскидали по разным деревням. Солдаты вырыли себе землянки в горах, и наша рота связи тоже разместились в трех землянках. Для нас, девчонок, вырыли отдельную землянку. Уже прохладно было, это осень 1942 года. Роту пополнили, пришло много солдат из Средней Азии, из Сибири. Старшина принес фуфайки. Ни одна мне не подходит — все чуть ли не до пят. Старшина говорит: «Ну во что мне тебя одеть? Ты такая маленькая! У тебя, может, дома фуфайка есть?» — «У меня дома пальто есть, да и кто меня домой отпустит?» Стали шинель искать мне. Страх один. Я шинелью могла два раза обернуться, и еще пол подметать. Как ни примерю, все смеются. Начальник связи убивался: «Что у меня за боец, не одеть!». Вдруг идет Жуков, смотрит, как нас на площадке одевают. И говорит Клюканову: «Посмотри, как там Тамару одевают, ее хоть на огород пугалом ставь». Клюканов выругался, по телефону начал крыть нашего начальника по снабжению (у нас майор-южанин был из Майкопа). Приказал подогнать обмундирование мне. Рядом была сапожная и швейная мастерская. Там был дядя Ваня-Коми, наш портной. Его по фамилии не звали, знали, что он из Коми, и все звали его дядя Ваня-Коми. Его все офицеры уважали, так как он всем офицерам обмундирование шил. Я к нему пошла, и он мне сказал выбирать гимнастерку. Я выбирала из командирских гимнастерок. Померяла несколько, все не подходит. То старая, то большая. Нашла наконец гимнастерку из очень добротного сукна, только с левой стороны простреленная. Он ее мне ушил, и я в ней еще 8 лет после войны проходила. Потом шинель мне выбирать стали. Кучей лежат солдатские, офицерские, иностранные с пленных. Мне приглянулась английская, небольшого размера. Не немецкая, а зеленоватая. Она там одна такая была, очень красивая. Он поставил на гимнастерку блестящие пуговицы, на шинель тоже. Посмотрел, говорит: «Такой ремень к такой гимнастерке не подходит». Порылся, и достал комсоставовский ремень. Потом еще портупею достал. Говорит: «Вот, теперь, дочка, будешь бегать, форсить».

Мы с ним разговорились, оказалось, у него в Коми восемь дочерей. Он вообще на фронте жил неплохо — молодые офицеры хотели пофорсить, и перешивали форму по последней фронтовой моде. Они ему отдавали часть своего пайка, так что у него был и сахар, и масло, и тушенка. Он чай заварил мне, напоил, приглашал еще: «Буду хоть дочерей своих вспоминать, как с тобой чай пить буду. В любое время заходи. Надо дочкам белье будет — скажи, я для вашей роты связи подберу».

Потом достали мне фуфайку, он ее укоротил, и нормально было. Но он мне шинель сделал так, что если фуфайку одеть, то шинель на ней уже не застегнуть.

Потом удалось достать на складе полушубок. Он мне очень помог при снятии блокады, тепло в нем было. Особенно когда ранило меня. Тогда меня переправили сначала в медсанбат 942-го полка, переправили в медсанбат, там сделали операцию. Хорошо, что в полку укол сделали от столбняка и чаем со спиртом напоили. Я, правда, от чая со спиртом отказалась, и солдат раненый рядом со мной двойную порцию выпил. После этого сразу на машины и в медсанбат. Иван Васильевич Гусев делал мне операцию, Колесов-хирург присутствовал. Долго меня оперировали. На Понтонной медсанбат стоял в госпитале. Помню, привезли нас туда, большой холл, в нем нас всех на носилках поставили. Человек 20. А это уже ночью было, я посмотрела на часы — пять минут второго. Подошла сначала Юлия Михайловна, хирургическая сестра подошла (ей лет за 30 было, она еще в финской участвовала. Родом она было со Ставрополя). Увидела меня, и говорит: «А нам сказали, что ты убита. Тяжелое у тебя ранение?» — «Да». Она сразу ушла, сказала хирургу, что Тамара там лежит. Он подошел, усталый-усталый, едва на ногах стоит. «Где это тебя угораздило?» — «Там же, где и всех. В мешке.» — «А когда тебя ранило?» — «В пять минут одиннадцатого» — «Вечера?» — «Утра!» — «И ты столько тут лежала?!» Сразу же распорядился, чтобы меня несли в операционную. Раздели меня — все мокрое. Брюки ватные разрезали, нижнее белье разрезали. Посмотрели на бедро — там осколок торчит, почти насквозь бедро прошел. Гусев посмотрел, и говорит: «Королев, тебе дальше жить, диссертацию писать. Вот я тебе эту операцию поручаю. У меня уже руки не работают. Что хочешь делать, а вынимай этот осколок. Только не так, как Вале Сукаловой. Я ей уже ногу загубил, а ты ей спасай ногу». Вот такой разговор между хирургами я

7. Телефонистку роты связи красноармейца ОВСЯННИКОВУ Тамару Родионовну за то, что, работая на КП командира полка добилась устранения неисправностей на линии и обеспечивала быстрые вызовы абонентов. 1926 года рождения, член ВЛКСМ, русская, призвана Слуцким РВК Ленобласти, дом. адрес:

она в бреду крыла Гитлера! Какими словами! Потом пришла в себя, мы ей говорим: «Ну ты даешь! Такие этажи складывала на Гитлера!» Она в ответ: «Да не врете вы». Вера Лазука из Лахты тоже там была, тяжело раненая в бедро. Запомнилась девушка Аня из Смоленска, из танковой бригады, награжденная тремя орденами Красной звезды.

Вроде бы все ранены, но как весело было! В карты все собирались играть вокруг меня, поскольку я двигаться не могла. Все с разных мест, все про свои родные места рассказывали. Одна девушка-москвичка была, так как мы с ней спорили, какой город лучше — Ленинград или Москва. Прямо до обиды. Нас, ленинградец, там было много, так что в споре, как правило, побеждали мы.

Перед Синявинской операцией надо было освободить места в госпитале, и нас всех либо эвакуировали на Большую землю, либо отправили домой на амбулаторное лечение. Повезли нас по железной дороге, которая была проложена вдоль берега Ладоги, где блокаду прорвали. Я у окна была, и видела, что колеса поезда в воде! Потом стали потихоньку высаживать раненых, через чьи родные места мы проезжали. В Череповце вышло несколько девушек, в Вологде, а нас повезли до конца.

Какие волки тебя будут есть, на тебе мяса нет...

Я родилась 19 августа 1917 года в городе Самара. Отец мой, Валерьян Иванович, тогда был тенором, в оперном театре пел. Мама — преподаватель в детском саду. Когда они уехали в Санкт-Петербург, мне было четыре годика. Я осталась в Самаре с бабушкой и жила там до семи лет. С семи лет я уже была в Ленинграде, меня туда дядя Гриня перевез со своей дочкой.

Вначале сама в детский садик ходила пешком через Невский проспект. Только Господь, конечно, мог сохранить, потому что мама работала в детском саду где-то далеко, а я ходила в детский сад, где работала ее подруга, через Хлебный переулок, Невский проспект и Казанский собор — туда, далеко. И туда и обратно ходила одна. Потом переехали на Васильевский остров, а потом на Жуковскую. Там я пошла в первый класс.

В детском возрасте я очень сильно болела: малярия у меня была, температура 40, а на другой день 36. Вот так: 40–36. Сердце тогда испортилось, и легкие болели, и ухо, даже гной прямо шел из уха.

Это я к тому говорю, что я с таким здоровьем училась неважно. Тем более тогда давался один учебник на шесть человек, и мы все вместе должны были проходить подготовку.

Отец потом стал главным бухгалтером Наркомлеса. Он устроил меня в леспромхоз в село Красный Яр, с бабушкой моей, чтобы я здоровье поправила. И там бабушка мне здоровье очень хорошо поправила:

Галина Гребнева

козье молоко, яйца... Я после этого ужасно захотела учиться, завидовала всем, кто шел с портфелем на урок.

Так что когда приехали в Ленинград, я и работала, и училась на рабфаке (Факультет рабочей молодежи — *Прим. ред.*). Работала там штамповщицей. Наш рабфак закрыли почему-то и перевели нас в самый лучший рабфак, в котором преподаватели из ЛЭТИИС преподавали. А в том, старом, рабфаке из пяти групп одну только набрали, и я туда попала, потому что я хорошо училась уже. Но когда сюда перевели, в лучший рабфак, мы были очень слабые. Нас всех распределили по пять человек в разные группы, и со мной занимались ребята очень хорошие, мне они так помогли... К примеру, Миша Левинсон. И я очень хотела знания все получить, ночами прямо занималась.

И была принята в Ленинградский институт инженерной сигнализации связи (На базе ЛИИЖТа, ныне — ПГУПС Императора Александра I. — *Прим. ред.*). В этом здании до этого была Академия Сталина. И рядом с академией, конечно, было большое здание общежития. А когда академию закрыли, открыли Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, единственный институт, который готовил специалистов. Страна огромная, большая и города друг с другом связаны железной дорогой, сообщением. Поэтому очень важно было, чтобы вся эта аппаратура хорошо работала, поэтому очень важно было специалистов сохранить.

Начало войны

Начало войны я встретила, когда уже была студенткой пятого курса этого института на практике на Урале. На Урале электромеханик в отпуск ушла, а меня поставили, так что я работала за нее. Война началась, и сразу из Ленинграда выезжали люди, заводы, дети. А поскольку институт наш единственный, у нас, наоборот, был приказ быстро всем приехать в Ленинград. И все кто на пятом курсе, все преподаватели, профессора — всех, наоборот, в город Ленинград. И я должна была быстро приехать, но я работала электромехаником, меня никто не мог отпустить, нужно же было, чтобы работала аппаратура вся. Надо было дожидаться пока электромеханик из отпуска откуда-то приедет. Поэтому я приехала в институт только уже в конце июля.

Создание дружины

Я в институте была заместителем секретаря Комитета Комсомола института по военной работе. Поэтому когда я приехала, я сразу же с ОСОАВИАХИМОМ связалась. В институте, в комнате нам поставили раскладушки. В общем, сандружинницы: мы должны были научиться перевязке.

У Гитлера как было: Ленинград сровнять с лицом земли, чтоб все дворцы, все абсолютно было разрушено. Поэтому днем был непрерывный обстрел всего Ленинграда, всех районов, а ночью сплошные бомбы.

Я жила на Жуковской, это возле Московского вокзала, а институт был напротив Петропавловской крепости. Уже никакие трамваи, ничего не ходило, а надо было пятый курс заканчивать. Что такое студентка пятого курса — надо было каждый день ходить на занятия. А я как член комитета Комсомола по военной работе должна была устраивать всякие такие школы, для девочек санитарный класс.

Нас учили перевязывать, потому что раненых было очень много. Раненые даже просто лежали на улице с открытыми глазами, пока их кто-то там возьмет. У кого-то рука отвалилась, у кого-то нога. Мы изучали все это, и возили нас куда-то недалеко, везде раненые были. Мы учились всем этим перевязкам и потом получили документ, что мы сан. дружинницы. Потом ОСОАВИАХИМ прислал пулемет ручной и винтовку, и у нас была организована пулеметная школа. Мы учились собирать-разбирать пулемет, винтовку, и нас возили на стрельбища. Мы учились стрелять и из винтовок, и из пулеметов. И когда мы закончили все это, сколько-то там надо было отстреляться, каждый получил документ, что он пулеметчик.

Жизнь до блокады

В это время надо было еще окончить пятый курс, ходить под этими обстрелами. Я пешком ходила с улицы Жуковского, она параллельна Невскому, а я говорила, что институт наш возле Петропавловской крепости. Нужно было пройти всю Жуковскую, перейти Марсово поле и мост Кировский (Троицкий мост тогда Кировским назывался).

Все время шла под всеми обстрелами, а когда Кировский мост переходила, бомбы падали рядом. Немцам не удалось ни один мост разрушить. Например, я шла по мосту, а надо мной непрерывная борьба, обстрелы, друг в друга стреляли. У них не получалось ничего. Бомбы рядом. Я видела, как бомбы рядом падали в Неву.

Один раз я шла, уже с Института, а напротив нашего дома (у меня угловой дом, угол Лиговки-Жуковского) стояли люди с узелками, с детьми. Напротив нашего дома попала или бомба или еще что-то, в общем, целый большой кусок дома разрушился, весь угол со всеми квартирами. А те, кто там оставались, взяли детей, взяли вещи, какие остались и стояли. Вот это видела.

В другой раз я шла из Института, перешла Марсово поле, начало Жуковской, а вместо улицы река, сплошная река! Потому что бомбы попали вниз, где были каналы, трубы, и река была такая, восемь-десять сантиметров. И я по этой реке шла домой. Отопления никакого не было, но у нас была маленькая буржучка, маленькими дровишками можно

было подтапливать, чтобы хотя бы не минус в квартире был. Когда не было дров, мне пришлось на Васильевский остров, к дяде Грине моему идти, но он был где-то на севере, я за дровами пошла.

В Ленинграде очень рано зима начиналась в войну, и Нева замерзла, и я с саночками пошла. Невский проспект выходил на Неву, и мне пришлось с саночками идти. Где-то тут книжка есть с воспоминаниями, и этот ужас у меня до сих пор перед глазами. Люди умирали, никто же их не мог хоронить, и люди заворачивали их в простыни и везли на саночках. И на берегу Невы все лежали. И мне пришлось идти мимо них и даже перешагивать (плачет). В какой-то книжке в статье написали, что этот страх до сих пор у меня в глазах.

Да, еще мы рыли противотанковые рвы. Под Ленинградом, часа два надо было ехать, а у всех железнодорожные формы были. И (я забыла, как эта станция называлась) мы копали эти рвы, а над нами стрельба была. В наш состав не попало, а другие там погибали. Это было в сентябре, в начале сентября.

Начало блокады г. Ленинграда

И 8 сентября мы встали утром на работу. Боже мой! Весь горизонт, весь пылал! Бадаевские склады горели.

Перед войной, не знаю точно когда, был приказ, что и заводы, и институты, и все учреждения должны были сдать все продукты на Бадаевские склады, чтобы потом всем выделять, когда будет война. Немцы это узнали, конечно, и они все эти склады подожгли. Все это горело очень долго.

И тогда началась блокада. То есть 125 грамм хлеба, и это был не хлеб, а бог знает что. Я вот один раз шла в институт (я же мимо Невы шла по мосту), и при мне водолазы вытаскивали мешки со дна реки, мешки с мукой. Потом, когда просушивали, туда еще что-то добавляли, кроме муки. 125 грамм. Кошки и собаки давно уже были съедены, а вот после Бадаевских складов начали есть людей.

Стало известно, что людей едят. А мне же приходилось все время идти пешком, каждый день на занятия ходить. И поскольку я организовывала все эти школы, я и этими вопросами занималась. И вот один раз я шла, а перед Марсовым полем небольшая улочка, я иду, и мужчина напротив прибавляет шаг. Я прибавляю, и он прибавляет.

И меня спас спорт. Я была лыжница, в десятку входила среди девушек института на дальние дистанции 10 километров, у меня очень сильные ноги были. Вот меня спас спорт, от того, чтобы я была съедена.

Надо сказать, что в институте в подвале была дипломная. В октябре сдали уже экзамены за пятый курс, и надо было приступить к диплому. Значит, за ноябрь-декабрь нужно было написать диплом. Никакого света нигде не было. Но надо было ходить каждый день под

обстрелом и под бомбами. Обстрела я боялась, потому что люди лежали без рук, без ног долго, а бомб не боялась, потому что бомба убьет сразу, и ничего ты не заметишь.

Эвакуация из города

Стали умирать ребята с пятого курса, стали умирать профессора, преподаватели, и был приказ Сталина — вывезти срочно! А была тогда уже открыта Дорога жизни. По Ладожскому озеру машины привозили оттуда в Ленинград муку, а отсюда вывозили людей. И вот был приказ вывезти. И еще был приказ: у кого больше 70% диплома — принимать и выдавать документы. У меня 100% диплома, я ж говорила, что я училась отлично. И 12 января я диплом на «отлично» защитила.

Можно было взять с собой только одного человека, не распухшего. Моя бабушка любимая-любимая — она мне была и отцом и матерью, она была распухшей, я ее не могла взять. Маму взяла, а бабуся моя осталась умирать. И надо было быстро собрать вещи, документы всякие и на саночках привезти к вокзалу. Не помню, в какой-то день на Северный вокзал, все туда приехали. Макский, профессор, единственный по автоблокировке. Жена его везла на саночках. Он опухший был, его не взяли.

Там три дня стояли, потому что разбомблена была дорога. Нам давали очень хороший хлеб эти три дня, и мама моя быстренько бабушке отнесла. Потом надо было на саночках подняться, и для того, чтобы привезти к Дороге жизни, надо было на товарных вагонах сколько-то километров проехать. Поэтому с саночками — вагоны были товарные — друг другу помогали как-то забраться.

Конечно, даже и в дороге, где мы ехали по Дороге Жизни, машина открытая. В нас не попал ни снаряд и не провались, а ведь люди проваливались, в кого-то попадали снаряды. Но из-за того, что мороз был очень сильный (тогда в Ленинграде были ужасные морозы), не все ребята доехали. И потом надо было добраться до вагонов этих товарных, забраться. Тоже не все забрались, так и остались некоторые лежать. Потом нас довели до настоящей железной дороги, мы должны были ехать в Вологду, получать назначение на работу. Помогали друг другу. Там нас на дороге очень хорошо кормили: и хлеб прекрасный давали, и давали всякие супы и с капустой, и с мясом, в общем, хорошо кормили, бесплатно всех. Но даже в товарных вагонах этих было несколько буржук, так что тепло было.

Направление на Омскую Железную Дорогу

Потом в Вологде я получила направление на Омскую Железную Дорогу. Я поехала на Омскую дорогу мимо Кирова, там у меня отец главный бухгалтер Наркомлеса. Его Наркомат в Киров выехал, и он

с семьей — у него уже другая семья была. И я у них остановилась. Мама дальше поехала, в Самару, а я остановилась у них, к отцу заехала. Отец из квартиры с женщиной меня в баню отправили, и когда я разделась (мы, конечно, несколько месяцев не раздевались совершенно), все женщины стали плакать. Я посмотрела: тут ребра голые, яма вместо живота, две палки, кружочек и дальше две палки. Женщина эта, видно, вымыла меня, и две недели я лежала, мачеха за мной ухаживала. Две недели лежала, не могла даже простынку поднять, если она у меня падала. А потом вот доехала до Омска.

Когда я приехала и пришла в Управление, показала направление, показала диплом. Диплом почти что весь отличный, а этот начальник службы сказал: «Ну куда же можно? Кости, обтянутые кожей, никуда не возьмешь». И послали меня работать электромехаником автоблокировки на самую дальнюю дорогу.

Там тогда шел ремонт, капитальный ремонт. Мне это очень помогло, потому что знания у меня были отличные, а практики никакой. И при этом капитальном ремонте я уже изучила все контакты, все-все, хотя и «кости, обтянутые кожей», но все равно работала хорошо. Но там автоблокировка, кроме этого 10 км по дороге и 8 или 10 светофоров, 10 колодцев батарейных, по графику надо было проверять это все, ходить. Волки были, но меня не ели. А там была баня, все видели, что я — кости, и сказали: «Какие волки тебя будут есть, на тебе мяса нет».

Там, значит, механиком, потом я стала на этой станции инженером, а потом меня взяли на службу. Я была старшим инженером сигнализации станции всей Омской дороги. Вот этот «Отличный связист» (имеется в виду нагрудный знак) здесь есть. В сорок четвертом году меня наградили, начальник службы сказал: «Вот Кортובה пешком 2000 километров обошла». Потому что будучи начальником отдела, а я фактически была начальником в СБ всей Омской дороги, я в кабинете не сидела, я все время с проверками шла. А мне вот тут, когда мы встречаемся, сказали, что «Отличный связист», полученный во время войны, равен ордену. День Победы я встретила в Омске.

Гребнев Сергей Леонидович — муж Галины Валерьяновны

Сергей Леонидович Гребнев, мой супруг, на три года старше меня. Когда я в 1937 году поступила в институт, там конкурс 2–3 человека на место, но на Рабфаке очень хорошо я знания свои восстановила. А он уже был на четвертом курсе и был секретарем Комитета Комсомола института.

И в то время политучеба всякая проходила. Он вошел в нашу группу проводить политучебу, а я сидела на первой парте, справа. Вот он дверь открыл, а я напротив двери. Как он писал: как он на меня посмотрел и с первого взгляда в меня влюбился.

А я не влюбилась, а полюбила его постепенно. Потому что он был ЛЭТИИССст, который только что открылся, и из ЛИИЖТа перевели этот факультет связи сюда. И там у них был великолепный хор, Круглов руководил. Он был известный руководитель. И Сережа меня пригласил, и я все время в хоре выступала везде по Ленинграду. Такой был великолепный хор, что нас приглашали в хорошие клубы. Он тоже лыжник, в соревнованиях участвовал. Так вот я в него не влюбилась, я его полюбила. Тогда была «Жизнь Замечательных Людей». У меня в квартире Ладухин, директор какого-то кинотеатра, выписывал эти книги, а Сережа их брал в библиотеке институтской, и у нас было о чем поговорить. То есть получилось так, что я его полюбила.

Он секретарь Комитета Комсомола, окончил институт в 1939 году с красным дипломом, а Сталин, указ — не указ, но сделал такое Постановление, что секретари обкомов, институтов, окончившие с красным дипломом, все были призваны в Москву в Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). И Сережу туда, поскольку с красным дипломом и секретарь, в Высшую партийную школу в 1939 году приняли.

А у меня в Москве жил отец с другой семьей. Я всегда и в школьном возрасте и в институтском на каникулы зимние приезжала к нему в эту семью. Александра Михайловна, мачеха, всегда хорошо относилась ко мне, а Сережа там уже учился. Поэтому в каникулы, когда я туда приезжала, мы вместе ходили в театры, в музеи. А моя бабушка Сережу сразу полюбила и отец тоже. Отец мой, Валерьян Иванович, когда я только поступила, как главный бухгалтер Наркомлеса по всему Союзу разъезжал с проверками, и в Ленинград приезжал. И приехал однажды, а у меня на столе в комнате письма лежали после лета.

А летом мы ездили в Моркваши на Волгу. Еще моя бабушка, у нее пятеро детей было, всегда снимала там дачу. И потом уже и мы все тоже летом туда ездили в Жигулевские горы и переплывали Волгу, там 1,5 километра.

Так вот бабушка очень хотела, чтобы я за Сережу вышла замуж. Он даже приезжал в 1939 году, когда уже был в Высшей партийной школе, предложение мне сделал. И я сказала: «Сереженька, я обязательно хочу кончить институт». И вот когда в 1941 году я приезжала к отцу в Москву, вот тогда я дала согласие, что мы в каникулы летом в 1941 году поженимся. И даже договорились, поскольку я летом всегда на Волге была в Морквашах, я знала, что раз в сезон едет пароход «Климент Ворошилов», который является в санаторий. И мы договорись, что Сережа возьмет билет в санаторий. Такая наша поездка будет после свадьбы.

А началась война. Он как раз окончил Высшую партийную школу, их там обучали уже, чтобы умели пользоваться всяким оружием. Он мне просто письма писал. Можно было ехать, кто-то секретарями обкомов ехал. А он ждал обязательно на фронт.

Поэтому у нас вместо свадьбы получилась переписка. Всю войну переписывались, и письма он хранил мои, я хранила его. Когда мы потом поженились, муж поступил на дипломатическую работу в Министерство Иностранных дел. И мы в Африку поехали, в Южно-Африканский союз, там сын Леня родился, Ирочка там родилась. В Москве родилась Оля. А письма эти Сережа сдавал вместе с документами. Когда надо было выезжать за границу, мы сдавали паспорта, в архив все сдавали. И он сдавал наши письма, вот поэтому они сохранились. Потом их печатали, вот недавно Ирочкина старшая внучка Настя издала книгу нашей военной переписки, в ней 115 писем. На обложке написано: «Да хранит тебя моя любовь».

Гвардеец-пулеметчица: где твой дом? — в 134-м полку!

Я была готова к войне еще со школы — в школе научилась стрелять, и стреляла хорошо. У меня был значок «Ворошиловский стрелок», и с оружием я умела обращаться. Еще больше я научилась в финскую войну — мы, школьники, бегали в больницу Мечникова и делали перевязки раненым. Так что мы, школьники, умели и перевязывать, и оказывать первую помощь, и все это в седьмом классе. Вся наша школа фактически в полном составе работала фельдшерами в больнице Мечникова во время советско-финской войны. Мы пошли на войну подготовленными.

До войны я работала на Металлическом заводе имени Сталина. Я пошла на фронт вместе с моей подругой, Евгенией Константиновой. Сначала мы были в Мечниковском госпитале, затем в 20-й дивизии НКВД. Ее потом переименовали в 92-ю стрелковую дивизию. Затем окончила пулеметные курсы и попала в 45-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Наша дивизия стояла в обороне на Карельском перешейке, на реке Сестре. Мы на этом берегу, а они на том берегу. Позиции близко. Видно было друг друга — в стереотрубу смотрели. Я была санинструктором в полковом взводе разведки, но по совместительству — с оружием в руках. Потом мне дали задание — дали рупор, разговорник русско-финский, и я ходила по траншее, разговаривала с финнами. Они так привыкли ко мне, что меня Маруся звали. Слушали, и огонь в это время не вели. В ответ финны никакой пропаганды не вели, только слушали и кричали: «Маруся, иди к нам!» Причем на русском языке. Правда, из траншеи никто не высывался, потому что снайпера работали. Я со снайперской винтовкой тоже работала в разведвзводе.

В первый раз нам дали винтовки с оптическим прицелом. Я посмотрела — а финн у меня прямо напротив сидит! Я сразу спряталась, думала, что он вот тут прямо за кустами, а это, оказывается, просто

оптика так его приблизила. Смотрю — сидит, читает газетку на пенечке. Я выстрелила, а попала или нет, не знаю. Не проверишь. Я посмотрела опять на то место, где он был, а его уже не видно. То ли я попала, то ли он спрятался — неизвестно. Снайперская винтовка была с магазином и с оптическим прицелом — это новые винтовки нам прислали. Была поговорка — не воюют три армии: «Шведская, турецкая, и двадцать третья советская».

Все равно, стояли в обороне, какие-то боевые действия велись. А тем более это Ленинградский фронт — голодный фронт. Идешь по траншее, смотришь — солдат лежит, в голодном обмороке. Кормили нас так же, как население Ленинграда в блокаду. Тем более мы стояли в обороне, не в активной армии, поэтому питание было другое, похуже. Так что тяжелое было время. Многие не выдерживали — кто умирал от истощения, кто в обмороки падал. А весной! Полная траншея воды — резиновые части от костюма химзащиты оденешь и по траншее идешь. Наверх выбраться нельзя, финские снайперы работают.

Один раз я попала под финского снайпера. Я вылезла на нейтралку в масхалате, сделала выстрел, он меня засек. Это в марте было, я лежу на нейтралке, и не пошевелиться! Только пошевелюсь — щелк! Выстрел. Наши разведчики пытались его засечь или подавить, стреляли, стреляли, но все равно он меня на прицеле держал. Только когда стемнело, меня вытащили с нейтралки — накинули петлю на ноги и подтянули к нашей траншее. Вытащили меня, растерли меня водкой, напоили водкой, и все нормально — даже не простудилась. Никаких специальных снайперских курсов я не заканчивала, просто нам прислали снайперскую винтовку на взвод и сказали — кто хочет, давайте попробуйте. Вот я и попробовала. А вообще снайперы активно работали, и с нашей, и с финской стороны. Особенно дивизионные разведчики наши — у них снайперов было больше чем у нас. Один снайпер из нашей дивизии, Рогулин, был знаменит на весь Ленфронт. Не знаю, жив он сейчас или нет и где он. О нем очень много писали в газетах фронтовых того времени. Снайперы работали всегда с нейтральной полосы, выползали из траншей. Сначала по траншее ходили, выбирали позицию, а потом выползали и занимали огневую позицию.

Листовки были и у нас и у финнов — то они нам листовки подбросят, то мы им. Когда в разведку ходили, брали с собой листовки и там их разбрасывали. Один раз я была в такой разведке — прислали переводчицу из штаба дивизии — выяснить, есть ли немцы на этом участке или только финны. Она говорит: «У вас есть девушка в разведке, я только с ней пойду». Мы с ней вдвоем пошли. Она должна была слушать, а я должна была ее охранять. Мы подползли к финским траншеям и слушали. Из наших траншей были готовы нас прикрыть огнем, если что. Что она выяснила, я не знаю, но сказала, что немцев нет — только финны.

Обязательно все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество КОЧНЕВА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА

Военное звание Гвардии Старшина

Должность, часть командир пулеметного расчета 134 Гвардейской стрелково-пулеметной Ленинградского полка 134 Гвардейской стрелково-пулеметной Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

Представляется к ордену "Красная Звезда".

1. Год рождения 1928 2. Национальность русская

3. С какого времени состоит в Красной Армии 1941 г. 4. Партийность чл. ВКП/б/

5. Участие в боях (где и когда) Отечественная война с 1941 г.

6. Имеет ли ранения и контузии легкое ранение в 1943 г.

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За Отвагу" в 1944 г. медаль "За Отвагу" в 1943 г. медаль "За Оборону Ленинграда" в 1943 г.

8. Каким РВК призван /Добровольно/30 дивизион НКВД

9. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению или его семьи: _____

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

За то, что в бою 21 февраля 1945 года при наступлении на высоту отм. 81,5 в районе мз. Брувери Литвишской ССР, проявляя образцы отваги и мужества скрытно выдвинулась со своим пулеметом вперед, внезапно открыв пулеметный огонь во фланг противнику отвлекла его внимание на себя, уничтожив при этом до пяти немецких солдат и подавила огонь ручного пулемета противника, тем самым дала возможность своей роты сломить упорное сопротивление немцев и овладеть высотой.

При дальнейшем наступлении на мз. Брувери на всем протяжении боя непрерывно поддерживала пулеметным огнем наступающий стрелковый взвод, где уничтожила до десяти немецких солдат, где и была ранена и эвакуирована на пункт первой помощи.

Командир 134 Гвардейской стрелково-пулеметной Ленинградского полка
Гвардии Подполковник
Кочнева Александра Васильевна (начальник)

5 марта 1945 г.

Трусов

Тид. НСР - 1450

Форма у меня была сначала солдатская, специальная женская форма (юбки, платья) появилась только в конце войны. Да я все равно даже в конце войны юбку не носила, носила брюки солдатские. Не считывали, что женщин придется в армию брать, а пришлось. Когда объявили набор в народное ополчение, то мы все и пошли. У разведчиков нашего взвода были масхалаты — летом пятнистые, зимой белые. Сами мы еще веточки прикрепляли к масхалатам для дополнительной маскировки. Масхалаты — штаны и куртка раздельно. Зимой носили ватные брюки, ватные куртки, валенки. Шинели не одевали, они неудобные — в ногах путаются. Зимой выдавали еще шапку-ушанку и подшлемник шерстяной под каску. Полушубков не выдавали. Противогазные сумки мы носили, но кое-кто противогазы выбрасывал и клал туда какие-то другие вещи. В разведку мы все ходили с автоматами, винтовки мы в разведку не брали. Я ходила в разведку вместе с остальными разведчиками. Помимо автомата у меня были еще гранаты, лимонка у меня была всегда с собой — на всякий случай. В плен бы я не сдалась. Под себя кинула бы гранату и все. Вещмешки не брали с собой, только оружие. Мы же в глубокую разведку не ходили. Дивизионная разведка ходила, мы их только провожали и потом возвращались. У нас был один разведчик Дибров, архангельский мужик, как он сам себя называл, он как стукнет финна, так язык и готов. Я ему говорила «ты уж поаккуратнее с ним, ты ведь этого языка не донесешь». Какие-то некрепкие языки в основном попадались нам. Вот так вот ходили в разведку, и в одной разведке меня ранило. Это было как раз, когда мы возвращались из разведки — финны нас обнаружили и дали минометный огонь. Мина взорвалась рядом со мной. Если бы каски на голове не было, то не было бы меня в живых — осколок пробил каску и застрял в черепе, не дошел до мозга. В черепе у меня так и сидит. Вторым осколком пробило щеку и выбило зуб. Язык поцарапало тем же осколком, он потом в рот у меня не помещался. Так что каски мы и в разведку носили. Вообще-то они тяжелые были, но каски одевали. Некоторые сбрасывали их, но большинство носили.

Я вернулась из госпиталя, а мне финны кричат из своих траншей: «Маруся, ты где была? Мы соскучились!». По-русски мне в ответ кричали, да и по-фински иногда. Когда мне кричали по-фински, я быстро смотрела по разговорнику, что они мне кричат. Сейчас я уже почти забыла все эти финские слова.

Там же, на Карельском перешейке, я получила свою первую награду, медаль «За Отвагу». Была разведка боем, и она прошла очень неудачно. Много было раненых. Я оказала им первую помощь, собрала из всех вместе, оттащила их в безопасное место. Всего одиннадцать человек — и вот за это я получила медаль «За Отвагу».

Я не слышала и не видела таких случаев, чтобы финны и наши друг в друга не стреляли. Когда я там была, из траншей никто не

5. Санинструктора взвода пешей разведки полка санинструктора КОЧНЕВУ, Александру Васильевну за то, что она в неоднократных боевых операциях взвода разведки показала себя отважным и самоотверженным воином. За период с апреля 1942 года во время проведения боевых операций полком, тов. КОЧНЕВА вынесла из под огня противника 27 раненных бойцов и командиров с их оружием.

1920 года рождения, чл. ВП/б/, русская, призвана в РККА Красногвардейским РК гор. Ленинграда. Дом. адрес:

высовывался и не загорал. Берега реки Сестры были близко, так что никто не высывался. На отдых мы ходили в Песочное, Дибуны. Грибы и ягоды там собирали, это большое подспорье нам было.

Бетонные ДОТ мы не использовали, там своя команда была. Что там за силы были — я не знаю. Мы были только в траншеях. Пехота — сто километров прошел, еще охота.

Я поражаюсь, почему финны не пошли в наступление в 1942 году — то ли не хотели, то ли еще что. Чего они боялись? Ведь такие слабые части стояли в обороне. Кто крепче, все были на юге, в районе активных боевых действий, а в обороне одни дистрофики стояли. Ослабленные голодом. Почему не пошли? Оборона у нас слабая была. И питание плохое было, и снабжение. Финны бы прорвали нашу оборону. Мне кажется, финны свободно могли бы прорвать нашу оборону. Это мое мнение — может быть, на других участках фронта была другая ситуация, но у нас в дивизии именно так.

После госпиталя я вернулась в дивизию, но в декабре 1942 года пришла разнарядка — прислать столько-то девушек на пулеметные курсы, вот я и пошла на них. Нас было 3000 человек — курсы, из них 50 женщин. У нас была отдельная казарма. Эти курсы располагались на проспекте Бенуа, дом 1. Это в районе нынешней станции метро Лесной. Курсы длились три месяца, обучали обращению с пулеметом Максим, ручным пулеметом Дегтярева, автоматом ППШ, ППД, пистолетом, гранаты лимонка и РГД. Сборка, разборка, стрельбы. Стреляла я хорошо. У меня еще с довоенных времен был значок «Ворошиловский стрелок» — нас еще в школе научили стрелять. Натаскали нас здорово, я с закрытыми глазами могла собрать и разобрать пулемет. Январь, февраль, март 1943 года мы учились. После курсов я попала в запасной полк на Карла Маркса, там мы пробыли несколько недель, и направились в Кингисепп. Там был какой-то учебный батальон, и мы должны были учить других бойцов на пулеметчиков. Но там я пробыла недолго — с одной моей знакомой пулеметчицей мы поехали в Ленинград, на КПП там был какой-то офицер. Мы разговорились, я узнала, из какой он части и где они располагаются, и убежала из этого учебного батальона. Аня Шмидт,

моя подруга, тоже увязалась со мной. Мы пришли к генералу Путилову, доложили, что вот, возьмите нас. Он посмотрел, говорит: «О, пулеметчицы! И к тому же награжденные!» (у Анны был орден Красной Звезды, а у меня медаль «За Отвагу»). Он сразу согласился нас взять. Это было в марте 1943 года. 45-я гвардейская стрелковая дивизия стояла в то время под Кингисеппом, местечко Криково.

С этого времени и до конца войны я прошла через все операции и бои, в которых принимала участие 45-я гвардейская стрелковая дивизия. И бои под Нарвой, и освобождение Карельского перешейка, и Эстония. Я была командиром пулеметного расчета. У меня был свой пулемет, наводчик, подносчики. Правда, иногда и самой приходилось ложиться за пулемет, и иногда коробки тащить, чтобы без патронов не остаться. В 45-й дивизии я тоже была награждена медалью «За Отвагу». Я даже не помню, за какую операцию это было — столько лет прошло. Там была речушка, и нам надо было штурмовать противоположный берег. А я с моим расчетом не ждала, пока закончится артподготовка, и со своим пулеметом на тот берег проскочила. Мы на том берегу уже готовы поддержать нашу пехоту огнем. Мы ждали, пока закончится артподготовка, и только когда наша пехота переправилась, мы пошли с ними дальше. Мы сумели подготовиться хорошо, и помогли пехоте. Вот за этот бой я и получила вторую медаль «За Отвагу». В той речке еще командир нашего полка искупался — он решил лично поучаствовать в атаке, надел солдатскую форму, и при переправе искупался. Он был невысокого роста, маленький, щупленький. Я его не узнала, и говорю ему: «Ну что ты тут под ногами путаешься?» Он говорит: «Ну-ка, иди сюда, что за дела?! Комполка такие вещи говорить?!»

Пулеметчикам было очень тяжело. Нужно обеспечить атаку, поддержать пехоту огнем, а потом догонять ее и опять стрелять. А пулемет-то тяжелый. Иногда бежишь с ним, и не знаешь, хватит ли дыхания. Только постреляли, опять надо вперед бежать. Стреляли туда, откуда немцы вели огонь. По моему опыту я могу сказать, что Максим был надежным оружием. Да, были заедания ленты, но я прекрасно знала, как его собрать, разобрать, как устранить неполадки. Помимо пулемета бойцы в пульроте были вооружены автоматами — сначала с круглым диском, потом с рожком. Винтовок у нас не было, а трофейное оружие мы вообще не использовали. Каски носили. Никакого транспорта — ни грузовиков, ни повозок, ни лошадей у нас не было, и все вооружение — станок, ствол, щиток, боеприпасы — мы все таскали на себе. Коробок с лентами я брала с собой штук шесть. Если мне казалось, что мало, то я еще сама брала с собой пару коробок. Не могу сказать, на какое время хватало этих коробок в бою, но без патронов я не оставалась. Я была запасливой и боялась остаться без патронов. Позицию сразу меняли, потому что засекут, и сразу пустят мину или еще что. Но позиции меняли так, чтобы немецкие огневые точки были в поле

Обязательно все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество ШМИДТ АННА ВЯСЬЕВНА

Военное звание Гвардии Старший Сержант

Должность, часть командир пулеметного расчета 124 Гвардейского стрелкового Ленинградского полка 45 Гвардейского стрелкового Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

Представляется к ордену "СЛАВА 3-й СТЕПЕНИ"

1. Год рождения 1920 2. Национальность русская
3. С какого времени состоит в Красной Армии 1941 г. 4. Партийность член ВКП/б/
5. Участие в боях (где и когда) Отечественная война с 1941 года.

6. Имеет ли ранения и контузии одно легкое ранение в 1943 г.

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) орден "Красная Звезда" прик. 142 КСД от 8.3.1943 г., орден "Слава 3-й степени" прик. 45 ГСКОМКД от 2.7.1944 года, медалью "за оборону Ленинграда" в 1943 г.

8. Каким РВК призван Смолянинским РВК гор. Ленинграда.

9. Постоянный домашний адрес:
(представляемого к награждению или его семьи):

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

За то, что она в боях 17-го, 18-го сентября 1944 года при форсировании реки БМА-ИТГИ и наступлении на населенные пункты СЯВАКОЛА, КАРИИ, САРЭ проявляя исключительное мужество и отвагу умело форсировала водный рубеж со своим отделением выбрав выгодную огневую позицию огнем из своего пулемета подавила две пулеметные точки противника вместе с расчетом, чем обеспечила успешное продвижение стрелкового взвода, при отражении контратаки в районе хутора КАРИИ при выходе из строя наводчика лично вел огонь, где уничтожила до восьми солдат противника.

При дальнейшем наступлении на населенный пункт САРЭ противотанковая граната уничтожила ручного пулеметчика противника заехавшего в скирду хлеба, где сама была ранена но продолжала выполнять боевую задачу, но только по истечении 4-х часов после боя, по приказу командира батальона была эвакуирована на полковой пункт медпомощи.

22 сентября 1944 стрелкового Ленинградского полка Гвардии подполковник

/ДУСОВИТ/

№ 152
ИСП - 1450

II. Заключение вышестоящих начальников

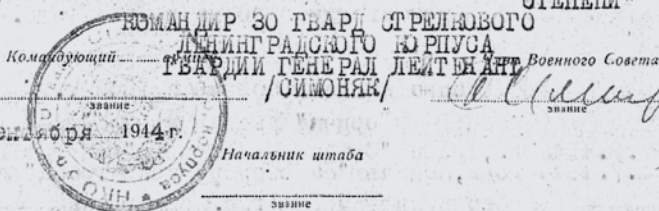
Достоин награждения. Предительственной наградой орденом
"СЛАВЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ"

22 сентября 1944 г.

III. Заключение Военного Совета армии

Достоин Правительственной награды - ордена "СЛАВЫ ВТОРОЙ
СТЕПЕНИ"

25 сентября 1944 г.

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа)

Командующий

Член Военного Совета

1944 г.

зрения. В бою возили на своих колесах. На марше конечно ствол отдельно несли. Я пулемет быстро собирала, немного времени мне на это требовалось. Щиток у нас был, но не всегда мы его устанавливали. Он тяжелый, во-первых, а во-вторых, через эту щель надо еще приспособиться прицелиться. А так без щитка сразу все видно. Не очень любили щиток применять, хотя он и защищает. Максимы с оптическим прицелом мне не попадались.

Один раз была такая ситуация, что я нашла отличную огневую позицию, пристреляла все ориентиры, все подготовила — а пехота где-то застряла, не подошла к нам. И я ни за что не хотела отходить — все же готово, пристреляно уже! И мы на ночь остались там, на этой точке, в одиночестве. Немцы ночью боялись в бой идти. И мы всю ночь вели беспокоящий огонь — расчет рассредоточился, и то из автомата

4. Командира расчета 2-й пулеметной роты Гвардии Славину ~~КОЧНЕВУ~~ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВНУ за то, что в бою 25 июня 1944 года при наступлении на железно-дорожную станцию ТАЛЫ под огнем противника выдвинув свой пулемет ~~к~~ вперед освободила беспрепятственную поддержку пулеметным огнем наступающие подразделения, подавив при этом огонь двух пулеметных точек противника, уничтожив их расчет.

Рождения 1923 г. русская, член КП/б/прислана
в РККА 1941 г. Петроградским РКВ гор. Ленинград.
д-р. Дом. адрес

очередь дадим, то их пулемета. Утром наша пехота подошла, и говорят нам: «А вы еще живы?» Мы говорим: «Да, а куда мы денемся?»

Один раз я столкнулась с немцем лоб в лоб в бою. Слева дом горит, справа сарай горит, и нам надо между этих двух пожарищ проскочить. Я побежала, выскочила — и немец на меня! Мы выстрелили одновременно. Я его убила, а он в меня не попал. Очевидно, он нажал на курок, когда уже падал. Только сапог мне повредил пулей. Аня Шмидт в том же бою встретила с немцем, так она его в плен взяла, но потом в этом же бою погибла. Она мало того, что его в плен взяла, так когда наша пехота вперед пошла, она на него пулемет нагрнула, он пулемет вперед нес. Они дошли до нашей цепи, сказали, чтобы увели его. Аня Шмидт была студентка института иностранных языков — почему она с этим немцем сидела, беседовала на немецком, и заставила пулемет тащить. Единственное, что я о ней знаю, что она из Витебска. Я не знаю, из какой дивизии она пришла на пулеметные курсы. Отчаянная девчонка была. По национальности была еврейка, но очень смелая. Поскольку я была чертежница, она меня попросила подделать ей графу «национальность» в красноармейской книжке. Она мне говорила: «Ты сама понимаешь, к евреям такого доверия нет, как к русским, переставь мне национальность на русскую». Я пожалала плечами — но надпись ей подделала.

Маша Логинова была из Ленинграда, но где она жила — я не знаю. Один раз был случай (где, я уже не помню, названия мест стерлись в памяти), когда командиру роты дали задание прочесать лес. Он набрал команду — я пошла с ручным пулеметом, Маша Логинова, санинструктор, тоже пошла, и еще пятнадцать человек бойцов. Мы пошли вперед. Только мы метров триста отошли, как снайпер Машу снял. Я только наклонилась над ней, как командир говорит: «Не смей! Ее подберут, а нам дальше надо идти». Какая ее судьба — нашли потом ее тело, или нет, не знаю. Мы дальше пошли, вышли на опушку леса, перед нами деревня, в ней немцы ходят. А командир отчаянный был, говорит: «Давай деревню возьмем!». Я говорю: «Ага, возьмем. И что мы с ней делать будем? Нас

семнадцать человек, а наши вон где! Где патроны? Где силы, чтобы эту деревню удержать? Где еда? У нас ничего нет с собой. Давай лучше подождем подхода наших». Мы остались на ночь на опушке леса. Это был единственный раз, когда я офицеру перечила. Не пошел комроты вперед. Немцы ходят в открытую, варят что-то, из труб дым идет. А у нас и есть нет ничего, командира послали как на рекогносцировку, а он нас взял с собой. Ночью — под одним кустиком храпят, под другим — храпят, я пойду, одного растолкаю, другого растолкаю, боюсь уснуть. После этого на рассвете слышу — справа началась стрельба. Я так подумала, что, значит, скоро наши подойдут, и эту деревню будут брать. Пошла на выстрелы, и оказалось, что это наши соседи, 131-й полк. Я к ним подошла, говорю, что тут у вас происходит? Они спрашивают: «А ты из какой части?» — «134-й полк» — «А где вы?» «Мы на опушке леса, перед деревней стоим, еще с вечера» — «а что вам надо?» Я в ответ: «Нам надо патронов и надо каши!» Мне дали термос каши, патронов, я и вернулась к нашим. Потом наши пошли вперед, мы к деревне подошли, а там немцы уже отступили. Деревню заняли без боя. Этот комроты мне и говорит: «Вот видишь, надо было деревню атаковать вечером, заняли бы ее и ночевали бы в домах». Я говорю: «Как знать, может быть, и не было бы нас в живых!»

Один раз врач меня обидела сильно. У меня что-то с ногой случилось, такая боль дикая, что наступить на ногу не могу. А внешне ничего не видно. Я пришла к ней, а она посмотрела, и говорит мне «симулянтка!» Я думаю: «Ничего себе, симулянтка, с сорок первого года в боях!» А это в 1945 году было. Потом слышу еще, что врач говорит: «Сегодня в бой идем, вот она и симулирует». Я обиделась страшно и кое-как ушла оттуда. А идти не могу. Увидела повозку, которая шла как раз в наш полк. Меня привезли. Что делать-то? Я такая обуза для ребят, без ног! К вечеру у меня нога распухла так, что и в сапог не лезла. А там как раз понадобилась какой-то взвод пулеметный на танк посадить. Я говорю: «Давайте наш взвод на танк, раз я ходить не могу, поедем!» Поехали на этом танке. Два танка шло впереди, мы были на третьем. Танки вывезли нас на позицию, мы рассредоточились, а танки пошли на свою позицию, отступили. Мы остались одни, вырыли окопчики, сидим и ждем. Рядом дом какой-то был, один парень из моего взвода говорит: «Я пойду, проверю, что там такое». Прыгнул через забор, и зацепился ремнем, и ноги длинные в воздухе болтаются. Сам парень высокий был — и вот вид такой, забор, а над ним длиннющие ноги болтаются. Я говорю: «Ну, если немцы такое увидят, то обязательно отступят, испугаются». Он отцепился, пошел в этот дом, вернулся, и говорит: «Да нет там ничего, нечем поживиться». И вдруг мы смотрим — из леса напротив выходят немецкие танки! А наших танков нет! А пехота-то где? Что нам делать? Так что получается, что наш взвод остался в одиночестве, три пулемета и все. Думаю, ладно, огонь открывать мы не будем, это бесполезно. Пусть

Обязательно все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

261

Фамилия, имя и отчество ШМИДТ АННА ЕВИМОВНА

Военное звание Гвардии Старший Сержант

Должность, часть Командира пулеметного расчета и 134 Гвардейского стрелкового полка 45 Гвардейской стрелковой Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

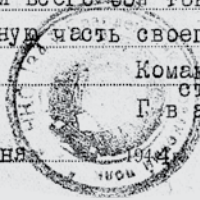
Представляется к ордену "СЛАВА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ"

- 1. Год рождения 1920 г. 2. Национальность русская
- 3. С какого времени состоит в Красной Армии 1941 г. 4. Партийность чл. ВКП/б/
- 5. Участие в боях (где и когда) Отечественная война с 1941 г.

- 6. Имеет ли ранения и контузии одно легкое ранение в 1943 г.
- 7. Чем ранее награжден (за какие отличия) орден "Красная Звезда" приказ 142 КСД № 018/Н от 8.3.1943 г. и медалью "За оборону Ленинграда" в 1943 г.
- 8. Каким РВК призван Смольнинским РВК гор. Ленинграда
- 9. Постоянный домашний адрес:
(представляемого к награждению или его семьи):

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

За то, что в бою 25 Июня 1944 года при наступлении на железнодорожную станцию ТАЛИ, при форсировании реки Лейtimo обеспечила непрерывную поддержку пулеметным огнем стрелковым подразделениям уничтожив при этом две пулеметные точки противника и подавила огонь орудие ПТО уничтожив его расчет тем самым дала возможность своим подразделениям быстро продвинуться вперед, при дальнейшем наступлении умело и скрытно меняя огневые позиции сумела обеспечить поддержку стрелковых подразделений, при отражении контр-атаки противника огнем своих пулеметов рассеяла частично уничтожила до взвода белофинов в результате чего контр-атака белофинов была отбита, на протяжении всего боя тов. Шмидт сумела сохранить личный состав и материальную часть своего отделения.

Командир 134 Гвардейского
стрелкового полка
Гвардии М а ю р
(Полковник)

Шмидт Анна Евимовна

30. ИЮНЯ 1944

Тип. НСР — 1450

II. Заключение вышестоящих начальников

АЛЕКСАНДР АНАТОЛИЙ

Командир (начальник)

Курсант артиллерийского училища, в котором он обучался, отличился в боях за освобождение городов и селений в районе...

194 г.

Звание

194 г.

Звание

Командир (начальник)

194 г.

194 г.

III. Заключение Военного Совета армии

194 г.

Командующий армией

Член Военного Совета

Звание

Звание

194 г.

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа)

Курсант артиллерийского училища, в котором он обучался, отличился в боях за освобождение городов и селений в районе...

Командующий

Член Военного Совета

Звание

Звание

Начальник штаба

194 г.

VI. Отметка о награждении

Принимая участие в боях за освобождение городов и селений в районе... награжден орденом Славы 3-й степени.

Начальник штаба

194 г.

Звание

они пройдут, и мы попробуем их сзади атаковать гранатами — вот такое я решение приняла. Ребята мои заволновались. Я им говорю: «Ребята, вы же знаете, я убежать не могу. Сами знаете, какая у меня нога — я никуда не убегу. И вам я приказывать тоже не могу на верную смерть оставаться. Так что оставьте мне гранат побольше, а сами как хотите». Никто не убежал. А немецкие танки стволами в разные стороны поворачивали, и что-то побоялись вперед идти. Я говорю солдату своему — это ты их своими ногами напугал, они не знают, какое оружие тут у нас находится.

Тут как раз наши подошли, и мы отошли в тыл. Потом меня сразу отправили в медсанбат. На телеге нас везут. Я автомат ребятам отдала. Положили меня и еще одного раненого на телегу, везут нас. Смотрим — из леса два немца идут! Я ездового спрашиваю: «У тебя оружие есть?» — «Да там винтовка где-то под тобой лежит». Я винтовку сразу из-под себя доставать, держу ее. Подходят немцы, по-немецки что-то говорят. Если бы Анна была жива, она бы с ними поговорила, но ее нет, она убита. А нас — я с ногой, тяжелораненый боец, и ездовой. Я думаю, что делать? Гранат нет, а что это винтовка? Подошли, говорят, как я поняла «Мы австрийцы! Мы не стреляли!» Оба с оружием, и пошли за нами. До артиллеристов добрались, я говорю: «Ребята, избавьте от этих собеседников! Я уже больше не могу с ними общаться! Они вышли из леса, не стреляли, нам ничего плохого не сделали, но общаться я с ними больше не хочу». В медсанбате меня сразу на операционный стол, и маску на лицо эфирную. До сих пор я ее переносить не могу. Открываю глаза — никого нет, я на столе, нога перевязана. Сапог разрезанный лежит. Я его одела, прибинтовала к ноге, и вышла. Меня никто не остановил. Иду, иду, ноге не больно. Наверное, это от наркоза. А тут как раз наш агитационный автобус едет, и агитатор Семен Хохман наш мне кричит: «Куда идешь?!» — «Домой!» — «А где дом?» — «В 134-м полку!» — «Давай садись, я тебя подвезу, как раз туда еду». Подвез он меня до штаба полка, а там как раз наша машина за продуктами пришла. Я на ней обратно к передовой поехала, к ребятам. Долечивалась уже в своем полку, на передовой.

Подвига я не совершила, до Берлина не дошла. Вместе с солдатами участвовала в боях, была простым солдатом. Отношения между мужчинами и женщинами были нормальные — я солдат как солдат, все были наравне. В этих же боях были такие же женщины, как я, мои боевые подруги. Я только после войны узнала, что в конце войны, в Эстонии, наш комполка нас специально в Ленинград в отпуск отослал, чтобы сберечь. Он к нам пришел и говорит: «Девчонки, не хотите в Ленинград съездить?» Март месяц на дворе, весна, мы и подумали — почему бы не съездить? А потом оказалось, что дивизия пошла в бой. Мы вернулись, и стали дивизию нашу нагонять. Нагнали в районе Дно, Гдова. Пришла я в батальон: комбат убит, все офицеры убиты, только один лейтенант

Морозов из нашей пулеметной роты остался, и тот контуженный, не слышит ничего. Глухой, вообще ничего не слышит. Я ему сказала идти в санроту, он не знает, куда. Я ему показала направление, говорю: «Сам ищи». А что происходит, куда наступать — я не знаю, я же в штабе не была. И в результате Веру, подругу мою, в этих боях убило, а меня ранило. Я пришла, ничего не знаю — куда наступать, что будет? Ребята мне сказали, что начало атаки по сигналу красной ракеты. Смотрю — слева пошла пехота, справа. Я говорю: «Ребята, давайте мы тоже не будем отставать. Вперед!» Пошли вперед, а куда идем — сами не знаем. Где видим немцев, там стреляем, и дальше давим на них, только чтобы батальон наш не отстал. Потом пришел старший лейтенант, сказал, что будет командовать батальоном. Я говорю: «Давай, командуй, а то мы не знаем, куда нам идти». И тут меня как раз ранило — в ногу ранило, в руку. Рука отвисла, боль жуткая, очевидно в нерв попало. Я ушла в санчасть. Пришли в санчасть, раненых много, транспорта не хватает, когда кого будут отправлять — непонятно. Нам сказали, что если кто может сам идти, пусть пешком сам идет в полевой госпиталь. Руку мне обработали, перевязали. Нога была ранена легко, я еще говорила: «Вот паразит, сапог испортил!» Врач спрашивает: «А что ногу он испортил — это ничего?!» Я говорю: «Это ничего, нога заживет, а сапог теперь рванный». После этого мы с одним командиром отправились пешком в полевой госпиталь и заблудились. Пришли в госпиталь уже ночью. От боли я уже не знала куда деваться. Врач посмотрела, что рука у меня сухая, кровотечения нет, и не стала ничего делать. И вот я всю ночь от боли мучалась. А там какой-то солдатик был, и вот он меня всю ночь водкой поил. Водки даст мне: «Доченька, выпей, легче будет». Я выпью, а через двадцать минут у меня опять эта боль! И так вот до утра я дождалась. Утром меня сразу на операционный стол, вычистили мне руку, и я после этой операции вообще трое суток спала. В госпитале не было женских палат вообще, а была только гауптвахта. Из гауптвахты освободили людей, а меня туда поселили. Гауптвахта была в землянке, на полу вода. Доски были наложены просто так, в грязь. Правда, печь там была, и солдатик ее топил круглосуточно. Как раз был день 8 марта. Вспомнил начальник госпиталя, что есть раненая девушка в госпитале. Меня вынесли с гауптвахты и показали генералу, который в госпитале был с инспекцией. Вот тогда он мне дал орден Красной Звезды. Начал меня расспрашивать: «О, девушка! На фронте с сорок первого года! Две медали «За Отвагу»! И Вы все на фронте?» Я отвечаю: «Да, стойкий оловянный солдатик» — «а в какой палате Вы находитесь?» — «а на гауптвахте». Он дал всем нагоняй, мне выделили уголок в палате. Потом он говорит: «Я все награды раздал, вот Вам от меня». Снял с кителя своего Красную Звезду и отдал мне. Я не знаю, как он потом все это дело оформил, но потом мне выдали официальное удостоверение на этот орден. Я забыла фамилию этого генерала. Спрашивает: «Как ты столько лет продержалась-то?»

Я отвечаю: «Не знаю я. Вера Барбашова убита, Аня Шмидт убита, Маша Логинова убита, а я среди них была, и жива осталась». Из госпиталя я потом убежала, не долечилась. И долечивалась в своей санроте. Рука не действует, крючком согнута. Врач мне говорит: «Давай разрабатывай руку, она тебе еще пригодится». И со слезами на глазах пришлось разрабатывать. К сожалению, не знаю фамилии этого доктора, надо было его поблагодарить за руку. Так что в последних боях в Курляндии я не участвовала. В Курляндии было очень тяжело. Потому что вроде и конец войны, а грязь страшная. Лошадки по самое брюхо погружались в эту грязь. Я когда из госпиталя убежала и добиралась до своей дивизии, то смотрю — радист, рация за плечами, и он по этой грязи чуть ли не на четвереньках ползет. Такое болото было страшное. Там наш командир роты погиб, Соболев Иван Николаевич, после него стал Дубинский. Потом Назаров Иван стал. Меня тоже перевели из моей роты во второй батальон, и дали пулеметный взвод — три пулемета. Звание у меня было гвардии старшина. Званиями нас не баловали. В Курляндском котле немцы никак не хотели сдаваться, даже когда уже война кончилась, они на нас по лесам охотились. Так что пленных у нас даже в конце войны было мало.

Наступление на Карельском перешейке было как раз после Нарвы. Я попала как раз на тот самый участок, где я ходила в разведку в 1941–1942 гг. Эта моя бывшая дивизия отходила, а мы там сосредотачивались для наступления. Артподготовка — такой гром был — это не передать. Откуда столько оружия взялось? Такая мощь на них была свалена! Наши чувствовали, что финны в обороне три года стояли, значит, оборона у них сильная, так такой шквал на них обрушили! Не знаю, кто мог бы выдержать такой огонь, с ума сойти было можно. Финны выходили из блиндажей, все тряслись, говорили: «Рюсся сараями стреляет!» А это были такие ракеты, Андрюша, он прямо с клеткой вылетает, горит все. Вот, наверное, поэтому они решили, что мы сараями стреляем. Пленных было много. Бои были тяжелые — там же местность пересеченная, скалы. В одном ущелье таком — огромные скалы, у нас была остановка, только стали прятаться, как финны начали бомбить. Я смотрю, что мне не спрятаться нигде, подбежала к одной скале, а там наш инженер полка — у него вся левая сторона груди снесена осколком. Начисто. Вот так вот его скосило. И я смотрю — сердце бьется! Натуральное человеческое сердце у меня на глазах бьется! Я остолбенела, а он еще на руках приподнялся, глаза безумные совсем, посмотрел на меня, и ткнулся лицом в землю. Ну как тут поможешь? У него грудная клетка была снесена полностью. Вот такие жуткие бои были под этим Выборгом. Названия станций, мест мы не знали. Мы простые солдаты, нам дадут ориентир и направление, и мы туда идем. Выборгская операция была скоротечная, мы даже нигде не останавливались — все время шли, шли, до самого Выборга.

Финны ошарашены были, не ожидали такого. Потому что когда в обороне стояли, не особо активные бои вели. То финны разведку пошлют, то мы разведку пошлем — более ничего. Никаких особых боев не было. А тут такое! Сопротивления они сильного не оказали. Только вот в этом ущелье нас начали бомбить, покалечили нас.

Политруки были нужны — они умели рассказать, показать все. Они были, как правило, грамотные все, больше читали. Так что политруки имели значение. У нас не было политруков, которые прятались в тылу. Политрук Афонин, который был у нас в разведке, всегда первым шел вперед, не прятался. Он и погиб. В 45-й гвардейской дивизии у нас был политрук Макаров Алексей Алексеевич — отчаянный политрук был. Фактически второй командир полка был. Очень хорошие люди были.

Смершевцы, очевидно, хотели меня взять на работу в Особый отдел, но я отказалась — сказала, что лучше останусь у пулеметчиков. Они ходили, что-то выясняли, вынюхивали. А чего тут смотреть? В бою всех видно. Так что я не знаю, были ли среди нас информаторы, кого они завербовали, или нет. Я не видела, чтобы кого-то безвинно осудили или по доносу судили военным трибуналом. У нас такого не было. В разведке одного расстреляли, сказали, что он совершил самострел. Мне очень жалко было его. В общем, устроили показательный суд, и его расстреляли. Это было в разведке, в 1942 году. Рука прострелена, я его еще перебинтовала. Послали в разведку их, он возвращается, у него рука прострелена. Я его перевязала, а потом его забрали и судили. Я не поверила, что он это мог сделать. Но они как-то определили, что это был самострел. Еще у нас был разведчик Шамарин, который страшно боялся. Как в разведку идти, его прямо трясло сначала. Я его все время подбадривала, говорила: «Да ладно, давай, пойдем! Все будет хорошо!» Потом он стал такой боевой — сумел перебороть свой страх. А сама я не боялась. Это другие ветераны говорят, что было страшно, а мне, как в бой идти, так страшно не было. Это после боя я сяду, и у меня волосы на голове шевелятся, и думаю: «Как же я могла? Как же я могла так себя вести?» А когда сразу надо, говоришь «есть» — и пошла — вот тогда не было страшно. Только потом.

Офицеры за мной не ухаживали — как они могли за мной ухаживать, если у меня взвод солдат? Ко мне не подступишься. В нашей дивизии я не знаю и не помню женщин, которые бы крутили романы с офицерами. Не знаю, может быть, что-то такое было в санроте, но я же с ними не общалась. Я все время со своими ребятами была. Это мои солдаты от меня бегали. Иногда бывало так, что рядом был банно-прачечный отряд, и солдаты туда бегали. Я ругала их за это.

На войне у меня были длинные волосы. Один раз, когда мы были на отдыхе, я была дежурной по батальону. Батальон ушел на занятия, а я пошла на кухню, вымыла голову, постирала гимнастерку. И тут

мне докладывают: командир корпуса, Симоняк, идет с инспекцией! А я, дежурный по батальону, в разобранном виде! Что делать? Схватила чью-то гимнастерку, а волосы мокрые, распущенные, забыла, как докладывать ему, стою и жду нагоняя. А он посмотрел, и говорит: «Ох, какие волосы шикарные!» у меня были длинные вьющиеся волосы. Ушел. А я все жду, что батальон вот сейчас придет и мне попадет. Но ничего, обошлось. Вот такая встреча у меня с Симоняком была. В бою я просто волосы в хвост собирала. А потом вообще обрезала, и они заправлялись под пилотку. Вначале скандал был у меня с моими волосами. Приказ был всех женщин подстричь коротко, а я не давала их стричь. Говорю: «Хоть одну вошь найдете, тогда можете стричь, а так не дам!» Я сумела волосы сохранить в чистоте, иногда и в холодной воде волосы мыла. Или на кухню приду, мне дадут воды горячей. Мыло нам выдавали. Это не в разведке, где ни мыла, ни хлеба, ничего не давали. В разведке у меня тоже были длинные волосы.

В конце войны у меня было уже платье, и фотографий целый чемодан, но когда я жила в Красном Селе, у меня все это украли. Мне не столь жалко своих вещей, как вещей Ани Шмидт — от нее мне узелок остался, я хотела его передать в институт, где она училась до войны. А так вообще ничего не осталось. Жалко, что пропали мои записи, что я вела во время войны — я кратко записывала даты и места событий. Сейчас уже сложно вспомнить, где и что происходило... Фотографий было много, и я с пулеметчиками, и другие. Еще к нам часто приезжали писатели, так они тоже очень любили со мной фотографироваться. Сразу, как увидят меня: «Давай с тобой и с оружием сфотографируемся!» Хорошо, что все награды я носила на себе, и их не украли. Думали, наверное, что у меня трофеев целый чемодан. Мы же пехота, а трофеев если набрать, то что делать с ними? За собой таскать? У нас же и так пулемет, и никакого транспорта. Это может быть тыловые части что-то

4. Красноармейца 2 стрелковой роты МАСЛОБОВЕВУ, Фаину Васильевну за то, что она за период с 1 апреля 1942 года постирала 13500 пар белья для личного состава полка.

1920 года рождения, русская, призвана в ряды РККА Парголовским РВК, Ленинградской области. Домашний адрес: _____

Строки в приказе на награждение личного состава 317-го стрелкового полка 92-й стрелковой дивизии от 3 февраля 1943 года. Однополчанка Кочневой Александры Васильевны, Фаина Александровна Маслобоева, за 10 месяцев постирала 13500 пар белья, то есть по 45 пар в сутки. Каждый день на протяжении 10 месяцев. Наверное, сама таскала и грела воду и вручную стирала. Награждена медалью «За боевые заслуги», самой простой советской медалью

набирали себе, у них и машины и повозки были. А у нас пулемет, куда с ним еще. Разве что чистое нижнее белье мы брали, и переодевали, и по мелочам — часики трофейные у меня были, и те тоже украли. Потом всякие сувениры брали. А больших вещей не брали.

Вместо водки женщинам на фронте выдавали конфеты. Табак нам выдавали, но ни пить, ни курить я за всю войну так и не научилась. Я не слышала, чтобы кто-то спивался у нас в дивизии, не было таких инцидентов. В блокаду я не помню, выдавали нам ее или нет. Если даже и была эта водка, то ее, наверное использовали для раненых — раны обрабатывать. А так давали нам водку, ребята пытались меня научить водку пить и курить — козью ножку мне скрутят, и говорят: курни давай! А у меня все как-то не идет.

День Победы — столько было крику, все прыгали! Просто невероятно. Стрельба, салют. Даже не передать, сколько радости было!

Выдавали нам всегда сапоги, в ботинках с обмотками мы не ходили. У ребят были ботинки с обмотками, но это в самом начале войны. А у меня сапоги были, сначала выдали на два размера больше. Я не знаю, как вообще выдержали снабжать такую армию — накормить, обусть, оружием снабдить, чтобы армия могла держаться. Такой Союз был, что прямо обидно, что его больше нет. Полушерстяное обмундирование я не видела.

Мы обращались друг к другу по званиям и по фамилиям, поэтому мы имен-то друг друга не знали, как следует. Не принято было по именам обращаться. Но я всегда по-другому обращалась с солдатами. Получу задание в штабе, прибегаю: «Ребята, у нас такая вот задача. Как будем выполнять?» Всех выслушаем, примем решение и пойдём. У Ани Шмидт так не получалось. Почему-то она считала, что «я приказываю, я здесь главная», а я не могла солдатам приказывать. Поэтому и отношения у нее с солдатами были не совсем дружеские. С командиром роты у меня были нормальные деловые отношения. Вызовет, скажет, что нашей роте поставлена такая вот задача, вот твой участок — все рассказывал. Но обсуждать приказы с ним я не могла — кто я такая, чтобы приказы обсуждать? Это с ребятами я могла нашу задачу обсуждать, а с командиром — нет. Поэтому у меня отношения с солдатами были замечательные, дружеские. Они за меня горой, а я за них. Я за войну ни одного солдата во взводе не потеряла. У меня ранений было больше, чем у них. При командовании взводом мне приходилось бегать от одного пулемета к другому, узнавать, как дела у них.

После войны у меня украли чемодан с вещами, где лежали все мои фотокарточки и документы. Поэтому у меня лично ни одной фотографии времен войны не сохранилось. Может, есть где-то в газетах. Годы войны, проведенные в сырых и холодных окопах, дали о себе знать. Какая семья, какие дети? После четырех лет на фронте я не могла иметь детей. Замуж не вышла, так и живу одна.

Когда начался артобстрел, я даже не проснулась, такая была усталость...

До начала войны я жила в Петрославянке, это перед Колпино. Я закончила восемь классов, окончила курсы телефонистки и пошла работать на телефонную станцию. Все мы, девочки из Петрославянки, вместе учились в школе, и все вместе попали в один полк. 21 июня, в субботу, мы были на танцах — и только рано утром 22 июня вернулись домой. Утром все вроде было тихо, и вдруг объявляют — война! Даже и непонятно сперва было, что такое война — пока сами на своем опыте не узнали, не увидели, что это такое. Ребята у нас в поселке были замечательные, 22, 23, 24 года рождения. Все они записались добровольцами и ушли на фронт.

Немец очень быстро подошел к нам. Мы рыли окопы около нашей деревни, и из Ленинграда тоже приезжало население копать окопы. Немец стал нас бомбить, и очень сильно. Столько стало раненых! Пока поезда ходили, их всех вывозили, конечно. Но, как я уже говорила, пока мы сами не окунулись в реалии войны, сами не поняли, что значит война. Только когда голод наступил, мы поняли, что это такое. А в голод у меня отец умер (он работал на вагоностроительном заводе), мать в блокаду была ранена (она работала на узле связи в Ленинграде).

В первую блокадную зиму я жила в Петрославянке, а работала в Ленинграде. Поезда не ходили, и я эти двадцать километров совершала пешком по шпалам, до улицы Герцена. Я работала на центральной телефонной станции. В ночь и в вечер ходила. Конечно, это было сложно. Особенно зимой были видны реалии войны — идешь, темно, а впереди, на линии фронта, все горит, пылает. Питались ужасно. Голод. Мы обрадовались, когда пришла весна 1942 года и появилась трава. Лебеда, крапива — все это собиралось и варилось. Мама пекла лепешки из костной муки — клала лепешку прямо на печь. Папа умер от голода в первую зиму, племянник умер от голода. Я, благодаря маминому трепетному отношению к каждому кусочку, выжила.

Как я попала в полк? Я дружила с девочкой, Надей Тимофеевой, и она вдруг ко мне приходит в форме. Это был уже сорок второй год. Я спрашиваю: «Что такое? Почему ты в форме?» Она отвечает: «Там у нас полк стоит, и командир полка взял нас на службу. Давай и ты туда же, к нам». Меня мама сначала не пускала. Мне было тогда семнадцать лет. Мы, довоенные девочки, все были, как вам сказать — с косичками, дисциплинированные. Командир полка у нас был поляк Козино, он побеседовал со мной, прежде чем взять в полк. По внешнему виду он посмотрел, что меня можно взять в полк. Никакой медкомиссии не было. Прямо в полк, в действующую армию. Этот полк у нас оказался потому, что вторая линия обороны проходила по Славянке, и все части, которые отступали, там и остановились. Так я попала в 942-й стрелковый полк 268-й стрелковой дивизии.

Выдали нам обычное солдатское обмундирование. У кого были юбки, у кого галифе. Кирзовые сапоги. Сначала одевали плохо — дали новенькие гимнастерки, конечно, но ничего более. Гимнастерку хлопчатобумажную выдавали на год — как хочешь, так и обходишься. Одну пару белых теплых чулок и одну пару белых хлопчатобумажных чулок. Их, конечно, девушки красили стрептоцитом и они получались красновато-коричневого цвета. Я, например, носила солдатские брюки — выпросила у старшины. Шерстяных гимнастеров зимой не выдавали, они шли только комсоставу. Из дома брали нижнее белье. На гимнастерках были простые зеленые петлицы с эмблемой связиста, и все. Погоны появились позднее. В этом смысле нам, девушкам, было сложно.

Зимой было сначала совсем плохо со снабжением — шапок зимних не давали, только подшлемники вязаные. Так мы их закручивали, и сверху звезду прикрепляли — вроде как и зимний головной убор получался. Холодно в них было. Каски мы не носили, их выдавали скорее всего пехоте. А мы, связисты, хотя и шли рядом с пехотой, касок не носили. Зимой мы носили ватные брюки и ватники. Хорошо, что их выдавали — в них можно было в снегу валяться. А сверху — шинель. Все на себе. Шинели мы не подрезали, они были средней длины. Шинели у нас были серенькие, такого же цвета, как сейчас у курсантов. А потом нам выдали канадские шинели, зеленоватого цвета и потоньше. Все солдаты полка ходили в разных шинелях — у кого порвалась шинель, у кого еще что. Зимы были морозные. Когда мы стояли в лесу Саблино — Ульяновке, там мы все почти потеряли валенки. Мы были в лесу, а лес — это дом родной. Хорошо, если лес, есть где укрыться, есть, из чего сделать постель. Мы ложились спать на лапнике. Валенки у нас были промокшие от хождения по болотам. Мы их подкладывали под голову, а утром, когда просыпались, то их было не одеть — они смерзались за ночь.

Потом нас стали гораздо лучше снабжать. Дали и шинели красивые, и шапки зимние. У ребят были винтовки. Когда мы, девчонки, на линию шли — мало ли что там может быть — брали с собой винтовку.

Когда ввели новую форму в 1943 году, погоны у нас были просто зеленые, без канта. Мы старались в них вложить дощечки или что-нибудь твердое, чтобы они не гнулись — несмотря ни на какие трудности, мы старались выглядеть хорошо.

Питание в армии было, конечно, лучше. Сначала это было даже не очень здорово — у меня ноги стали опухать с непривычки. Потом, когда прорвали блокаду, стали давать побольше еды, но народ-то в армии все равно изголодавшийся был. Очень голодно было.

Я начала служить. Косы все мои отрезали, подстригли прямо под горшок. Девушки все носили короткие прически, иногда даже друг друга подстригали. Женщины-солдаты кос не носили никогда! Только те женщины, которые были в штабах или в медсанбатах, и у которых была возможность ухаживать за собой, носили длинные волосы.

Никакого дополнительного обучения мне в полку не было нужно — я была хорошая телефонистка, везде была на хорошем счету. Я была готова для выполнения любых задач. Мы сначала стояли во второй линии обороны. Питались чечевицей, и немец бросал нам издевательские листовки: «Чечевицу съедите и Ленинград сдадите».

Кормили нас три раза в день. Утром старшина нас поднимал в шесть утра, и мы завтракали. До чего мы не любили котелки таскать с собой! Нам наш командир взвода иногда говорил: «Девчонки, я смотрю, что к вам когда после войны придешь, так надо со своей тарелкой приходить!» Котелки были всякие, и круглые, и овальные. Когда котелок к поясу прицепишь, то конечно, овальный был удобнее. Ложки были алюминиевые, были еще ложки-вилки вместе складные. Мы их носили за сапогом.

Еще мы поняли, что в пехоте без лопаты никуда не деться. Когда на ровное место придешь, надо обязательно окопаться. Хотя она и тяжелая была — говорят, что в походе и иголка тяжела, но мы поняли, что без них долго не проживешь.

Противогазы у нас первое время были. У нас еще в первое время делали проверки и учения с противогазами — задымят землянку, и всех нас туда. А мы, конечно, не хотели через противогаз дышать, клапан открывали, и задыхались от дыма. А потом мы их как-то ликвидировали постепенно, и не стало их у нас. Сумки себе оставили, солдаты сумки любят.

Фляжки были не у всех. В Финляндии было так, что кормили нас селедкой, вроде для того, чтобы пить не хотелось. Какое там не хочешь! Мы вдоль озера шли, так все время фляжками воду черпали.

Помимо питания, нам полагалась водка по сто грамм в день, но эти сто грамм до нас не доходили — мы все отдавали старшине. У старшины начальство было, он, наверное, с начальством делился. Табак нам полагался, так нам вместо табака выдавали либо конфетки, либо сахарный песок. Многие девчонки курили, но я так и не научилась.

Пьяниц в полку не было, но праздники праздновали и пили. Устраивался праздничный обед. Я все вспоминаю наше время во Всеволожске перед прорывом блокады — там как раз были ноябрьские праздники, и у нас в полку был большой праздник. Хотя большого обеда в блокаду, разумеется, устроить было невозможно.

Первый бой у меня был под Ям-Ижорой, и там же меня ранило в руку и в ногу. Я была телефонисткой, и бегала, прокладывала линию. Ранило меня осколками в ногу в плечо. Лежала я в первом медицинском. После госпиталя я подумала: «Что мне, у мамы оставаться? Пойду, схожу в часть». Иду, нога перевязана, и начальник связи меня узнал — по силуэту знакомому, наверное? Он спросил меня: «Девочка, что ты тут ходишь?» — «да вот, из госпиталя пришла» — «а где ты сейчас находишься?» — «У мамы» — «как это у мамы? У нее паек, наверное, маленький, ты ее объедаешь. Давай в часть!»

Накормили меня. Очень совестно было есть, между прочим. Это было в первое время. Потом мы пошли под Ивановское. Сперва мы там стояли в обороне, а потом часть нашей дивизии пошла в наступление. Очень много народа погибло там, очень много. Когда было наступление, по Неве вверх по течению шли катера, полные морских пехотинцев, а обратно через какое-то время плыли только остатки наших катеров, разбитые. За них держались раненые ребята, кричали — а в воде как поможешь? Ничего не сделаешь. Такая картина — это надо было видеть. Наш полк активно в операции участия не принимал, наверное, только 952-й полк переправлялся и занимал плацдарм. Через саму речку Тосна мы не переправлялись. Мы там просто стояли в обороне. Когда мы туда пришли и сменили части, окопы там были в полный рост. А как начались бои, так немцы артиллерийским огнем их чуть ли не с землей сровняли. Но мы ходили не пригибаясь, в полный рост. То ли мы не понимали опасности, то ли страха не было. Ночью немцы с самолетов подвешивали осветительные ракеты, и все было видно. В памяти остались моряки, которые туда ушли. Больше ничего не могу рассказать об Ивановском. Но несмотря на эти неудачи и тяжелые потери, я не помню подавленного настроения среди бойцов, с которыми общалась.

Потом нас вывели из Ивановского, мы пошли через Понтонное, на Карельский перешеек на отдых и переформирование. Остановились в Токсово и долго в себя приходили. Собственно, до зимы мы там были. Нас готовили сильно, были крупномасштабные учения. Мы все в них по-настоящему участвовали. Там была настоящая артподготовка боевыми снарядами, атака с танками, со всем на свете. Там у нас и люди даже гибли во время учений. Настоящий бой устроили. Мы занимались строевой подготовкой, и стрельбой. Я очень хорошо стреляла. Потом уже, в последующих боях, мне предлагали в снайперы идти. Не пустили меня, сказали, что хорошие телефонистки больше нужны. Я служила хорошо и впоследствии меня старшей связи назначили. Я и позывные

меняла в полку. Все эти учения и маневры были подготовкой к зиме сорок третьего года, к прорыву блокады. Мы тоже участвовали в этих учениях, давали связь. Все таскали с собой, и аппараты, и кабель, и шпульку.

На стрельбы к нам Ворошилов приезжал. Ворошилов все равно был легендарной личностью и пользовался большим авторитетом среди солдат, несмотря на провалы 1941 года. Ворошилов даже к нам в роту приходил, спрашивал, как табачок. Распорядился, чтобы все у нас было. После стрельб он похвалил батальон Старовойтова, и приказал дать всем бойцам батальона по чарочке. Ворошилов тогда был звездой.

Какое к нам пополнение пришло перед прорывом блокады! Сибиряки! Во-первых, как они все были одеты — все в полушубках. Все были здоровые, крепкие по сравнению с нами, ленинградцами. У нас ведь солдаты и от голода умирали в кольце блокады. А они пришли — мы прямо увидели, что сила пришла. И настроение перед прорывом блокады было замечательное. Выехали на рекогносцировку, и заранее в районе прорыва блокады сделали срубы. То есть когда дивизия выдвинулась к Неве, все было приготовлено. Не было никаких мыслей, что опять не получится прорвать блокаду. Подготовились очень хорошо, и подъем среди бойцов был очень сильный. Уверенность в успехе была, и боевой дух был высоким.

И вот он начался, прорыв блокады, операция «Искра». Какая там была артподготовка! Через Неву было переправляться очень сложно, людей много гибло. Бежишь через Неву, и перед тобой такая полынья! Надо обходить. Немцы тоже не дремали. Но мы все же форсировали Неву. На противоположный крутой берег было очень сложно забраться. Когда мы туда забрались, мы пошли вдоль берега. Мне в память врезалась картина — весь берег усыпан немцами. Трупы в платках, шарфах каких-то жалких. Также ведь хотели жить, а все погибли. У них там был праздник какой-то незадолго до этого, наверное, Рождество — мы в их готовых землянках останавливались и находили посылки, присланные им из дома. Потом немцы пришли в себя и нанесли сильный контрудар по нашему полку; нам даже пришлось отступить. Мы заняли круговую оборону вокруг штаба, в траншеях. Наверное, целую ночь держали оборону. Все штабные взяли винтовки и держали оборону.

У нас третий батальон был очень сильный до прорыва блокады, командир батальона Старовойтов, а Зуйков — начальник штаба. Очень сильные были люди и хорошие офицеры. Когда мы начали наступать по той стороне Невы уже, Зуйков на танке прорвался в тыл к немцам. Конечно, выручить его никто не мог — он в самую гущу попал. Так его немцы так истязали и запытали до смерти. Очень героический был человек, я считаю, что он достоин самой высокой награды. Все он у меня из памяти не выходит. Такой смелый был командир. Да и вообще весь батальон очень сильный. Ребята все боевые, настрой у всех

хороший — пополнение из Сибири пришло. Потом танки наши пошли, но они как-то не очень могли пройти через Неву, не очень у них не получалось.

В феврале 1943 года, после окончания операции «Искра», мы уже были под Красным Бором. Два-три дня дали на отдых и потом опять на передовую. Хорошо, когда можно окопаться на передовой. А там было болото. Копнешь — и сразу вода. Выходили из положения так, что строили шалашики и ставили палатки. Никаких других укрытий не было.

Однажды мне командир мой говорит: «Нужен кабель». Потому что он все бьет, бьет, кабель рвет в тысяче мест, и чинить уже фактически нечего. Не работает кабель. Иди, говорит, где хочешь, но доставай кабель. Взяла катушку, пошла. Иной раз и на преступление приходилось идти. Я пошла, и увидела хороший кабель, помеченный тряпочкой. Мы, связисты, достаточно часто так делали — вешали на линию тряпочку какую-нибудь, чтобы с другими линиями не перепутать. Ну что делать. Кабель новый, хороший, черный. Намотала уже почти целую катушку себе, и вдруг этот кабель жжик! — начал обратно разматываться. Мне навстречу парень идет здоровый, тоже линию наматывает на катушку. И спрашивает меня: «Ты что делаешь?» — «Линию мотаю» — «Это моя линия!» — «А откуда это известно, что она твоя?» Он на меня посмотрел и говорит: «Была бы ты парнем, тебе бы не жить!» Вот такое было.

Вообще трофейное оборудование для связи использовалось активно — например, аппараты фонические — это было немецкое все. Кабель немецкий, конечно, мы использовали. Во-первых, он разноцветный — не надо тряпочки привязывать, а во вторых, удобнее. Ребята носили трофейные автоматы — они легче были, чем наши с дисками. Вообще у них более приспособленная армия была для войны. Но нам тыл тоже помогал.

Однажды под Красным Бором я не спала подряд шесть суток. Меня послали за аппаратами — действующих аппаратов даже у командира полка не было. Дорога шла через противотанковый ров у Колпино. Мне туда надо было пройти на кирпичный завод, где располагалась наша мастерская по ремонту аппаратов. Туда я прошла нормально. Смотрю — наш радист сидит, Боря Семенов. Спрашивает меня: «Что ты тут делаешь?» — «Да вот, за аппаратом послали» — «Ну давай поедем домой в полк вместе, у меня сани и лошадь». Я обрадовалась. Едем мы, а немец бьет. Немец все время по этому рву лупил. Причем не снарядами, а такими чушками короткими. Они летят и не рвутся. И вдруг у нас распряглась лошадь. Боря Семенов не умел запрягать лошадь. Хорошо, что подошел какой-то лейтенант, нацмен, и лошадь нам запряг снова. Мы поехали дальше. Я еду и ничего не узнаю у нас на КП полка — пока я отсутствовала, он все измолотил, все дороги в воронках. Я пришла такая усталая, без сна, по-моему, была шесть ночей. Там у нас была палатка, и около палатки было свалено все наше оборудование — шпульты,

аппараты. Я прямо у палатки села со своим аппаратом (который, кстати, так и не заработал) и на миг отключилась. И вдруг проснулась — кругом стоны, крики, шум. Немец нанес артиллерийский удар по нашим палаткам, а я чудом уцелела, во сне. Даже не проснулась, когда снаряды начали вокруг рваться, такая была усталость.

Потом я пришла с этим злосчастным аппаратом к Козино, компания, а он мне говорит: «Что ж ты, дочка. Я тебе жопу напорю — что же ты ходила, ходила, а аппарат мне работающий не принесла». Пока я шла и падала при обстреле, конечно, аппарат отсырел и сломался. А вообще командир полка у нас был очень хороший, относился к нам как к своим детям. Потом он ушел от нас в формирующуюся польскую армию. Говорят, потом ему там ногу оторвало — слухи такие ходили у нас в дивизии.

В болотах под Красным Бором меня ранило два раза — сначала легко, а вот третье ранение было тяжелое. Второе ранение было в бедро, но кость не задело, и я решила в медсанбат не идти. Что это за ранение такое? Несерьезно. Обошлась своими силами. Там была деревня Песчанка, которую нам было необходимо взять. В полку народа совсем не осталось, а брать деревню надо, задачу выполнять надо. Собрали сорок человек — повозочных, поваров, кого-то еще — со всего полка, и отправили к командиру второго батальона Бейбову. Этот командир должен был «оправдать доверие» и выполнить эту боевую задачу. Так что он был готов заплатить любую цену за захват этой деревушки. От роты связи послали меня как связистку — идти с ним и держать связь с полком. Пошла я, в ночь с 22 на 23 февраля, как раз на день Советской Армии. Мне дали бойца с собой. Боец был молоденький, необученный. И еще радист с нами пошел. Там болото, остановиться негде. Но все равно, мы нашли место посуше. Поставили что-то вроде шалашика из сосен, накрыли все это плащ-палаткой. Я проверила связь, вроде все работает. И вдруг он начал стрелять. Снаряды падали как-то в шахматном порядке. Вдруг я почувствовала — запахло каким-то порохом или гарью — неприятный запах. Течет что-то по лицу. Вроде вижу все. Потом смотрю — кровь. Случайно провела рукой — и поняла, что один глаз не видит. А этот молодой боец: «Ой, я не могу! Меня ранило! Ранило!» Я говорю: «Ну где тебя ранило? Покажи!» А он просто перепугался, очевидно. Ранило как раз радиста, в живот. Я сняла плащ-палатку, которой мы только что накрыли шалаш, и говорю этому бойцу: «Давай, понесли его!» — «Я не могу!» — «Все ты можешь! Здоровый парень!». «Нет, мне плохо!» Я в результате все организовала, и на этой плащ-палатке мы утащили нашего радиста в тыл. Осколками меня ранило в голову и в глаз. У меня эти осколки и сейчас в голове остались. Боли я сразу не почувствовала. Я сильно испугалась — как я, молодая девчонка, буду теперь без глаза? Мой отец был ранен в глаз еще в Первую Мировую войну, и я на миг испугалась, что такая же участь постигнет и меня. Но это было только

на миг. Мы вдвоем с этим новобранцем притащили радиста, и погрузили на повозки. Слух среди оставшихся в живых в нашем полку сразу пронесся как по ниточке: «Киру ранило!» Мне навстречу шли знакомые ребята, все качали головой и сокрушались.

Потом нас развезли по госпиталям. Помню, нас погрузили в машину. Я вся в бинтах замотана. Напротив меня сидит парень раненый из нашего взвода, Иван, смотрит, смотрит на меня, не узнает сразу. Потом спрашивает: «Кира, это ты, что ли?» — «Да, это я» — «Ой, лучше бы тебя убило!»

Когда я в госпитале лежала, нас кормили лучше, чем остальных блокадников, и я откладывала немного хлеба маме, потом ей отдавала, когда она меня навещала. Раненых девчонок было мало тогда в госпитале. Попала я как раз в праздники, на Восьмое марта дали подарок хороший из продуктов. Какой прекрасный народ в госпитале лежал! Там был один майор, раненый в лицо разрывной пулей. У него кости из носа сыпались! И он сбежал на фронт с таким носом. Настолько искалеченный, и все равно он считал, что его место там. Потом его поймали и вернули долечиваться, но его поступок говорит о настрое солдат и офицеров в то время.

Рядом со мной лежало много ребят из 952-го полка, где Тамара служила. Каждый свою историю рассказывал. Вечером собирались где-то в уголке, и вполголоса песни пели. Хорошее настроение у всех было.

После госпиталя я уже собиралась идти домой, но предварительно пошла на Фонтанку, 90. И там я столкнулась со связным нашего полка. Он мне кричит: «Кирка! Кирка!» Я подошла к нему, и он меня отвел к командиру полка: «Командир полка меня начал расспрашивать: «Откуда ты, дочка? Что собираешься делать?» Я отвечаю: «Наверное домой, куда я уж теперь? Какой из меня солдат?» — «а хочешь в своей роте послужить?» Я была страшно рада такому предложению. Спросила: «А документы как? Как же я в роту без документов?» — так меня офицеры погрузили на машину полка, закидали шинелями, и вывезли из города тайно. В моей роте ко мне очень хорошо относились. Рота наша была как семья. Рота была многонациональная. Ахмедчик Султанов у нас был, отчаянный парень, орденом награжден. И белорусы, и украинцы, и татары были. Мы были очень дружные, помогали друг другу. Потом в Прибалтике дали нам новое пополнение, они все двадцать седьмого года рождения. Они как от мамы оторвались, так сразу в армию. У них не сапоги были, обмотки — на марше эти обмотки болтаются, размазываются. Мы взяли над ними шефство. Во время боя приходилось не только связь держать, но и раненых перевязывать, там что угодно происходило в бою. Так жалко было этих солдатиков, они как дети были.

В роте я, помимо всего прочего, исполняла обязанности комсорга. У меня была связь с политотделом полка. Они мне давали задания, или

даже скорее предупреждали: «Мы скоро выступаем, предупреди бойцов, что в лесу все заминировано». Проводила разъяснительную работу с личным составом. Потом были такие ситуации — видела, например, что на одного солдата вся рота сердится. Так я старалась разрешить конфликтные ситуации, всегда выручала, помогала бойцам. Помимо всего прочего, я составляла таблицы позывных, и меняла их раз в сутки. После того, как я составляла новые таблицы позывных, я с этими листочками обходила все батальоны и специальные подразделения и раздавала им эти позывные. Солдаты меня везде хорошо знали и везде приглашали в гости: «Заходи, попоем вместе!» — «Некогда!». Работы много. Я была пограмотнее других, и опытнее, поэтому мне эту работу поручали.

Вообще я выжила, наверное, благодаря своему характеру. Это сейчас мой характер изменился, а тогда я была отзывчивая и добрая, очень улыбчивая. Характер был хороший, и мне было не тяжело жить на войне.

В роте я была как старшая, и все девочки во взводе были хорошие. Были симпатии девочек к ребятам, были симпатии ребят к девочкам. Когда я ходила в штаб менять позывные, многие девочки просились со мной на полчаса — посидеть, поболтать с ребятами. Там был радиовзвод, а в нем радисты более культурные, более образованные ребята. Мы были очень дружной ротой. Хорошо служили.

Наши политруки по тылам не прятались, всегда были с солдатами. Одно целое мы были, мне даже нравилась политработа. С моей точки зрения, политруки играли положительную роль. К особистам мы тоже нормально относились. Наши особисты Доронкин, Иванов — оба нормальные офицеры были. Никаких доносов, никаких конфликтов не было. Как-то у нас все спокойно было. Может быть, в батальонах пехотных что-то и происходило, но в районе штаба полка, в специальных подразделениях я никаких конфликтов, подсиживаний, доносов не видела.

Когда большие переходы, между боями, мы несли скатку, шпультку, аппарат, а они по восемь килограмм весили. Лето, жара — этот груз надо нести. Мы же пехота! Но ничего, мы не жаловались, мы тогда были смелые. Командир взвода нами гордился. У меня был значок «Отличный связист» — всего у двух человек в полку был этот значок, я им очень гордилась. После войны нас с мамой обокрали, украли все знаки и документы. Не разбирались, что там было, унесли все. Мне прислали сертификаты, подтверждающие получение наград. А самих наград у меня не осталось.

Когда началось наступление на Финляндию, мы поняли, что это другой народ, не такой, как немцы. Во-первых, у них были кукушки — сколько от них гибло. Однажды полк был на марше, по холмам веревочкой вился. Вдруг видим — внизу, под холмом, двое финнов на конях

выехали. Они, очевидно, нас заметили, и меня с еще одной девушкой отрезали от остальных — все время перед нами бьют и бьют из винтовок. Не пройти. Очень долго нам пришлось лежать.

Чем немцы отличались от финнов? У каждой армии своя тактика. Мне кажется, что немцы были более жестокими. Наши ребята были великодушные — возьмут немца в плен, и начинают из одного котелка кашу есть. А он им начинает показывать карточки, рассказывает о жене, детях, киндер. Никакого жестокого обращения с немецкими пленными я не видела, хотя мы и проходили концлагеря. Сожженные деревни мы и здесь и в Прибалтике видели. В Плюссе был такой случай, что один немец на чердаке заснул, когда мы деревню заняли. Проснулся, а вокруг наши бойцы уже! Вот этого немца по деревне с позором прогнали, и плевали в него и кулаками грозили. Но это были больше не наши бойцы, а местные жители, которые от немцев натерпелись.

Во время боев с финнами в 1944 году у нас был такой случай. У нас был один связист с Балтийского завода, Виктор Кореш. Пошли они на порыв линии вдвоем с Мишей, мари́йцем. Связи все нет и нет, и ребят нет. Потом вдруг связь появилась, но ребят все равно нет. Что такое? Мы кабель в руки и вперед, пошли на линию. Приходим к месту порыва и видим такую картину — Миша лежит убитый, а Витя Кореш без двух рук и в зубах держит концы кабеля. Как он смог это сделать? Может быть, он сначала связь наладил, а потом его так сильно ранило? Ниночка, наша санитарка, к нему подбегает. Он в сознании, все соображает. И говорит Нине: «Ниночка, я ведь тебя так любил». Очень мужественный парень был. Я не знаю, что с ним потом стало, выжил он, или нет.

В марте мы были во Пскове, и там мы форсировали реку Великую по пояс в воде. Такая распутица была невероятная — солдаты шли след в след. Если остановится один, то погибали все. Грязь была выше колена. В смысле еды — только сухари в мешках на передовую доставляли. Мы заняли позицию, забрались в землянку. И тут он как начал бить! И в нашу землянку попало. Нас всех раскидало, очевидно, не прямо в землянку попало. Я лежала в полной темноте, только держалась за чью-то руку — и по этому рукопожатию мы чувствовали, что оба еще живы. Потом раскопали нас. После форсирования реки Великой нас, трех девчонок, отвели в тыл на отдых. Мы лежали на солнышке, и у нас были страшно распухшие ноги. Мы лежали и не могли больше идти. Но ничего, отошли потом. Потом, когда полк стал отходить, уже шли сами.

Все время бои были сложные. Та же Финляндия. Мы идем по дороге, впереди гора, а на горе кукушки. И так приходилось бежать, лавировать под пулями. Я почему-то запомнила только одно название из всех боев в Финляндии — Каукярвенхови. Ведь нам часто меняли маршрут движения, все деревни на пути и не запомнишь. Я не могу сказать, что обычный солдат-пехотинец много знал о том, что вокруг происходило, куда он шел и где он воевал. Ставили солдата на его место,

и вперед. Чтобы он мог сказать, что за деревню он берет, где он стоит и какую деревню оставляет — этого он не мог знать.

В Финляндии у нас еще погиб комсорг полка — он тогда был старший лейтенант. Случилось это так — ребята копали ячейки на опушке леса, а он там сидел на пеньке. И кукушка ему в рот прямо попала. Вот так, нет комсорга. Командир дивизии, полковник Соколов, тоже погиб под Выборгом во время арналета. Дивизионное начальство мы знали, но с ними не общались тогда — мы все время были впереди, с полком.

В Прибалтике, в самом конце 1944 года, меня перевели в штаб корпуса. Я там была человек новый. Уже осень, место незнакомое. Я отдежурила, и пошла в землянку. Иду по горе, а внизу лес. И вдруг по мне из леса как начали трассирующими бить! Я легла, долго лежала. Только поднимаюсь, опять огонь. Начала искать выход. Нашла ячейку, и там спряталась. Вдруг слышу разговоры — ходят, ищут меня. Неприятное ощущение. Но они меня не нашли.

В Прибалтике было еще — церковь там стояла на горушке. Да наверное, в любой стране любая церковь на возвышенности ставится. И мы остановились на холме около церкви. А потом как перешли на другую сторону горы — Боже мой! Там, очевидно, был танковый бой, и наши, и немецкие танки стоят подбитые. Не знаю, сколько их там было — штук триста, наверное? Никогда такого не видела. В Прибалтике народ к нам относился неважно.

Летом идешь — жара, трупы не убирают, запах ужасный. Под Синявино мы были в августе месяце сорок третьего года. Торф горел. Идешь, идешь и вдруг проваливаешься. Еще там были воронки, заполненные водой. И эти воронки до краев были заполнены трупами наших бойцов в белых масхалатах, еще с зимы. Их, очевидно, туда просто сваливали, невозможно было эвакуировать их в том время. Немцы все в рупор кричали нам, агитировали: «Сдавайтесь!» и обещали нам все блага. У нас тоже была очень хорошая переводчица, Ира Дунаевская, и она тоже занималась агитацией с нашей стороны. Кричали с их стороны русские, которые на сторону немцев перешли. Сколько их было!

Служба у нас все-таки была тяжелая. Тяжелая тем, что кто-то служил в артиллерии, кто-то в танковых частях, а мы в пехоте. Это значит, что у нас не было ни коней, ни саней, все на себе. А переходы были по семьдесят километров в сутки. Не было никаких повозок. Поэтому мы были худенькие, стройненькие. Ботинки с обмотками были у мальчишек, а у нас — кирзовые сапоги. Валенки фактически за один раз разваливались. В бане помыться — просто палатку раскинут, елочек под ноги набрасают, душ включают, и мы этому были рады. Ну какие еще условия могут быть на войне?

На войне мы вообще не отдыхали, все время марши, подготовка к боям, бои. Может быть, командование специально маневрировало войсками, создавая видимость того, что нас очень много.

Беда у нас в пехоте еще была в том, что не было смены обмундирования, и летом, как только мы видели какой-то водоем, мы сразу туда бежали, стирали, мыли все. Вши были везде. Я в госпиталь пришла из-под Красного Бора такая вшивая! Там ведь ни мытья, ничего не было — одно болото. И никаких средств от вшей не было на фронте. Только дезкамеры были, но и они тоже ненадолго от вшей помогали. Я тогда была блондинка, и одна медсестра взяла надо мной шефство, и меня как следует вымыла и сделала как картинку. Когда я вернулась в роту после госпиталя, один связист говорит: «Вот какая должна быть девушка! Красивая, чистая! Так держать!»

В Прибалтике был один такой случай, когда мы быстро продвигались, пробежали немецкие траншеи, и вдруг их этих траншей встают немцы (или эстонцы?) с поднятыми руками и по-русски говорят: «Мы ждали вас, русские товарищи». С власовцами мне самой сталкиваться не приходилось. Но когда мы были в Плюссе весной 1944 года, нам местные жители говорили, что перед нами прошла большая колонна власовцев.

Бывало так, что пехоту было не поднять, они боялись. Мне запомнился один раз в Прибалтике, когда новое пополнение в бой пошло. У нас тогда новый командир полка был, предыдущего ранило. Так он прямо уговаривал их, чуть ли не камешками в них бросался: «Ну ребята, давайте вперед!» Мы, связисты, все время рядом с пехотой шли, и все эти видели.

В нашем полку была одна пара — девушка пришла к нам из минбата, стала встречаться с одним офицером, и потом, после войны, вышла за него замуж.

К нам на фронт приезжали артисты, даже Шульженко приезжала. У нас был агитвзвод в дивизии, там были очень хорошие девочки, очень хорошо пели и танцевали. В этом взводе были две сестры, блондиночки, одна из них потом в Пушкинский театр поступила. Хороший у нас был агитвзвод, молодцы. Даже были такие случаи — солдаты на марше измотались, уже сил нет идти дальше. Поднимаемся на возвышенность, а там нас встречает духовой оркестр! Сразу и силы откуда-то появлялись, и сразу становилось намного легче. Это все в основном политработники нам устраивали — это их работа. Так что они делали свое дело, не прятались. Один раз у нас палатку политотдела накрыло, погибло сразу шесть человек, по-моему.

В начале сорок пятого года я была уже дома. Я стала очень плохо видеть из-за ранения, и меня отправили домой. В Славянке в День Победы был такой праздник, столько радости было у народа!

Мне кажется, что самая важная для ленинградцев дата — не снятие блокады, а прорыв блокады. Сейчас много говорят о блокадниках, о гражданском населении, которое пережило этот ужас. Я тоже была в блокаде, тоже была гражданской до прихода в армию, но я стараюсь

6. Телефонистка роты связи - рядовую Смирнову Клару Ивановну за то, что она в бою 13 и 14 февраля 1942 г. на Гусьском направлении ушло и вставало работала по обеспечению связи КП полка с подразделениями. При организации узла связи, быстро нашла линию. В период обстрела противника выходила на поврежденную линию и исправляла порывы.

1924 года рождения, член ВЛКСМ, русская в Красной Армии с 1942 г. призвана Смоленским РВК гор. Ленинграда. Домашний адрес: Город Ленинград, 36, пр. 25 Октября, дом № 122, кв 11

10. Телефонистка роты связи - рядовую СМЕРНОВУ КИРУ ИВАНОВну за то что она в бою с 24-29 июня 1944 г. Северс-Западнее деревни Репало под непрерывным огнем про-ка мужественно работала по обеспечению непрерывной телефонной связи КП полка с подразделениями чем много способствовала правильному управлению войсками.

1924 г. рождения, член ВЛКСМ, русская, в Красной Армии с 1942 г. призвана Смоленским РВК гор. Ленинграда Дем. адрес:

это не выпячивать. Мне кажется, что важнее всего — это армия, которая сражалась на подступах к Ленинграду, прорывала блокаду. Если бы не сражались солдаты, если бы столько солдат не отдало бы жизнь за Ленинград, то не было бы нашего Ленинграда и не было бы никаких блокадников.

Когда я одна дома, у меня все эти боевые эпизоды встают перед глазами, вспоминаются все ребята, все то, что я видела на войне. В молодые годы я хотела писать, но только пыталась. Желание писать у меня было. Но осталось оно только желанием, и ничем больше.

Раненый боец закрыл меня своим телом

Я родилась в Ленинграде, не знаю уже, в каком поколении — все мои родители и бабушки из Ленинграда. Мама и папа умерли рано — мама в 1937-м, отец в 1935-м, и воспитывала нас (нас трое осталось, младше меня два брата) бабушка.

Я 1923 года рождения. В школу я пошла уже подготовленной, потому что мама моя была преподавательницей, и второй и третий классы я закончила за один год. Поэтому я окончила школу быстрее, чем все остальные. После окончания школы я сначала хотела на курсы поступить, а пока у меня был перерыв между школой и работой, я закончила РОККовские курсы. Потом по знакомству меня устроили на работу на завод имени Сталина (это сейчас Ленинградский Металлический Завод). Мы с подружкой, Кочневой Александрой Васильевной, начали работать чертежницей-копировщицей на завод в отделе главного технолога. В 1940 году я поступила уже осенью.

В 1940 году одного брата определили в детский дом, потому что бабушке уже было пятьдесят пять лет, тяжело было уже, мальчики есть мальчики. В январе 1941 года второго брата тоже определили в тот же самый детский дом № 9, он был на Театральной площади. Не знаю, существует ли он там сейчас или нет. Летом 1941 года детский дом уехал на дачу в Васкелово. А старший брат сбежал к бабушке домой. Рано утром 22 июня 1941 года мы с соседкой моей по коммунальной квартире, тоже молодой, повезли его в Васкелово в детский дом. Там мы погуляли, потому что воскресенье, выходной день, и о войне ничего не знали. Только вечером, когда мы пришли на станцию, мы вначале не поняли, что случилось — туча народа. Поезда не было очень долго, и когда вечером пришел поезд, то мы на крыше ехали. Как мы сиделись, один Бог только знает. Тут мы услышали, что о войне говорят на вокзале. Но сначала мы даже не поняли, что война началась прямо сейчас. Когда я приехала домой, это уже было в районе 12 часов ночи. Я включила

свет, и бабушка мне говорит сразу: «Ты что, светомаскировка объявлена — война!»

До войны на производствах, в школах были учения — особенно перед самой войной очень часто. Я была в местной сандружине, Саша Кочнева тоже в ней была.

Когда Сталин выступил по радио 3 июля о создании отрядов народного ополчения, отрядов партизан, то уже 5 июля на заводе был сформирован отряд ополченцев. Полк народного ополчения. Когда мы провожали, проходили мимо бюста Сталина, мы с подружкой пошли в комитет комсомола, чтобы добровольно пойти в армию. К Александре вопросов не было, она повыше меня и поплотнее, а я маленькая, худенькая, и меня спрашивают: сколько Вам лет — а мне неполных восемнадцать! У меня выскочило: «Девятнадцать». Мне ответили: «Хорошо, принесете завтра паспорт». Наши конструктора научили меня счищать с ватмана ошибки на чертежах и подчищать тушь, так что я могла подделать любую подпись, сделанную тушью. Я взяла свой паспорт, стерла троечку в конце года рождения и поставила единицу. Но паспорт в результате никто у нас и не проверял.

11 июля нас вызвали, сказали оформить тому, кто уходил, среднемесячный заработок на родственников (была такая практика для тех, кто уходил добровольцем на фронт). Я оформила доверенность на мою бабушку, а 12 июля нас уже провожали в армию. С завода уходило нас тридцать девочек. Старшая отряда была, по-моему, Ева Бравая. Нас провожали в сталинский полк. Торжественная музыка звучала, построили нас, митинг — я даже сейчас немного волнуюсь, когда вспоминаю это. Торжественный митинг, и вдруг — тревога! Все в бомбоубежище убежали. Потом, после отмены воздушной тревоги, митинг продолжили, и проводили нас в полк. После этого даже записка была, приносили нам в полк и показывали — я когда бежала, споткнулась, чуть не упала, и даже это было упомянуто в записке. Когда мы уходили 12 июля, мы были в своей гражданской одежде, даже туфельки на каблучках. Нам сказали только смену белья взять в районном комитете Красного Креста. Обмундирование мы получили только после принятия присяги.

Я училась на радиста. На стрельбище на Большой Охте нас учили стрелять. А потом получилось так, что ночью объявили боевую тревогу, полк сразу на фронт, а нас, девчонок, в Мечниковскую больницу. Она была в 14-м павильоне. Мы вместе с Шурой там работали медсестрами. Мы и перевязывали, и все. Первый раненый, при операции которого я присутствовала, был ранен осколком в ягодицу. И у меня на глазах врач полез в рану пинцетом. Я почувствовала, как у меня холодеют щеки, кровь отливает от головы, меня начинает кружить и я чувствую, что сейчас упаду. Врач, как это увидела, на меня как гаркнула, и сразу все прошло. Приказала мне: «Перевязывай!». Вот такой фокус был с первым раненым.

В Мечниковской больнице мы проработали до ноября 1941 года. В ноябре госпиталь стал эвакуогоспиталем — сразу за больницей была колея, и раненых эвакуировали на поезде. Госпиталь стали расформировывать, говорили, что госпиталь пойдет на фронт. А тут в больнице я познакомилась с одним врачом из 20й дивизии НКВД — он приходил одного бойца навещать. Они на отдыхе стояли после Невской Дубровки. Поговорили с ним, и говорю Шуре: «Давай пойдем, попросимся, что мы тут будем сидеть?». Тем более что голодали все уже, и армия тоже. Нам говорят теперь блокадники: «Вам в армии было хорошо» — так у нас паек был 300 грамм хлеба, а выдавали только 150 грамм сухарей, который было не размочить и не разжевать. И два раза в день похлебка пшенная, в которой крупинка за крупинкой бегаёт. Так что у нас, у девчонок, вся наша женская физиология была нарушена. Нам с Шурой сказали, где стоит штаб полка этой 20й дивизии НКВД, и мы с Шурой туда, на улицу Герцена, потопали. Когда пришли, нас сразу конечно взяли в полк. Вот так я попала в дивизию, неофициально, без документов, и поэтому в полку мне присвоили звание сержанта вместо бывшего лейтенанта.

Номер полка, в который мы попали, был девятый полк НКВД. Он стоял на Большой Охте, на пополнении и отдыхе в здании школы. Мы с бабушкой жили на десятой Советской улице, в Смольнинском районе, и мне через Неву было совсем недалеко до дома. Это сейчас Нева не замерзает, а тогда она замерзла очень крепко — я к бабушке бегала домой. Мы с Шурой ей собирали какую-то посылочку и я ей относил. Всегда, когда я туда приходила, чувствовала, что еще жилое помещение — печка топится, тепло еще более менее. А тут я прихожу пятого февраля 1942 года, а дома как-то неуютно, она сидит в пальто, руки в рукава. Не топлено. Я сразу почувствовала, что что-то не то, что-то случилось. Я спрашиваю: «Бабушка, что случилось?» Она говорит: «У меня украли карточки и хлеб» — «Как так случилось?» — «Я в шесть часов вечера шла домой с хлебом и карточками, под аркой меня стукнули по голове и все отобрали». Я говорю: «Так зачем тебе было так поздно за хлебом идти, ты же не работаешь, могла бы днем сходить!» Она мне в ответ: «В городе не было три дня хлеба». Вот от нее я узнала, что в городе в феврале не было три дня хлеба. По ее словам, она сутками стояла в очереди, чтобы получить хлеб. Выдали хлеба сразу за четыре дня, и вот такое случилось.

И какая была солдатская дружба у нас! Я пришла в санроту обратно, девушек у нас в роте было мало, пока были мужчины еще. Пришла в роту, совсем расстроенная, и поделилась с Шурой своим горем. А та рассказала старшине. У нас после раздачи хлеба оставалась буханка — как раз хлеб нам выдавали, а не сухари. Его, как правило резали, потом один отворачивался, и говорил, кому разные кусочки. И вечером, перед тем, как этот хлеб делить, старшина объявил, что у Жени вот

такое горе с бабушкой, и может быть рота могла бы ей выделить эту буханку хлеба. И ни один солдат не возразил, хотя сами были голодные и опухшие. Я ее завернула, меня отпустили, переделась в гражданское, и скорее побежала домой. Принесла хлеб. Потом периодически прибегала и еще приносила ей немного еды — нам прибавили паек с февраля 1942 года. Уже не 300 грамм хлеба, а 500 грамм хлеба давали. Уже мясо стало где-то какое-то появляться в похлебке. Так что у нас стало немного получше. Но все равно бойцы все ходили опухшие, и пили жидкости очень много. 19 февраля я была у бабушки в последний раз, потому что знала, что мы скоро уходим из Ленинграда. Предупредила ее, чтобы она меня не искала. А 18 марта она все-таки умерла.

Один раз зимой в блокаде я шла по городу, и увидела штабеля, как мне показалось издали, дров. Я подумала про себя: «А говорят, в городе дров мало!» Когда я подошла ближе, увидела, что это покойники лежат штабелями.

Я слышала разговоры, что людей едят в блокаде. Один раз я шла по середине улицы, и услышала какие-то шаги сзади, будто кто-то меня нагоняет. Я перепугалась, потому что ходила по городу без оружия. Повернулась — оказывается, это просто солдаты шли, а я напугалась. Но слухи о людоедстве в городе были. После войны мне даже показывали на одного ленинградца, который промышлял людоедством во время блокады. Были такие, что детей своих съели. Говорили, что мясо такое вкусное, что стоит только попробовать, как после этого уже невозможно перестать есть человеческое мясо. Я лично не смогла бы съесть человеческое мясо, а дохлую конину ели в то время все. Один раз в окружение попали на Украине, нашли дохлую лошадь. Воняло от нее страшно, так мы ее вымыли, вычистили, на костре мясо сварили. Голод не тетка. Но это все-таки конина была, а не человеческое мясо.

Вначале наш полк пришел в Дибуну. Мы там были недолго. Сам поход был тяжелый, мы девочки-санитарки бегали и перевязывали ноги, потертости у бойцов. Нам сидеть было некогда — все время кому-то надо было дать попить, или еще что-то, кто-то совсем еле-еле шел. В марте месяце мы сменили, по-моему, десятый полк на Меднозаводском озере. Остальные полки я не знаю, где были, потому что я не имела привычки бегать везде и вынюхивать, что вокруг происходит. Несмотря на то, что там находились сооружения Карельского укрепрайона, мы жили в землянках. И вообще, где я ни была на фронте, я везде жила в землянках. Поэтому удивительно, что мы еще до сих пор живы — здоровье там мы себе сильно попортили.

На Карельском перешейке мы держали оборону, бои были только местного значения. В то время Саша Кочнева ушла в роту разведки. Санинструктора там убило, вот она и ушла. Потом она ушла на пулеметные курсы, и попала в 45-ю гвардейскую дивизию, и там была пулеметчицей до конца войны.

В июне месяце к нам пришло пополнение, в апреле месяце была мобилизация девушек. Романов у нас никто не крутил. В июне пришло пополнение из 92-й стрелковой дивизии (это дивизия дальневосточников, она была потрепана в боях во Второй Ударной Армии, когда немцы захлопнули мышеловку), и тогда все войска НКВД переформировали в обычные стрелковые части. Нашу дивизию тоже переименовали в 92-ю стрелковую дивизию. Полки тоже сменили номера — наш седьмой полк стал двадцать вторым, и так далее.

У нас есть пары, которые поженились во время войны, это не запрещалось, у нас оформляли браки в полку, и живут до сих пор. Правда, мужья умерли, а жены остались в живых. Такая у нас семья Смаркаловых, Нина и Иван. Правда, было такое, что женщины жили с высокими командирами, офицерами, но этих ППЖ было настолько мало, что это не имеет большого значения.

До освобождения Ленинграда мы все время были на Карельском перешейке. Я не слышала такой пословицы о 23-й армии, что «не воюют три армии — шведская, турецкая и двадцать третья советская». Не могу сказать, что мы совсем не воевали. Когда мы пришли на Медное озеро, то в марте (чисел уже не помню) у нас была разведка боем, и причем днем. У нас была такая Шурочка Николаева, медсестра. Она участвовала в этом броске, и погибла. На нейтральной полосе остались двое раненых, оба в голову, и нас никого не пускали туда — сказали, что вытаскивать будем ночью. А она рванулась туда. У нее капюшон масхалата с головы слетел, и снайперы (как их называли тогда — «кукушки») ее убили. Сразу прямо в голову пуля попала. Она ткнулась в снег. Ночью мы вынесли всех с нейтральной полосы. Не знаю, кто ее успел раздеть, но она была только в нижнем белье. Мы носили, кстати, только мужскую форму, у нас женского обмундирования не было. Так что у нас погибло много наших девушек именно там, на Карельском перешейке, как раз в обороне. Конечно, у нас не было больших боев, как на других участках фронта, но бои местного значения все время были. То разведка боем, то за языком ходили.

Я в дивизии была до января 1943 года, до ранения. Я была ранена в руку, на поле боя — осколками снаряда задело, когда перевязывала раненых. После ранения меня эвакуировали на Большую землю, и я попала на пересыльный пункт в Ярославле, и прождала месяц, чтобы меня куда-то определили. Я же чертежница-копировщица, почерк у меня был прекрасно поставленный, и меня там посадили писарем в канцелярию. Им не хотелось со мной расставаться. А я хотела обратно в свой полк попасть, на Ленинградский фронт. Условия в Ярославле были плохие — на голых нарах спать, для нас, девочек, вообще ничего нет — ни помыться, ни умыться. 273-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион формировался в Иваново, и когда к нам в Ярославль приехали представители набирать девушек — почему-то у них там девушек не

хватало, то я сразу согласилась, потому что намучалась в этом пересыльном пункте просто по горло. Девушек нас там было в Ярославле всего человек пятнадцать, и несколько тысяч мужчин. Так что ничего сладкого там не было. В составе 273-го ОЗАД я попала на Первый Украинский Фронт. Я сильно хотела в свой полк вернуться, но, к сожалению, не получилось. В своей новой части я прошла всю Украину, Польшу, и в Польше закончила войну. Там у нас никто не поженился, никто не уехал. Единственное, что одна девушка уехала по беременности (она с комбатом жила), но ее ничем не наградили за это. Комбат после войны, по-моему, к ней поехал жениться.

Девушки были в армии на тех должностях, где могли заменить мужчин. Это повара, телефонисты — ведь раньше это все были мужчины. Стали девушки пулеметчицами, телефонистками, радистками, снайперами. Санинструкторов-мужчин стало совсем мало после сорок первого года, в основном только девушки.

В 273-м ОЗАДе я была прибористом — на ПУАЗО. Никаких курсов по работе на ПУАЗО я не проходила, всему учились на месте. У нас пушки были 85 мм, которые могли вести огонь как по воздушным, так и по наземным целям. На пушке у нас было 11 человек. Пушка тяжелая, как и прибор ПУАЗО тоже тяжелый — помню, сложно его было из ровика вытаскивать. Дивизион был на конной тяге, машины у нас появились только в 1945 году. Дивизион сформировался, в Иваново мы немножко постояли, и потом нас сразу отправили на фронт. Это как раз когда началось наше наступление на Украине, и мы одними из первых узнали о Молодой гвардии. Сразу, как мы освободили Ворошиловград, мы сразу стали получать боевые листки, и раскопки сразу стали проводить, и местные жители нам тоже рассказывали.

Потом я стала командиром орудия. У нас девочки были только на дальнотере, на ПУАЗО, телефонистки и радистки. На орудиях в расчетах были одни мужчины, только я туда так затесалась — я была со средним образованием, да еще и курсы закончила — вот меня туда и поставили.

Задачей нашего дивизиона была противовоздушная оборона и важных объектов, и городов, и непосредственно в бои нас посылали. Ставили нас на прямую наводку против танков и против пехоты. Такое случалось и в 1944 году и в 1945 годах.

В составе 273-го ОЗАДа в одном из боев, когда наши зенитки поставили на прямую наводку против танков, я была контужена. Я даже не знаю, как описать этот бой с немецкими танками. Это было под Харцисском. Нам было сказано — прямой наводкой по танкам. Вот и все. Эта контузия потом мне долго еще не давала жить спокойно — страшные головные боли, тем более что я в медсанбате не лежала, долечивалась в дивизионе. Во время боя меня взрывной волной сильно ударило в ухо и отбросило с огневой позиции зенитки. Я на четвереньки встала,

прямо встать я не могла — как только встану на ноги, сразу падаю на четвереньки обратно. Из-за контузии сразу ухо перестало слышать — да и сейчас это ухо слышит плохо. После войны, когда я заболела менингитом, меня полечили, но лечение не помогало. Меня потом спрашивают: «У вас не было случайно травм головы?» — «У меня была сильная контузия во время войны» — «Что же Вы нам сразу не сказали, мы бы вас лечили по-другому». Сейчас головных болей уже нет, редко-редко они меня беспокоят.

Вот говорят, что Краков, который наш дивизион освобождал, был захвачен без боя. Ничего подобного, его просто не сильно разрушили. Правда, его никто не бомбил, как Ленинград. Но бои были достаточно серьезными. Без боя никто не сдавался. Кстати, интересно, что моя 92-я стрелковая дивизия, в которую я так хотела попасть, тоже была в Кракове — после того, как с финнами заключили мир, их тоже сюда перебросили. Только на встрече ветеранов после войны я узнала, что мы стояли рядом в Кракове, а встретиться сумели только после войны.

После Кракова мы еще немного прошли, и остановились, в Германию не пошли. Война уже к концу шла, и в нас там не было необходимости. Там, в Польше, мы и встретили конец войны. Но даже после войны, когда мы еще там были, у нас был отдельный НП, где жило четыре человека. Так их всех четверых вырезали, непонятно, кто — немцы, или поляки?

Недалеко от того места, где мы в Польше стояли, у немцев был концлагерь для детей и подростков. Их немцы использовали для обучения хирургов и прочих медицинских экспериментов. Жутко было смотреть на этих подростков. У одного мальчишки они вырезали аппендицит, но у него операционная рана год не заживала, ей не давали заживать специально, для опыта.

Поляки к нам относились двояко. Был такой случай — после войны мы в баню пошли, и вдруг нам встретилась женщина, которая заговорила с нами на чистом русском языке. Мы поинтересовались, откуда она так хорошо знает русский. Она сказала, что она эмигрантка, живет там с 1925 года. Мимо проходили две полячки, и что-то ей сказали. Эта в грубой форме ответила. Мы по-польски не понимали, и переспросили ее, о чем был разговор. Эта русская эмигрантка объяснила, что польки ей сказали «чего ты говоришь с этими б...ми».

Один раз было так, что мы втроем шли через сад. Мы были вооружены. Клубника в саду была крупная. И мы этой клубники в котелок набрали. Полячки выскочили, на нас лопочут сердито, но сделать не могут ничего. Так что было по-всякому. Где-то встречали с удовольствием, где-то хуже.

У меня была куриная слепота — достаточно интересное состояние. В темноте ничего не видно. Один раз взошла луна, и осветила шоссе. Асфальт хоть как-то освещен, его видно. А что рядом канава — вы ее не

видите и в нее летите. Меня водили к глазнику, причем поляку, домой. Он меня нормально принял, выписал рецепт. Так что по-разному было.

У меня из головы не выходит один раненый, которого я перевязывала на поле боя. Ему лет девятнадцать было, и разрывной пулей ему разорвало верхнюю и нижнюю челюсть, оторвало часть языка, нос поврежден. Если в фильме «Они сражались на Родину» санитарка тащит Бондарчука, и плачет — зачем ты такой борю вырос, что мне тебя не дотащить, то у меня было по-другому. Я рядом с ним села, и я не знала, как его перебинтовать — если все забинтовать, то как он дышать будет? Я до сих пор помню его глаза — мальчишке 19 лет было, наверное. Серые глаза, полные страдания — он был в сознании, но не кричал и не плакал. И сказать ничего не мог, у него наполовину язык оторван. Мне на помощь пришли старшие санитары, помогли — увидели, что я замешкалась. Я была маленькая, молоденькая, и меня старались оберегать и помогать. Когда были сложные ситуации, мужчины всегда были тут как тут, старались меня уберечь. Все в санроте были старше нас — лет тридцати пяти люди, для меня это уже были совсем пожилые люди. Потом я уже привыкла ко всему этому ужасу, и в обмороки не падала при виде крови и при виде раненых.

Больше всего мне запомнилось, как я перевязывала раненого во время боя, сидя рядом с ним. Я была занята перевязкой и сама ничего не слышала, никакого выстрела, ничего. И вдруг этот раненый меня перевернул и лег на меня, прикрыл своим телом. Его убило. Я сразу даже не поняла, что он хотел. Даже сказала ему сердито: «Сколько ты еще лежать будешь?» Столкнула его с себя, смотрю — а он мертвый. Обычно свист слышен, а та пуля, которая в тебя летит — ты ее и не услышишь особо. Очень благодарна ему за жизнь, что я до сих пор живу. Если бы не он, то меня бы не стало.

На Карельском перешейке все время шли бои местного значения. Мы часто ходили в разведку боем, финны тоже делали вылазки. Потом финны еще часто пригоняли установку с громкоговорителем, и начинали нам вещать всякие басни. Листовок я не помню. С нашей стороны тоже была установка, тоже подъезжала к передовой, и вещала на финнов.

Снайперы были активными и с той и с другой стороны. С нашей стороны девочки стали ходить снайперами. В нашей дивизии снайперское движение открыла Ольга Маковецкая, ее уже тоже нет в живых. Она была санинструктором в роте автоматчиков. О ней, между прочим, у Фаддеева есть очень хорошее стихотворение о ней во втором томе Энциклопедии Великой Отечественной Войны. К нам тогда приезжали Фаддеев, Тихонов и Полевой. Она как раз из землянки вышла, и они с ней разговаривали. Почему именно с ней — потому что рота разведки и рота автоматчиков около штаба размещались. Шура Кочнева как раз уходила в разведку, и они разговаривали с ней. Потом вышла большая

статья о девушках-фронтовичках, и нам эту газету со статьей принесли. Я уже не помню, что это за газета была.

Я бы расценила роль политруков в нашей дивизии положительно. В нашей дивизии они ходили и в бой, и с ними можно было поделиться своими заботами. Они воспитывали солдат.

У меня в 273 озад был такой случай, когда комбат 4-й батареи ко мне начал приставать в землянке, и дошло до того, что мне пришлось его стукнуть тяжелым предметом по голове. Разбила ему голову до крови. У нас была политруком женщина, и она стала ко мне приходить, расспрашивать, как все случилось. Я как раз тогда подала заявление в партию. Я рассказать ей не могла, вы сами понимаете. Я молоденькая была, довольно стеснительная. Я не знаю, наказали ли его. Хотя мы были в одном дивизионе, я не интересовалась, что с ним случилось. Тогда надо было, как и после войны, собирать рекомендации в партию. Мне говорят: «Можешь не собирать». Я уже решила, что меня отправят в штрафной батальон — мало ли подумать, какой-то сержантик офицера ранила, старшего лейтенанта. И тут вызывают в штаб. Я была уже готова ехать в штрафной — женщин, как мне казалось, тоже туда посылали. Оказалось, что рекомендации на меня собрали без меня, и меня в партию приняли. Я до сих пор не знаю, кто мне рекомендацию дал. Единственное, что меня спросили: «Какого ты на самом деле года рождения?» — в комсомольском билете я не исправила дату, стоит 1923 год. А в красноармейской книжке — 1921 год. Я говорю: «1923». «А почему расхождение?» Я честно все рассказала. Когда я демобилизовалась, я получила паспорт с настоящим годом рождения. Только партбилет с фиктивным годом рождения был, и красноармейская книжка. Когда Сталин умер, и я работала на заводе, одновременно учась, нас вызвали в 1954 году в райком партии для обмена партбилетов. Мне сказали написать заявление об обмене партбилета и объяснение расхождения дат рождения в паспорте и партбилете. Я написала все, как было. Начальник цеха на меня набросился: «Да ты что?! Тебя посадят за подделку документов!» Я говорю: «Я же не от фронта скрывалась, наоборот, на фронт просилась». В результате, сменили партбилет и поставили настоящий год рождения.

Я могу сказать, что нас мало награждали. Многое зависело от командира части. Медаль «За Отвагу» я получила в 1942 году. Это была разведка боем, я с поля боя вынесла 11 человек. Говорили, что наградили за это, а за что именно наградили — не знаю.

Обмундирование у нас было мужское, никаких юбок не было. Только брюки, зимой ватные, летом — хлопчатобумажное. Нижнее белье тоже все только мужское. Так нас одевали на Карельском перешейке. А в 273 озад нам выдали уже юбки. Но были у нас и брюки и юбка. Как санинструктору мне полагалась винтовка. Карабин я получила только в 273 озад. Когда учились, ходили на стрельбище с этой

винтовкой — у меня, по-моему, до сих пор локоть болит от нее. Все-таки четыре с половиной килограмма со шттыком. В Польше у нас в 273 озад тоже был Парад Победы, и нас гоняли по плацу — 120 шагов в минуту, у девушек карабины, у мужчин винтовки.

Ремень у меня был кожаный, хотя у некоторых были и брезентовые. Зимой у нас были полушубки и валенки. Противогаз мы вынимали, а сумку набивали бинтами и другими материалами. Санитарная сумка тоже была, но ее не хватало ни на что во время боя. Противогазная сумка у нас всегда болталась, это неотъемлемая часть, как оружие. А сумка санитарная — только когда в бой. Но мы старались противогаз вынуть, и набить сумку бинтами, потому что никогда не знаешь, сколько будет раненых в бою. К тому же ранения разные бывают, иногда одного индивидуального пакета не хватало для перевязки. Подсумок для патронов был один на ремне. Сумки для гранат не было. Саперные лопатки нам, санинструкторам, не полагались.

Когда я демобилизовалась и пришла домой в мою квартиру — там все было разорено. Я не верю, что голодные блокадники могли такое сделать. Ладно, я могу понять, что мебель сожгли и книги, это понятно. Но разобрать четыре изразцовых печи, вытащить чугунную ванную — не могу себе представить, чтобы это сделали истощенные люди. Я тогда встретила с главным механиком завода «Северный пресс», и он пригласил меня на работу — чертежники им были нужны. Он обещал мне сразу отремонтировать квартиру. Так я очутилась на работе на «Северном прессе». У меня после возвращения с войны была только шинель и гимнастерка — более ничего. Два года я ходила в солдатских сапогах. Два моих младших брата вернулись из эвакуации 15 и 17 лет, и мне надо было их тоже поднимать. Старший пошел в военкомат, и его взяли на флот. А второй в ФЗУ учился, его там только завтраками и обедами кормили, а вечером — уже я от себя кусок отрывала. Я работала на заводе и подрабатывала, где могла — я умела шить, вышивать, и другую работу делать. В трудовой книжке я была записана как копировщица-чертежница и разнорабочая. Это для того, чтобы получать рабочую карточку. Я даже не стеснялась пол помыть, если меня просили — потому что мне надо было вставать на ноги.

Так что всего хватало. Все было в моей жизни. Я думаю, что через десять лет все поколение фронтовиков уйдет в историю. Я только молю, чтобы до 60-летия Победы дожить, чтобы посмотреть, как это будет, и что это будет. В 70 лет Победы нас уже никого не будет, это точно.

Волховский фронт был самый ужасный...

Училась я в Пушкине после девятилетки, в агрономическом техникуме. В 1940 году я кончала курсы медсестер. Это уже, по всей вероятности была подготовка Советского Союза к событиям, о которых никто из нас не знал и не думал.

Курсы эти были добровольные, в местном РОКК (Районном отделе Красного Креста). Поскольку я мыслила быть медиком, пошла на эти курсы. Закончила в мае месяце сорок первого года, и училась. Май месяц, сдаем экзамены. Двадцать второго июня была подготовка к еще какому-то экзамену, и мальчишки кричат: «Пойдем в Парк Победы (Александровский парк) готовиться!» Мы, девчонки, все собрались и пошли туда. Как готовились? Купались, играли в мяч, никакой подготовки не было. Я забралась в озеро, купаюсь, вдруг кричит мне эстонец, Эдвард. Кричит: «Татьяна, выходи, война!» Я подумала, что он шутит. Говорю ему: «Что ты болтаешь тут?» — «Иди, сейчас буду выступать про радио». Я не поверила, но из воды вылезла. Одеваюсь, и мы побежали из парка. Все бегут как сумасшедшие из этого парка, каждый по домам. Мы — в техникум. Учителя в фойе стоят, друг другу что-то шепчут. Директор объявил: на нас напали немцы, идет война, и нас всех распускают по домам. Кто жалеет остаться здесь — тот может остаться. Я подумала: «Нет, я пойду в райком комсомола». Директор говорит: «Если кто хочет, может идти в райвоенкомат, в райком комсомола, в РОКК». Таким образом, нас осталось девятнадцать человек. Пошли демонстрацией в райком комсомола, в райком партии, в РОКК, в райвоенкомат, в горвоенкомат. Везде очереди такие, что не пробраться. И все идут добровольно. Особенно мальчишек много, лет шестнадцать-семнадцать. Их сразу отправили обратно к родителям, так как у них не было призывного возраста. Споры, крики, слезы, короче, у всех желание такое было, что сейчас я вообще не понимаю: как можно было так с ума сходить, чтобы пойти на войну.

Мы остались, из горкома партии приходят три человека, и нас одиннадцать человек отбирают в подпольную организацию при Пушкине. Я, конечно, в первую очередь. За мной Галя, Валя, Таня, еще девочка была. Так мы остались как бы на казарменном положении. Нас готовили, что если немцы придут, то мы останемся при горкоме партии в подполье. Какие задачи — это потом нам должны были говорить. Войска уже продвигаются немцев, это уже конец июля. Вдруг приходят два майора, прямо в РОКК. Просят дать два-три сандружинника или сандружинницы на передний край. Я первой, Галья за мной, и Татьяна! Совершенно забыли, что мы должны остаться в подполье. И в голове не было у меня уже. Эти два майора нас сразу забирают. Оказывается, это из 10-й стрелковой дивизии, которая брала Стрельну, и т. д. Галья осталась при штабе дивизии, потому что она на машинке хорошо печатала, а меня отправили в 62-й полк, 3-й дивизион полковой артиллерии. Кадровый офицер там был Виктор. Ему было лет сорок пять, очень культурный человек.

Первые мои бои были под Стрельной и Петергофом. За эти десять пятнадцать дней Виктор научил меня кататься на лошади — тогда же была лошадиная связь, пушки только на конной тяге, поэтому все в артиллерии должны были уметь кататься на лошади. В первый раз, когда он объяснил мне, как садиться на лошадь, вдруг хлопнул вежливо по лошади, и говорит: «Маша, седок не умеет обращаться с лошастью, осторожно». И вы знаете, ехали мы и попали под обстрел. Лошадь становится на колени, ложится, меня стряхивает, и ногами — помню как сейчас — ногами меня берет под живот свой. Я боюсь, что она меня копытами порвет всю, кричать тоже боюсь, а она меня головой пригибает к земле — лежи. Это уже потом мне капитан объяснил мне, что было. Артобстрел прошел, лошадь встает, встряхивается, я тоже. Она на колени встает: мол, садись. Вот в первый раз я на лошади попала в такую ситуацию. Потом Виктор мне объяснил, что лошадь умная, обученная, и знает, как вести себя под обстрелом.

Звание мне присвоили — старшина медслужбы, поскольку я прошла десятимесячные курсы. Чтобы получить звание постарше — младший лейтенант или лейтенант, нужно было дополнительное образование. Это образование давали тем, кто техникум закончил или еще что, а у меня ничего не было закончено. Так я всю войну провела старшиной медслужбы.

Попала я под Стрельну в тот момент, когда моряки шли в рукопашную в лесу. Они так дрались! В двух руках были ремни, пряжки наружу, и дрались с немцами. Они все были обвешаны патронами, что за ружья у них были, я не знаю, тогда не разбираюсь еще. Помню только, как они дрались пряжками ремней. Это было жуткое явление. Сколько я перевязывала, я даже и не знаю. Когда бой закончился, я даже и не боялась уже вроде ничего. Я только помню моряков, бывших немцев

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.

806

1. Фамилия, имя, отчество — ПЕТРОВА Татьяна Александровна
2. Звание — Старшина медсл. 3. Должность, часть — медицинская сестра
госпитального взвода 324 Отдельного Медсанбата, 265 Стр. Выборг, Д.т.в.
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ к медали "За боевые заслуги"
4. Год рождения — 1922 5. Национальность — Русская 6. Партийность — Чл. ВКП /б/
1944г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых операциях по защите
В гр. войне не участвовала, В Отечественной
СССР и Отечественной войне: войне с 16.07-41г.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — Ран. тяж. 1941г.
Ран. тяж. 1942г.
9. С какого времени в Красной Армии с 15.07-41г.
10. Каким РВК призван — Пушкинским РВК г. Ленинград
11. Чем ранее награждена — Орден "Красная Звезда" 1942г., медаль "За оборону
Ленинград" 1944г.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его
семьи.

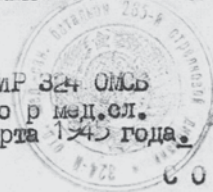
7. Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг.

Тов. Петрова Т.А. работает мед. сестрой госпитального взвода. Исключительно инициативный и самоотверженный работник в обслуживании раненых. Будучи молодым работником, тов. Петрова старается в совершенстве овладеть техникой ухода за ранеными. При наличии раненых в госпитальном взводе тов. Петрова сутками не покидает своего поста, стараясь сделать как можно больше.

За время с 20.04 по 12.08-45 г. тов. Петрова сделала тяжело раненым свыше сотни переливаний внутривенных и подкожных. Дисциплинирована. Предана делу партии Ленина-Сталина.

ДОСТОЙНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЫ МЕДАЛЬ "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

КОМАНДИР 324 ОМСБ
М а й о р мед. сл.
"12" марта 1945 года.

С О Г Л А С Е Н:

Начсанбв 265 Свд.
Капитан м.с.
"13" марта 1945 г.

по головам пряжками по всему лесу. Просто непонятно, как это можно так драться. Из боя вышли, целый день дрались, по-видимому. Бой если не весь день длился, то часов пять-шесть точно. Стало смеркаться, немцы отошли. Мы стали приводить себя в порядок. Умылись, стали раненых в тыл отправлять. Я все еще перевязывала, вся в крови до локтей. Мне принесли воды, я умылась, смотрю — сумка пустая, ни бинтов, ничего нет. И я поехала по дороге на ППМ — полевой пункт, получить медикаменты. Мне сказали, где он находился, я туда прибыла, получила медикаменты, полную сумку перевязочного материала. Иду обратно, и вдруг едет повар наш. Я повара уже нашего знала тогда, за несколько недель познакомилась. Он говорит: «О, Татьяна!» На фронте меня Татьянкой прозвали, не знаю, почему, даже сейчас, когда письма получаю, все Татьянкой зовут.

Вот повар мне и говорит: «Татьянка, садись, подвезу, я как раз на передовую обед везу». Я села, и попали мы под бомбежку. Нас разбило. Меня, по сути дела, завалило землей. И хорошо, что завалило, так бы осколками убило, наверное. Провалилась под землю, и меня откапывали. Лошадь убило, повара убило. Помню, слышала: «Вот она! Вот она!». Откопали меня, положили на носилки, и сразу на ППМ. Там говорят: «Так она только что тут была!» А я все слышу, но не говорю. Что они не пытаются у меня спросить, сказать не могу, но все понимаю. Короче говоря, меня перевязали и отправили. Я не знаю, откуда, но вскоре всех раненых погрузили на баржу и отправили в Ленинград. Через какое озеро нас везли — я до сих пор не знаю. Бомбили нас — только прямого попадания не было. Все шумели, кричали, особенно раненые на барже. И вдруг слышу голос раненого, что лежал около меня: «Товарищи, без паники. Без паники, успокойтесь, мы доедем, спокойно. Без крика». Еще несколько раз это сказал. По-видимому, это был человек грамотный, офицер, я так определила.

В Ленинграде нас привезли на Обводный, дом 19. Разгрузили. Только меня прооперировали, сразу же стали всех выносить. Началась бомбежка Ленинграда. Врачи кричат: «Выносите ее скорее! Выносите!». И только меня в тамбур бомбоубежища занесли, как бомба попала в операционную, всех там убило. Кто был в бомбоубежище, те все спаслись. А так многие погибли, и те, кто лежал, и те, кто был в операционной. С Обводного нас отправили на Васильевский, в ДК Кирова, он и сейчас Домом Культуры является. Там я лежала, там был госпиталь. Там я пролежала с 17 сентября по 25 января 1942 года. Кормили в госпитале более-менее. Три раза в день, чая сколько хочешь давали. Паек, конечно, был ограниченным. Хлеба давали два кусочка, масло, мне хватало. Вспоминаю, что мы особенно не голодали, выходили из госпиталя одетые, обутые. В обморок никто не падал. Но все ограничено.

В 10-ю дивизию я не попала, как не пыталась ее найти. Никто ничего не говорит, но когда мы уезжали, кто-то послал записку: «Уезжаем

на Пороховые». Я все Пороховые обошла, но так и не нашла 10-й дивизии. По направлению я попала в 36-й запасной полк. Он стоял в Политической училище имени Энгельса. Я сопровождала маршевые роты через Ладогу, Дорога Жизни уже была открыта. Так я сопровождала маршевые роты два раза. На третий раз доктор мне говорит: «Знаешь, Татьяна, хватит тебе мотаться по морозу такому. Поведешь в третий раз маршевую роту, и оставайся там, за Ладогой». А я не могла остаться, потому что здесь, в блокаде, повстречала однокашника своего из моей деревни, с которым еще в восьмилетке училась. Он такой был худой, и я его подкармливала. Я ему отдавала сухари, сахар, что мне давали. Мне было жалко его бросать, он такой был худой. Поэтому я просила, чтобы меня оставили в блокаде. Но мне приказали не оставаться, не возвращаться. Между прочим, этот Виктор, после войны написал своей матери письмо, что он встретил Таню, и она, очевидно, работала в столовой, потому что я его целую неделю подкармливала. А я сама уже до такой степени дошла, что сама падала. Вот поэтому доктор меня и заставил остаться на Волховском фронте. Таким образом, я попала в 265-ю стрелковую дивизию. И там я пробыла всю войну, в этой дивизии. В этой дивизии была дважды ранена, но находила свою дивизию. Один раз целый месяц искала, но нашла.

Пришли, роту сдали, и я осталась в кадровом отделе дивизии. Я говорю: «Пошлите меня на фронт». Меня Тоерван спрашивает:

— А что ты там будешь делать?

— Раненых перевязывать

— А ты что, не знаешь, что это такое?

— Знаю, я уже в госпитале побывала, ранена была

— В госпитале уже побывала? Ну, милая моя! А зачем тебе на опять на фронт?

— Надо раненых перевязывать.

— Ну, прежде чем на фронт, пойдешь к нам в учебный батальон, у нас там санинструктора не хватает. Пойдешь к Ершову.

Я спрашиваю:

— А как Ершова зовут?

— Петр Тимофеевич.

Дело в том, что я после того, как закончила школу, год работала у директора машинотракторной станции Петра Тихоновича Ершова. А когда услышала, что в учебном батальоне Петр Тимофеевич Ершов, я забыла, что того директора Тихонович звали. И сразу говорю — «О, я к Ершову тогда!».

Пришла в учебный батальон, отпраповала по-военному — я боевая дивчина была. Ершов, командир учебного батальона, на меня смотрит, говорит:

— Вот какая боевая дивчина!

Я ему говорю:

— Мне нужен Ершов Петр Тимофеевич.

— Это я.

Я на него смотрю и говорю:

— Нет, это не Вы. Мне нужен Ершов Петр Тимофеевич, я обратно пойду.

— Я — Ершов Петр Тимофеевич.

— Я у Вас не останусь.

Он звонит в отдел кадров Тоервану и говорит: «Что вы мне за дивчину прислали? Ищет тут Ершова Петра Тимофеевича, и говорит, что это не я!» Короче говоря, я была вынуждена подчиниться приказу и остаться там. В учебном батальоне был врач и я, и один санинструктор, Красоткин.

Этот батальон принимал всех, кто направлялся в дивизию, то есть пополнение. Все они шли через этот батальон. Была стрелковая рота, минометная рота, пулеметная рота, снайперский взвод, артиллерийский взвод. Все пополнения проходили подготовку. Иногда эта подготовка занимала месяц, иногда две недели — если бои идут, то стрелков готовили неделю-две, и отправляли по полкам. Учебный батальон все время участвовал в боях, если дивизия наступала, то учебный батальон тоже наступал. То есть он выступал в роли резерва дивизии. Какому полку трудно, то выделяли двадцать, тридцать человек из учебного батальона на усиление полка. Туда, куда рота идет, я шла вместе со всеми. Вот так я пробыла в учебном батальоне. Потом, после снятия блокады, когда Волховский фронт закрылся, батальон расформировали, и я попала в 450-й полк. И с этим полком я закончила войну. Правда, после освобождения Варшавы меня перевели в 324-й медсанбат по приказу начсандива. Там я работала медсестрой в терапевтическом отделении.

Волховский фронт был самым страшным наверное, из всех. Потому что там торф. Там всегда было страшно — копать нельзя, вода. Каждый раз, как весна, везде по колено воды. Воду ведрами вычерпывают из землянок, траншей, да разве ее всю вычерпаешь! Выливали тут же, рядом, и вода шла обратно. Так что утром в землянке просыпаешься, и почти плывешь. Встать было невозможно. Зимой было страшно тем, что все замерзло, да так замерзло, что было не окопаться, скрываться было негде. Если в землянке вода замерзала, то было уже невозможно — как затопят ребята буржуйку, так все растает, и печка в воде. Потом было очень сложно держать оборону. Но продержались там весь 42-й и 43-й год. Наступления велись только по приказу Ставки, для того, чтобы немцы не могли перебросить войска с этого участка на другой. Задача не была продвинуться вперед, а только с тем, чтобы немец не снял войска с Волховского фронта. Это была наша общая задача 2-й Ударной Армии и 54-й Армии. Мы с дивизией занимали Синявинские болота, участвовали в обеих Синявинских операциях, там я была еще раз ранена. После ранения сумела найти свою дивизию и вернуться в нее.

НАГРАДНЫЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ПЕТРОВА Татьяна Александровна
2. Звание-старшина медслужбы 3. Должность и часть Санитарный
инструктор 9 стр. роты 450 стр. полка 265 стр. дивизии
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ОРДЕНУ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

4. Год рождения 1922 5. национальность Русская (Партийность
член: ВКП(б) с 1943 года.

6. Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях
по защите СССР и отечественной войне [когда, где] на Волховском
и Ленинградском фронтах с 22.6.1941 года.

7. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне-Ранена
11 сентября 1941 г. и 19 сентября 1942 года.

8. С какого времени в Красной Армии с 22.6.1941 года

9. Каким РВК призван Пушкинским РВК Ленинградской области

10. Чем ранее награжден [за какие отличия] Медалью за Оборону
Ленинграда 13 августа 1943 года.

11. Постоянный домашний адрес:

12. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига и ли
заслуг.

Во время наступления полка на деревню Пучково Поховского
района Ленинградской области с апреля 1944 года тов. Петрова
следя в боевых порядках наступающей пехоты оказала первую
помощь и вынесла под сильным огнем противника из поля боя
24 тяжело раненых бойцов и офицеров с их личным оружием,
проявив при этом мужество и отвагу.
Достоинна награждения орденом КРАСНАЯ ЗВЕЗДА.

КОМАНДИР ВОЗОСП
Подполковник

17 апреля 1944 года

Л. И. ШЕЛЮТОВ

Я рассказала уже, какие там были страшные болота. Хозяйство учебного батальона стояло в примерно в 1,5–2 километрах от переднего края, чтобы повар мог готовить пищу и потом нести ее в термосах на передний край. В конце августа 1942 года командир батальона Костюков и комиссар Кудрявцев решили пойти на передний край. Они каждый день ходили на передний край, но меня с собой брали не каждый раз. Я была на передовой только когда нужно было, когда бои шли, а так я находилась в хозяйстве. Они меня на передний край не брали. А я их всегда подкарауливала. Пропущу их метров на 100–150 вперед, потом сумку в руки, и иду. Болото было такое, что до колен проваливались. Они проваливаются, идут, небольшие кустарники вокруг, как всегда на болоте. И вот в один такой прекрасный день мы попали под бомбежку. Гудят самолеты, я голову подняла, сосчитала — 27 самолетов. Мы считали тогда, что в каждом самолете по три бомбы обязательно, и думаю «ни черта себе! Сейчас же все разнесут». А на сопке, где было наше хозяйство, были не только мы, но и КП дивизии. Я скорее бежать к ним. И только я побежала, комбат Костюков повернулся, кричит: «А ты зачем здесь?» За шиворот схватил и пригнул к земле. И тут бомбы начали падать. И представляете себе, ни одна бомба не взорвалась — такое было болото. Потом нас разбросало — после того, как комбат меня пригнул к земле, я его потеряла из виду. Я упала на землю, спряталась, и держалась за куст. Я до сих пор слышу плач земли — когда бомба уходила в землю и не взрывалась. Нас спасло только то, что не было прямого попадания. Комиссар Кудрявцев побежал вперед. После того, как все утихло, я увидела комбата — без фуражки. А он ведь был кадровый офицер, пограничник из 106-го погранотряда. Наша дивизия ведь была вся сформирована из трех погранотрядов. И когда я увидела комбата, я сама не знаю почему, я рассмеялась. Я стою как дура и хохочу. Он был как зверь — весь во мху, голова во мху, гимнастерки не видно, все во мху, даже лица не видно. Короче, я расхохоталась. А он меня гораздо старше был, лет сорок пять ему было. Он рукой утерся, и говорит мне: «Ты чего смеешься? Ты думаешь, ты лучше выглядишь? Жаль, зеркала нету, а то бы я показал тебе!». Начали отряхиваться. Тут он спрашивает: «А где комиссар?» Смотрим, идет комиссар, и весь точно такой же, как мы. Они стали искать фуражки. В общем, нашли. Я была от комбата метрах в пятнадцати. Так нас разбросало. Отряхнулись, в порядок себя привели, и вдруг артобстрел. Когда мы отряхивались, комбат говорит «сейчас будет артобстрел». Я спросила: «А почему?» Он отвечает: «Порядок у них такой. Если был такой налет, то немец точно начнет артобстрел». Так и вышло. И накрыли они как раз нашу сопку. КП дивизии здорово побило. А наши землянки учебного батальона вообще разбило все. Там оставалось в землянках 15 солдат хозяйственного взвода, и я бы была в их числе, если бы не ушла за командиром. И когда комбат почувствовал, что артобстрел идет по КП дивизии, он говорит: «Ну все,

надо возвращаться. Сейчас пройдет артобстрел, и пойдем в хозяйство. На передний край пойдем позже, ночью». И когда мы пришли на сопку, там все было разбито. Здорово они нас тогда побили. Землянка в четыре наката, бревна толстые — сколько попаданий в нее было — неизвестно, но факт тот, что бревна были все разбросаны, и все ребята кучей лежали мертвые. Я как сейчас помню — комбат встал, помотал головой, и говорит: «Что будем делать?». Мы все молчим. Постояли, постояли. Кухня разбитая, вся еда вытекла, и первая, и вторая. Потом комбат говорит: «Давайте работать». Я сначала не поняла, о чем он. Оказывается, он о том, чтобы трупы из землянок вытаскивать. Они трупы вытаскивали, и складывали их ровно. Мне приказали доставать документы, и каждого записать. Я достала блокнот, забрала у всех документы и записала адреса всех. Всего их было 15 человек. Теплые тела, но все убитые. Все в крови. Страшное было дело. Потом пришли еще солдаты, всех погрузили на носилки, унесли, похоронили. Вот такие были Синявинские болота.

Когда началось окончательное снятие блокады Ленинграда, там у нас уже был сильный наступательный порыв, да и привыкли мы уже к такой войне. Только ждали, когда начнется наступление и мы наконец покинем эти болота. Дважды мы участвовали в Синявинской операции, и каждый раз было такое чувство «скорей бы, скорей бы!». Один раз был хороший успех, мы заняли Синявино, но немцы оставили в землянках и жратву, и спирт и водку. Заняли три линии немецких траншей. Наши дураки, солдаты, там и напились. И из-за этого все пострадали. И командир дивизии пострадал, и батальоны пострадали, поснимали многих. Потому что на второй день немец пошел и отбил все траншеи. Наш батальон страшно пострадал — всех поснимали, командиров рот, командира батальона.

Командир дивизии Ушинский тоже был наказан, хотя его не сняли. Он был бывший офицер царской армии. Гуманнейший и культурнейший человек. Ушинский Борис Николаевич. Мы все его очень любили, прекрасный был офицер. Звание у него было всего лишь полковник, больше ему не давали, наверное, из-за того, что он был бывший царский офицер. Тогда мы об этом не знали и не думали. Это сейчас я предполагаю, что ему не давали звания из-за этого, а тогда мы этого не понимали. Сапоги у Ушинского всегда были начищены, подворотничок накрахмаленный, чистюля, всегда выбритый. От всех он этого требовал. Поэтому наша дивизия была более культурной, чем остальные. Ушинский даже такой приказ отдал: если завтра в бой, в наступление, то у всех солдат должны быть чистые подворотнички, я отдавала во взвод бинт широкий, и все подшивались. В дивизии была построена хорошая баня, мылись через 10 дней. Когда многие ветераны рассказывают, что у них в их дивизиях не было бани, я всегда говорю, что у нас баня была. По-видимому, это все зависело от командира дивизии.

У нас был хороший клуб, на болоте поставленный, я помню, Шульженко приезжала молоденькая. Пела «Синий платочек». Худенькая, молоденькая, длиннолицая. И как раз во время ее выступления начался артобстрел. Мы все в клубе слушали ее стоя, а она была на сцене, так что мы ее все видели. Помню, что нас стало засыпать землей, но осколки не попали. Она не побоялась, только отряхнулась, и продолжала. Она еще много песен пела, но «Синий платочек» запомнился больше всего. Она потом еще раз приезжала к нам на Волховский фронт, и опять выступала.

Во время прорыва блокады убило в полку командира второго батальона. И Костюкова, нашего комбата, перевели туда командовать батальоном, а нам дали Середу, старшего лейтенанта. Пришел приказ комдива о назначении Середы и переводе Костюкова, а мы должны утром наступать! А я была помимо санинструктора парторгом батальона, то есть при штабе, то есть тоже слово какое-то имела. Я возмутилась.

— Почему? Завтра в наступление, а вас откомандировывают?!

— Таков приказ!

— Может быть, позвонить в политотдел?

А Середу это не понравилось. Он на меня посмотрел и говорит: «А что, я Вам не нравлюсь? А вы кто такая?». Костюков говорит: «По времени, не ссорься с ней, она тебе еще пригодится». В общем, Костюков собрался и ушел, а мы отправились на передний край, в шесть утра. Получилось так, что в этот период боя я не участвовала. Когда мы подходили к переднему краю, попали под снайпера. Не дошли до своего батальона метров пятьсот, наверное. Серeda говорит: «Ну все, это снайпер. Лежите на земле и слушайте мою команду». И по его команде все стали разбегаться в разные стороны. Дошла очередь до меня, только я хотела бежать, как в меня попало и ранило.

— Ну что, Татьяна, попало?

— Попало...

— Видишь воронку?

— Вижу.

Он лежит, голова прижата к земле, и говорит мне:

— Слушай меня. Можешь, не можешь — по моей команде в воронку, и прижмись в ней к правой стороне.

И я выполнила его приказ. Когда я прыгнула в воронку, то пола моей шинели осталась на бруствере. И когда я шинель к себе подобрала, уже спрятавшись в воронке — пола ее была прострелена — 32 пули вошло. Короче говоря, расшил бы он меня полностью. В этой воронке я пролежала долго. Он сказал: «Лежи до тех пор, как я приду». И я пролежала там до вечера. Серeda вечером пришел. Я сама себя перевязала — пулевое ранение, но он меня еще раз перевязал. Привез он меня в штаб полка. Там был начальник штаба полка, капитан Белозуб. Также пограничник. Он положил меня — я могла лежать только на животе,

и говорит начштаба: «Вызови санитаров с носилками, пусть они ее отправят в медсанбат».

А ведь бои идут, капитан мечется — то по одной рации, то по другой рации говорит, отдает приказы, уговаривает, кричит. Никого, он один в землянке. Слышу по рации голос нашего комдива Ушинского: «Взвод налево! Взвод вперед!» Они перебрасывали подразделения из одного полка в другой. Я думаю: «Когда же он меня сможет перевезти в медсанбат? У него же нет времени!». Ночью часа в два-три, пришел Суханов, старший лейтенант, помощник командира нашего батальона, тоже пограничник. Он очень хорошо пел, сам он родом был с Украины. Всегда он пел для жены, и для ребенка. «Услышь меня...» и так далее. Он пришел и спрашивает:

— Ну как дела?

— Да вроде нормально... — отвечаю

— Болит?

— Да вроде нет.

— А встать сможешь?

— Не знаю

— Попробуй.

Я попробовала, и не смогла. Он меня спрашивает:

— Может, хочешь чего?

— Да нет, спасибо

— Может, чаю хочешь? Я скажу Белозубу, он чай согреет для тебя.

— Нет, ни в коем случае!

Потом я была вынуждена ему признаться, что я в туалет хочу. Он говорит:

— Ну что ж, пойдём, я помогу.

Я ни в какую. Но в результате он меня уговорил, взял на руки, помог, все сделал. Положил меня опять в землянку. Перед уходом он сказал Белозубу:

— Послушай, остановись на секунду. Сделай для этой девушки все, что бы ты сделал для меня.

Белозуб только рукой махнул, и говорит:

— Давай, вали отсюда.

Бои продолжались, страшные бои. Много наших там погибло. Костюков, командир второго батальона, оказался в немецком танке подбитом, с рацией и ординарцем — они корректировали огонь. Пришел ко мне Середа еще раз, говорит:

— Что, не отправили тебя еще? — обращаясь к Белозубу.

Белозуб в ответ: «Некому отправлять ее! Некому!».

Они немного поговорили, пошептались в уголке. Потом еще раз пришел Суханов, говорит:

— Ну все, Татьяна. Похоже, некому тебя отправлять. Ты главное никуда отсюда не пытайся уползти, вокруг неизвестно что будет. Не

знаю, сумеем ли мы удержать оборону. Я даже не могу сказать тебе, кто у нас остался. Шесть человек пока есть в наличии.

Я говорю:

— А что мне тогда делать?

— Ничего не надо делать. Лежи просто.

Потом он лег на пол, руки за голову закинул, и говорит мне:

— Давай я тебя сейчас поцелую — попрощаюсь с женой. Сегодня я погибну.

Я ему говорю:

— Вы что, товарищ старший лейтенант?! — а сама смотрю на него, и так жалко мне его. Всех же жалко! Он говорит:

— Успокойся. Ты просто услышишь, что меня убили, и все. Кстати, тебе все время нравилась моя шинель, (а у него действительно была шинель очень тонкого сукна голубоватого оттенка, и я каждый раз ей восхищалась), — так я скажу Середе, что если он жив останется, чтобы он мою шинель тебе передал.

Это были его последние слова, которые он мне сказал. Попрощался, поцеловал меня. Я была так удивлена! И действительно, его ранило в шею, и он захлебнулся собственной кровью. Середа тоже погиб.

Уже стало рассветать немного. Тишина какая-то. Вдруг приходят два солдата с носилками. Белозуб меня спрашивает:

— Чаю хочешь?

— Нет, нет! — мало ли, в дороге опять в туалет захочется!

Он солдатам говорит:

— Вы знаете, куда нести? Быстро пробегайте сто метров отсюда, и нигде не задерживайтесь. Возвращайтесь потом обратно, медсанбат недалеко.

Попали под минометный огонь. Меня с носилками бросили, и разбежались кто куда. К счастью, никого не убило и не ранило. Проблема была в том, что они меня в темноте начали искать, а кричать нельзя! Они меня зовут шепотом, даже не знают, как меня зовут! А мне почудилось, что это немцы! Я приготовила пистолет, чтобы когда немцы подойдут, застрелиться. Держу пистолет наготове, и прислушиваюсь. Я всегда ругала себя, что не выучила немецкий язык. Нам он был нужен, и нас даже учили ему, но я его не любила и так и не выучила. И вот все чудится мне, что это немецкая речь! Потом вдруг слышу шепот: «Вот носилки!». Я сразу пистолет убирать в кобуру, чтобы они чего не подумали, как я напугалась. Принесли меня в медсанбат, сделали операцию, положили в терапевтическое отделение. На третий день вдруг комдив приказал меня на носилках принести к нему в штаб. Все удивились — почему это? А оказалось, что Костюков интересовался, выгасили меня оттуда или нет. И только меня занесли в землянку к комдиву, как я слышу по радиации голос Костюкова: «Товарищи, огонь на меня! Огонь на меня! Немцы в двадцати метрах! Я с орудием в танке с рацией, немцы

окружили меня. Мне не выбраться. Огонь на меня!» Он несколько раз повторил координаты, куда стрелять. И потом слышу: «Огонь на меня! Огонь по танку!» А наши не смогли дать огонь. Его последними словами были: «Ну черт с вами! Прощайте, товарищи, прощайте! Я уничтожаю радию, сам погибаю». И взрыв. Мы все решили, что он погиб.

Но он оказался жив, страшно разбитый, но попал в плен. Позвоночник ему в трех или четырех местах перебило. Я помню, он всегда приговаривал: «Где же ты, моя Катюша?» Я его никогда не спрашивала, кто эта Катюша — может, дочь или жена? Оказалось, что это была его жена. Когда закончилась война и мы занимались ветеранской работой, я рассказала следопытам об этой Катюше, и они ее отыскали. Она и сейчас живет в Ленинграде. Комдив дал приказ наградить его Героем Советского Союза, но Москва промолчала, потому что он же остался у немцев! Так что сколько мы не писали, ничего не вышло. Все эти документы можно найти сейчас в Подольске, в архиве. Мы ничего не знали, а когда следопыты нашли жену Костюкова, то оказалось, что немцы вытащили его из танка, радист был убит, ординарец тяжело ранен, сам Костюков был тяжело ранен. Когда немцы его вытаскивали из танка, то он боялся, что если он подаст признаки жизни, то немцы его расстреляют или возьмут в плен. Он этого боялся и поэтому даже не стонал, глаза закрыл — притворился мертвым. Их положили всех на землю, и немцев прогнали строем — показать, как умирают русские. Когда их стали закапывать, то кто-то почувствовал, что комбат жив. Немецкий офицер приказал отправить его в немецкий госпиталь. Там его как могли подлечили, а потом отправили в лагерь. Так что он очутился в плену в Германии. Когда наши войска вошли в Германию, он тоже освободился. Он сказал, кто он, и его взяли снова в армию, только в другую часть. Там он был при штабе писарем, полным инвалидом. С двумя палочками он ходил. Все это он рассказал своей жене. После войны он получил инвалидность и получал маленькое пособие, бедствовал. Он все время очень сильно хотел найти кого-то из нашей дивизии, но не смог. Умер он от ран в 1954 году. Я встречалась с его женой, Катюшей. Она старше меня, ей уже за 90 лет. У них двое детей. Жена знала меня по рассказам мужа. Я так удивилась этому! Вот такая была жизнь Костюкова.

После Волховского фронта нас перевели на Псковско-Новгородское направление. Тогда в нашем батальоне уже Поздняков Александр Харитонович был командиром батальона. До этого был еще Гусаков, но его взяли комбатом в 1-й батальон 450-го полка. Такие замечательные были офицеры! Молодые, грамотные, чистюли, положительные все! Я мата в армии даже не слышала ни от кого. Сколько не было у меня командиров, все были замечательные люди. Буквально нет такого офицера, о котором я могла бы плохо сказать. Единственное, Кудрявцев, комиссар. Он очень боялся фронта, передовой, и его все называли трусом. Его пытались туда даже не посылать, потому что он боялся. Нервы не

выдерживали. Ему уже было лет пятьдесят. И командиры, что были помоложе, его жалели. Видели, что на передовой он бледнеет, все трясется — нервы не выдерживали. Его называли между собой трусом, и всегда говорили: «Да оставьте его в покое!». Больше ни одного командира плохого я не могу упомянуть.

Самое страшное было в том, что мы переехали туда зимой, деревня Хотилово, а наступать начали только весной. Там мы расположились, сформировались, дивизия была сформирована вновь. Мы отдохнули месяца два, и весна наступила. Март, вроде тепло. Снег тает, земля оттаивает, а нам наступать. Помню деревню Медведь. Комбат мне говорит: «Ну что, Татьяна? Выходим и с 12 часов занимаем передний край здесь, здесь и здесь». Я говорю: «Так далеко? Я же плавать не умею!» А там была не река, а канава, где-то полтора метра шириной, и полная воды. Я говорю: «Товарищ майор, как мы через нее перебираться будем? Солдаты все промокнули, а обогреться где? Там же обсохнуть негде!» Он мне в ответ: «Не занимайся саботажем!». Короче, занимаемся подготовкой. Пришли на передний край — темнота! Грязи чуть ли не по колено. Грязь смешана со снегом и водой. Помню как сейчас — белое здание какого-то сельскохозяйственного склада (в здании бороны, плуги лежали), и больше там не было ничего. И разумеется, все солдаты туда сбежались погреться. Комбат говорит: «Я пошел к комдиву, ты с моими заместителями следи, чтобы роты тут не разбежались. Я быстро, через пять минут». Ушел. И тут артобстрел. И стали бить по этому зданию. Когда снаряд летит, надо только прислушаться — один снаряд упал справа, второй слева, а третий уж точно после этого упадет в середину. Мы это все уже понимали, как снаряды ложатся. Я смотрю, один снаряд дал недолет, второй — перелет! И я кричу: «Рота третьего батальона, за мной налево — марш!» И все за мной побежали. Тут третий снаряд прямо в это здание попал. За это мне дали орден Красного Знамени — за то, что я скомандовала и вывела роту из-под обстрела.

Комбат вернулся — роты нет, здание разбито. Я подхожу, говорю:

— Товарищ комбат, мы здесь!

— Где — здесь?

— Да мы тут, в сторонке!

— А где мои заместители?

Нет никого, все разбрелись, темно, где кто непонятно. Короче, собрал комбат всех офицеров, говорит:

— Вот наше место обороны, взвода занимают такие позиции. Мой КП в центре, со мной ординарец, радист, рация и Татьяна.

Пришли мы на место. Грязи по колено. Вы знаете, как мы оборону держали? Подумаете, сказка? Но это правда. Собирали трупы, клали трупы рядом — десять трупов, потом стелили шубы, потом плащ-палатки. Сначала три трупа в ряд, потом два трупа, потом один труп. Кому такое расскажешь? Вот так держали оборону.

По сути дела, мы потеряли батальон. Никакого успеха там не было. Поле боя все было в трупях. Это деревня Медведь. Положили немцы там весь батальон. Вдруг мина попадает в наше КП. Мина попала в рацию, радиста убило, рацию разорвало, ординарца ранило тяжело, да так ранило, что он в сознание не пришел. Комбата так контузило, что он не мог говорить. Весь дрожал. Уже светло, я с ординарцем вожусь, пытаюсь перевязать. А комбат — говорить не может, но жестами мне показывает: что ты мол с ним возишься, кишки же уже не соберешь из грязи, в живот обратно не положишь. У него кишки все были наружу. Я его поняла, и спрашиваю его: «Вы что, контуженный?» Он пожал плечами. И вдруг кто-то подбегает, и говорит «здесь штаб третьего батальона? Комдив к вам идет». Господи, а у нас все разбросано, разбито! Я скорее трупы плащ-палатками, шубами накрывать. Идет комдив Ушинский. Это надо было видеть. Полы шинели под ремень подоткнуты. Хромовые сапоги и ноги выше колен в грязи. Руки в грязи, шинель вся в грязи! Только лицо блестит чистое и фуражка. Все остальное в грязи. Ему показывают — вот КП. Он приходит, узнает Позднякова, подает ему руку. Садиться-то некуда, и он ставит колено на бруствер, а колено попадает между трупами. И колено проваливается между телами. Вот тут надо было видеть его глаза. Вы знаете, у него такие были глаза, когда он понял, что батальон на трупах лежит. Он смотрит на меня, смотрит на Позднякова, молчит, и у него слезы на глазах. Я была потрясена, что комдив так за нас переживает. Он помолчал, проглотил слюну. Развернул карту, и говорит: «Комбат, через 15 минут Вы оставляете свое КП. Не дай Бог еще раз увидеть такое, что я вижу здесь. Сколько у тебя осталось народа?». Комбат ничего сказать не может, только показывает на меня — спрашивайте, мол, у нее. Комдив меня не очень хорошо знал (обо мне говорили, что я боевая дивчина), но чтобы вот так рядом стоять — такого еще не было. Он меня спрашивает:

— Что случилось, старшина медслужбы? Что с комбатом? Где ваш батальон?

Я ему рассказываю:

— В нас только что мина попала, разбило нас. Комбат контужен. Слева взвод, справа рота Петрова, сзади взвод Селедкина. Сколько у них осталось, мы не знаем.

— Хорошо, сколько бы у вас ни осталось, собирайте всех. Я сейчас вам и комбату покажу на карте — вы понимаете карту?

— Да.

— Выводите всех вот сюда. Идите по этой стороне реки, выходите к деревне. Я потом вас там найду. Меня не ищите. Берегите себя, чтобы все сумели выйти.

Он ушел. Кто-то из солдат подошел. Я сказала, чтобы они все собрались, комдив приказал выходить из боя. Короче, собралось тринадцать человек. Я сосчитала, и говорю:

— Товарищ майор, тринадцать человек.

Он мне хотел что-то сказать, и не смог. Я ему говорю:

— Когда вы будете говорить-то? Как мы будем работать с вами?

Он только рукой машет, молчи, мол.

Короче говоря, собралось нас потом тридцать человек, потом к обеду уже пятьдесят человек. В общем, человек пятьдесят нас вышли из этого боя. И вот за это — за то, что мы ничего там не могли сделать, ни до нас не смогли ничего сделать — за это сняли командиров. Погорел на этом Гусаков, командир 2-го батальона, который раньше комбатом был. О нем я узнала только после войны — он женился на враче Анечке Носовой (она сама была из Новосибирска и они потом уехали в Новосибирск). Гусаков очень сильно переживал, что его вот так ни за что сняли и наказали. Орден Красного Знамени ему дали за эти бои под селом Медведь только в 1960-е годы. Погорел и наш комдив. Его вообще убрали из дивизии. И я о нем узнала тоже только после войны. Его наградили тоже только в 1960-е годы, когда разобрались, что он не виноват. Ошибки делали где-то в высших штабах, а наказания в результате получали малые офицеры на передовой, честные офицеры, преданные Родине.

После Псковско-Новгородской операции мы опять формировались, и направили на мою Родину, под Кингисепп. Остановились на какой-то станции, командир медсанбата Скворода, царствие ему небесное — недавно умер, выскакивает из вагона, разворачивает карту и говорит: «Посмотрим, куда это мы приехали». А я вышла к краю вагона, воздух вдохнула, ремень поправляю, и говорю: «Не знаю кто куда приехал, а я приехала домой!» Комбат говорит: «Ты что это, Кингисеппская?» Меня в дивизии еще Кингисеппской звали. Я говорю: «А я по воздуху свой дом узнала». Стоит водокачка, станция моя родная вся разбитая. Вот так по воздуху узнала. В Кингисеппе три или четыре дня постояли, привели себя в порядок, и пошли на Ригу.

Рига нас встретила дай Боже. Самое страшное было то, что латыши переодевались в нашу форму, приходили во взвода и всех убивали из автоматов. Роты-то не вместе были, повзводно. Они ходили в красноармейской форме и так уничтожали наших солдат. А мы же армия чистоты, справедливости, у нас и в голове не было, что такие вещи были. Хотя Ушинский в свое время нас предупреждал, что нельзя всегда доверять другим нациям. В России одно, а в других странах все по-другому, и надо быть начеку. В нашем батальоне так полностью погиб взвод, в другом полку взвод. В общем вышел приказ — кто появляется в расположении взвода — сразу хватать, если незнакомый, не солдат взвода. А три взвода погибло. Вот такие безобразия на фронте были. Ригу не взяли. Поздняков опять пострадал, батальон как раз был в центре. Ему опять выговор дали. Там был такой момент неприятный, что даже не хочу об этом рассказывать. Пусть это останется тайной.

Снова нас сняли, и мы вернулись в Ленинград, опять готовиться к операции. Снова пополняем, чистимся, в порядок себя приводим. И после этого пошли на Выборг. В Выборгской операции особо страшных боев, по крайней мере, в нашей дивизии, не было. Но Данилов из нашей дивизии получил Героя Советского Союза именно за Выборг. Он был единственный солдат, который имел Георгиевский Крест за Первую Мировую войну и Героя Советского Союза. Финны были страшны тем, что у них были снайперы на деревьях, и нападали из-за спины с ножами. Стреляли мало, но больше были с ножами. Первое, что бросилось в глаза в Финляндии — это чистота и культура. У них там хутора в лесах были, мы же по лесам шли, и натыкались в первую очередь на них, а не на города. Дома чистенькие, аккуратные, все подогнано, мне так понравились финны! Я говорила: «Молодцы! Чего они воюют против нас, дурачье?» Вот такое мое было впечатление от финнов. Линию Маннергейма было брать тяжело, потери были тяжелые. Но я вам скажу, что там в основном артиллерия била. И артиллерией мы научились так бить, так стрелять, что прямо сердце радовалось. Иногда смотришь — глыбы размером с эту комнату летят в разные стороны. Смотришь и думаешь: «Господи, какая же сила в наших снарядах!» Катюши тоже сильно били. Я сама и под огонь своих Катюш попадала, и под Ванюш. Как жива осталась — сама не знаю. Все в саже, все горит, когда они бьют. Не отмыться после этого дела. Страшное дело попасть под этот огонь.

Вошли в Выборг. В Выборге я бы не сказала, что особенно страшно не было. Не помню, чтобы бои были такие страшные, как потом были. Мне запомнилось, что там лежал в воде разбитый памятник Петру Первому. Я подумала: «Ну ладно, Ленина бы разбили, а Петр первый-то тут причем? Это же часть истории, вот дурачье».

Я не помню, чтобы я после этого принимала участие в боях на Карельском перешейке. Полк, может быть, и участвовал в боях, но я лично этого не помню.

После этого наша дивизия была переброшена на Центральный фронт, и я помню, как все радовались этому, друг другу передавали, что мы выходим на Центральный фронт. Первое, что мы освобождали — это была Варшава. Когда мы проезжали Варшаву, она горела очень сильно. Перед тем, как въехать в город, всех солдат собрали и приказали намотить в воде плащ-палатки. Когда ехали через Варшаву, то все накрылись этими плащ-палатками, так сильно горел город. Кто-то нам махал из жителей Варшавы, так что не то, что кто-то кулаками нам грозил, бросали нам зеленые веточки — цветов тогда еще не было.

Когда ехали через Польшу, была уже зима — весна 1945 года. Что бросилось в глаза в первую очередь — это часовни. В каждой деревне была часовня, как у нас до перестройки везде телефонные автоматы стояли. И там иконы, и так у каждого села, что меня поразило — что это они поставили в каждом селе. Народ оставлял коров — коровы

орут, доить надо. Свиньи орут, гуси, утки — все кричат! Таких дворов попадалось нам очень много. То есть поляки уходили и все бросали. А мы ничего не уничтожали и не трогали. Между прочим, был приказ Сталина — мирное население не трогать, относиться хорошо. Перед боем всегда нам зачитывали — мы армия освободительная, а не варварская, нам ничего чужого не надо. Каждый солдат должен был это знать. Перед Польшей началась эта разъяснительная работа. И это при том, что почти у каждого солдата где-то в России погибли родители, изнасиловали сестер. Россия же вся была под немцами. Сожженные сараи с жителями — мы же видели все это под Псковом в деревне Димитровка. Был даже приказ следить друг за другом, чтобы не допускать никакого варварства. Поэтому когда мы в Польшу вошли и когда останавливались на ночлег в деревнях — слышим, коровы орут. Давайте подоим! Кто умеет? Я умела и всегда доила коров в Польше. Ведро надою, и все пьют молоко. Я доила просто потому, что жалко было коров, как они мучались. Но чтобы поросенка зарезать — никто этого не делал. Ведь там орут поросята, жрать просят, а у нас им дать нечего. Они за нами бегали, а мы от них! Двери закрывали, чтобы они в дом не заходили. Мы только коров могли подоить и все. Один раз остановились на ночь в каком-то поместье, и нас предупредили, чтобы поставили засаду, так как могут придти поляки. Поставили часовых, через час сменялись, но никто не пришел. Утром встали, подоили коров, попили молока, кухня у нас вперед ушла. Полк тоже ушел, машин больше нет, и мы остались в одном из поместий. Наши уже в Германию вошли, а мы все у помещика жили в Польше. Килограмм лука у этого помещика стоил 5 рублей.

У помещика было два сына, один из них в меня влюбился, и пригласил меня в костел. Я молиться не умела, и этот поляк мне объяснил, что надо перед алтарем встать на колени. Я, конечно, не встала. В этом костеле был русский священник, он вышел, поздоровался со мной. Потом мы сидели у него в гостях и пили кофе. Когда поехали обратно на велосипедах, мы заблудились. От родителей ему попало. Нас было где-то восемь девушек, которые жили у этого помещика. Потом за нами приехала машина, мы погрузили медикаменты и все наши пожитки и поехали к Германии. Вообще поляки, те, кто остались, относились к нам дружелюбно. Пожимали руки, приветствовали, и мы когда жили у помещика, не боялись ходить одни. Не встретила я ни одного поляка, который бы зло смотрел или кулак показывал нам. А этот помещик организовал нам праздник, у него был патефон, и устроил нам танцы. Помню, он меня пригласил танцевать польку, и как он легко и красиво танцевал! Жена его подошла и говорит мне: «Как он рад! Давно не плясал, да еще с русской девушкой!». Когда мы уезжали, он все следил за своим младшим сыном, который стоял и все махал рукой. Когда подъезжали к Германии, настроение было уже не воинское. Мы ведь фактически уже не воевали, тем более что я от полка отстала и была уже

во втором эшелоне. В медсанбате мне была записка от Позднякова: «Татьянка, в полк не рвись, война уже заканчивается. Есть приказ комдива, чтобы ты была в медсанбате». Комбат так и написал, что войне скоро конец и мне надо сохранить жизнь. А я ни в какую, как так — войне скоро конец, а я не со своим полком? Это же престижно для каждого солдата — быть со своим полком до конца. Я рвалась в полк обратно, дошла до комдива. Он мне и говорит: «Тебе что, мало трех ранений? Хочешь погибнуть в логове фашизма? А я хочу, чтобы ты осталась жива. Поэтому я приказываю, чтобы ты осталась в медсанбате. Это все-таки второй эшелон». И так я осталась в 324-м медсанбате. Там я работала медсестрой. Что характерно, что был приказ Сталина — зачитывался во всех ротах, батальонах, взводах — чтобы не разрушать памятники, оставить историю на века для немецкого народа. И опять наказ — следить друг за другом, чтобы не мародерствовали. Мы за этим дай Боже следили. Вообще — стоит магазин разбитый, подходи, бери, что хочешь. Я была парторгом. Я по своей совести не могла ничего оттуда взять, я даже не заходила туда. Девчонки некоторые заходили туда, нижнее белье брали — пара чулок, комбинашки. А я не могла ничего брать, рука не поднималась. Когда девчонки разобрались, что к чему, увидели, какие у них красивые комбинашки. У нас в России таких и не было, Красный треугольник только. Наши девчонки никогда такого не видели! Так что это они разобрали.

Везде висят окорока, рубленая, копченая. Куда ни придешь — немец нет нигде, бери что хочешь. А дрались немцы там сильно. Мы все же во втором эшелоне шли, мы идем по правой стороне, все наши бывшие пленные в Германии что были — по левой, в Россию. Мои отец и мать и бабушка тоже там побывали, угнанные в Германию. Есть и фотография моей бабушки с веревкой и табличкой с номером 6666 на работах в Германии. Когда их выводили на работу в Германии, у них не было имен, только номера. Вот и шли они обратно в Россию. Между прочим, шла там по дороге и семья командира нашего медсанбата Сквороды — он их встретил на дороге, забрал в машину, привез к нам в часть. Потом они вместе ехали обратно, но мать его умерла в дороге. Так и ехали, кто на чем, кто на велосипеде, кто на лошади, кто с тележкой — все обратно, в Россию. В том числе так шли и мои родители, но я их не видела. В Германии в это время была красотища, все цело! Дорога мне в Германии мне очень понравилась — не наша русская дорога, а шоссе. Все цветет вокруг, сады — и вишня, и груша, и я думала «как красиво живут!»

Бои, конечно, продолжались. Бомбили в основном американцы, наши бомбили мало. Так что когда мы вошли в Берлин, он был очень сильно разбит. Так сильно разбит, что иногда была не проехать, и солдатам с лопатами приходилось расчищать дорогу. Так некоторые части Берлина были разбиты. Американцы сильно бомбили, чтобы мы чувствовали, что открыт второй фронт. А кроме как консервов, мы

американской помощи не ощущали вообще. И считали эти консервы вторым фронтом. И знали, что американцы бомбят Берлин.

Встречали нас по-разному. Мы попали в трехэтажный дом, где были монашки. Как они противно на нас смотрели, кулаки показывали, языки показывали, убегали от нас, или зло смотрели. А мы же никогда монашек не видели, мы в форме, нам смешно, и мы хохочем над ними. Они к нам со злобой смотрели. Был приказ им освободить помещение, и наверное они поэтому были злые на нас. Страшно было то, что фаустами стреляли из других домов. Сами войска ушли вперед, и бои происходили впереди, а мы во втором эшелоне попадали под обстрел фаустников.

Кроме того, немцы оставляли проституток и этиловый спирт. Никто из наших и не думал об этом. Тут многие попали, заразились. Многие попали под спирт под этот. Если выпивали полстакана, то их еще можно было вылечить, они только слепли. Если выпивали стакан, то они слепли совсем, их было не вылечить уже. Я могу это сказать, потому что они у нас лежали. Кроме того, было отравленное мясо, эти самые окорока. Тоже попадали к нам с кишечными заболеваниями. Кроме этого, нам приходилось спасать самих немцев — в метро было много мирного населения, и часть его была затоплена. Надо было их спасать, и стали искать водолазов. Один из них у нас в медсанбате был, Ванечка такой. Их трое водолазов туда спустилось, они знали, где шлюз, и как его закрыть. Когда они нашли этот шлюз, Ванечка закрыл этот шлюз своим телом. Своим телом немного закроешь, и второй тоже закрыл его, пока третий искал как закрыть шлюз. Ванечка сильно охладился, поэтому он и попал к нам в медсанбат.

Немцы прятались, боялись, что русские придут и будут всех убивать. Однажды утром рано, когда у нас завтрак был готов, мы пошли на завтрак, вдруг увидели — идет маленький мальчик, года четыре, не больше — идет с кружечкой. Повар говорит: «О, маленький немец идет! Наверное, пить хочет. Тут, наверное, подвал рядом, где они прячутся». Повар наш был пожилой, лет пятьдесят ему было. Все обрадовались маленькому ребенку, повар его пригласил, налил ему чая с сахаром. Ребенок все сразу выпил, повар ему каши положил, и говорит: «Иди домой, нах хаузе» или как там по-немецки это звучит, «и зови всех сюда, мы всех накормим». Он пошел, и потом оттуда как вышли — и пожилые, и молодые, и дети! В общем, мы остались без завтрака. Повар кричит: «Сейчас буду второй котел закладывать, вы подождете! Надо детей немецких накормить!» Такие случаи были, и не один раз. И после того, как все это случилось, немцы стали выходить из укрытий, расходиться по домам. Все с нами встречались, здоровались после этого. Так что мирное население относилось к нам хорошо.

А эти фаустники сгубили Ванечку, этого водолаза. Он к нам попал сильно охлажденным и израненным, и Мария Ивановна, врач, жива

еще в Воронеже, назначила ему переливание крови. Я все подготовила, села рядом, уже и руку ему проколола. Пускаю кровь, и вдруг визг, пуля — мне обожгло ухо, а пуля ему прямо в плечо. Я смотрю — кровь пошла. Я скорее зажала ему рану, остановила переливание. А он не понял — он же весь забинтованный, в тяжелом состоянии. Мне кричат: «Сестричка, стекло разбито! Вас не ранило?» Он услышал. Я кричу: «Бинт срочно, Воробушек!» Я ему забинтовываю, он говорит: «Что, еще попало?» Я говорю: «Да». Он обеими руками за кровать взялся, и сам себе говорит: «Держись Ваня! Война продолжается!». Но он потом умер, не смог спастись. Вот такие моменты были.

Кроме этого самое памятное — это то, что война для нас уже была кончена. Переезжали все время с места на место. Когда мы приезжали по приказу в одну часть города, то начинали располагаться. Только расположились, только кухня кричит: «Обед готов!» — приказ сниматься, это французская зона. Злости прямо не хватало — за всю войну французов не видели, а тут вдруг их зона! Ни французских, ни английских, ни американских войск не видели — и опять грузиться. Опять собираемся, грузимся — люди ведь устают! Приехали опять на место в Берлине, и только расположились — опять приказ — это не наша территория, английская. И только на четвертый раз мы приехали в ту часть, где нам сказали: «Это точно наша зона». Только после Первого мая мы слышали, что какие-то французские части заняли эти части.

Характерно было то, когда водрузят знамя. Наш полк только Позднякова стоял на реке Шпрее, и я все время переживала за Позднякова. Он за всю войну был контужен только один раз — в Новгородской операции. Почему-то я очень за него не переживала. Он мне тоже пытался записки передать — «ждем, пока водрузят знамя, боев особых не ведем». Такие записки я от него получала и 25-го и 26-го апреля. У немцев была огромная группа под Рейхстагом, и наши разведчики где-то там попали к немцам в плен. У нас в дивизии был большой переполох, вплоть до Красильникова, нашего комдива. Пропали разведчики! Он послал еще разведчиков туда, на переговоры с немцами. В результате наши разведчики сумели всех немцев убедить сдаться.

Мы ожидали празднования Дня Победы 1 мая, но нам зачитали приказ Сталина, в котором он поздравлял нас с Первым мая, с праздником солидарности, поблагодарил за работу. Все обиделись — война закончилась, а Сталин не поздравил, все разошлись недовольные приказом. Потом выяснилось, что Победа еще не настала. Мы все ждали этого, когда будет приказ Сталина об этом. А уже третьего и четвертого мая мы были около рейхстага и расписывались на нем. Мне уже было негде расписываться. Солдаты встали, я забралась к ним на плечи, потом еще забралась, я по ним опять наверх забралась, и только на третьем ярусе я написала: «Таня Петрова, Ленинград». Моя сестра мне год назад рассказала, что видела по телевизору эту надпись. Не знаю, так это или

нет, но я слышала, что одну часть рейхстага оставили с надписями наших солдат.

В Берлине мне запомнились очень красивые сады, парки, очень красивые памятники. Для нас это был праздник. Кормили нас чудесно, но дисциплина была как на фронте — проверки каждый день, построения. Девятого мая, когда объявили Победу, была такая радость! Первая радость, что война закончилась. Вторая радость, что жива осталась. А третья радость — что в самом логове фашизма праздную Победу! Я сама себя спрашивала и не верила в это, что такое возможно. Но с другой стороны, в Куликовом сражении же остались кто-то в живых. В Бородинском сражении остались же кто-то в живых. Должен же кто-то остаться в живых и после Великой Отечественной войны! Так я себе говорила. Я получила записку от комбата Позднякова, что меня ждут на вечер, а Скворода мне говорит: «Я тебе отпущу! Ты же парторг батальона, у нас поздравление и все прочее, а ты в свой полк хочешь уйти? Я тебя не отпущу». В результате они меня в батальоне моем ждали, ждали, и потом без меня начали праздновать и пить, у меня есть фотография этого праздника.

После этого началась обычная армейская жизнь. Лечили больных, и наших и немцев, все лето провели в спортивных соревнованиях и тренировках. Я получила несколько грамот, но не все сохранились. Для меня они не были важны, поэтому сохранились только некоторые.

Потом я съездила в отпуск в Ленинград. С мужем моим я познакомилась еще на Волховском фронте, и мы дали слово, что поженимся после войны. Многие девчонки вышли замуж за офицеров и солдат из своей же дивизии. Мы когда познакомились с моим будущим мужем, мой комбат на него накинулся: «Ты что, Татьянку хочешь охмурить? Я тебе дам!» И усладил его из батальона подальше на курсы парторогов, а потом в другую часть. Он демобилизовался из армии вперед меня, в ноябре 1945 года. Мой муж после ранения был в другой дивизии, закончил войну в Литве и демобилизовался. После этого он написал моим родителям письмо, что он является моим мужем и что как только я появлюсь, я должна приехать к нему в Астрахань. Когда я приехала домой, отец показал мне письмо. Я говорю: «Что он за ерунду пишет? Он мне не муж». Отец говорит: «Это, доченька, уже не мое дело. Ты взрослая, войну прошла. Так что решай сама». Я поехала к нему в Астрахань, и 10 декабря 1945 года мы расписались с ним. После этого я вернулась в армию в Германию. Там я пробыла до апреля месяца, когда вся наша дивизия вернулась в Россию. Потом я уехала к мужу в Астрахань. Два года спустя после этого я вернулась домой в Ленинград и так и осталась. Так закончилась моя боевая жизнь.

У меня не осталось каких-то страшных или особо неприятных воспоминаний о войне. Армия для меня стала за годы войны вторым домом. Даже те книги, которые я сейчас читаю о мясорубке, в которую

попала 2-я Ударная Армия весной 1942 года — у нас в дивизии этого не было. Хотя мы были во 2-й Ударной Армии, мы в эту мясорубку не попали. Да, 41-й полк нашей дивизии попал в то окружение, когда Власов сдался, но Ушинский сделал так, что полк вышел из окружения и сохранился. А то, что Власов сдался, и сейчас его пытаются обелить — это ерунда все. Армию окружили, и он со штабом сдался в плен, армия не сдалась. Мы, фронтовики, всегда это знали. Самое главное, что Власов не помог армии выбраться из окружения, а сдался, вот и все. В этом его основная вина.

Единственный страшный момент был в Новгородской операции, когда мы лежали и держали оборону на трупах.

С гвардией Ленинградского фронта

Война меня застала на Звенигородской улице, угол Загородного проспекта. Жила я там на территории военной части, поскольку я работала в Медицинском училище имени Щорса. После того, как началась война, начались обстрелы. Там как раз Витебский вокзал, и по нему все время стреляли и бомбы бросали. У нас все время зажигалки сыпались, потому что у нас одноэтажный дом был, деревянный. Все эвакуировались. Нас осталось двое, это я и женщина, которая у нас работала дворником. Больше никого. Медучилище наше эвакуировалось, когда мне предложили, то я отказалась, сказала, что пойду на фронт. Мне говорят: «Как хочешь. Будет трудно». Я говорю: «Я знаю, что будет очень трудно, но все равно останусь». И вот началась эта беготня в бомбоубежища. Дворничиха эта меня все время просто за руку таскала в это бомбоубежище. Но у меня какая-то истерика была тогда. Я не иду в бомбоубежище, обхвачу столб и стою. Она все равно меня утащит туда. Я соберу вещи, какие — не помню, потому что в истерике, сяду посреди дороги, сижу и хохочу. Вот такая у меня была истерика. Потом мне все это настолько надоело, что я сказала, что я больше туда не буду ходить. Но потом она меня притащила. Потом я сама пошла все-таки. Не знаю, что там случилось — был то ли сильный артобстрел, то ли авианалет, и меня волной как дало! Я в дрова улетела, и лежала там. Меня долго искали, я там лежала, без сознания. Ничего не помню, привели меня домой, и я сказала: «Больше я никуда не пойду, здесь буду умирать».

После того, как с Ханко эвакуировалась эта дивизия, еще бывшая в то время бригадой, к нам во двор попали командиры этой части. Генерал, заместитель по политчасти — ходили и узнавали, где что. Пришли они, я говорю: я такая-то и такая-то, осталась одна, не эвакуировалась. Мне сказали, что война скоро кончится, через три месяца. Но тяжело пришлось. Мы уже начали голодать, и только благодаря

какой-то другой части, которая там рядом стояла, нам удалось как-то прожить. И я попросилась в медсанбат. Там во дворе ходили командиры, чем-то занимались, я подошла, и говорю: «У вас хотя бы дуранды нет?». Они говорят: «Есть». Принесли немного. Все, что у меня было, я за эту дуранду отдавала. Эту дуранду я намачивала, и жарила. Только этим я жила. Когда этот генерал пришел, я его попросила: «Возьмите меня в армию. Хоть медсестрой, хоть кем. Мне неважно, кем». И так меня взяли в армию. Генерал этот пообещал поговорить с командиром медсанбата. Правда, когда я туда пришла, это был еще 81-й госпиталь, а потом стал 70-й медицинский батальон. После этого пошла 2 января 1942 года в армию.

Началась моя служба. Мы стояли на Международном проспекте (ныне Московский проспект) в Артиллерийском училище до марта месяца. В марте месяце нас перебросили в Парголово. Но там было вообще страшно. Когда мы приехали и стали располагаться, оборудовать палаты, пришли мы в дома. А дома были деревянные, и там было что-то невероятное. Там дети — дети были в бочках засолены. Все люди лежали умершие. Все мы выносили оттуда, все мыли. Стали жить. Работа у нас там была та же самая, больные поступали, все как обычно.

Я была медсестрой, мы еще учились дополнительно — и на Международном проспекте, и в Парголово, пока там было спокойно. Сдавали экзамены, все как обычно. Присваивали звания, мне присвоили младшего сержанта. Потом сержанта.

Потом в сентябре 1942 года, когда началась Тосненская операция, к нам начали привозить раненых. К тому моменту у нас уже палатки были построены, все готово. Вы знаете, я как посмотрела на раненых — у кого челюсть полуоторвана, у кого рук нет, у кого ног, у кого голова еле-еле держится. Мне так было плохо, я упала, потеряла сознание. Прибежал командир нашего медсанбата Макаров, начальник медслужбы, заместитель по политчасти. Дали лекарство, я пришла в сознание. Макаров мне и говорит: «Зина, может быть, ты и не сможешь работать?» Я как-то сразу очнулась, говорю: «Что значит — не смогу? Я должна работать, и все. Больше со мной этого не случится». Это был в первый и в последний раз со мной, крови нанюхалась. После этого я стала работать, все нормально, внимания не обращала. Работы было очень много. После этого был прорыв блокады, после этого мы переехали в Морозовку. Там тоже было много работы, но я уже работала

Зинаида Варгина

быстро, нормально работала. Привыкла. Все это прошло, работы было много, раненых было много. Не знаю, как мы столько могли работать — по двадцать четыре часа в сутки работали. Питания нормального не было, только чай с хлебом перехватывали и все. Только иногда была горячая пища. По весне ходили, собирали крапиву и щавель. Работали мы и носили иногда даже раненых, потому что не хватало санитаров. Раненых привозили сразу помногу, по несколько машин. Их же нужно быстро разгрузить. Потом нужно их куда-то быстро определять. Смотрели, куда ранение — грудная клетка, животы, голова, ампутация — все эти шли в первую очередь. Спать мы даже не могли, ведь в палатках все! Ноги мокрые, холодно, сама трясешься. Я там почки себе простудила еще. Ведь и зимой в палатках, а печками ведь улицу не натопишь! Мы же все уходили из этой палатки, кому топить-то? Приходили на несколько минут вздремнуть, ложишься, трясешься, встаешь и опять работать. Вот такая была работа.

Я была в сортировочном отделении, и причем работала почти все время одна. Хотя у нас была врач сортировочного взвода, я почти все время была одна. Со мной работал Хомицын только. Врач, Беспрованная, всегда уезжала, и говорила: «Зина, ты справишься». Во все операции она уезжала, не только когда были на отдыхе. Мне нужно было послать всех больных — кто в операционную, кого в эвакуацию, кого в отделение сразу. Я справлялась более-менее.

Когда я работала там, все время приходил один художник и писал мой портрет. Потом он мне говорил: «Ваш портрет Вы увидите после войны в Доме Офицеров, в Музее». Я один раз его видела.

Потом я уже была в терапевтическом отделении. Поступало много раненых, они все грязные приезжали из окопов. Лежали они там на передовой, чуть ли носом землю не копали. Нужно было из всех привести в порядок. Вначале мы обмывали их всех, потом передевали, приводили в божеский вид. Кто кричит: «Сестра, утку, судно, и попить сразу!» Я в ответ: «Только не все сразу». Как это можно все три вещи сразу. Ну вы же знаете, какие раненые и больные могут быть. Конечно, мы не справлялись. Кто судно кричит, кто утку. Со мной еще работала санитарка, она говорит: «Я же не могу справиться, их так много!». Я говорю: «Так, давай в обе руки бери, я тоже в обе руки посуду возьму, пошли работать». Работа была неблагодарная, но все-таки мне эта работа нравилась, потому что я с детства мечтала быть врачом. Но не получилось, потому что после ранения я только по госпиталям находилась.

Когда сняли блокаду, я помню, что нас направили в Прибалтику, под Нарву. Мы как раз расположились напротив кладбища. Там притаились эстонцы, и немцы. Все время снайперы били. Очень много стреляли. Потом где-то под Нарвой меня тяжело ранило. Я пришла на смену, раненые начали поступать. Один меня спрашивает: «Сестра, а вы были в полку». Я говорю: «Нет, а что?» — «а у нас сестра в полку есть,

похожа очень на вас». Я говорю: «Нет, на передовой я не была» — «А ранены были?» Я говорю: «Не была, так буду». И в это время был большой обстрел и меня тут же ранило. Я тут же упала, меня скорее на носилки, и в операционную. Я долго не отходила, потом в операционной все-таки пришла в сознание, и слышу: хирург говорит: «Она не будет жива, у нее проникающее ранение в череп, все». Я думаю: «Жизнь моя кончилась, все». Ничего не стали делать, просто перебинтовали. Сразу эвакуировали. Сначала на санях, меня положили между двумя красноармейцами. Когда ехали по Нарве, был опять обстрел, и я одна осталась жива. Всех убило, пока везли. Привезли меня на ППМ, там мне бинты крутили-крутили, но не стали ничего делать. Мне уже головы стало не поднять, потому что контузия была, голова болела страшно. В общем, довезли меня до санпоезда, в санпоезде места нет, я сказала, что согласна просто на полу. Такие боли были, что я рада была и на полу лежать. Привезли меня в распределитель и говорят: «Что это столько бинтов у вас?» Я говорю: «Не знаю, это мне все в полевых госпиталях только бинты на голову наматывали, ничего не делали». Привезли меня на Бородинскую, там женский госпиталь был развернут в школе. Привезли меня туда уже в почти два часа ночи. Поскольку у меня было такое ранение, с которым они столкнулось впервые — один осколок попал в ухо, а второй — в затылок, там дырка была, то они быстро вызвали профессора Давиденского, и он начал меня туда-сюда осматривать. Делали снимки, и, в конце концов, обнаружил эти осколки. Санитары, которые там были, уже отказывались: «Профессор, мы не можем больше таскать, она такая тяжелая». Он им отвечает: «Ребятуськи, в последний раз, я уже придумал, что делать». Он сделал рентген, засунул мне руку у рот, и нащупал этот осколок. Он застрял во рту в левой челюсти. Через ухо прошел и расположился в челюсти. А один осколок в затылке. Говорит: «Вы сможете постоять? Я говорю: «Постою как-нибудь». Осмотрел меня, и говорит: «Все, несите ее в палату, завтра будем делать операцию». Какое завтра, когда было уже четыре часа ночи? Утром привезли меня опять в операционную, и он хотел мне челюсть снаружи разрезать, чтобы вытащить осколок. Я говорю: «Нет, профессор, я это Вам не дам делать». За чем, говорю, вам меня уродовать, когда можно операцию через полость рта сделать и осколок оттуда вытащить. Он говорит: «Что?!» Я говорю: «Ничего! Осколок надо через рот вытаскивать, не надо мне всю щеку разрезать» — «А кем ты работаешь?» — «медсестрой». «Ну тогда понятно, — говорит. Я говорю ему: «Я же молодая, всего двадцать два года. За чем же вам меня портить так?». Он в ответ: «А я-то, старый дурак, и не догадался бы». Я говорю: «Да все Вы догадались, только Вам ведь нужно все побыстрее сделать, и все».

Сделал он мне эту операцию. Операция проходила как? Три раза сознание теряла, потому что без наркоза, анестезию сделали небольшую. Вытащил он мне этот осколок изо рта, и мне показывает. Этот осколок

был прямо как ключ, загнутый. Говорит: «Вот какой у тебя там осколок лежал!». Я в ответ: «А Вы хотели мне такой осколок снаружи вынимать!» Он говорит: «Ну все понятно, боишься, наверное, что тебя замуж никто не возьмет». Я говорю: «Не знаю, возьмут или не возьмут, но не надо молодых девушек портить. Делайте все как положено». В общем, привезли меня в палату, и назначили врача, чтобы она дежурила у меня круглосуточно. Они по очереди дежурили, потому что со мной могло случиться в любой момент что угодно. Нерв поврежден, контузия, ни сесть, ни лечь, ничего не сделать... В общем, дежурила она.

Прошла неделя, я стала вроде бы выздоравливать, врач ушла. А девчонки, которые там со мной лежали, говорят: «Пошли вместе в кино на четвертый этаж». Пошли мы, а там я сознание потеряла. Притащили меня обратно, прибегает опять этот профессор, врачу нагоняй, и мне то же самое: «Вы что? Вам же еще нельзя двигаться, нерв поврежден». Потом все нормально стало, стала выздоравливать. Два с половиной месяца прошло, меня готовили к выписке. Выписали меня и увезли в запасной полк. Ребята из моего медсанбата на пять минут опоздали — приезжали меня забрать, но не успели. Запасной полк был под Ленинградом, привезли туда нас вдвоем. Там землянки, воды полно, нары низко. Положили хвои, халаты больничные, и шинелями накрывались. И как встаем утром, так режем вдвоем, как коровы. Старшина приходит, и говорит: «Вы что тут ревете? Девчонки там ходят, развлекаются, а вы что?». Потом нас вдвоем определили в медсанчасть, я работала врачом, а вторую санитарку забрали вскоре в санпоезд. Я работала одна, врач уезжала, только давала мне инструкции, кому и как делать инъекции. Пробыла я там месяц, потом мне сделали палатку на улице, не в землянке с водой. Топчан, чтобы спать, столик, часового поставили. Иногда ко мне приходили больные на перевязки.

Вызывает меня как-то раз командир этого запасного полка, и говорит: «За Вами приехали из Вашего медсанбата». Они меня проводили, меня подвели к этому солдату, начали готовить меня к отправке. Я опять была одна, врач опять была в Ленинграде. В общем, уехала я оттуда. На перекладных и пешком. У меня ноги распухли, то посидим, то подвезет кто-то немного. Это уже было на Карельском перешейке. Там тоже был бой. Они принесли мне какие-то большие тапки, и я в них работала. Вот так до самого конца. Была представлена к Красной Звезде, но ее не получила. Тогда я еще была молодая, мне все равно было, что получила, а что не получила. Когда война кончилась, 25 июля нас мобилизовали, и я вернулась в Ленинград. Квартира моя была занята, и мне пришлось заново всю мою мебель и вещи искать. Пришлось мне в общежитии прописываться. Потом пришел суженый ряженный, повел в ЗАГС, и повез меня на Родину свою, на Украину, и так закончилась моя эпопея. Потом получили мы комнату в Ленинграде.

Во всяком случае, эта война никогда не забудется. Никогда.

Это не фейерверк, это бомбежка...

Родилась я 16 января 1924 года, в городе Пятигорске.

Училась в Майкопе. Как раз кончили школу в 1941 году.

Двадцатого июня у нас был выпускной вечер, а 22-го началась война.

О том, что началась война, узнали по радио. У нас дома как раз репродуктор был. Сначала выступил Молотов, потом Сталин.

Сначала, конечно, и в голову не пошло идти в армию. Потому что еще 18 лет. Во-первых, никто и не думал, что девчонки пойдут. Мальчишек сразу мобилизовали. А потом быстро мобилизовали и моих двух подружек, они старше меня были. Раньше в школу кого с семи лет брали, кого с восьми. Короче говоря, эти подружки мои оказались уже восемнадцатилетними, и их взяли в армию. А я начала учиться в университете. К нам в Майкоп эвакуировался Одесский государственный университет. Поскольку мама меня не отпускала ехать учиться в другой город, я поступила в этот вот эвакуоуниверситет.

В начале сентября 1941 года материли пришло извещение о смерти сына Колоскова Александра Ивановича. Когда я осознала, что у меня погиб брат, то меня это возмутило. И вдруг получаю письма от своих подружек из армии. Одна учится на радистку, другая еще на кого-то. Одна зенитчицей потом стала: я с ней встречалась в Туапсе во время войны. Вот меня это задело окончательно. Подруги в армии, а я учусь, литературу учу. Я узнала, что при ОСОАВИАХИМе у нас есть курсы радистов, и пошла туда. Бросила я университет и стала ходить на эти

Лидия Колоскова

курсы. Месяца два или три мы учились. Ну какие там еще мы были радисты?! Но, тем не менее, когда нам выдали удостоверения о том, что мы кончили курсы радистов, мы сейчас же пошли в военкомат. Нас было несколько девчонок. Там нам сказали подождать, записали все наши данные. А потом сказали: «Ждите. Когда будет призыв девочек, мы вам пришлем повестки». И прислали то ли в мае, то ли в июне. Причем мне пришли сразу две повестки: одна повестка на рытье окопов, а другая в армию. Ну, вот я маме говорю: «Куда ж мне деться?» Она говорит: «В армию». И, таким образом, по повестке этой я отправилась в армию.

Когда мы приехали на вокзал, у нас забрали паспорта и отправили в Краснодар. Мы не знали, кем нас хотят сделать. Там мы расположились в помещении начальной школы, так как занятия-то уже кончились. И мы узнали о том, что нас будут делать почтовыми работниками. Я с Адой Бурматовой, не захотела почтовыми работниками быть. Мы возмущались: «Вот мы радистки, а нас на почту!» Это нам не нравилось. А кто-то из местных сказал нам, что тут рядом воинская часть: «Вы идите, там школа военная, может быть, вас туда возьмут». Мы пошли. Встречает нас лейтенант: «Вам что, девочки?» Мы объяснили, что нас хотят сделать полевой почтой, а мы хотим учиться на радисток. А он и говорит: «По радио объявили, что завтра в 8 часов утра в помещении цирка Черноморский флот будет набирать девушек на всевозможные специальности». Ну, конечно, мы захлопали в ладоши! Вернулись, взяли свои вещевые мешки, сказали девчонкам, что мы завтра на Черноморский флот поедем. Хорошо, что мама мне дала адрес папиного сослуживца, папы уже не было. Сослуживец этот с семьей жил в Краснодаре. Вот мы к нему и направились. Нас там встретили очень хорошо, дали переночевать. Рассказали, как добраться до цирка. Приезжаем мы туда к восьми часам. А там до самого купола все места заняты девчонками! Где-то под куполом мы увидели два места и взгромоздились туда. Никаких повесток эти девчонки не получали. Просто по радио объявили, что будет набор девушек для службы по различным специальностям на Черноморском флоте. Приехали офицеры-черноморцы и сказали, где записываться. Приходим. Девушки паспорта сдают, а мы-то дезертиры. Так что мы откровенно сказали, что нас послали в школу почтовой связи, а мы хотим в радисты. Вот нас и записали. Потом уже, конечно, сообщили в школу почтовой связи, сейчас же посадили в грузовики со скамейками и привезли в экипаж — это такое учреждение военное, которое распределяет военнотружущих по частям. Вот нас всех девчонок туда свезли. Там мы прошли медосмотр, нас обмундировали в морскую форму и разослали кого куда. Нас с этой девушкой, с которой я сбежала, направили в Анапу.

В Анапе был как раз учебный отряд Черноморского флота, где готовили радистов. Приехали мы туда, но пробыли там очень короткое время, может быть, недели две. За стеной, отделяющей нашу школу от

всего мира, был аэродром, и его начали бомбить. Нас на следующий же день эвакуировали в Геленджик. Имущество, аппаратуру всякую — на грузовиках, на машинах, а мы пешком пошли. Не у всех хватало сил пешком идти до Геленджика, и мы заночевали прямо под открытым небом. После той ночевки взяли некоторых слабеньких, посадили на машины, и мы приехали в Геленджик, где и расположились. А там уже ждала школа радистов из Николаева, с которой нас соединили.

У нас были две роты девчонок, а там — рота парней-радистов. Но заниматься нам не пришлось: так сильно немцы бомбили. Только мы придем в столовую на завтрак — сейчас же воздушная тревога... Ну, что? По щелям. Потом мы приспособились, хватали кастрюлю, свои миски и бежали завтракать под деревья. У меня даже фотография одна есть такая, где мы газету, боевой листок, выпускаем. Так низко летали над нами! Один фашист летел прямо чуть выше деревьев, и мы видели его смеющуюся рожу и грозили ему кулаками, а он смеялся над нами. Короче говоря, вот в таких условиях мы оказались в Геленджике. Нас нужно было вывезти, потому что Геленджик-то бомбили больше, чем Анапу. А немцы не давали нашим возможности подогнать корабли к порту. Очень трудный был момент в нашей жизни. Ложимся спать, но через короткое время: «Боевая тревога!» Раз-раз-раз-раз, чтобы быть готовым, надо ехать в порт, чтобы сесть на корабль. Потом отбой. И потом опять... Только мы начинаем засыпать, опять: «Боевая тревога!» Но нас старшина тренировал. Вот мы ложились, как люди ложатся спать, но чтобы за две минуты успеть быть при полном параде и со своим рюкзаком. Кто не успевал, того тренировали еще. Но немцы действительно мешали нам эвакуироваться. Только корабли нацелятся на Геленджикский порт — начинается налет. И вот однажды нас все-таки посадили ночью на машины и привезли в порт. Привезли нас, вот этих парней-радистов, раненых солдат из госпиталя. Оказывается, прибыло в порт два специальных судна, чтобы нас всех забрать. Нас несколько сотен человек там стояло — и вдруг летит красная ракета, и начинается налет. Какой был ужас! Как орала девчонки! А командиры нам: «Скорее! Бегите! Бегите!» Нас, радистов, всех погрузили на «Пестель», был такой сухогруз...

Наш корабль пошел от Геленджика, и за нами увязался немец. Над нашими головами шел воздушный бой. Немцу удалось подбить нашего, и тот с парашютом выбросился в море. Он не боялся утонуть, ведь рядом был наш корабль. И тут сразу команда: «Шлюпку на воду!» и его привезли, успели подхватить. В Батуми тоже как-то не приспособлено было место для учебы, и тогда нас перевезли в Кутаиси. В Кутаиси мы попали в настоящую военную школу, построенную еще Николаем I. В одном корпусе располагались юноши, а в двух других роты девчонок. В это время уже шли бои под Сталинградом. Даже нашего одного преподавателя направили туда. Правда, он потом вернулся, мы

его спросили: «А что же Вас назад отправили?» А он ответил: «Нужды во мне больше нет». Там уже разгромили немцев. В конце декабря 1942 года мы закончили курс, нас распределили по различным воинским частям.

Мне достался город Туапсе. Привезли нас туда 31 декабря 1942 года, а там полуэкипаж в горах был, и нас почему-то из полуэкипажа направили в ЭПРОН — это экспедиция подводных работ, которые ремонтируют, разминируют под водой. Но там мы совсем были не нужны, почему нас туда отправили мы так и не поняли. Когда из порта прибыл один лейтенант, я возмутилась: «Почему мы здесь сидим? Мы здесь не нужны, как радисты. Отдайте нас в полуэкипаж, пусть нас в другое место пошлют!» Мои слова возымели действие, нас послали в другие части. И я попала в 11-й батальон Черноморского флота, который защищал Туапсе от воздушных налетов. И мы со своей горы видели, как немцы бомбили город. Они летят, пикируют, сбрасывают груз, один поднимается, другой опускается... Со всех сторон. Причем когда мы уже были в Туапсе, то увидели, что они умышленно бомбили именно жилые районы, чтобы разгрузиться от бомб...

Первые недели три мы стажировались в 11-м батальоне. Мы надевали наушники, а к нашей радиостанции подключался старший по смене. И я знала, что он исправит, если я что-то поняла неправильно. То есть нас приучали к этой работе, но так, чтобы не было никаких неприятностей. Вдруг бы я перепутала какие-то цифры или какие-то буквы? Ну а потом, освоившись, мы стали самостоятельно нести вахту.

Моя самостоятельность началась с большого стресса. Однажды в 2 часа ночи сменили нас на вахте, так что мы отправились в воинскую часть спать. А место там гористое и далеко видно. И вот мы видим, как в расположении порта вспыхнуло, пламя такое громадное было. А это 23 февраля — День Советской Армии и Флота, вот я и говорю: «Дураки! Праздник праздником, но в этот день как раз обычно немцы всякие пакости делают нам. А они тут фейерверк устроили!» А старший говорит: «Это не фейерверк, это бомбежка. Это бомбежка...» Самолет пришел один, сбросил бомбу в порт и угодил в танкер. Пожар там был большой... И душа у меня ушла в пятки. Я первый раз самостоятельно слушала эфир и прохлопала немца, который сбросил одну бомбу и поразил корабль. Можете представить себе, каково мне было?! И мои товарищи тоже переживали.

Посты были расположены в таких местах, где обычно пролетали немцы, чтобы бомбить города, и вот эти посты должны были предупредить нас, что к нам летят немцы. И вот, если мы проспали такую радиограмму, то значит, он без всякого риска прилетал, сбрасывал бомбы и улетал. Так и получилось... Ну, подумала: трибунал. Вот так началась моя самостоятельная служба. Я испугалась. Да и парни тоже, конечно, трусили. Это первый раз такое получилось. Исключительный был случай. Значит, надо было ожидать, что вызовут завтра на ковер

отчитываться. Но никто не пригласил ни завтра, ни послезавтра. Мы нормально ходили, и все у нас нормально было. И кто-то вдруг мне сказал, что у нас нет командира батальона. Нашего майора П. забрали за этот случай. Как так случилось, что наша служба пропустила немца, и он одним снарядом сумел поразить корабль?... Откуда он знал, что корабль стоит в порту?... На счастье экипажа, это было 23 февраля, ребят всех отпустили на берег. Отмечали День Советской Армии и Флота. Потом кто-то сказал мне, что отключили наш пост, который должен был засечь самолет, по приказанию командира батальона. Это небывалый случай, что командир батальона сам давал приказания на пост, обычно это через оперативного дежурного делали. Командира забрали.

Вот так началась моя самостоятельная служба, но потом все пошло как по маслу. Радисткой я была неплохой.

Служба наша заключалась в том, чтобы поймать маленькое донесение «Воздух», «взд», «взд», «взд». Радиограммка идет минуты две-три. В этой радиограммке называли пост, номер поста, чтоб мы знали, откуда летят. Сообщалось, какие немецкие самолеты летят, на какой высоте, в каком количестве. Службу мы несли в пещере. Была вырыта громадная пещеруа, которую обили досками и сделали две комнаты. В одной радисты сидели при своих рациях, а в другой оперативный дежурный с телефонистами. У телефонистов связь была буквально со всем: с портом, с зенитчиками, с летчиками, с городом, со всеми, кому должны мы были передать это донесение «Воздух». Как только слышим позывной сигнал — «Воздух», «Воздух», то мы сразу должны передать его в вслух. А между телефонистами и нами — окошечко и столик, куда нужно было положить радиограмму. Там сидит оперативный дежурный и как только он услышал и увидел эту радиограмму, то сразу во все концы звонят и передают содержание этой радиограммы. Зенитки — к бою; летчики, истребители — в воздух, корабли — в море, и городу — «Воздушная тревога», чтобы все бежали в щели. Как я вам уже сказала, этот сигнал нужен был потому, что как раз по мирному населению немец и бил.

Мы не должны были пропустить ни одного вражеского самолета, который бы хотел пролететь к намеченной цели. Вот, по нашему сигналу прожектористы, если это ночь, искали врага, а зенитчики стреляли. И нам это удалось.

В Туапсе пробыла до мая 1944 года. Уехали мы тогда, когда освободили Крым. Севастополь освободили 9 мая 1944 года и через 10 дней мы были в Севастополе. Во время войны немцы располагались в том месте, где наша часть была до эвакуации. А часть располагалась недалеко от панорамы: это четвертый бастион, о котором писал Л.Н. Толстой. Вот там и располагался наш 11-й батальон ВНОС. Причем это уже жилые и административные помещения были, а вахту мы несли немного подалее. В общем, мы проходили мимо панорамы, мимо памятника Тотлебену. Тогда этот памятник стоял без головы, снарядом ему отсекло

голову. Так вот там какой-то домишко был в два этажа. В нижнем этаже сидели мы, радисты, а на верхнем этаже располагалось авиационное командование. Там я месяцев 7 служила, а потом вместо меня взяли девушку из Евпатории. Она впоследствии секретарем комсомольской организации стала. И вот там, в Евпатории, я и дождалась Победы.

В день победы орали, кричали, стреляли... Не знаю, откуда столько оружия взяли... А после объявили о демобилизации, и летом 1945 года моя служба закончилась...

Я подделала документы, чтобы попасть на фронт

Я родилась в 1927 году в Новороссийске, по адресу: улица Шевченко, дом 16. Когда объявили о начале войны, я была еще ребенком, но при этом большой патриоткой, как и все в то время. Взяла папины брюки, сделала резиночку — не только я одна, но и все девочки — и мы пошли на Мысхако воевать. Но нас там побили крапивой и разогнали по домам.

Потом в Новороссийске открылся Красный Крест, и мы все пошли туда записываться, чтобы оказывать первую помощь. Немец уже бомбил Новороссийск, и мы помогали, чем могли, так как взрослых рук не хватало — выбрасывали зажигательные бомбы. А в это время к нам уже поступали пароходы, крейсера с ранеными, но мужчин уже не было — все ушли на фронт. И мы, восемь хрупких девчонок, собирали раненых. Вывозили с парохода и грузили на поезда. А потом я окончила курсы Красного Креста. Туда брали даже таких маленьких, как я, чтобы мы тоже могли оказывать первую помощь. Папа и мама к тому времени уже погибли.

Я осталась одна, и меня хотели сдать в детдом, но я испугалась и спряталась. А у меня мама работала в НКВД, и ее сослуживцы вывезли меня в Геленджик. Там я жила у одной бабушки. И как-то мы с ней пошли на рынок, а мне какая-то женщина навстречу идет и спрашивает: «Девочка, ты не знаешь, где я могла бы остановиться на два дня? У меня муж идет на Малую Землю». И я бабушке, у которой сама жила, говорю: «А можно я ее к себе возьму?». Она и отвечает: «Хорошо». Так

Валентина Сепова

женщина пошла с нами. А вечером пришел ее муж, он был командир батальона. Я ему все рассказала о себе, что сирота, но в детдом не хочу. А он тогда говорит жене: «Возьми ее к себе домой, а война кончится — мы разберемся». У нее своих двое было ребят. Одному два года, а другому четыре. Я потом пошла в НКВД в Геленджике и рассказала эту историю ребятам. А они мне все, как один, отговаривают: «Валя, ты будешь там домработницей. Зачем тебе? Не надо». Я послушалась, пришла и сказала командиру, его фамилия была Ищенко: «Я не поеду». Тогда он разрешение взял, чтобы меня взять на Малую Землю. Но так как мне было мало лет, да и к тому же платице у меня было коротенькое, я снова испугалась, что они меня все-таки не возьмут. И я поступила по-хитрому. Пристань, с которой отъезжали, была вся в колючках. Я вырыла там ямочку, пролезла и оказалась на барже. Они пришли — а я тут как тут.

Когда вышли в море, командир посмотрел на меня пристально... А у меня был в тот момент паспорт на 1927 год рождения — поэтому я и знаю свой день рождения. Я ему показываю паспорт. Он охнул: «Господи, что мне с ней делать?» А тут подошел еще политработник. Он только глянул на меня и сказал: «Запомни, с сегодняшнего дня ты 1925 года рождения». Но мне было все равно, хоть 20-го, я же тогда не разбиралась в этих годах. Потом они меня переодели, одели мне брючки, потому что высадка была очень тяжелая, приходилось прыгать в воду, а на календаре было 3-е марта.

Я ведь тогда не собиралась воевать, я хотела просто в Новороссийск вернуться. Воинского звания у меня, естественно, не было никакого, и Ищенко долго думал, кем меня поставить. А потом говорит: «С сегодняшнего дня ты будешь связисткой». А я и не знала, что связист должен делать. Он мне объяснил, что я буду на станции сидеть у телефона. Также проинструктировали меня, что нужно делать, если вдруг порвутся провода. Так я стала связистом и пробыла на Малой Земле 255 дней. Очень тяжело было. Обстрелы были очень сильные, и я кричала: «Мамочка, помоги!» А потом я была награждена медалью «За отвагу».

А так как мне было мало лет, я ничего не боялась. Меня каждый раз спрашивают: «А Вы боялись чего-нибудь?». У меня даже в голове этого не было — не было страха. Такая смелая была девочка. А бомбили нас нещадно. Нашу Маленькую Малую Землю.

16-го сентября Новороссийск освободили. А так как у меня 8-го сентября день рождения, то ребята все смеялись: «Это тебе подарок на День Рождения». Командир подозвал тихонько к себе: «Пойдем, посмотрим, где ты жила». Мы пришли: ни стен, ничего нет. Остались лишь какие-то обломки, а посреди них лежит елочная игрушка бабочка. Он на это все посмотрел и сказал мне тогда: «Мы тебя не оставим. Я тебя не оставлю».

В Новороссийске людей почти не было. Город был пустой. Три дня нам дали, чтобы помыться, переодеться, а потом мы высадились опять

Обязательно все графы заполнять полностью.

Наградной лист

Фамилия, имя, отчество **Сева Валентина Семеновна**
Военное звание **красноармеец**
Должность, часть **Старший телеграфист Отдельного батальона
Связи 834 Краснознаменной Новороссийской Отдельной Морской
Стрелковой Бригады**

Представляется к ордену "Красная Звезда"

1. Год рождения **1925**
2. Национальность **Русская**
3. С какого времени состоит в Красной Армии с **28 марта 1943 года**
4. Политичность **Член ВЛКСМ**
5. Участие в боях (где, когда)
Участница Отечественной войны с 1943 года на Северокавказском фронте в районах Новороссийска, Тамани и Керчи.
6. Имел ли ранения и контузии **Не имел**

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) **Медалью "За отвагу" приказом №039/Н от 7 ноября 1943 года 83 КНОМБ**
8. Каким РВК призван **Земляничинским РВК Краснодарского края**
9. Постоянный домашний адрес представляемого, к награждению или адрес его семьи

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Телеграфистка тов. Сева, в прошедших боях за Новороссийск, в двенадцатой операции на косе Букас и на Керченском полуострове, проявила себя отважной, смелой связисткой. Работая на коммунарском узле связи бригады, постоянно находясь в тяжелых условиях боевой обстановки — тесно выполняла свои обязанности по обеспечению связи командования, настойчиво добиваясь вызова мужского абонента, обеспечивая прием и передачу телеграмм, цифровых и боевых распоряжений. Лица сама под огнем противника неоднократно исправляла порывы на линии, бросала узлы, и артиллерийскими орудиями противника, не раз заставляла землей телеграфную станцию, от которой рвало провода, отважная девушка не бросала боевой вагон, быстро восстанавливала повреждения и своевременно входила в связь со всеми абонентами.

За проявленную и мужественно проявленную на фронте борьбы с немцами отвагу, за выдержку, смелость, тов. Сева заслуживает правительственной награды — ордена "Красная Звезда"

Командир Отдельного батальона Связи 834 Краснознаменной Новороссийской Отдельной Морской Стрелковой Бригады

Б. Сидоренко

Ч.

Майор

А. Золотухин

(Золотухин)

Воспитанная в советской семье наградам

Медаль "За боевые заслуги" и

6 апреля 1947 г. Командир 83^й Краснознаменной Новорос-
сийской Отдельной Морской Стрелковой Бригады

2 в. полковник

Муромцев /

Награжден приказом 83 Краснознаменной Новорос-
сийской Отдельной Морской Стрелковой Бригады
медалью "За боевые заслуги" пр. №-010/н от 8.444

Начальник 4 части
Капитан адм. службы

"10" апреля 1947 г.

Танос /

Постойна правительственной награды:

медалью "за отвагу"

командир 83^й Краснознаменной Новороссийской
морской стрелковой бригады
подполковник
Обвиников

Обвиников

"6" 11

медалью "за отвагу" пр.83 кнмобр М-009/н от 7.11.43.

13 г.

Начальник 4 части
Капитан адм.службы

Григорьев

/ПОСЛ/

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество СЕПОВА Валентина Семеновна
2. Звание Гвардии ефрейтор 3. Должность, часть Телефонистка
- 58 Гвардейского Отдельного Керченского Батальона Связи
- Представляется к Ордену ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ВТОРОЙ СТЕПЕНИ
4. Год рождения 1925 год 5. Национальность Русская 6. Партийность К-т ВКП/б/
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Ок 5, ОПА, первый Прибалтийский фронт, Третий Белорусский фронт.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 25.12.43 года. 10. Каким РВК призван добровольно
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) "ЗА ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ" пр.МО310/Н от 8.4.44 года, "ЗА ОТВАГУ" пр.МО39/Н от 7.11.43 года по 88 ОКВВР.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи Родственников нет.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В период ожесточенных наступательных боев с немецко-фашистскими захватчиками в Восточной Европе, тов. Сепова показала себя исключительно трудолюбивой, находчивой, дисциплинированной, отлично знающей свое специальное дело и умело применяет его в любых условиях боевой обстановки. Не когда не считаясь с физической усталостью, несмотря на то, что часто приходится работать в очень трудных условиях и по несколько суток без отдыха. Своей богатой опыт работы, передает своим товарищам по работе, за что пользуется у них заслуженным авторитетом.

Товарища Сепову, командование всегда направляет выполнять ответственные боевые задания (обслуживать ИИ и вновь организуемые ИИИ командира корпуса), зная, что в любых условиях она обеспечит непрерывной связью командование с наступающими частями.

22 февраля 1945 года, на ИИ Командира корпуса (район г. двор Швенгель) тов. Сепова работала на коммутаторе, во время сильного боя телефонные провода от разрывов вражеских мин и снарядов часто повреждались, но находчивая, мужественная связистка не терялась, хорошо зная схему уезла связи, по обходным линиям через уцелевшие провода, своевременно обеспечивала бесперебойной связью командование корпуса с наступающими частями.

Достоинна правительственной награды — ордена
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

8.8.45 г.

58 ГВАРДЕЙСКОГО ОТДЕЛЬНОГО
БАТАЛЬОНА СВЯЗИ
(Лихачев)
(Назип)

Достоинна правительственной награды — ордена
„Отечественная Война второй степени“.

Начальник Связи 11 Гвардейского Стрелкового
Краснознаменного Корпуса

Гвардии подполковник

5.3.45 г.

(Пойдём)

Гандель

Приказом войскам 11 ГвСк № 223/н от 09.03.45 г. награжден орденом
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

ПОМ. НАЧ. СЯЗИ

9.3.45 г.

десантом на Тамань. Но уже на Тамани немцев не было. Но обстрел был очень сильный. А на Тамани сплошной песок. Мы поставили палатку, чтобы наладить связь. Командир, политработник и я. И в это время мина попала политработнику прямо в живот, он от боли выскочил наружу, машинально побежал к морю. Сердце его еще работало, но внутренние органы — все это вывалилось наружу, пока он в агонии бежал. Очень страшно, откровенно говоря. Мы его в палатку завернули, яму вырыли и туда его положили. Крестик сделали из палочек и подписали «Майор Лукин». А потом наши освободили Тамань, и мы пошли по перешейку.

Вскоре нас перебросили на Керчь, и там тоже мы побыли относительно недолго, а потом нас отправили в Севастополь. Было очень страшно, особенно штурм Сапун-горы, но мы ее взяли. Там стоит памятник моего батальона, где я была при штурме, а потом меня перевели в другой, 58-й батальон. И если в первом батальоне у нас было всего 3 девочки, то здесь нас было много. Приняли они меня хорошо, и мы вместе освобождали Севастополь. Я сейчас, откровенно говоря, рада, что Севастополь теперь наш, российский.

А после Севастополя нас отправили в Белоруссию, где мы попали в окружение, а там топи, очень болотистая местность, гиблая... У меня с одной стороны катушка, а с другой телефон, да еще винтовка, а сапоги мои, раз, и под воду ушли, ребята лишь меня успели поймать — и на плечо... А командир закричал: «Что вы ее несете?». А они ему в ответ: «Так у нее сапог нету». — «Как нет сапог?!» — «Утонули». Вот ребята достали мне сапоги, воду вылили, одели на меня, а потом мы на месте оказались, вышли из окружения.

Когда освобождали Белоруссию, было очень страшно, города совсем не было, все-все было разбито, и очень много было виселиц... Вот это у меня осталось до сих пор в памяти! Это надо было всех снимать...

Вскоре освободили Белоруссию, и мы пошли на Харьков, а там и на Берлин, но командование решило по-другому, и нас перебросили на Кенигсберг. Вот здесь, когда мы шли, тоже болота гиблые попадались, страшно было. У нас тогда был командир Казанов, но его потом перевели в другое место, а нам дали Лихачева, а он был очень строгий, а шли-то мы по болотам. И я уже идти не могла и девочкам говорю: «Сейчас лягу и буду лежать». Потому что сил уже никаких не было. Тогда командир подошел ко мне, а он был на лошади, спросил, что случилось. Я ему отвечаю: «Всем девочкам тяжело». А он на меня посмотрел и сказал: «Девочек на фронте нет, есть солдаты». Вот так и пошли мы дальше.

А потом Кенигсберг, там тоже было очень тяжело. Кругом эсэсовцы... Вокруг города были окопы, все было закрыто. Бои были очень сильные, немцы за Кенигсберг боролись, Гитлер им приказал город не сдавать. А тут командир корпуса отправляет меня на передний край, чтобы я могла связь дать. И вот я бегу к блиндажу с катушкой, а тут

мальчишка наш, Сережа, мне кричит: «Ложись!». А траншеи-то были широкие, воды там было много на дне. Мы и нырнули с ним. Я потом очень обиделась, что мокрая осталась. А немцы сдались... В газетах потом писали, что немцы увидели на небе Мадонну, а так как они верующие, католики, то стали сдаваться. Они такие страшные были, винтовка, а на ней тряпочки, а сами прыгают.

А потом, когда немцы сдались, мне командир корпуса генерал-лейтенант Арушениян звонит и говорит: «Валюш, ты работаешь?» Я отвечаю: «Да». Он меня тогда предупредил: «Ты аккуратней будь, сейчас будут новости». Это было в три часа ночи. А я не выдержала и позвонила Лихачеву. Говорю ему: «Я тебя сейчас подключу, но я не имею права этого делать. Сейчас какая-то новость будет, какая — я не знаю». И тут вот объявляют конец войны. Что тогда началось, не передать! Поцелуи, стрельба! Все выскочили, кричали, целовались, обнимались! Это такая была радость, конец войны, этого все так ждали. Радость была необыкновенная. И утром пришел приказ о демобилизации. Уже девочек демобилизуют: телефонисток в первую очередь, телеграфисток во вторую очередь и старшее поколение тоже.

А меня никак не демобилизуют. Я подошла и говорю: «А почему меня не отправляют?». Хотя ехать мне было некуда, откровенно говоря. А Лихачев, мне и говорит, что «очередь твоя не дошла». Потом прошло, наверное, дней десять, пятнадцать, и вдруг он приезжает на Виллисе, входит и говорит: «Одевайся, собирайся». Я говорю: «Куда?» — «Потом увидишь». И ушел. Я вышла, а у него был адъютант. Я говорю: «Коля, куда меня везете?» Он говорит: «Сама увидишь». Привезли меня, и стол накрыт, и комната такая большая, мы-то жили в землянках, а офицеры и командиры жили в доме. А я говорю: «А это что?» А он мне в ответ: «Это наша свадьба». Свадьбу сыграли, хоть мне тогда и мало лет было. Я опять одеваюсь, беру свою винтовку, вещи и ухожу к девочкам. Прихожу, а они мне говорят: «Ты чего пришла? Ты же замуж вышла!». А весь батальон был на свадьбе. Я говорю: «Вышла и ушла». И я неделю вот так ходила. А потом Лихачев закрыл дверь на ключик и говорит: «С сегодняшнего дня ты туда больше не пойдешь. Ты вышла замуж». Вот так у меня появилась семья.

А у мужа была большая собака, немецкая овчарка. Ее учили, и она уже понимала по-русски. Но когда мы ехали в Калинин, то собаку с собой не взяли. И тут офицеры кричат: «Михаил Сергеевич, собака бежит!». Она как бросилась к нему, так обнимала, целовала, я никогда не видела, что собака так может. Вся дрожала. Он на радостях и говорит: «Пулечка, ты будешь с нами, мы тебя никому не отдадим». И мы приехали в Калинин.

Год мы там прожили, а потом он поступил в Академию связи, мы переехали в Ленинград, и я поступила в техникум связи, потом у нас родилась дочка. А вот возвращаясь назад, когда мне прибавили эти два

года, меня поставили на колени, и я дала клятву, что с сегодняшнего дня буду 1925 года рождения, и никогда об этом никому не скажу. А потом командир корпуса попросил, чтобы я вступила в партию. Проголосовали, мне дал рекомендацию сам командир, Лихачев и начальник политотдела. А когда приехали в Ленинград, и я уже Таню родила, я только тогда сказала, и муж на меня обиделся. Я говорю: «Я клятву давала, что никому не скажу». И вот я себя разоблачила. И выбрали меня еще и секретарем. Так прожила я с этим вот столько лет, а потом мне говорили, надо менять документы. Я говорю: «А какой смысл менять? У меня же две Отечественные, у меня же все... 1925-м годом, смысла никакого нет». А потом это же был такой патриотизм, что года меня никогда не смущали, откровенно говоря.

Самое сложное было, когда погибли у нас почти все, и командир мне сказал: «Валюш, некому связь давать». И в это время Брежнев приехал, чтобы вручить награды на Малой Земле.

А мне нужно было кабель тянуть оттуда, от станции. Я тут протянула, а второго конца нету, значит, второй конец там, у моря, у моря есть станция, которая следит за немцами. Там нельзя ходить, только ползком, потому что колючки там огромные. И я туда. И когда я их стала соединять, поняла, что не получается. Я до этого слышала — надо в рот взять. А что там будет с тобой — я и не знала. Я в рот положила, а в это время командир ползет и говорит: «Я тебе изоляцию не дал!». И выхватил у меня кабель. Еще бы минуты три — смерть была бы, конечно же. Он изоляцию прокрутил, вот за это-то я и получила медаль «За отвагу». Потом меня сразу переодели, я вся была разорванная от колючек. И, когда он меня взял под руку и повел, я спросила: «Куда?». Он уклончиво ответил: «Пошли». Он меня привел прямоком на вручение наград, там и спрятаться-то негде, и солдаты кругом. А Брежнев видит — девочка. Он меня обнял и говорит: «Господи, она еще сто раз героем будет». И достал медаль «За отвагу». Нет, он мне «Отечественную» на грудь, и дырку под нее начал делать, а я расплакалась. Он спрашивает: «Что ты плачешь?». А я говорю: «Так мне новую шинель, новую гимнастерку дали». А он говорит: «Ищенко, дай ей вторую гимнастерку новую!» Это вот первый эпизод такой, довольно сложный. А так, откровенно говоря, ребята, по-моему, ну все сложно.

Когда вот связь в Кенигсберге надо было давать. У меня же катушка, и я, откровенно говоря, смелая была девочка, не такая. А там неразбериха. И катушка, и немцы, — и все я должна была контролировать, не упустить. А немец летает. Я вправо бегу, а он влево. Мне тогда Лихачев говорит: «Почему он тебя не убил?». Я ему говорю: «Кто из нас играл со мной? Он или я?». Я вправо, он пока повернется, влево, и вот я бегала-бегала, и потом, раз — и спряталась в эту яму. А так, не могу сказать, где не было трудно. На войне везде трудно было... Особенно, когда ты сам еще почти ребенок...

Мой будущий муж сказал: «Мне не нога нужна, мне человек нужен. Кроме нее, у меня никого нет»

До начала войны я работала на авиационном заводе, производящем детали для самолетов. 21 июня 1941 года у меня случился приступ аппендицита, и меня срочно положили в больницу. 22 июня, когда началась война, меня так же срочно выписали, поскольку госпиталю нужно было освобождать места для раненых. Я продолжила работать на заводе, и где-то в июле случился новый приступ. Меня снова положили в госпиталь. Оперировали сначала под местным, а затем под общим наркозом, причем общего наркоза дали столько, что потом семь часов откачивали. Наш завод в это время начал эвакуироваться из Ленинграда. Меня бы тоже эвакуировали, но я в это время была в больнице.

Поэтому я осталась в блокаде, и до июня 1942 года работала там в консультации. Блокаду просто тяжело вспоминать. Я ее пережила здесь, в Парголово. Я думаю, что все же Бог есть, что он меня сберег в эту зиму. Один раз пришлось мне с двоюродной сестрой ехать через весь Ленинград карточки отоваривать, на нынешний Московский проспект. А тогда немцы уже свои орудия поставили и по южной части города чуть ли не прямой наводкой били. Рядом с нами по улице шла супружеская пара и везла на тачке какое-то тряпье. Мы только услышали, что летит на нас, свистит. Упали, недалеко громыхнуло, мы поднялись — ни супружеской пары, ни коляски. Что с ними стало? Взрывной волной куда-то сдуло? Или убежали? Ничего непонятно. Потом стояла в очереди у магазина на Новосампсоньевской, магазин был закрыт на обед. И тут как раз налет. Все к двери магазина прижались, никто не уходит. Мне кирпичом по спине заехало — в соседний дом было прямое попадание авиабомбы и кирпичи полетели во все стороны. Однажды ехала в трамвае, Литейный мост переехали к Финляндскому вокзалу, и бомбежка началась. Трамвай остановился, и кондуктор говорит: «Если кто хочет, выходите и в убежище». А мне надо на Финляндский вокзал,

пройти осталось сто метров. Я вышла из трамвая и пошла. И надо же было такому случиться, что бомба прямо в трамвай попала! Такой же случай был с моей мамой.

Сада или огорода у нас тут не было. Но нам удалось достаточно много родственников спасти от голодной смерти. Мама работала на пятой мармеладно-шоколадной фабрике, где делали халву, мармелад, и так далее. Там в качестве сырья были очищенные семечки подсолнуха. Так мама эти семечки по горсточке в карман клала, на проходной охраннице отсыпала чуть-чуть, и та ее пропускала. Дома эти семечки пропускали через мясорубку, варили из этой кашицы суп и кормили всех родственников, кому могли помочь. Благодаря этим семечкам мы выжили. Кота нашего съели. Крапива была милое дело, вкусные щи из них были.

У нас тут в Парголово на холме была дача профессора, ее все прозвали «дача людоеда». Там жил профессор по фамилии Штернберг. Он на даче убивал людей, варил студень, и потом продавал. Его стубило то, что соседи видели, что к нему заходили люди, и не выходили. Милиция стала дом обыскивать, и в подвале нашли большое количество студня из человеческого мяса. Профессор этот при обыске покончил с собой — шприцом ввел себе яд. С тех пор этот дом прозвали «дача людоеда». Не знаю, сохранился этот дом сейчас или нет.

Меня два раза тоже чуть не съели. То есть чуть не убили на мясо. Я до войны была очень румяная, даже укус пила, чтобы побледнее быть. Я как-то раз шла к Парголово из города с работы, уже темно, и мне навстречу двое мужчин идут. Мимо меня проходят, и говорят: «На котлеты хороша». Я сначала даже не поняла, о каких котлетах они говорят и из кого эти котлеты собираются делать. Эти двое мимо прошли. Тут до меня дошло, что эти двое только что сказали. Обернулась, а они за мной! Я как припустилась бежать! Я хорошо бегала еще в школе. В первый же дом я забарабанила изо всех сил в дверь, хозяева спрашивают: «Кто там?» — «открывайте скорее!» Они дверь открыли, меня впустили, я им: «Закрывайте!». Хозяин запер дверь, и я у этих людей очень долго сидела, потому что те два злодея все никак не уходили, все крутились под окнами. Потом хозяин дома пошел меня проводить. Это был первый случай.

Второй случай был в 1942 году. Я пошла за водой к колодцу, а там очередь, народа много. Колодец у нас на горе был. Я стою в очереди с одним ведром. Мне соседи и говорят: «Нина, а что ж ты только с одним ведром в такую даль пришла?» — «Да у меня второе ведро потекло, вот и хожу с одним». Тут ко мне подходит мужчина незнакомый, и говорит: «У тебя ведро потекло? Так ты приходи ко мне, 19й дом по Выборгскому шоссе, я тебе его запаяю». Я обрадовалась, говорю: «Хорошо, сейчас принесу» — «Нет, сейчас рано, ты вечером, часов в восемь ко мне приходи с ведром» — «Хорошо, приду». Я знала этот девятнадцатый дом:

на первом этаже хозяйственный магазин, а на втором живут. Я знала жильцов со второго этажа, и спросила у этого мужика: «Где ты там живешь? Куда приходиться?» — «В подвале я живу. Туда приходи». Время подходит, я собираюсь с ведром уходить, мама меня спрашивает: «Ты куда?» — «Да я в девятнадцатый дом, ведро запаять» — «Дура. Ты что, не слышала, что там убивают?» Потом я поспрашивала людей в деревне, и действительно, такая молва в деревне была.

Вот так было. Когда после войны по телевизору или радио звучала песня «Священная война», то я сразу — в плач. Не могу слез сдерживать. Все это — блокада, война, обстрелы, ранение — все это сразу вспоминается... И плакат «Родина-мать зовет»... Так я стараюсь все это забыть, не думать об этом, но как услышу или увижу эти два символа из сорок первого года — сразу плачу. Только в последнее время полегче стало. Столько времени уже с войны прошло.

В армию я попала только в июне 1942 года, да и тогда я могла отказаться от этого. Мне пришло три повестки, и три раза мне давали отсрочку на восстановление после операции, но капитан, начальник военкомата в Парголово, мне все время говорил: «Все равно я тебя заберу. Ты такая боевая, почему бы тебе не повоевать?» Почему он назвал меня боевой? Потому что мы жили недалеко от военкомата, и как-то раз над Парголово разгорелся воздушный бой. Я встала на улице, рот разинув, и смотрела на то, как самолеты в небе бьются. Вокруг осколки летят, все по щелям попрятались, а мне же интересно посмотреть! Капитан вышел из блиндажа военкомата (они тогда уже под землей располагались), говорит: «Что ты тут стоишь? а ну давай быстро отсюда!» Я в ответ: «Так мне интересно посмотреть на бой» — «Ах, интересно посмотреть на бой? Надо бы тебя тогда на фронт отправить. Там такие смелые нужны». Я говорю ему: «Да пожалуйста, забирайте». В это время как раз шла мобилизация девушек. Военкомат прислал мне одну повестку — врач дала мне отсрочку. Вторая повестка пришла — опять отсрочку дали. Третья повестка пришла, и снова не отпустила меня врач в армию. Когда я получила последнюю повестку, я сама уже пришла в военкомат, и говорю: «Забирайте меня в армию!» — «ну вот, давно бы так!»

Сначала я попала в Сертолово, в автороту. Надо сказать, что до войны на заводе, я была очень активная в оборонных кружках, да и в техникуме до завода этим занималась, так что стреляла я хорошо и винтовку трехлинейную знала прекрасно. Значок «Ворошиловский стрелок» у меня был, ну и ГТО в придачу. Командир со всеми проводит занятия по винтовке, а мне что там делать? Я и так все знаю! Командир роты был армянин. Заместитель по политчасти отсутствовал, уехал куда-то. Командир этот меня как-то раз вызвал, начал ко мне приставать: «Почему вы на меня не обращаете внимания?» — «А почему я на вас должна обращать внимание?» Достаточно грубо ответила ему. Слово за слово, он меня рассердил, и я ему выпалила: «Я вас ненавижу». После этого

меня отправили на передовую, за грубость к командиру. Солдаты мне говорят: «Все, собирайся. Трех солдат на фронт отправляют, и тебя над ними старшей поставили». Мы отправились на фронт пешком. Я иду, и конечно, мне страшно стало — девчонка, двадцать лет всего мне исполнилось, и на фронт! Мужики говорят: «Не бойся, дочка, мы от тебя не убежим, доведем до фронта». Мы пришли на передовую, в 8-й полк НКВД, позже ставший 203-м стрелковым полком. Как раз в то время прибыло много девушек по мобилизации — и вологодских, и ленинградских, и поскольку я винтовку знала, меня поставили с ними заниматься строевой подготовкой.

После меня перевели в минометную роту. Сначала наводчицей батальонного миномета, а потом я стала командиром расчета. Звание у меня было сержант. У меня было четыре бойца — девушка-наводчица, заряжающий и два подносчика. Никакой специальной подготовки у меня не было — в 82-миллиметровом миномете только прицел сложный, а все остальное элементарно. Но если вы мне сейчас этот миномет дадите, то я ничего не вспомню — как и какой угол я определяла, как уровень... Тогда, я конечно, только все вычисления делала, и наводчица наводила миномет. Никаких особых выюков для миномета у нас не было, все просто таскали на себе. Стреляла я только по приказу, но никаких лимитов на использование боекомплекта я не помню. Траншеи были оборудованы прекрасно, миномет было вообще не видно. Поскольку я была в минометной роте, я не слышала прозвища «самоварщики», которое на фронте давали минометчикам — сами себя мы так не стали бы называть.

Одевалась я в обычную солдатскую форму, форменные юбки появились позднее. Зимой мы все были в основном в шинелях, ватников было мало. Ватных штанов не было. Ватник, ватные штаны и масхалат мне выдавали только когда я шла на нейтралку за финнами охотиться. Каску я тоже всегда носила в таких случаях. А так — простая солдатская форма: пилотка, гимнастерка.

Снабжение было хоть и скудное, но все же не как у гражданских в блокаду. Тогда просто нечего было есть, а тут в армии хоть кашу какую-то давали, потом американская колбаса была. С едой все было нормально — пшенка, «строевая», как мы ее называли. Водку я пила только когда было какое-то задание, когда страшно. А так просто себе спирт во фляжку сливала про запас.

Один раз я со своим минометом схулиганила: пришел комполка со своей девушкой, или ППЖ. Она осталась на улице, а комполка зашел ко мне в землянку, и говорит: «Я привел нового бойца, покажи ей, как минометы стреляют, ознакомь с обстановкой». Я вышла: Вера стоит, моя знакомая! Спрашиваю: «Хочешь посмотреть, как мы тут стреляем?» — «да» — «ну ладно, пошли!» Собрала я своих ребят, пошли на позицию. И тут я решила над ней подшутить. Это было в апреле, земля мокрая,

вода везде. Когда миномет стреляет, вся эта грязь и вода из-под плиты летит фонтаном. Я ей сказала встать точно в том месте, куда все это полетит, и скомандовала: «Беглый огонь!» Она не знала, что закрывать: прическу, лицо, форму. Я дала три выстрела. Она на меня заорала: «За-чем ты это сделала?» Я подумала, что от гауптвахты мне не отвертеться, но комполка мне ни слова не сказал.

Иногда стрелять приходилось много, иногда за целый день вообще не стреляли. Мой муж, когда с разведгруппой отходил от финнов, иногда просил заградительный огонь, и тогда мы много стреляли. Или когда боевое охранение просило огонь, отсечь группу финнов — тоже приходилось стрелять.

Женщинам очень тяжело в армии было. Меня часто посылали на истребление финнов, в качестве снайпера. Выдавали снайперскую винтовку с оптическим прицелом, белый масхалат, и вперед. Летом масхалаты не выдавали. Это было занятие малоприятное. Все время на передовой, все время с солдатами, даже в туалет не сходить. Весной или осенью в траншеях вода. Один раз шли по траншеям, залитым водой, и я говорю: «Давайте выползем на бруствер, и по верху поползем, а то невозможно просто! Мне еще полдня на земле лежать!». Только поползли по брустверу — кукушка! Бах, бах! Спустились обратно, в воду. Прошли немного, я думаю: «Наверное, кукушка нас потеряла уже. Давайте опять выползем!» Выползли наверх, и опять кукушка по нам бьет. Опять по колено в воде. Опять выползли наверх, и тут солдат, который за мной полз, вдруг орет мне: «Стой! не двигайся!». Я сначала не поняла, в чем дело, а потом смотрю — передо мной мины. Чуть не задела. Пришлось опять в ход сообщения спускаться и брести в воде до боевого охранения. В боевом охранении в землянке сидели солдаты из 22-го УРа. Они к нам хорошо относились, всегда пускали обсушиться, давали сухие портянки. Я там переобувалась и ползла дальше, залегала на нейтралке, и наблюдала за финнами. На обратном пути я забирала у них свои подсушенные портянки и переобувалась.

Первое время было нужно понаблюдать, когда они на завтрак идут, когда караулы разводят — узнать их распорядок дня. Иногда идет — я его каску вижу. Целюсь, выстрел, и мимо! А финн прячется, и лопатку саперную выставит из окопа — промазала, мол! А если попадешь, и не однажды такое было — никто не машет лопаткой из окопа. Тишина на той стороне. Личный счет снайпера я не вела, иногда выставляли вместе со мной наблюдателя, смотреть, попала или нет. Мне как-то не особо интересно было. Говорили, что попадала и убивала, а сколько — я сама счет не вела. Приятного мало, когда надо на нейтралке без движения несколько часов лежать. Иногда после выстрела переползала на другое место, иногда оставалась на том же месте — ведь не знаешь, заметили тебя после выстрела или нет. Может, поползешь на другое место, и тут тебя обнаружат.

ЛВО

ОРДЕНОМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
2 СТЕПЕНИ

01825

~~ОРДЕНОМ
С. П. А. В. И.
Все графы заполняются по возможности
2 СТЕПЕНИ~~

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1257/769

1. Фамилия, имя и отчество СМОРКАЛОВА Нина Арсентьевна
2. Звание младший сержант. 3. Должность, часть командир минометного расчета
208 стрелкового полка, 92 стрелковой дивизии, 28 Армии.
Представляется к ордену "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ".
4. Год рождения 1921 5. Национальность русская 6. Партийность беспартийная
7. Участие в гражданской войне, в последующих боевых действиях по защите СССР и в Отечественной войне на Ленинградском фронте с июня 1942г. по май 1943г.
(где и когда)
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Тяжело ранена в левую стопу
9. С какого времени в Красной Армии с 2 июня 1942г. по 30.10.1944 года.
17.5.43 года.
10. Каким РВК призван Парголовским РВК Ленинградской области.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За оборону Ленинграда" в 42г.
"За победу над Германией" - 1945 году.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи.

И
К
В
И
Ш
Д
О
П
Я
Л
Д
Е
Л
О
П

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. **СМОРКАЛОВА** является активным участником Великой Отечественной войны. С первых дней призвана в Армию с 6.6.1942 года непрерывно находилась на передовой линии фронта в составе **208 стр. полка, 92 стр. дивизии, 28 Армии.** Будучи наводчиком орудия и затем командиром расчета, неоднократно выполняла боевые задания командования по уничтожению живой силы и техники белофиннов в районе высоты Мертушь.

17 мая 1941 года получил задание огнем своего расчета поддерживать нашу разведку боем в районе высоты Мертушь /Карперашек/ и в результате проявленной смелости и отваги, младший сержант **СМОРКАЛОВА** боевое задание выполнила с честью и во время боя была заслана белофиннами и обсколом мины тяжело ранена в левую стопу, с раздроблением костей и повреждением голено-стопного сустава.

Ампутирована левая нога в н/з.
ВРК признана инвалидом 2-й группы.
За участие в боях и пролитую кровь при защите Социалистической Родины заслуживает награждения орденом "Отечественной войны 2 степени".

Наградной лист составлен на основании свидетельства о болезни № 2021/388, выданного 28.X.1944г. Парголовским РВК, Ленинградской области.

М. М. Мельников
Мельников /Мельников/

М. М. Мельников
1950

Командир (начальник) _____ (подпись)

Линия фронта была стабильная, и от нечего делать и наши, и финны часто кричали друг другу что-нибудь — пропаганду, или просто переругивались. Мой будущий муж был командир полковой разведки, и финны ему оралы: «Ну, Смаркалов, если ты нам попадешься, ремни на спине будем у тебя резать! Не суйся к нам!» Финны же наших в плен тоже брали, и перебежчики русские у них были... Поэтому финны знали фамилии наших командиров, и напрямую к ним обращались в своей агитации.

К политрукам у нас тогда хорошо относились. Политическая подготовка, да и все прочее — это же было наше все! Как же без этого? Надо было кому-то этим заниматься! Не было у нас такого в мыслях, что политруки в тылу отсиживаются, пока мы кровь проливают. А с особистами мне вообще не пришлось иметь дела на войне.

Однажды было такое: я вхожу в землянку комбата, а там в углу за плащ-палаткой сидела девушка, я даже не знаю, или финка или наша — вела по радиации пропаганду по-фински. Она как раз передавала свою агитацию, а я тихонько говорила с комбатом. В этот момент в землянку вошел солдат, который в карауле стоял, и говорит громко: «Ребята, пожрать мне оставили?» А ужин уже прошел! Ему все орут: «Тише!» Но поздно уже было. На следующий вечер финны нам кричат из своих окопов: «Рюсся, вы своим солдатам пожрать-то оставляйте!» Мы потом долго смеялись. Конечно, финны не все по-русски говорили, но нам кричали на нашем языке.

Однажды, незадолго до ранения, был такой эпизод, как предупреждение мне. В 6 часов утра по нам финны открыли огонь из минометов и орудий. Били по нам так сильно, поставили дымовую завесу, и от меня потребовали открыть ответный огонь. Я побежала к своему миномету, а мой миномет разобран для чистки! Побежала к другому — а там командир расчета в разведку ушел. Били по нам сильно, осколки летели рядом, и один осколок только царапнул левую ногу. Это было как будто предупреждение, что я потеряю ногу. И верно, потом ранило в эту же ногу, слава Богу, что вообще не убило, а только пятку разворотило. Это случилось 17 мая 1943 года на высоте Мертуть, когда я получила приказ подавить финские огневые точки, бьющие по нашим позициям.

Я только открыла огонь, пару мин выпустила, и тут нас накрыло. Они в нас попали, когда я командовала: «Огонь!». Среди моих солдат не было никого, кто понимал бы что-то в медицине. Жгут надо было наложить выше колена, а они наложили ниже, в результате кровотечение они не остановили. Вынесли меня на плащ-палатке до КП батальона, и пока они меня донесли, я уже в луже крови была. Дальше — больше. Вызвали для меня машину, чтобы в полковую медсанчасть везти, а ее все нет и нет. Повезли меня на повозке, запряженной лошадью, и только по пути встретилась машина. Привезли в полковую санчасть, а там комполка стоит, замкомполка. Первый вопрос командира полка:

«Задание выполнила?» Я в ответ: «Снимите жгут!» Его же можно только 45 минут держать, а он у меня был уже больше часа! Он опять: «Задание выполнила?» В результате, я потеряла сознание, и уже не помню, как жгут снимали, как рану обрабатывали. Очнулась я только в медсанбате. Так как рана была засыпана торфом (торф, в отличие от песка, из раны не вымыть), мне ампутировали ногу. Привели меня в чувство только когда надо было делать операцию по ампутации. На встречах после войны я нашему бывшему комполка напоминала об этом эпизоде — ветераны нашей дивизии часто собирались в Ленинграде. Писарь нашего полка после войны стал директором ресторана «Восток» и всех нас туда приглашал.

Наградили меня за этот бой только в 1951 году, Орденом Отечественной войны 2-й степени. После этого ранения я полтора года провела в госпиталях, мне сделали пять операций. Казалось бы, надо просто ногу отрезать и все, так нет! В полковой санчасти мне ногу ампутировали и повязку наложили. Тогда они еще по-простому делали операции, просто отрезали конечность и все. Это уже в 1944 году стали по Пирогову делать, поднимать кожу, затем культю этой же кожей оборащивать и зашивать. А тогда, в 1943 году, мне просто отрезали ступню, напихали туда тампонов и перевязали. Это все пропиталось кровью, присохло к ране, и когда мне стали в полевом госпитале все это снимать, чтобы новую повязку сделать — вы не поверите — я одному санитару рукав халата оторвала от боли, второму руку стиснула так, что остались синяки. То ли они новый тампон положили в рану, то ли старый забыли, но что-то в ране оставили. Потом меня эвакуировали в Ленинград, и оттуда через Вахруши в Киров.

До Кирова добрались только через месяц, и у меня открылся свищ. Температура. Хирург сделал операцию под местным наркозом. Я чувствовала, что он там что-то долго-долго скоблил в ране. Через какое-то время опять свищ, новая операция, уже под общим наркозом. Я у хирурга стащила свою историю болезни со стола, и прочитала, что у меня, оказывается, марля вросла в мышечные ткани, и поэтому он там так долго скоблил. Марля там уже вся сгнила. Он опять отскоблил все не до конца, и поэтому опять заражение пошло. Он меня уже в четвертый раз на операцию положил. Перед четвертой операцией приехала моя мама, и на этого хирурга страшно накричала: сколько можно мою дочь резать. Вообще, у нас в госпитале он всем по несколько раз делал операции. Поскольку моя мама там подняла шум, он вроде бы в четвертый раз удалил зараженные ткани окончательно, но малую берцовую кость не вынул. Как позже выяснилось, под наркозом во время операции я страшно ругала хирурга. Через какое-то время тот же хирург оперировал девушку, раненную в голову, у нее осколок был в мозгу. Так вместо того, чтобы осколок вытащить, этот хирург его туда в мозг вдавил, и она тут же умерла. Врач-терапевт сделала хирургу замечание, то

есть сказала: «Что Вы делаете?! Вы же ее убили!» Всего разговора между ними я не знаю, но на утро проснулись — хирурга нет, старшей сестры нет, сестры-хозяйки тоже нет. Они втроем сбежали. Оказывается, что этот хирург был вредитель, поэтому он все время мне заражение проделывал, и всех остальных тоже так ужасно оперировал.

После этого нас эвакуировали дальше в город Коминтерн. В том госпитале профессора меня посмотрели, и сказали, что нужна еще одна операция на ноге, и что больше общего наркоза давать мне нельзя. А во время общего наркоза мне смерть снилась, такая, как ее в книгах рисуют, худящая, и говорила мне: «Ты сейчас умрешь!» Я протестовала изо всех сил, просыпалась и спрашивала всех: «Я уже умерла?» Все эти общие наркозы мне сильно посадили сердце, и один профессор заметил: «Дочка, лет пять жизни эти наркозы у тебя точно отняли». Когда я в больнице и мимо меня проводят практикантов, врач им всегда говорит: «Послушайте сердце этой больной». Я настолько наркозом наглоталась за войну, что когда эфиром у зубного в семидесятые годы промывали полость рта, я сразу отключалась.

Дали на последнюю операцию спинно-мозговой наркоз, в позвоночник всадили иглу, и я перестала ноги свои чувствовать. Что стол деревянный, что ноги — на ощупь одно и то же. А операционная большая, на соседнем столе раненой девушке на бедре делают операцию. Хирург ей мясо режет, как на кухне филе свиное. Отрезал ей кусок, и так же небрежно, как на кухне кошке куски мяса на пол бросают, кинул кусок бедра этой девушки в таз. Мне аж поплохело от такого вида. Я отвернулась, и не стала больше смотреть. Перед моими ногами ширмочку поставили, и я сама не видела, что и как мне делали. Я настояла на том, чтобы вынули малую берцовую кость, чтобы была возможность ходить. Неделю после операции я должна была лежать на спине, без движения, что было достаточно сложно.

Муж мой после того, как я по ранению ушла из дивизии, два раза еще был ранен, и один раз в штрафбат угодил, за невыполнение боевого задания. Это случилось как раз, когда я лежала в полевом госпитале. Он меня навестил два раза, и на третий раз сказал только, что придет теперь нескоро. Про штрафбат не обмолвился ни словом. Сказал только, что будет сильно занят боевой подготовкой, и все. Потом мне моя подруга прислала письмо в госпиталь: «Твой Ваня там же, где его заместитель Зуев». А Зуев как раз в штрафном батальоне был. Зуев туда отправился за то, что не привел языка. Мой муж тоже туда попал за несколько неудачных поисков — один раз его разведгруппа взяла языка, но пока тащили, они его убили — приволокли, а он уже мертвый. Второй, третий раз сходили безуспешно, и все, в штрафбат. Там его ранило, и после этого он вернулся, попал в лыжный батальон. После его ранения он написал моей двоюродной сестре, та пришла к нему в медсанбат в гости. Он спросил мой адрес, и он стал почти каждый день писать мне письма.

Врет, но все равно пишет. Девчонки в госпитале надо мной даже смеялись, если мне не было письма.

Мы с мужем познакомились вскоре после того, как я на фронт попала, в июле 1942 года, наверное. Тогда командир взвода разведки был другой, и я пришла к командиру разведки то ли за данными, то ли еще за чем. Смотрю, а там уже другой командир сидит. Мне интересно стало. Потом мы с ним еще на выходе из землянки строевой части столкнулись. Я поднималась наверх, а он бежал вниз, и своим спортивным значком в темноте он поцарапал нос. Я не видела, кто это, и отругала его за это. Через несколько дней после этого случая мы познакомились в нормальной обстановке.

Поженились мы с мужем в конце войны, и пятьдесят шесть лет с ним вместе прожили. Ни одна пара фронтовиков, кого я знаю, так долго вместе не прожила. Наш комполка, Николай Авдеевич, в 1942 и в 1943 году был против фронтовой свадьбы, так что когда мой муж пришел просить нас свадьбу и отпуск на пару дней, он сказал: «Да ладно тебе, Смаркалов, ты ей поиграешься, и бросишь. А если с ней что случится, если ранит ее, то тем более бросишь». Муж ответил: «Не хотите брак регистрировать — и не надо. Так проживем». На фронте мы были в незарегистрированном браке, значит.

Когда меня ранило, муж как раз был то ли на задании, то ли тренировался с бойцами. То есть его в полку не было. Ему только вечером сказали, что меня ранили и увезли. Он сразу пошел к комполка, и говорит: «Отпустите меня, Нину в медсанбат проведать» — «Мне только что доложили, что ей ногу ампутировали» — «Ну тем более надо ее проведать» — «Нет, ты туда не пойдешь. А что, ты разве не собираешься ее бросать? Она тебе без ноги нужна?» Мой муж ответил: «Я интересуюсь не ногой, а человеком. Бросать я ее не собираюсь. У меня, кроме нее, никого нет». И сдержал свое слово. В первый раз он меня проведать в полевой госпиталь с разведчиками пришел — командиру полка сказал, что ушел с взводом на тренировку, а сам ко мне пришел со всей своей командой. Вот такой у меня муж был. Его весь полк или Ваней, или Ванечкой называл. Его и в полку все любили, и после войны все ветераны его прекрасно помнили и любили. Я нисколько не жалею, что связала с ним свою жизнь.

Все мы, девушки-фронтвички, на фронте держались вместе, да и после фронта, после войны, тоже. И долго-долго дружили, даже до последнего времени, пока все, царствие им небесное, не поумирали. Мало девушек-фронтвичек осталось сейчас в живых, из нашего полка только я осталась, да Зинаида Васильева, писарь, но она уже не ходит, все время дома сидит. Даже сейчас, когда все наши офицеры и солдаты почти поумирали, их жены, кто живы еще, до сих пор с нами дружат...

Вот такая моя история. Всего за свою жизнь один год провела на фронте и после этого полтора года в госпиталях.

Я не носила длинные волосы, но и не совсем короткие волосы были. Мы, девчонки, друг другу помогали, волосы расчесывали друг другу, заплетали. Только в Ленинграде, когда меня ранили, в госпитале, вышло постановление: если женщина раненая сама не может ухаживать за своими волосами, то тогда ее обривали наголо, чтобы насекомые не заводились. Так что в Кирове мы уже знали: если девчонку раненую привозят обстриженную, то значит, она из Ленинграда.

Как у нас можно было мыться? Зимой снегом мылись. Обтирались и мылись. Летом иногда было такое — жарко, воды нет. Так если от колеса на дороге оставалась колея или след от копыта лошади, наполненные водой, то делали так — зачерпывали ладонью, отгоняли головастиков немного, а эту коричневую воду, почти жижу пили. И не болели. Каждое утро нам обязательно выдавали кружку хвои, отвара. За весь период на фронте я была в бане только один раз. Нынешняя жизнь в этом плане, конечно, поражает — как вспоминаю, в каких условиях на фронте мы жили, спали и ели. На морозе в одной шинели были, и никто не болел. У нас была отдельная женская землянка, жили мы в ней впятером. Спали в землянках на деревянных нарах, на которые был лапник накидан. Плащ-палатка служила простыней, а накрывались шинелью. В этой связи вспоминается анекдот тех времен: «Сынок, ты что себе на фронте под себя подстилаешь?» — «Шинель, бабушка» — «А что в голову кладешь?» — «Да шинель, бабушка» — «А чем, сынок, накрываешься» — «Да шинелью, бабушка» — «А в чем ходишь?» — «Да в шинели, бабушка» — «Сынок, так сколько же у тебя шинелей?!» — «Да одна, бабушка». У нас на всю землянку была одна подушка, да и то я умудрилась ее прострелить — стала чистить винтовку, и она выстрелила — оказалась, была заряжена.

На обороне Москвы

Я, Савельева Евдокия Дмитриевна, родилась 10 марта 1925 — го года в деревне Шульгино Барвихинского района Московской области. До войны училась в школе, пошла учиться на курсы. Известие о начале войны застало меня на Арбате — я шла по Арбату, и объявляют войну. Я работала в эвакогоспитале № 2963 — Малкин у нас вел, от Москвы и до конца войны все время в этом госпитале работала. Закончила в Германии и приехала домой 26 июня 1945 года. Госпиталь находился в действующей армии, и как наши войска продвигаются вперед, мы тоже продвигаемся следом за ними, армия занимает города — мы за ними. Очень нелегко нам было в работе с тяжело ранеными, обмороженными бойцами, очень много было потрачено сил и терпенья.

Участвовала в Обороне Москвы, в освобождении территории РСФСР, в освобождении Минска, в операции «Багратион», во взятии Кенигсберга. Победа меня застала в городе Инстенбург. Утром 9 мая 1945 года я вышла на территорию госпиталя, и по радио объявляют, это было часов в 9–10 утра. «Товарищи, кончилась война!» Ух, все закричали от радости!

После войны, на гражданке, закончила курсы машинисток, и в редакции «Молодая Гвардия» я работала по хозяйственной части. Там я работала лет пять. Все время я работала в различных редакциях: «Служба быта», «Молодая Гвардия», в журнале «Театр» секретарем.

Активно участвовала и продолжаю участвовать по мере сил в Ветеранском движении. Когда я работала секретарем первичной организации Совета Ветеранов, то я имела дело напрямую с участниками войны — что нужно было по их части — я звонила им, встречалась с ними постоянно, лет 18 я проработала там, вместе с Никоновой — она была председателем, а я была секретарем. Много посещали школы, рассказывали школьникам о войне.

Радистка на секретных машинах

Я, Лимова (Коршунова) Галина Матвеевна родилась в 1923 году, 3 мая в городе Уральске. Наш город был и остается очень интересным местом. Он знал Степана Разина, Пугачева, его так же посетил известнейший русский поэт А.С.Пушкин, который собирал материалы для своих книг «Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта».

Страна была молодая, но к учебному процессу относились очень серьезно, шла от ликбезов, семилеток к среднему образованию. В городе открылось несколько средних школ. Я училась в школе номер 5Б, которая стояла на площади Пугачева. Учеба давалась мне легко, закончила ее отлично. 21 июня 1941 года был выпускной. Очень веселились, благодарили учителей. Делились планами на будущее. И никто из нас не подозревал, что завтра начнется самая кровопролитная война в истории человечества. А 22 июня... Как гром среди ясного неба, страшная новость-война. В 12 часов дня по радио выступил В. М. Молотов и сообщил всему народу, всей стране, что в 4 часа утра без объявления войны напали на нашу советскую родину немецкие фашисты. Все наши планы на будущее рухнули сразу. Два моих одноклассника Гоша Череватов и Витенька Касаткин сразу же отправились в военкомат. Витеньку взяли в армию, ему было 18, а Гошу — нет, так плакал, что просился его взять. Вскоре все ребята ушли на фронт. Да, это наше поколение со школьного порога шагнуло в огонь войны. Многие отдали свою жизнь, за Родину...

Открывались госпитали. Мы, студентки ходили ухаживать за ранеными. В городе все стало подчиняться лозунгу: «Все для фронта, все для Победы!»

Середина апреля 1942 года. Нас, комсомольцев, пригласили в театр и сообщили, что в городе открывается Московская школа-радиостанция (МШРС). Фронту нужны связистки. Сказали посоветоваться с родными и добровольно поступить в школу. Сотни девчат шли

овладеть профессией. 19 апреля 1942 года я уже была в Красной армии. Мне выдали гимнастерку, юбку, шинель, сапоги, винтовку, противогаз и перчатки. Началась военная жизнь. Учили нас моряки из Керчи. Мы стали овладевать азбукой Морзе, изучали радиостанции. В мае 1942 года радиостанцию перевелись под Москву, на станцию Перловская. Когда мы вышли дети окружили, нас и просили есть. Смотреть на это было очень тяжело. Фашисты только — только отошли от Москвы, на дорогах стояли противотанковые ежи, в небе висели дирижабли. Но Москва жила! Работали все театры и кинотеатры. Через 4 месяца мы окончили и курс обучения. Меня оставили в училище в качестве заместителя политука, в звании ефрейтора.

В 1943 году мы с Ирой Бельдекевич пошли на фронт... Вскоре мы уже были в Нижнем Новгороде, где формировалась ОДС. Я попала в число 11 радисток, которые обслуживали секретную РАТ, состоявшую из 3 машин. Система скрытности была отличной, передавали только листочки с цифрами в эфир, принимали радиограммы тоже в цифрах, не знали содержания. Я прошла Калининский, Волховский, 2 и 3 Прибалтийские фронты. Дошла до Риги. Мы радисты, особых подвигов не совершали, но обеспечивали непрерывную связь на всех фронтах! Наша радиостанция состояла из трех машин. Фашисты шли за нами по пятам; часа работали за радиостанцией, 4 часа с винтовкой охраняли, затем — отдых. Морозы, дожди, метели не влияли на нас. Так же присылали закодированные телеграммы. Это была связь фронта с штабом.

Галина Коршунова

В войну я видела горящий, пылающий Тихвин. Дошла до великих Лук. Все было разрушено фашистами... В великих Луках одни развалины, только на центральной площади был обгорелый фундамент, а рядом огромная братская могила, а чуть подальше — могила Александра Матросова. Великие Луки запомнились мне одним событием. Пожалуй, не считая победы, — самым радостным за всю войну! 1 Мая 1944. Жили мы в развалинах, в подвале банка. Слышу, кто-то кричит:

— Галя, Галя, Коршунову сюда срочно!

— К тебе брат приехал!

Я бегом навверх, чуть не споткнулась, пока бежала. И там действительно был мой брат! В Великих Луках нам давал только суп, а он нам привез хлеб, колбасу, масло — вот раздолье то было! Мы с ним пошли к братской могиле, стояли долго, склонив головы.

Тем временем фашисты отступали... На нашей Родине они несли только смерть, думали, что в Прибалтике увидим тоже самое, но были очень удивлены. Цвели сады, все дома целы. Удивляюсь, почему так было до сих пор. Хуже всего к нам относились эстонцы, бывали случаи, когда даже нападали. Рига была целая и белоснежная. Война для меня закончилась в городе Мажейкяй.

Бои в последние дни были страшные, много наших солдатиков полегло. Самое яркое воспоминание — День Победы 1945 года! Все радовались, обнимались, целовались. Все патроны до последнего выпустили в воздух!

Домой я вернулась 25 октября 1945 года. Сразу же поступила на 2 курс педагогического института. Мне было тогда 22 года. Работала преподавателем русского языка и литературы. Позже познакомилась с мужем. В 1958 году его перевели в Лозу. Во время войны здесь формировалась 256 танковая бригада. Стала заведующей культурой, занималась постройкой памятника в Сергиевом-Посаде. Для постройки памятника, камень искали даже в Новодевичьем монастыре. В 1963 году стала директором школы. Занималась активно патриотическим воспитанием молодежи. Собирали вместе с учениками материалы о героях советского союза, создали первый в городе музей боевой славы, а позже обратилась в исполком и улицы были названы именами Героев Советского союза (Шляков, Кузнецов, Матросов и другие). С мужем познакомилась в городе Уральск. На Украине воздвигли памятник Герою Советского союза, встречали нас там, как дорогих гостей, не то, что сейчас...

Будущему поколению я желаю: «Любить свою родину и если нужно, встать на ее защиту. Не хочу войны. Для меня главное, чтобы во всем мире был мир! Всю свою жизнь мое поколение посветило защите Родины. И каждый из вас, ребята, обязан сделать тоже самое, если когда-нибудь нам будет угрожать враг».

Растирали обмороженных бойцов не спиртом, а снегом

Я родилась 24 февраля 1920 года в Шаховском районе Московской области, на хуторе Щучина Сечь. Детство было тяжелое, мать умерла в 1933 году, а в семье, кроме меня, еще пятеро детей. В 1941 году закончила педагогическое училище и стала работать учительницей начальных классов в городе Истра. Когда началась война, школу закрыли и три молодые учительницы, в том числе и я, подали заявление на курсы санинструкторов, по окончании которых нас призвал в армию Истринский военкомат. Попала в 28-й артиллерийский полк 78-й стрелковой дивизии (первое формирование) на должность санинструктора.

О войне остались только путаные воспоминания, о которых расскажу кратко. Самые тяжелые бои шли под Истрой. Множество самолетов сбрасывали бомбы, весь город горел. Мы отступили к Новому Иерусалиму, потери были огромными. Под Москвой спасали своих обмороженных солдат, заносили их в помещения, растирали не спиртом, как пишут в книгах о войне, а снегом, простым снегом, потому что не было у нас его ни капли. По окончании Московской битвы была отправлена под Сталинград, в 6 гвардейскую стрелковую дивизию. Так я оказалась на дальних подступах к городу. В нашей части насчитывалось 3 пехотных полка и один артиллерийский, в который я и была направлена санинструктором.

Еще запомнились бои за освобождение Смоленска: нас осталось очень мало, долго ждали переформирования. Шли к Дону, надо

Мария Голяченко

мной — станица Вешинская, мы вечером переправились, внезапно налетел враг, начали бомбить... Потери были тяжелейшие.

Из фронтовых случаев:

«Остановились в одном вишневом садочке, чтобы пообедать. Два самолета налетели, начали стрелять, мне пришлось лечь на землю. Очень нам повезло, остались живы. Повозки были обвязаны брезентом, которые все изрешетило, а на нас не царапины...

Еще был один случай. Смотрела смерти в глаза. Небольшая речка на Дону. Мост был разрушен, нам пришлось переправляться вброд. Внезапно налетели истребители, стреляют с воздуха, ранили лошадь, раздробили повозку. Мы с товарищем в воду прыгнули, повезло нам, что уцелели. А после побежали догонять своих.

Наши остатки 28 артиллерийского полка 9 гвардейской стрелковой дивизии отправили на Южный фронт.

После реформирования нам оставили две повозки, так же сократили пехотные войска и направили освобождать в Белоруссию. Там партизан очень много было. Топи на каждом шагу. Я чуть не утонула в Белоруссии, схватилась за колесо повозки, и как-то вылезла, уже не помню, как.

Много раз я была на волоске от смерти. Шли по полю, и тут из кустов выезжает танк... Мы в траву сунулись, и долго ждали, было очень страшно. Нам повезло, он повернул обратно. До сих пор не знаю, почему нам так повезло. Сколько радости было, что нам удалось спастись, словами не передать...

Войну я закончила в Прибалтике, в городе Кенигсберг, там я встретила Победу. 9 мая 1945 года организовали прием для высшего командования, мы — санитарки, работали в обслуживании. У всех радость на лицах, а у меня — слезы на глазах. Я вспомнила, что немец творил... Два брата моих, погибли, деревню сожгли дотла, ничего не оставили. Отца чуть не убили...

Самая дорогая награда — орден Красной звезды. Я получила его за спасение тяжелораненых бойцов. Один раз спасали тяжелораненых бойцов в окружении, ночью отправились к ним. Из 5 раненых спасли только 2, остальные не дождались нашей помощи. Тех, кого спасли отправили дальше в тыл. Меня до сих пор мучает совесть, что не успели спасти остальных...

Со своим мужем, Сергеем Ильичом Ушаковым (1921–2013) познакомились после войны в Загорском районе, в который попала по распределению, он мне сразу понравился. Во время войны Сергей Ильич служил оружейником на Дальневосточном фронте, участвовал в Советско-японской войне. После перебрались из Зубачево в Хотьково и стала работать учителем истории в Хотьковской школе номер 1.

Будущему поколению желаю: Чтобы не было войны, и между народами всегда был мир!

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

39

1. Фамилия, имя и отчество Голяченко Мария Дмитриевна
2. Звание гвардии старший сержант
3. Должность, часть - санинструктор
- 28 гвардейского стрелкового Краснознаменного полка

Представляется к ордену "Красная Звезда"

4. Год рождения 1920
5. Национальность украинка
6. Партинность канд. ВКД/б/с 1944 года
7. Участие в Отечественной войне /где, когда/ - с 9.11.41г. - 17.4.42г. Зап. фр. с 10.6.42г. - 18.8.42г. Юго-Запад. фр. с 20.10.42г. - 11.1943г. Калининский фронт, с 11.1943г. Первый Прибалтийский фронт.
8. Имеет ли ранения и контузии ранений не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии с 1941 года
10. Каким ряз. призван "строительным РВК Московской области."
11. Чем ранее награжден медаль "За боевые заслуги" 2.1.1945г. приказом 029 28 гвардейского артполка.

В боях за Солдатстическую Родину с немецкими захватчиками, тов. Голяченко показала себя мужественной и храброй защитницей.

В боях под д. Маневка Смоленской области 18.8.1943г. тов. Голяченко, дежуря на НП, проявила исключительное мужество. Она под осевшим обстрелом противника приказала перенести помощь 5-ти тяжело раненым бойцам и вынесла их с поля боя.

При форсировании р. Западная Двина 27.6.44г. под бомбежкой авиации противника, тов. Голяченко, не жадя своей жизни, оказала первую помощь 4-м тяжело раненым бойцам.

В боях в районе Пржекуле Латвийской ССР с 20.2-28.2.45г. тов. Голяченко оказала первую помощь на ДМП-10 раненым бойцам.

К-больным и раненым тов. Голяченко неоднократно внимательно и заботливо, за что заслужила уважение и авторитет всего личного состава.

Тов. Голяченко достойна правительственной награды
ордена "Красная Звезда"

Командир 28 гвардейского артполка
гвардии подполковник *Марков / Марков /*

11 марта 1945г. Достояна правительственной награды ордена "Красная Звезда"
Командир артиллерийского полка *Иванов*
" 11 " марта 1945г. *И. И. Иванов*

Из Выборга в финский плен и обратно

Я родилась в Рахье. Кроме меня в семье было трое еще братьев. Средний брат участвовал в Зимней войне. После окончания войны всем военнослужащим разрешили привезти в Выборг семьи, потому что город надо было заселять. Братья и мама уехали раньше, а мы с папой прибыли сюда лишь 1 января 1941 года. Помню, как вышли на Вокзальную площадь около часу ночи, было очень холодно. Вскоре отец устроился работать в КЭЧ сторожем, нам дали комнатку в одиннадцатизэтажном доме, где жили только семьи военных. В то время мне было 16 лет, как раз той весной я закончила школу № 1.

Поскольку в нашем доме жили только военные, мы часто слышали разговоры о грядущей войне. Незадолго до ее начала к нам пришла соседка, у которой муж заведовал в госпитале аптекой, и сказала, что война скоро будет и даже назвала даты: 20, 22 июня или 3 июля. Военных к тому времени всех забрали, одели в полевую форму, многие стали отправлять из Выборга свои семьи. А куда отправляли? Может в пекло войны, ведь у нас служило немало с Украины.

Когда началась война, я тоже пошла в военкомат писать заявление, там уже стояли добровольцы. Смотрю, а дежурными работают такие же мальчишки, как и я, может, немного постарше. Эти ребята объяснили: для того, чтобы попасть на фронт, надо иметь военную специальность, и дали направление на курсы сандружинниц. Комитет Красного Креста тогда находился в «стекляшке» на нынешней набережной 40-летия Комсомола (потом в этом здании был завод детских колясок). Так я стала отлично учиться. А что мне еще было делать? Я же не работала. Правда, еще ходила копать окопы.

А тем временем из Выборга уходили военные, потом уезжали гражданские. Я видела, как поезда подавали на Рыночную площадь (раньше туда шла узкоколейка). Людей выселяли из города эшелон

за эшелонем. Стали собираться и мои родители. А я, дурочка, молодая была, побежала в военкомат, а там ведь тоже парнишки молодые, и один приписал мне пару лет в паспорт. Как раз вербовщики в медсанбат приехали, я с ними и собралась.

Пришла домой, говорю:

— Ухожу на фронт.

Мать в крик:

— Не пущу!

А дома окошко-то открыто было, вот я и выскочила. Бегом снова в военкомат, парнишке тому и говорю:

— Сейчас мои родители придут. Скандал устроят.

Он мне:

— Беги во двор, прячься в машину, а я дверь запру.

Так я и уехала, и мама меня не нашла. Я видела, как она меня искала. Бедная моя, ей плохо стало, она упала в обморок прямо во дворе военкомата. И не было ей от меня ни слуху — ни духу на протяжении трех с половиной долгих лет. Я ведь даже не писала.

Привезли меня в медсанбат, он стоял где-то около теперешнего поселка Комсомольское. В лесу землянки, палатки. Всех девчонок разобрали, а меня не берут. Я ведь еще и ростом невысокая. Начальник говорит:

— Это что? Детский сад? Завтра же — домой!

Я в слезы. Куда деваться? На ночь, спасибо, пристроили переночевать в землянке, а на утро разрешили остаться при кухне, помогать повару. Это было 2 августа. Я делала все, что скажут: в 6 утра вставала, в 12 ночи ложилась. Из вещей у меня с собой было только то, в чем убежала: туфли, юбка и кофточка. Вскоре тут же в медсанбате я приняла присягу, и мне выдали шинель, ботинки и рубаху. Все такое большущее... Моего размера у них не было. Потом кто-то из наших шоферов нашел мне в городе ботинки поменьше. Наверно, в магазине взял, ведь они уже пустые стояли.

С 22 августа наша часть стала переходить с места на место. Мы слышали, что по Хельсинкской дороге началась сильная стрельба. Все рвалось! Поэтому мы уехали в сторону, наверное, Матросово. Только разбили лагерь, а раненых у нас было очень много, как к нам прибегают:

— Быстро собирайтесь, уже все уехали, в Советском высадился десант.

Анастасия Андреева

Нам удалось добраться до Выборга, наш медсанбат расположился в городской больнице (нынешняя детская). А раненые все поступали и поступали... Ведь три дивизии попали в окружение: 43-я, 115-я и 123-я. Финны же здесь каждый уголок знали. Одна часть их армии пошла по западному берегу Ладожского озера и свернула на Зеленогорск, а вторая — к Белоострову. Третья пошла с Советского — на Приморск.

В больнице я также работала на кухне, мы готовили еду, мыли посуду — все своим чередом. 28 августа я попросила своего начальника отпустить меня домой. Вдруг, думаю, дома лежит письмо от мамы. А он отвечает, что идти уже нельзя — Выборг заминирован. Минировали наши, финны не одного снаряда на город не бросили. Зачем им город разрушать? Потом еще добавил:

— Сегодня уходим.

Вечером пошел дождь. Наши войска шли из города потоком... Финны были уже на Папуле, у мясокомбината, в Гончарово (я все названия говорю сегодняшние) — перерезаны были все дороги. Осталась одна — Средне-Выборская, та, что идет на Каменку. Так нам сказали. Войска уходили взводами, и мы влились в этот поток. Хозвзвод всегда шел в хвосте, ну и я с ними. У нас ведь еще коровы были, мне как раз досталось их гнать.

Оделась я в дорогу, как солдат Швейк: обмотки, сумка санитарная (бинтами набитая), сумка противогазная, винтовка больше меня ростом, патроны и пустая граната (молодая, повыведываться же надо было!). К гранате мне запал никто не дал, а винтовок много было. Правда, я стрелять все равно не умела, мне только один раз показали, когда винтовку выдавали. Так мы дошли до места нынешнего моста около ЖБИ, и тут пролетел самолет и стали нас бомбить. Что было! Снаряды рвутся, машины с ранеными горят. А я еще коров гнала, мне кричат:

— Спускайся вниз, пройдем кустами.

Прошли мы там, все мокрые дошли до развилки, где сейчас пост ГАИ. Стали ждать своих. Потихоньку стали подходить наши, в основном фельдшера, сестры. А как раненые шли! Вспоминать страшно. Одежды как попало: ботинки, кальсоны, шинели, у некоторых на головах полотенца завязаны. Тяжелораненых везли машины. Тех, кого нельзя было везти, оставили в госпитале. Машин-то не хватало. Мне девчонки из того отделения рассказали, они шли с нами по дороге и плакали.

После развилки снова началась бомбежка. Только соберемся в кучу, нас опять разобьют. Так и шли, как найдем дом, сразу вывешиваем тряпку с красным крестом и всех туда сводим. Все знали, что в окружении идет медсанбат. Я, правда, не видела, но мне говорили, что потом начальник нашего медсанбата и его помощник застрелились. А в плен нас девчонок из медсанбата 20 человек попало, и еще четыре врача.

В общем идем и идем, ни еды, ни воды, раненных много. Потом пошли разговоры, что как только пройдем этот огненный вал, то там

дорога будет уже свободна. Прошли, а там еще хуже: вдоль дороги разбитые машины, погибшие солдаты, трупы лошадей.

Есть по Средне-Выборгской такая большая-большая поляна. Я слышала, ее еще называют Долиной Смерти. Вот на этой поляне все мы и собрались: и люди и техника... Мы с девочками сразу стали помогать раненым. Ох, как там много людей было. Солдаты голодные, кто картошку варит, кто чего. Я там и из 115-й дивизии солдат встречала, они туда выбрались через Вуоксу. Рассказывали, что в реке у них потонула почти вся техника и пушки.

Ночью стали укладываться спать: кто где, кто в канаву, кто за фундамент. И мы легли. А потом как началась стрельба! Пули со всех сторон летят, голову не поднять. Утром 30 августа смотрим: раненых много, ходить нельзя, снайперы стреляют. И тут появился какой-то военный в черном комбинезоне и говорит:

— Кто может вставать, пойдем на прорыв!

Мы с одной девчонкой тоже встали. Военный подходит и говорит:

— Девочкам нельзя!

— А что нам, здесь оставаться?

— Ну, тогда пошли.

Так мы и пошли на прорыв. Примерно через два километра стали сильно стрелять! Не знаю откуда. Подошли к реке, солдаты туда прыгают, и меня столкнули. Вылезли все мокрые, прошли вдоль поля и зашли в лес. В лесу тишина, покой. Там с нами еще были офицеры. Только ни часов, ни карт ни у кого не было! Хотя бы посмотрели, куда идти! Один сказал, что надо снова в обход возвращаться на то место, где мы прошли. И опять мы зашли в реку. И снова такая стрельба началась!

Я поползла перевязывать раненых. Одному перевязала голову, чувствую, мне его никак не поднять, руки-ноги меня не слушаются. Видимо, пока я около него ползала, меня ранило. Одна пуля попала мне в руку, другая в плечо, третья в низ живота навывлет, четвертая — в другую руку. И тут последняя пуля попала мне в голову, вошла за левое ухо

Советская женщина-санструктор перевязывает раненного бойца. Район окружения 123-й, 43-й, 115-й стрелковых дивизий под Выборгом. Здесь попала в плен Анастасия Ивановна

Фото SA-Kuva

Трехмесячная девочка, родившаяся в финском лагере для военнопленных у советской женщины, ушедшей на фронт вместе с мужем. Муж-лейтенант погиб, а сама женщина попала в плен. Фотографию сделал майор медицинской службы финской армии Лояндер летом 1943 года

Фото SA-Kuva

и вышла через правую щеку. Ощущение такое, что мне голову осколком оторвало! Я потеряла сознание.

Когда очнулась, вижу: стоит рядом фельдшер, он мне рассказал, что меня подобрала рабочая команда. Рабочая команда, это те, кто идет после армии и подбирает оружие и раненых. Вот они меня и спасли. Грязную, мокрую, всю в крови. А еще фельдшер сказал, что если бы я попалась шюцкору, то они бы наверняка меня пристрелили.

Я лежала, и не могла поднять ни руку, не ногу, на меня наложили шины, глаз был завязан, постоянно теряла сознание. Однажды когда пришел фельдшер, я спросила:

— Где я?

— Там, где ты не ожидала быть. В Финляндии.

Я снова отключилась. Сколько лежала, не знаю. Потом слышу, пульс щупают и мужской голос говорит:

— Сейчас тебе сделаю укол.

Фельдшер был из эмигрантов. Он мне еще рассказал, что скоро меня отправят в госпиталь. Потом ко мне на осмотр пришел такой большой доктор-финн, и так весело спросил:

— Ну, девочка, комсомолочка, как дела?

Финны тогда половина по-русски говорить умели, а тем более начальство, ведь они многие в Петербурге учились. И, как доктор наказал, меня прямо с матрасом переложили на носилки и отнесли в машину. В машине кроме меня были еще русские солдаты и офицеры, человек 15, наверно. Я-то думала, что одна такая, ведь русские не сдаются. А оказалось — сдаются.

Нас привезли в финский госпиталь. На третьем и первом этажах лежали финские солдаты, на втором — русские. В каком городе не знаю. Только слышу, говорят:

— Где-то здесь женщина в тяжелом состоянии.

Потом подошла сестра, увидела меня:

— Мать моя, ты же девочка!

Меня быстро положили на стол. Я не помню, мне эта женщина-эмигрантка после рассказала, что там мне вытащили из руки пулю, наложили гипс, раны обработали, одели пижаму и положили в палату.

Сначала лежала вместе с мужчинами. Финские солдаты приходили на меня посмотреть: чудо — девчонка раненая. Конфет приносили, солдатам папирос давали. Дней через 10 поступило, наверное, еще 8 девочек из нашего медсанбата. Вскоре нас всех погрузили в эшелон и повезли. Ни хлеба, ни воды, ни судна с собой не дали. Я еще была лежачая, постоянно теряла сознание из-за большой потери крови. Всего я была в шоковом состоянии 47 дней.

Нас привезли в госпиталь для военнопленных, вот там-то ужас был. Бараки, в бараках по 5 палат, в палатах по 40 кроватей, двухэтажные нары. Ни одеяла, не белья, бумажные матрасы. Бинтов не было. Надо мной лежал мужчина с ампутированной ногой. Его возьмут на перевязку, бумажным бинтом замотают, тут же все намокает. Многие из барака умирали. А потом женщин отделили от мужчин в отдельную комнату за перегородкой. Потихоньку я стала вставать, даже могла с девчонками до туалета пройти. А так лежала целыми днями, подняться не было сил, только слышала, как иногда девчонки говорили:

— Подросток-то жива еще?

Потрогают:

— Да вроде, теплая.

В этом госпитале мы пробыли шесть месяцев. Затем нас отправили в лагерь для военнопленных в район Оулу. На берегу Ботнического залива был какой-то городок под названием Песен.

К тому времени мужчины почти все умерли. А где-то через две недели нас перевезли в местечко Паркано. Всего нас было там 178 женщин, половина — добровольческая 3-я гвардейская дивизия народного ополчения Ленинграда. В основном все молодые. Их взяли у Олонца. Только, рассказывали, разгрузились с эшелона, как финны загнали их в болото, били и колотили со всех сторон. Оставшихся в живых забрали в плен. И девчонки все были такие умные, хорошие: студентки, ленинградки, интеллигентки.

Как-то в одной из Выборгских газет я прочитала статью про финские лагеря. Там была неправда напечатана, я потом написала журналистке, что все финские лагеря были лагерями смерти. Людей умирало очень много, потому что почти не кормили. В госпитале для военнопленных была такая еда: очистки брюквы, капусты. Все сварено немывтое. Хлеба давали по совсем маленькому кусочку: утром, в обед и вечером. Конечно, мужчины, да еще раненые не выживали. Я потом прочитала, что из более чем 64 000 советских военнопленных, по финским данным, умерло более 18 000, т. е. каждый третий.

В Песене кормили вареными овсяными жмыхами. Когда я приехала, девчонки там уже шесть месяцев жили. Белья нет, все вшивые, нервные, мат на мате.

Когда перевели нас Паркано, то там тоже мужчин уже почти не было, только несколько человек туберкулезных. Барак узкий, окна на потолке, матрасов нет, голые нары. Спали — ботинки под голову, шинелишку — крутишь так и эдак.

Мы потом, когда ходили в лес работать, видели, как там много могилочек с номерами. В каждой могилке по 50 номеров. Мы же не под именами, а под номерами числились. У меня 679-й номер был. Работать мы попросились добровольно. Ведь у нас в лагере были умные девочки, врачи. Они знали, что нельзя сидеть без воздуха на нарах целый день, мышцы атрофируются, вот они и попросились. Мы должны были выносить к дороге бревна, которые заготавливали мужчины. На работе нас не били, не подгоняли: носи себе потихонечку. Девчонки были довольны, что у нас появилась возможность ходить пешком. К тому же за работу нам добавили в обед по маленькому кусочку хлеба.

Когда на фронте ситуация изменилась, финны стали относиться к пленным лучше. Чем сильнее становилась Красная армия, тем лучше становилось отношение. В 1942 году самых доходяг стали отправлять из лагерей на работу на хутора, чтоб хозяева их немножко подкормили. В Паркано мы прожили до октября 1942 года. Затем нас переправили в офицерский лагерь. Там было 2500 офицеров и с ними генерал-майор Кирпичников. Он попал в плен 1 сентября 1941 года вместе со своим штабом. Рассказывали, что он сказал так:

— Как вы в плен попали — отвечу я, а как вы вести себя будете в плену — каждый за себя.

В офицерском лагере мы пробыли недолго, начальник лагеря попросил женщин убрать, говорил, слишком они эмоциональные. Ведь большинство девчонок-то ленинградские, ученые, хорошие. Они знакомых в лагере встретили.

В конце 1942 года нас перевели в рабочий лагерь № 2, в каком городе не знаю. Там был большой барак. Там уже были постели, матрасы и подушки. Одежд не было. Можно сказать, здесь стало хорошо, одни девчонки обмундирование стирали, другие чинили в швейной мастерской. Обмундирование было почти все новое, советское, только все в крови. Меня, как слабую, в мастерскую поставили. Мы даже немножко оделись. Там мы прожили до окончания войны с Финляндией.

Один раз к нам туда приезжали власовцы агитировать. Мы-то кожа, да кости, а у них вот такие морды! Форма самая разная. Девчонки как на них понесли, так они двери быстро закрыли.

Хотя там тоже сложная история, уже перед освобождением у нас одна девчонка встретила знакомого из власовцев — на одном станке на заводе работали. Он ей стал писать. Он уже знал, что после возвращения

их расстреляют. Попросил, передать записку, рассказать, чтобы совсем плохо о них не думали. Многие из них хотели получить оружие и затем бежать к нашим. Но их не посылали на передовую, они работали на охране различных объектов. После заключения мира их из лагеря отправили первых. Везли в закрытых вагонах.

А еще однажды на Троицу в 1943 году к нам в лагерь приехал майор, начальник лагеря, он учился в России и хорошо говорил по-русски, с ним священник. В Финляндии священники, что наши политработники, тоже в форме ходили. Они нам говорят: «Скоро будет большой православный праздник, а здесь похоронено много ваших соплеменников. Мы привезем вам бумагу, елки, а вы сделайте цветы и венки».

Ах, каких красивых венков девчонки наделали! Потом все пошли на кладбище, и священник отслужил молебен об упокоении душ погибших воинов. Да, прямо о погибших воинах молились. А мы ходили среди могил и плакали. Сразу после этого случая начальника и священника убрали из лагеря, перевели, наверное, в другое место.

Помню конец войны с Финляндией. В тот день даже финны на радостях в воздух палили. Что в бараке делалось, не передать! Девчонки плакали, обнимались! Мы к тому времени уже многое знали про Ленинград. Нам финны диафильмы показывали. Придут, повесят простынь и показывают снимки блокадного Ленинграда. Холод, трупы на улицах. Девчонки смотрели и плакали. Зачем показывали — не знаю, наверно, чтоб мы не выступали, что нам в лагере плохо живется.

В 1944 году нам уже стали выдавать по три папироски в день, утром — баланду из овсянки и кусочек хлеба, в обед — суп с картошкой и два кусочка хлеба, вечером опять баланда с хлебом. Мы же уже привыкли к пайку ну и жили нормально.

Финны нам говорили:

— После освобождения вас отправят в Сибирь.

А мы в ответ:

— Сибирь тоже русская земля.

Конвоиры у нас были женщины. Они получали в лагере деньги, паек за вредность, поэтому они расстраивались:

— Вы уедете, а что мы будем делать? Куда пойдем работать?

После заключения мирного соглашения к нам приехали советские представители: майор и старший лейтенант. Перед их приездом старшая конвоирша пришла в барак и говорит:

— Уберите все тряпки с веревок и приберитесь.

Мы все намыли, убрали, сидим, ждем. Заходят. Вы представьте себе 180 женщин, у каждой из которой замерло дыхание. Тишина. Кто-то ахнул. А они нам тогда так весело и говорят:

— Так вы нас встречаете, девочки! Сейчас уйдем.

И мы сразу зашумели, заплакали, окружили их, только бы за шинель подержаться. Представители разместились в первой палате,

и стали нас потихоньку вызывать. Потом стали отправлять в Россию, сначала мужчин, а нас в последнюю очередь.

Повезли поездом, на каждой остановке кашу давали, галеты, даже чай и шоколадки.

3 ноября 1944 года нас привезли в Выборг, и финские конвоиры оставили поезд. Вот тут-то все и началось:

— А ну-ка выйди! Разговорчики! Строиться!

Чекисты на нас орут. А мы хохочем, девчонки же, радуемся!

Тогда выстроили нас всех пофамильно и так посадили обратно в вагоны. А мы-то какие дуры! Финны нам на дорогу галеты коробками давали, и шоколадки, и печенье. Мы же все там оставили, нам ничего не надо было — мы ехали домой! Вот посадили нас в вагоны, закрыли, а у тамбуров солдаты с собаками. Затем повезли к Северному поселку, там высадили:

— Строиться по четыре.

Вокруг солдаты с собаками, дождь, лужи, дошли до лагеря репатриированных, это рядом с Петровской площадью. Стоим, мерзнем, в лагерь не пускают, потому что начальник не ожидал, что привезут женщин, и место для нас было не подготовлено. В общем, ждали, пока его вызвали, пока место освободили. Наконец пустили, одежду прожарили. Пришли в барак — там тоже голые нары, без ничего. Шинельки расстелили. Кто-то лег, а кто-то стал марафет наводить, девчонки, ведь. Потом чекисты начали нас вызывать. Кормили не густо, также как финны — овсянкой: утром 600 грамм овсянки, и вечером 800 грамм. Нас там доктор проверял. Так вы знаете, почти все девчонками оказались. Вот так. Постепенно всех стали куда-то отправлять, в первую очередь врачей, медсестер.

А у меня специальности не было, меня выпустили и отправили в военкомат, там дали направление в госпиталь. В госпитале не взяли — я же бывшая военнопленная. Я снова пришла в военкомат:

— Если я преступница — сажайте, хоть крыша над головой будет.

Тогда военком мне посоветовал никому не рассказывать, что я была в плену, отметки-то в документах не было никакой. Вот я и молчала до тех пор, пока не реабилитировал нас Леонид Ильич Брежнев, земля ему пухом. Он человек военный, понимал, что такое война.

После реабилитации я пошла в военкомат, и попросила справку о том, что была в плену. А военком там такой пожилой был, он, наверное, не знал, что такое фронт:

— Иди вон отсюда! Ишь какая, три года в плену сидела на нарах, а теперь справку хочет!

А через некоторое время я встретила капитана из военкомата, он рассказал, что согласно последнему приказу бывших военнопленных приравнивали к участникам войны. Я написала запрос в КГБ, и через две недели пришла справка, на удивление положительная. Там было

указано, что я попала в плен в бессознательном состоянии, и преступлений против Родины не совершала.

Потом я написала запрос в наш Красный Крест, а мне оттуда какую-то чушь прислали. Тогда я пошла на почту, где мне помогли отправить письмо в финский Красный Крест. Из Финляндии мне прислали ответ на 9 листах, все подробно было написано, какие у меня раны, и где я была. На основании этих документов мне сразу дали инвалидность.

В общем, восстановилась во всех правах.

В 1944 году после возвращения в Выборг я написала родственникам в Рахью, что жива, здорова, руки, ноги целы, и просила помочь найти семью. К тому времени, двое моих братьев погибли на фронте. А третий был тяжело ранен под Урицком, остался инвалидом, он был уже с родителями. После получения письма Павел решил сам поехать в Выборг. Приехал, сначала отместился в военкомате. А я в то время жила в деревянном домишке на Выборгской, 1. Вот пошла я 8 марта за хлебом в булочную, смотрю, передо мной в очереди еще пять мужчин. Гляжу, один мужчина вроде знакомый: ушанка, с палочкой, рука ампутирована. Вижу, карточку подает (тогда продукты по карточкам были) — фамилия Андреев написано. У меня хватило сил выйти из магазина за ним, я его окликнула:

— Павел!

Он стоит, на меня смотрит.

— Братишка, ты что, не узнаешь? Я же Настя!

Так мы стояли и молчали, и не могли сказать друг другу ни слова. А через некоторое время ко мне приехали родители, и стали мы жить-поживать.

В Выборге я сначала работала на стройке, потом открылись вечерние курсы медсестер, я их закончила в 1948 году. И вот так с 1948 по 1998 год отработала в медицине, в основном в ЦРБ. Выучилась на рентгенлаборанта. Работу свою любила. Замуж, правда, не вышла, не взяли. Мне нравился один офицер, а я же бывшая военнопленная, такая женитьба испортила бы его карьеру. Когда стали подходить годы, а семьи все нет, я родила сына. Так что теперь у меня есть даже внуки и правнуки.

Недавно перенесла операцию, удалила камень из желчного пузыря. Не хотела, чтоб резали, да пришлось, выхода уже не было. Поэтому сейчас чувствую себя совсем неважно, питаюсь одной овсянкой. Так, что ем овсянку, и смеюсь: «Ну прямо как в молодости».

Валенки под Синявино превратились в ледяные колодки

В 1941 году я была студенткой первого курса Областного учительского института, когда началась война. Сообщение по радио, затем выступление Молотова нас потрясли, и мы бросились в свой комитет комсомола, затем в Василеостровский райком с мольбой отправить нас на фронт. В РК увидели огромную очередь таких, как мы, добровольцев. Нас записали, а затем стали решать, где каждый из нас может быть более всего полезен. Мою подружку, Зину Градобоеву (она имела до поступления в институт профессию слесаря), направили работать на завод им. Калинина, она всю блокаду проработала там и выжила. Выжила, наверное, потому что имела огромную силу воли, умела разделить свой блокадный паек на сутки. И еще потому, что как она сама рассказывала, очень чувствовала поддержку таких же, как она, рабочих. И еще потому, что когда совсем обессиленна, ее направили на Ладогу, на разгрузку транспорта, идущего с Большой Земли. Там паек был больше. Выжила Зина.

А меня направили в Василеостровское народное ополчение в санитарную роту. В здании исторического факультета университета нас стали учить санитарному делу. Надо сказать, мы не были новичками в санитарном деле, так как прошли очень хороший курс в институте на занятиях по военной подготовке. Тренировали нас до 17 июля, а 18-го наша санитарная рота была придана 277-му артиллерийско-пулеметному батальону и маршем направилась под Петергоф. С нами вместе были студенты техникума связи, студенты ЛГУ. Из студентов ЛГУ помню Шапиро, Потоцкого, Равданикаса. Равданикас запомнился потому, что по учебникам его отца-историка мы учились. Он был у нас командиром санроты.

Потом мы оказались под Разбегаево. Здесь вся санитарная рота под руководством Равданикаса училась ориентироваться на местности. Как показали дальнейшие события, эти занятия очень пригодились нам.

Первые раненые стали поступать, когда мы были под Разбегаево. Впечатление от первых раненых до сих пор, спустя 45 лет, передать не могу: это и страх, и ненависть к врагу, это жалость к страданиям раненых, это и страх перед кровью. Это было потрясение. Наша самая боевая девочка в санроте, Ира Громова (с которой мы потом были в 11-й стрелковой дивизии до конца войны), упала в обморок, увидев кровь на своих руках. Отправив первых раненых, мы долго-долго мыли руки. Мыли, мыли, а казалось, от рук все равно пахнет кровью.

Для эвакуации раненых нам дали лошадь, телегу и все необходимое. Но мы-то все были горожане, никто из нас не умел запрягать лошадь. Ребята, студенты естественного факультета ЛГУ, стали учиться запрягать. При этом уговаривали лошадь, чтобы она стояла и не лягнула их: «Миленькая, постой, вот сейчас я тебя запрягу, вот и хомут уже надеваю». При этом давали лошади кусочек хлеба. Так с трудом, всем коллективом, мы запрягли лошадь, на телегу уложили раненых. И потом плакали...

Второе памятное событие — первая встреча с немцами. Наша санрота располагалась в стороне от Разбегаево, там стояла наша походная кухня, оттуда мы получали питание и в ведрах, термосах, приносили в свою роту. В тот день мы с Машей Колесовой дежурили и утром пошли на кухню за завтраком. Ночью был сильный обстрел. Утром стихло. Шли спокойно. Обстрела не было. Подходим к дому, где во дворе стояла наша кухня. Смотрим в открытые ворота, а наш повар разливает завтрак людям в немецкой одежде... Мы тихонечко, тихонечко попятились, спрятались за ворота, а потом побежали обратно. Вернулись в роту, рассказали нашим, что мы видели немцев!

В роте заканчивали эвакуацию раненых. Разбегаево с двух концов начинало гореть, по нему била немецкая и наша артиллерия. Высоко стояло зарево пожара. Нашу санроту отвели за земляной вал, где стояли орудия 277-го артиллерийского батальона. А через два дня было приказано свернуться, взять все, что можно унести, и лесом идти в направлении Ленинграда. Мы пытались выйти на Ропшинское шоссе, но немцы по нему пустили танки и простреливали его. Мы снова скрылись в лесу. А в лесу в это время было видимо-невидимо брусники. И когда мы шли, растапывая ее, казалось, кровь разливается по зеленой траве-мураве, и лес кровавыми слезами оплакивает наш отход.

277-й артпульбат несколько дней сдерживал натиск фашистов под Разбегаево. Геройски сражались ополченцы Васильевского острова,

Евдокия Мозгалова

Евдокия Мозгалова и ее боевые товарищи

недаром под Разбегаево поставлен обелиск-памятник Василеостровскому народному ополчению.

На пути от Разбегаево к Ленинграду мы встретили части 11-й стрелковой дивизии, которая с боями отступала из Прибалтики и подбирала, включая в свой состав, остатки народного ополчения. Первыми, кого мы встретили, была санитарная часть 72-го артиллерийского полка 11-й сд, и ее старшего врача Трауберга. Он нас направил в штаб дивизии, а оттуда мы были рассредоточены по полкам. Я оказалась в 219-м стрелковом полку, вместе со своими девочками: Ирой Громовой, Мусей Колесовой, Валею Володинойой, Галей Васильевой и другими. Это было в последних числах сентября.

Организованность, порядок, который мы сразу же ощутили в 219-м сп вселили такое облегчение, что вечер и ночь мы спали, как убитые. Я проснулась от какого-то разговора. Голос довольно громкий, ироничный, спрашивал: «Это-то и есть пополнение?» Приоткрыла глаза, смотрю — стоит военный, со шпалами в петличках, весь перепопсанный ремнями, пистолет в кобуре. «Что я буду делать с этим пополнением?» Это был врач полка, Ельцин Николай Алексеевич. Потом мы подружились. И он оказался не очень строгим. Но такая была первая встреча.

Четко помню бои на подходе к Петергофу и за Петергоф. Мы, девочки-санитарные дружинницы, были на батальонных медпунктах, а некоторые из нас, бывших Василеостровских ополченцев, на полковом

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество **МОЗГАЛОВА Евдокия Павловна.**
2. Звание **Ст. сержант** 3. Должность, часть **Санструктор**
роты ПТР ОМПТД-11
- Представляется к **правительственной награде-медаль "ЗА ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ"**
4. Год рождения **1920** 5. Национальность **Русская** 6. Партийность **чл. ВКП/б/**
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) **Отечественная война Июль 1941 года.**
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне **не имеет.**
9. С какого времени в Красной Армии **Июли 1941 г.** 10. Каким РВК призван **Василеостровским РВК гор. ЛЕНИНГРАД**
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) **не награждалась**
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

С первого дня своего прихода в дивизион т. МОЗГАЛОВА уделила большое внимание воспитанию комсомольцев на предстоящие бои. Со дня вступления див-на в бой т. МОЗГАЛОВА находясь на переднем крае в беседах с комсомольцами давала им указания и жила жизнью каждого кр-ца.

Появление т. МОЗГАЛОВОЙ на передний край заставляло не только вести себя храбро в бою комсомольцев, но и беспартийных товарищей. За период боевых действий д-на комсорг приняла в свои ряды 7 человек и 3 человека передала в партию. 18.02.43, когда комсомолец т. АВДОНИН подбил танк противника т. МОЗГАЛОВА секретарь комсомольского бюро, подвиг комсомольца АВДОНИНА довела до всех комсомольцев д-на.

Находясь на переднем крае 219 СП т. МОЗГАЛОВА оказывала первую медицинскую помощь раненым бойцам и командирам за хорошую работу, смелость в боевой обстановке достойна правительственной награды-медали "ЗА ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ".

Командир (начальник) **ОМПТД-11**

КАПИТАН

Военный комиссар

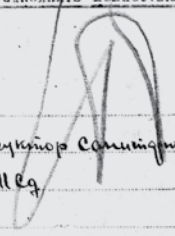
(звание)

31 марта 1943 г.

ДЛЯ ПОШЛИ В К.И.

КР. 32.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

И
К
В
И
Ш
Д
П
Я
Л
Д

1. Фамилия, имя и отчество Мозглова Евдокия Павловна
2. Звание Сержант
3. Должность, часть Инструктор Санинструктор
11 отд. санитарно-противотанкового дивизиона 116 д.
- Представляется к награде орденом "Славы 3-й степени"
4. Год рождения 1920
5. Национальность Русская
6. Партийность чл. ВКП(б) с 5.1943.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Отечественная война
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 5 июля 1942.
10. Каким РВС призван В-Островский РВК г. Ленинград
11. Чем ранее награжден (за какие отличия, медали) медали: "За боевые заслуги", "За оборону Ленинграда"
12. Последний командир

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Работая санинструктором в дивизионе тов. Мозглова, на протяжении всех боевых операций под артиллерийским и ручейно-пулеметным огнем оказывала помощь раненым бойцам.

14.01.44г. при прорыве переднего края противника тов. Мозглова, находясь на от. прямой наводки, где в район отпала два снаряда противника и было ранено 9 человек, тов. Мозглова, все раненых бойцов перевезла и эвакуировала в безопасное место.

16 февраля ср. дивизион попал под авианалётку тов. Мозглова, выкачав из укрытия, хотя еще самолеты продолжали обстрел района, бомбежки, тов. Мозглова, перевезла за этот период 12 человек. И ряд других подвигов, которые были связаны с личной жизнью Мозгловой.

За проявленную храбрость и смелость, за спасение жизни бойцов, удостоена правительственной наградой орденом "Славы 3-й степени".

Командир 11 отд. Иванов
 Уполномоченный: Иванов 1.04.44 г.
 Командир (начальник) _____ (подпись)

В: Иванов 1944 г.

медицинском пункте/ПМП/219-го стрелкового полка. Всем нам хотелось быть там, на поле боя. О событиях на передовой нам рассказывали раненые, которые оттуда ползли, шли, или которых везли на повозках. Рассказывали, что наши стоят у Английских прудов, у станции Петергоф, что Английский дворец разрушен, что остался от него только подвал, а в подвале раненые. Вот туда-то мы и пытались пробраться. Но нас, девочек, командиры гнали оттуда. Помню, как один из них, Титов, увидев нас, приподнялся из укрытия, а потом совсем выскочил; втолкнул нас в укрытие, выругал, дал солдата нам в провожатые и выпроводил с передовой. Ушли мы все-таки не пустые. Мы унесли с собой двоих раненых.

Помню маленький деревянный домик в одну комнату на краю Мартышкино (за Петергофом). Там был полковой медпункт. Сюда с передовой доставляли раненых. Какие это были раненые — не передать! Помню, притащили одного солдата с перебитым бедром. Его перебинтовали, наложили шину. У него была большая потеря крови, он был почти белый. Перевязываем его, а боли он, кажется, не чувствует и все порывается подняться, говорит, что ему надо на передовую, что его там ждут люди.

Вскоре всех девушек, находившихся в 219-ом сп, сосредоточили в полковом медицинском пункте, так называемом ПМП. Находился этот полковой походный медпункт на горе, в каком-то то ли дворце, то ли в бывшем доме отдыха. С горки хорошо был виден Кронштадт и то, как фашисты его бомбили. Поднимались гигантские фонтаны воды. Били фашисты и по нашей горке, где стоял наш ПМП. Как-то мы с Мусей Колесовой только вышли из дома на улицу, как в дом попал снаряд и полдома не стало на наших глазах. Хорошо еще, что в той половине не было раненых. Чуть позже ПМП наш перевели в другое, более безопасное место.

В начале ноября 1941 года 11-я стрелковая дивизия через Финский залив с Ораниенбаумского плацдарма переправлялась в Ленинград. Нас поместили в трюме баржи. Только мы устроились — приказ: всем, всем выйти наверх. Прошел наряд солдат — всех попросили к выходу. А наверху незабываемая картина — немецкие самолеты, огромные

**Евдокия Мозгалова верхом,
Волховский фронт**

столбы воды и какая-то тонущая баржа. Представилось, что уж вот теперь-то все — конец! Кругом вода, стоящая столбами, качает нас из стороны в сторону! А я плавать плохо умела! Все-таки до Ленинграда нас доставили благополучно. Разгрузили. Построили. Пешим строем шли через Ленинград долго-долго! Шли мимо какого-то большого завода, большим проспектом, улицами. Улицами, поразительно опустевшими. Даже холодок по спине пробежал! Когда мы шли на фронт ленинградскими улицами в июле месяце, нас провожали с музыкой. На панелях стоял народ, во всем чувствовалась жизнь. А тут какая-то пустота. Город казался опустевшим. Мы оказались в блокадном Ленинграде.

Сначала разместили нас в деревне Мурзинке, здесь много раз ходили на стрельбище за железнодорожным мостом, учились. Много раз подвергались немецким обстрелам.

Затем нас переместили на Балканы, недалеко от Колпино, тут были кирпичные заводы. В огромных печах, в которых обжигались раньше кирпичи, разместился наш полковой медицинский пункт. Наш 219-й сп, как и вся 11-я стрелковая дивизия, получил пополнение из ленинградцев, которые уже испытали на себе голодную блокаду. На Балканах плохо было с питьевой водой, хоть болот вокруг было много. Мы воду стали брать из речки. А вода, видимо, была плохой. Начались кишечно-желудочные заболевания. Причинами, видимо, были истощение, блокадный рацион, блокадный, похожий на землю, хлеб.

Особо тяжелобольных мы отправляли в МСБ (медико-санитарный батальон), менее тяжелых оставляли у себя в полковом медпункте на несколько дней. Те, что оставались у нас, в ПМП, получали лекарство, помню, это был бактериофаг, и больным рекомендовали есть меньше хлеба и соленого. Меньше! Но ведь это был блокадный паек — куда меньше-то! Есть хотелось — не передать, как! Больным тоже хотелось есть. Им тоже выдавали паек, который есть не рекомендовали. Как удержать голодных и больных людей от того, чтобы они не съели свой скудный паек?! Мы придумали. На виду у всех больных повесили полочку повыше, на нее-то и клали все пайки, подписывая, кому они принадлежат. Представьте, голодные больные люди голодают день, два, три. А у них накапливаются пайки. Мы давали им есть маленькими дозами — крохами. А давали-то что: хлеб, который рассыпался в руке, как земля, и шпроты — банку на двоих или троих. Чтобы вынести это — надо было иметь ни с чем несравнимую волю. Один из больных доводил нас, как пыткой, разговорами, что вот он умрет, а паек его кому-то достанется. Или: «Вот. Я умру, а паек вам достанется, потому вы его мне не даете». Шутил ли он так зло или голод становился ему невоготу — не знаю. В конце концов, он нас «допек». Мы отдали ему паек под честное слово, что он его есть не будет. Он его съел. А утром умер. А когда мы проверяли его документы перед захоронением, у него на груди (в документах) оказался орден Красного Знамени за финскую войну. Видимо,

он был мужественным и храбрым воином в бою, но голод перенести — тоже нужно было иметь не меньше мужества.

Подразделения 219-го полка были направлены на передовую недалеко от Колпино. Нас посылали в роты, чтобы на месте выявить желудочно-кишечных больных. И что же мы видели? Подойдешь к бойцу, он стоит, прислонившись к брустверу. Рядом винтовка. Заговариваешь с ним — молчит. Толкнешь — он падает. Оказывается, не каждый, за болев, шел в медчасть. Так, с винтовкой в руках, не покидая поста, блокадные ленинградцы умирали! Умирали стоя!

В январе 1942 года 11-ю стрелковую дивизию передали в состав 54-й армии и переправили через Ладожское озеро на Большую землю.

54-я армия вела бои по прорыву блокады Ленинграда с Волховского направления на Любань. 11-я сд с марша вводилась в бои за станцию и деревню Погостье. Под Погостьем мы наступали! Мы видели фашистов и пленными, и ранеными, и убитыми. Русский человек не мстительный по натуре, а вот там, там под Погостьем, вид немецких пленников, убитых вливал силы и веру в Победу. Мы наступаем! К тому же в изумление приводил вид пленных немцев: дрожавших в тонких шинелях, в холодных кепи, поверх которых на головах у многих было накручено какое-то барахло. И их огромные, плетеные из соломы то ли лапти, то ли сапоги.

Под Погостьем наш полковой медицинский пункт 219-го сп разместился в лесочке. Разбили палатку. Откуда-то из-за насыпи или горки везли нам раненых. Раненых было много. Бой шел где-то недалеко. Местность простреливалась, рядом разрывались немецкие снаряды. Наша палатка ПМП была небольшой. В середине столб, рядом железная печурка. Раненые, конечно, в палатку все не вмещались. Мы встречали раненых у палатки, сортировали: кого сразу на машину и в МСБ, кому требовалось обогреться — в палатку. А многим-многим требовалась срочная помощь. Принимали раненых всех, а не только нашей 11-й дивизии. Внимательно следили, чтобы у тяжелораненого были при себе документы. Старались покормить. А если раненый отказывался есть, то настаивали, чтоб хоть кусочек сахара взял бы в рот, глоток кипяточка проглотил.

Работали, дежурили и день, и ночь. Порой просто валились с ног. Тех, кто не выдерживал, отправляли в землянку отдыхать. Что значит отдыхать? Землянка маленькая, но с накатом. Не отапливалась, вход закрывала плащпалатка, нары, то есть возвышение из земли, покрытое прутьями, лапником и плащпалаткой сверху. Спали во всем обмундировании, конечно, не раздеваясь. И в шапках, чтобы голова не примерзла к земляной стенке. Тесно прижимались друг к другу для тепла. И такой отдых был отдыхом, но казался он мгновением. Только, кажется, уснула, а уже будят. Проснешься — земля дрожит от разрывов снарядов. А когда спала — не слышала.

Раненые поступали и днем, и ночью. Особенно сложно было ночью. Темно. Освещением служила лампа-коптилка. Закрепить, повесить ее было нельзя: во время обстрела все дрожало вокруг. Лампа могла упасть и... пожар! Все могли погибнуть — сгореть вместе с ранеными под упавшей палаткой. Поэтому кто-то из нас должен был эту лампу держать в руках, стоя в середине, чтоб площадь освещения была больше, и если необходимо было, можно было бы поднести свет ближе к раненому, особенно если перевязка сложная, при ранениях в грудь, в легкое, в ноги. Стоять с лампой никому не хотелось. Это считалось наказанием. Врачи и наш фельдшер Яша Иванов это наказание придумывали: нерасторопно перевязали раненого или задержались при погрузке в машину, не подготовили или неловко подали перевязочный материал — стой с лампой! Стоим. Руки, ноги немеют. Счастье, когда сменят!

Под Погостьем к нам в ПМП часто привозил с передовой раненых пожилой (так мне казалось) мужчина. Привозил он, как правило, тяжелораненых на волокушах. Привезет, молча сгрузит, молча посидит на освободившихся волокушах за углом палатки, и, ни слова не сказав, уходит. И так каждый день. И однажды он так же притащил на волокушах раненого, перенес его в палатку, а потом долго-долго, как-то необычно для него, сидел. Сидел как-то отрешенно-задумчиво. А я в то время была почему-то на улице. Наблюдаю за ним, показалось, что ему плохо. Подошла, что-то спросила. А он ответил: «Вот сядь, посмотри. Война идет, люди умирают, а лес живет. Вон этот лес — зеленый, а рядом снег с голубизной, а вон там лес опаленный, черный, и черная земля поверх снега. Сколько переходов, красок, тонов...» И кто бы вы думали этот человек, каждодневно притаскивавший на волокушах раненых? Художник Зайцев. После войны он был ректором Ленинградской Академии художеств. После войны у меня с ним произошла встреча. Была выставка работ студентов Академии. Я часто посещаю эти выставки. Они мне очень нравятся какой-то свежестью, новизной. В этот день вел экскурсию человек, чем-то привлечший мое внимание, как будто бы знакомый. Я остановилась, обернулась. И он остановился, перестал объяснять и молча смотрел на меня. А студенты с недоумением смотрели на нас. Потом он повернулся к группе, продолжая экскурсию. И когда закончил, то направился ко мне. Я замерла. Никак не могла сообразить, кто этот человек? А когда он шел ко мне, его кто-то назвал по фамилии: «Зайцев». И я сразу вспомнила Погостье, картину фронтового леса.

В марте 1942 года по приказу из дивизии со всех полков девушек-санструкторов откомандировали в МСБ, но они недолго задержались там, вскоре опять ушли в свои полки. А меня избрали секретарем комсомольской организации МСБ. Я задержалась. Когда дивизия вела бои, а раненых было много, приходилось заниматься всем. Чаще всего работала вместе с Васей Макаровым, прозвали мы его Теркиным, на автоклаве, готовила материал, мыла инструменты, стирала бинты,

перематывала их, готовила, вместе со всеми, перевязочный материал. А летом 1942 года, когда дивизия была отведена на пополнение, вызвали меня в политотдел дивизии и сказали: «Нужно, обязательно нужно организовать самодеятельность с тем, чтобы с ней побывать по всем подразделениям дивизии».

Ну, какие мы артисты? На что мы способны? Война второй год, все, что знали, кажется, забыли! Правда, сразу же к этому делу подключился наш дивизионный завклубом Питирим Михайлович Логинов, а позже доктор Богуславский, который очень хорошо играл на аккордеоне. Выдали нам по куску материи. Из нее мы сшили юбки. Из марли, старых маскировочных халатов — кофты, детали костюмов. Составили программу концертов: танцы, песни, декламация. Танца было два: вальс «Дунайские волны» (это потому что перед этим нам показали фильм-концерт, где был танец «Дунайские волны»), и «казачок». Наши медсанбатовские парни-фельдшера не хотели с нами плясать такой детский танец, как «казачок», поэтому пришлось нам, девочкам, переодеваться в парней. В танце «Дунайские волны» танцевали многие: Оксана Ганичева, Миша Шкурко, Вася Матуш, Аня Петрова, Аня Солодухина, Муся Кильвисте, Галя Мэри и все, кто хотел, кого можно было уговорить стать «артистом». Охотнее шли декламировать, петь. С такой «самодеятельностью» ходили мы по батальонам, полкам. Приедем, для нас две машины с откинутыми бортами сдвинут — это наша сцена.

«Казачка» станцуем, «русского» спляшем, что-то споем, продекламируем. И пользовались успехом! И, конечно, было много казусов, смеха и слез. Все это в перерыве между боями. А много ли было таких перерывов? В самом конце декабря 1942 года вызвали меня к начальнику политотдела Векслярскому. Он сказал: «Рекомендуем тебя комсоргом в противотанковый дивизион. Дивизион только что образуется. Его командиром будет капитан Хачиров, начальником штаба лейтенант Ромашов Алексей Герасимович, заместителем по политчасти капитан Шишлов».

В голову не пришло отказаться. Но зато, помню, спросила: «А что я там буду делать? Ведь в медсанбате я была и комсоргом и сандружинницей-санитаркой. А что я буду делать в противотанковом дивизионе?» Мне объяснили, что и сама, и все комсомольцы должны освоить технику и как можно быстрее, как можно лучше. Сама я должна быть командиром отделения роты противотанковых ружей. Но основная моя работа — быть комсомольским вожаком. Так, под новый, 1943 год, я стала комсоргом 11-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона в составе 11-й сд. Это было самое тяжелое для меня время войны. В период затишья орудия дивизиона использовались на прямой наводке, а это значит, что батареи были рассредоточены. Роту противотанковых ружей придавали другим подразделениям дивизии. Трудно было связываться с раскиданными расчетами.

Так, ранней весной 1944 года, мы стояли на прямой наводке. Орудия батарей замаскированы, а чтоб подойти к ним, надо преодолеть поле, которое весной превратилось в болото. Приходилось перебежками передвигаться, по колено в полной воде. А если заметят фрицы — начнут прицельно бить — надо ложиться в воду. Приползешь на батарею — нитки сухой на тебе нет. Но зато принесешь письма, газеты. Сама придешь — радость ребятам! И еще мы приносили им сухие дрова. Ребята окопались. Соорудили землянки. В землянках — железные печурки. Но топить можно было только днем. Ночью летят искры: мог заметить фриц. Днем нужно было топить так, чтоб дыма не видно было! Вот мы и таскали им сухие дрова.

Был такой случай под Синявино. Мы стояли на прямой наводке. Нас долго не меняли. Стояла ленинградская зима: то оттепель, то мороз. Валенки наши превратились в ледяные колодки. Нога как в колодку забита. Удивительно, но мы не болели. В штабе дивизиона о нашем положении знали. И как-то ночью к нам приполз начальник штаба Ромашов с солдатом. Они притащили нам новые валенки. Но ног из своих колодок-валенков мы вытащить не могли. Пришлось нам старый валенок разрезать сверху вниз, ногу освободить и переобуться! Ромашов и сам не раз попадал в такие переделки. После войны все это сказалось на его здоровье. У него болели ноги. Кровь не проходила к конечностям.

Хочется еще рассказать о наших «боевых листках», о рукописных фронтовых газетах. Любили их в подразделениях 11-го ОИПТД. Тем они были хороши и потому нравились, что писали в них о конкретных делах, о конкретных людях. Сдавали их в политотдел дивизии. Ребята знали, что их в политотдел сдают. И как-то совпадало, что когда награждали кого-то, то это совпадало с материалом «боевых листов». Любили мы и нашу дивизионную газету «Красное Знамя». К нам в дивизион часто приходил корреспондент «Красного Знамени». Борис Тяпкин. Он помогал и «боевой листок» оформить, обязательно прочитывал наши «листки», делал замечания, давал советы.

В 1945 году я заболела, и меня откомандировали для работы в политотдел дивизии, в отдел партийного учета, где я и встретила конец войны.

За чертой милосердия. Партизанская война в Карелии

С февраля 1942 года на Севере было сформировано три партизанских отряда: «Полярник», «Сталинец» и «Большевик». Народ в них был набран пестрый: треть составляли милицейские работники, треть — партработники, инженеры, директора, еще треть набирали из заключенных. Каждый был не промах. Со стерженьком. Все было засекречено. Меня, восемнадцатилетнюю, вызвали из больницы, где я работала, в райком партии: «Воевать желаете?» — «Конечно!»

В партизанские лагеря, в тыл Карельского фронта, отправлялись от Красной пристани, переезжали на левый берег, где находился тогда железнодорожный вокзал, потом в «телятниках» — теплушках ехали до станции Сегежа.

К партизанскому делу готовили серьезно, без поблажек. Предстояло ходить в рейды за линию фронта в разведку и для совершения диверсионных актов. Подрывное дело, хождение по азимуту, стрельба из автомата, винтовки, пулемета и пистолета были в программе обучения. Через месяц учебы — пешие походы без груза. Потом из плащ-палаток пошили вещмешки. Стандартная нагрузка на плечах партизана — 45 килограмм. Для мужиков и девушек одинаковая. Взялся — тащи.

После принятия присяги прибыли на погранзаставу Слюда, что в Северной Карелии. Здесь была партизанская база — деревянные бараки и землянки. Все вместе называлось гулко и раскатисто: Шумигородок.

Обмундирование и экипировка партизана — фуфайка, ватные штаны, валенки, белые маскхалаты. Оружие — трехлинейные винтовки царских времен, пистолеты ТТ (у офицеров и девушек), гранаты. Были еще термитные шары, предназначенные для поджога объектов.

Походный паек — сто граммов сухарей в день, чайная ложка сахарного песка, 30 граммов сала, каша и гороховый суп в концентратах.

Неприкосновенный запас — три банки 400-граммовых мясных консервов. Три коробки спичек. Пачка махорки (командирам выдавался легкий табак). Сухари перед выходом в рейд толкли в пыль, чтобы плотнее уложить вещмешок. На базе в Шуми-городке били оленей. Один раз даже добыли медведя. А так... плохое было у нас питание. Да и есть по-фронтовому, разумно, с прикидкой на завтрашний день, мы еще не умели. Все сожрали за неделю. Никто из нас войны и не нюхал — сплошь гражданский люд был. Вышли на лыжню, и она показалась нам дорожкой в ад...

Уходили вглубь финской территории на 200 км, а то и дальше. На марше шли по 18 часов. Вольготничать с отдыхом — непозволительная роскошь. Ведь все свои ресурсы — боеприпасы и продукты — несем в вещмешках, поэтому любая задержка чревата голодухой. Все взято в обрез, без запаса. И так спина трещит...

Шли молча. Впереди — три разведчика. С боков — боевое охранение. Приказания и новости передавали по цепочке. Выходить из строя было нельзя ни под каким предлогом. Даже по малой нужде. Поэтому припрет — на ходу под себя... У нас, девчонок, у всех был цистит. Ни бюстгалтеров, ни трусов мы не носили — не было. Времени подумать о себе не было! Что там говорить, к концу рейда от партизанского духу, наверное, все медведи с пути разбегались...

Отдых — каждые сорок минут. Привала ждали, как манны небесной. Найдешь кочку — сядешь, а мешок — на пень. Передышка — 10 минут. Мешок потом подымаешь с натугой, с колен, проклиная эту войну про себя. И никогда — вслух.

Курили в шапку. В туалет ходили под охраной. Костры жгли, когда находились далеко от противника, ведь дым в лесу можно почуять почти за километр.

На ночевку забирались в ельник погуще. Укладывались рядком на хвою, укутываясь плащ-палатками. Я обычно заваливалась на бок дядьке потолще — так-то теплее, кости не греют! Мужчины относились к нам, как к дочкам. Никакой похабщины и намеков. Вся инициатива могла исходить только от нас. А мы были нравов строгих — в морду без разговоров. Но мат-перемат был обычным партизанским наречием. Ухо не резало.

У меня была подруга Галка из той же горбольницы. Мы с ней договорились держаться вместе. В бой — вместе, погибнуть — вместе, и если уж полюбить — так тоже — вместе! Честь мы свою — ого! — берегли... Немало кому по роже настучали: не лезь, кобелина!

Ели из одного солдатского котелка вчетвером. Воду добывали из снега. Мужики обычно ели очень быстро. Я и сама с тех пор ем так споро: раз-раз-раз и — дно показалось! Если кто-то съедал свои запасы раньше времени, того наказывали. Могли и расстрелять в назидание. Но с такими голодаями люди все равно как-то делились. Иначе человек

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Зелянина Нина Грегоровна
2. Звание Младший лейтенант 3. Должность, часть Самодельный район
Самодельный район Восточного сектора - стрелкового батальона 720 стр.
Сарко-Сейрельской Крайово-Кавенской Гривади.
- Представляется к Ордену Ленина
4. Год рождения 1923 5. Национальность Русская 6. Партийность Кандидат ВКП(б)
с 1948
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Карельский фронт с 1941 по 1942. Член Украинского Фронта с 1942.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне С 01.04.42. тяжелые ранения Карон Фронт.
9. С какого времени в Красной Армии с декабря 1941. 10. Каким РВК призван Белужский РВК Архангельский Область
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Исключ. партизана Восточный фронт. Истин. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР № 07/11 от 2.11.43.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

И
К
В
И
Ш
Д
О
П
Я
Л
Д

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В бою 27.11.42. Младший лейтенант Зелянина командовала ротой в составе с возгласами "Ура" тем самым, увлекала личный состав роты и отчаянно дралась. Силой и духом была Зелянина отличалась от других. В этот день т. Зелянина была ранена в спину в бою на Ушине, а продолжала оказывать помощь и эвакуацию из сплота в вместе с ее оружием. В этот же день т. Зелянина вместе со сплота в бою около 40. ушла из боя и отступила.

В бою 2/11.42. был тяжело ранен командир артиллерийской роты т. Зелянина под командованием отряда артиллерийской роты т. Зелянина.

Всего за период наступательных боев с 24/11 по 6/11.42. т. Зелянина отличилась сплота в бою ушла из боя 20.10.42. Дослужилась на высшей степени вождя Орденом

"Кавалер"

15. Октября 1945

Полковник начальник ГОСБ Искитенский (звание)

Рядовой

II. Заключение вышестоящих начальников

16 октября 1945 г. Директор штаба 126-го ордена "Ленина" полковника

21. Директор штаба 126-го ордена "Ленина" полковника

III. Заключение Военного Совета Армии

Достоин правительственной награды ордена "ЛЕНИНА"

Командир 126-го Легкого Горно-Стрелкового Краснознаменного Корпуса Генерал-майор БОЛОВЬЕВ

Командующий Армией (звание) Член Военного Совета (звание) Начальник штаба (звание)

IV. Заключение Военного Совета фронта (округа)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ

Достоин награждения орд. Красное Знамя

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 18 АРМИИ ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ /ТАСТИЛОВИ/ ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА 18 АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР /КОЛОДИН/

Командующий (звание) Член Военного Совета (звание)

V. Заключение наградной комиссии НКО

Председатель

- Члены 1. 2. 3.

VI. Отметка о награждении

Приказом Войскам 18 армии от 27. 5. 1945 г. № 0265/АИП ИДЕН... И. Я. Зинченко

упадет на тропе и не сможет идти. Для него это — верная смерть, а для отряда — опасность... От недоедания на морозе околевали насмерть. Легко это... Наказывалось и обморожение. Это расценивалось как предательство, пособничество врагу.

Помню первое задание: проникнуть группами по пятнадцать человек на железную дорогу и устроить финнам сюрприз на Рождество. Сплошной линии фронта не было. Некое нейтральное пространство просматривала авиация, да пограничники там патруляли.

Мы все сделали не так, допустив элементарные ошибки, и за это жестоко поплатились. Шли медленно, часто плутали, вязли в снегу, ждали отставших. Теряли людей насмерть замерзшими. Воды не было — сосали снег. Так не напьешься никогда, нужна талая вода. До объекта диверсии мы так и не дошли: нас осталось только семеро... Назад возвращались по старой лыжне, его делать категорически нельзя — там может быть засада или минное поле. Беспечность в тылу врага наказывается страшно.

Нас нагнал ординарец командира отряда Мишка Боровой: «Видел пропавшую группу Цветкова из семнадцати человек. Финны всех накрыли на привале. Восемь убиты, двое на болоте валяются, остальные неведомо где. Лица убитых изувечены, руки связаны. Трупы сложены клеткой и внутрь брошен вещмешок...»

В этом мешке оказались два килограмма сахарной крошки, промокшей насквозь от крови. Это хлебно-коровое месиво я по ложке выдавала потом раненым ребятам. С едой тогда было очень туго. И было совсем не до сантиментов и брезгливости. Жуй, что дают...

За чертой милосердия

Один боец по фамилии Иванов, жестянщик с Иакогорки, подорвался на противопехотной mine, получив тяжелое ранение. Сошли со старой лыжни. Раненый кричит от боли: «Добейте!» Комиссар отряда вызывает меня: «Скажи как медик — Иванов дотянет до базы?» — «Впереди еще 50 км пути. Не выживет...» Это был приговор. Решили добить из винтовки с прибором для бесшумной стрельбы, «Брамит» или «Гек», кажется. Застрелили в голову и зарыли тело в снегу. Этот эпизод был настолько потрясающ по психологическим последствиям, что впредь всех раненых во вражеском тылу партизаны несли до последнего. Это кто же пойдет бить врага, не надеясь на товарищей? Приказ о том, что нельзя возвращаться, не выполнив задание, отменили. Именно из-за него тяжелораненые были обречены в диверсионном рейде на смерть...

Ослабших решили оставить дожидаться подмоги в шалаше. На ночь уселись вокруг большой елки. Морозище! Уснешь — умрешь. Вдруг под утро — выстрел! Как потом выяснилось, стреляла женщина-политрук из отряда «Полярник». Им дали пополнение из ташкентских ребят.

Многие сразу погибли от холода. Один из них решил сбежать к финнам. Политрук бросилась в погоню. И поймала. Его потом расстреляли перед строем. Нам она тогда оставила фляжку с водкой и сухари. До базы оставалось 18 верст. А ослабшие люди в шалаше ночь не пережили...

В первом нашем походе погибла половина личного состава отряда. Ущерб врагу — ноль. В бригаде Григорьева из шестисот человек после одного из рейдов осталось только сто партизан. Это честно, без прикрас описано в повести Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия». Да, наша, партизанская война проходила так. По-иному, наверное, и быть не могло...

Кадры у нас в отряде были еще те! В пополнение присылали заключенных-уголовников со сроками от 15 до 20 лет, со множеством судимостей. Был у нас одесский бандит Гай, в прошлом — глава шайки, страшный человек с ужасно тяжелым взглядом. Говорили, что он за проигрыш в карты сделал себе татуировку на половом члене. Ну, чего еще объяснять... Но партизанили эски хорошо, без нареканий.

Был в «Полярнике» еще один боец из заключенных — Яровой. Он на привале незаметно вынул затворы из оружия, стоявшего в пирамидах, и бросил в людей у костра гранату. Трое погибли на месте, а Яровой успел метнуться в лес, решив перебежать к финнам — шоссе было всего в трех километрах от привала. Финны его убили — с нами они не вошлись, шпокали без разговоров.

Однажды получили задание освободить пленных в одном финском селе. Когда мы туда пришли, выяснилось, что их уже увезли в другое место. Мы перебили гарнизон, в сопротивлении которому помогало местное население. Помню, там была девочка лет десяти. Она уже умела разбирать и собирать автомат. Даже дети воевали с нами! Разве мы могли ее там оставить? Увели девочку на советскую территорию. Судьбу ее я не знаю. Жестоко? Вам не понять того времени. Пушистых котят чаще ели, чем ласкали... Не надо с позиций современности оценивать былое. Это тоже непозволительная жестокость по отношению к нам. Ведь у нас не было выбора...

В походе я прокладывала лыжню наравне с мужчинами. Пулеметчик Жарков изнемог и упал. Я его пнула от души, изругала вдоль и поперек фамильного древа, потом схватила его ручной пулемет и потащила. Зачем я это сделала — не знаю. Об этом эпизоде не вспомнила бы, если б на одной из партизанских встреч ветеранов 90-летний пулеметчик не напомнил о ней. Лет двадцать мы вообще о своей партизанщине не вспоминали. О чем вспоминать? О ранах, полных вшей?

В походах радисты жили отдельно от группы. С остальными общались неохотно. Служба у них такая... Они знали то, что положено знать только командирам. Однажды радистов Ивана Костромина и Лиду Рындицу выбросили в тыл на парашютах. Ваню убили, а Лиду взяли в плен. Шифр она сумела спрятать. Когда наши ее освободили, ей

Тренировочные выходы отряда «Полярник». Публикуются впервые

Тренировочные выходы отряда «Полярник». Публикуются впервые

светила тюрьма. Но сохраненный шифр доказал ее невиновность — она никого не выдала и не предала. Тогда это решало: жить человеку или умереть.

У меня всегда была с собой фляжка с водкой. У мужиков такое богатство, конечно, не задерживалось. Чаше всего у них в ход шли легендарные «жми-дави» — железные банки с парафином, пропитанным древесным спиртом. Каждому выдавали по пять банок для бездымного подогрева пищи. Парафин отжимали через тряпку, получая с банки по сто грамм мутной жидкости. Омерзительный вкус скрашивали томатным соком. Учить ли русских мужиков извлекать минимум удовольствия из максимума дряни?

Могил у партизан не было. Людей оставляли на поле боя.

Награждали партизан скупо. Станный был у нас род войск. По задачам — диверсанты. По обличью — партизаны...

Один раз мне так не хотелось отправляться в рейд! Хотелось заболеть, простудиться... Вышли с Галкой из землянки, подняли подолы гимнастерок и так стояли, пока не замерзли... Но — даже кашля не было. В том рейде у Наруски-йоки тяжело ранило политрука Сажина. Я полезла вытаскивать его с нейтралки. Досталось и мне — ранило в голову. Галя поползла меня вытаскивать — и ее срезало пулеметной очередью наповал. Пришла в себя — с головы течет. Думала, что пот оказалось — кровь! Сажин кричит: «Помогите!» Доползла, растянула палатку, и тут — граната. Сажина насмерть, меня контузило. Очнулась в тишине и услышала русскую речь. Это Миша Федоров прикрывал отход группы. Услыхал меня, вытащил, надел мне лыжи и поставил на лыжню. Встретила Борьку Мутовкина, минера родом с Повракулки — он-то меня кое-как и перемотал, чтобы я кровью не изошла. До балы было сто километров перехода. Не знаю, откуда у меня взялись силы. Но до Шуми-Городка я дошла и так потеряла сознание...

На лыжах надо было уметь ходить, а с сопок на них — летать. Финны от природы и с младых ногтей — умелые лыжники. Они создавали для борьбы с нами спецотряды и контрольную полосу. Если заметят на ней нашу лыжню, плохо замеченную крайними в колонне бойцами, то обязательно начнут преследовать. Не отцепятся и будут гнать, как псы — добычу. Летом и осенью запутать следы было все же полегче. Но беда, если тебя обнаружат. Шансов спастись — практически ноль.

Лесной бой, он как охота: тихо-тихо, мирно-мирно, птички поют, да вдруг — тра-та-та, бабах — и ваших нет. Партизанская война, вообще-то тихая: два-три часа боя и все дела. Остальное — неделями ножками-ножками и все таясь, скрываясь, втихомолочку, сжав всю терпелку в кулаках. И мы терпели, как могли. До самой Победы.

Мы не верили в Бога. Пусть он нас простит за то, что мы не знали о Нем. Приходя в церковь, я не молюсь. Просто ставлю свечки и прошу прощения. Там обо мне и так все знают. К чему слова?

Джан, спасибо! Русский — якши, киргиз — якши, а герман проклятый — зверь!

Перед войной я работала участковым врачом, мне было 27 лет. После призыва в армию в августе 1941 года я была направлена в 94-й медсанбат, который был развернут на севере Эстонии, и сразу же встала к операционному столу. Сначала не было опыта, не все ладилось, не раз плакала — не от тяжелой фронтовой обстановки, а от того, что не все умела делать. Но опыт и умение приобретались с помощью старших товарищей. Очень тяжелая обстановка была во время боев при отступлении из Прибалтики в сторону Ленинграда. Медсанбат следовал за дивизией. Располагались кратковременно как в зданиях, так и в палатках. Раненые, даже самые тяжелые, после операции сразу же погружались в машины и отправлялись в тыл. Затем дивизия и 94-й ОМСБ были передислоцированы в Ленинград. Ленинград беспрерывно обстреливался. В здание, где мы жили, попал снаряд. Он разорвался в комнате, где девушки готовили перевязочный материал. Погибло сразу 14 человек. В основном это были девушки из Прибалтики, которые ушли с нами при отступлении. Помню двух красивых подружек — Веру Мухину и Галю Милехину. Вместе с другими они выполняли тяжелую работу санитарок: ухаживали за ранеными, кормили их и помогали при перевязках. И вот этих девушек не стало.

Наступили тяжелые дни блокады. Не стало слышно смеха, песен. Приходилось оказывать помощь не только раненым, но и больным, страдающим от голода и холода.

В начале января 1942 года по «Дороге жизни» наш 94-й ОМСБ вместе с другими частями дивизии был передислоцирован на Волховский фронт в район станции Погостье. Здесь были очень тяжелые наступательные бои.

Медицинские работники после блокады переболели цингой: распухали суставы, повышалась температура, но работы было много

и приходилось справляться с болезнью на ногах, до сих пор помню раненого молодого солдата, мальчика лет 18-ти. Здоровой рукой он держал свою раненую руку, которая висела на тонком лоскуте кожи, и не хотел отдавать ее. После операции он успокоился и попросил написать письмо его матери, что мы и сделали.

Мы, медицинские работники, удивлялись мужеству раненых. Самые тяжелые раненые — это с травматическим шоком и кровопотерей. Нужно было вывести такого раненого из шока, а для этого необходимо обезболивание, остановка кровотечения и переливание крови. Кровью нас снабжал блокадный Ленинград. Бывали случаи, когда кровь давали наши же врачи, медсестры, дружинницы, санитарки.

Медсанбат неотступно следовал за дивизией, располагаясь как возможно ближе к боевым порядкам частей дивизии. Раненые поступали как с полковых медпунктов, так и непосредственно с поля боя.

Их привозили к нам в медсанбат отважные шоферы в сопровождении сандружинниц. С поля боя раненых выносили санинструкторы, которых мы готовили в медсанбате из команды выздоравливающих и легко раненых. Помню санинструктора Белова, который вынес с поля боя более 80 раненых, за что был награжден орденом Ленина. Позже он поступил к нам с тяжелым ранением ноги — раздробленной костью и сильным повреждением мягких тканей. Хирург Микиашвили, который его оперировал, приложил много усилий и сохранил ему ногу.

Дивизия готовилась к участию в прорыве блокады Ленинграда. Мы тоже не сидели, сложа руки — готовились к приему большого количества раненых. Вскоре началась артиллерийская подготовка, а через два часа потоком стали поступать раненые.

Я работала в операционном отделении. Это была палатка на 6 операционных столов. К ней присоединялась палатка для раненых в брюшную полость и палатка для шоковых больных. Работали мы под руководством главного хирурга Павла Афанасьевича Селиванова, затем Сергея Петровича Гулынина. До конца войны в 94-м ОСМБ работали хирурги: Соснин, Микиашвили, Ахундов; врачи Ельцин, Койфман, фельдшер Матуш. До конца войны в медсанбате был начальник штаба Александр Аввакумович Махаринский, начальник аптеки Саша Зубань, медсестры: Оля Смирнова, Аня Петрова, Евдокия Мозглова.

В операционную раненые поступали из сортировочного отделения, которым руководил Н.А.Ельцин. После операции раненые

Мария Толстых

направлялись в эвакуационное отделение, а тяжелые нетранспортабельные больные в палату, где их выхаживали и готовили к эвакуации под руководством врача Е.Г.Койфман. В свободные часы я любила заходить в эту палату. Здесь рядами стояли носилки с тяжелоранеными. Около каждого была пристроена стойка с аппаратурой для капельного вливания крови и лечебных растворов. Медсестра в белоснежном халате и косынке сновала между рядами и регулировала процедуры.

В операционную поочередно поступали раненые с кровотечением, раненые в грудную и брюшную полости. Раненым в грудную полость с повреждением легкого делалась операция ушивания пневмоторакса. Раненые очень страдали от боли и одышки, им предварительно делалась новокаиновая блокада, после чего обычно уменьшались боль и одышка. Но самая экстренная помощь была необходима при ранениях челюсти и гортани. При таком ранении в дыхательное горло в легкие не поступает воздух, и человек может погибнуть от удушья. Вот вносят такого раненого. Слышно хрипящее дыхание. Пока донесли до стола, раненый уже не дышит, потерял сознание. Срочно делается разрез трахеи, вставляется трахеотомическая трубка, делается искусственное дыхание. Наконец со свистом и хрипом появляется самостоятельное дыхание, и раненый открывает глаза. Таких больных эвакуировали в госпиталь с трахеотомической трубкой под наблюдением медсестры.

Раненые вели себя мужественно и были самыми благодарными больными. Вот поступил пожилой солдат, который участвовал еще в Гражданской войне. Ему предстоит ампутация голени. Операция под местным обезболиванием новокаином. Он беседует со мной во время операции, спрашивает: «Что, дочка, ты мне кость пилишь?» После операции его, одетого в чистое белье, санитары кладут на носилки, дают закурить. Он доволен, говорит: «Ну, спасибо вам, остался жив. Теперь увижусь со своей старухой». Поступил раненый в голову. У него нарушение речи. После операции спрашиваю его: «Как вы себя чувствуете?» Он вытаскивает из-под простыни руку и показывает поднятый вверх большой палец. Помню киргиза с множественными осколочными ранениями тела. После операции он по-своему благодарит: «Джан, спасибо! Русский якши, киргиз якши, а герман проклятый — зверь!»

Легкораненые лечились при медсанбате. После лечения они возвращались в свою часть. Очень многие раненые, которые лечились в госпиталях, возвращались снова в дивизию, стремились попасть в свою часть, как в родной дом. Помню одного офицера, который трижды возвращался после ранения, причем последняя операция у него была с ушиванием кишечника и селезенки.

Так как медсанбат располагался близко к району боевых действий, он нередко подвергался обстрелу и налетам авиации. Помню один такой случай, когда во время обстрела пострадали раненые и медицинские работники. Палата была изрешечена осколками, один угол ее упал.

8/30/41

101

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Врача ординатора 94 Медико-санитарного батальона 11 С.Д.

(должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Военврача 3 ранга ТОЛСТУХ МАРИЮ СЕРГЕЕВНУ

(военное звание, фамилия, имя и отчество)

Медаль за "БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

(наименование награды)

- 1. Год рождения 1914.
- 2. Национальность РУССКАЯ
- 3. Соцположение Служащая
- 4. Партийность Беспартийная
- 5. С какого времени в РККА с 23 июня 1941
- 6. Участие в гражданской войне участ. Отечественной войны с 23.6.1941 года
- 7. Ранения и контузии Не имеет
- 8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что. нет
- 9. Какие имеет поощрения и награды и за что Имеет ряд благодарностей за хорошую работу. Наград не имеет.
- 10. Постоянный адрес:

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ (составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Толь.Т О Л С Т У Х в 94 Медико-санитарном батальоне работает с августа м-ца 1941 года по настоящее время. За выше указанный период тов. ТОЛСТУХ показала свое умение и преданность к работе в должности хирурга. В боях за ст. ПОДСОСЬЕ и КЕНДЖА За период с января по ~~ноябрь~~ апрель сделала 900 операций из них 300 ТЯЖЕЛЫХ ранений. Несмотря на обстрелы артиллерии и налеты авиации с воздуха, тов. ТОЛСТУХ НЕ СЛУЖИЛА от операционного стола, продолжала работать спасая жизнь раненых бойцов, командиров и политработников.

В период наступления, с 27 августа по 4 сентября 1942 года тов. ТОЛОСТУХ обрабатывала, только тяжело раненых 107 человек. Одновременно с хирургической работой, тов. ТОЛОСТУХ систематически ежедневно работала в приемо-сортировочном взводе оказывая помощь

в кратчайшие сроки быстрой сортировке раненых

Работая у операционного стола по 18-20 часов в сутки не считая ни какой усталости, ^и в повседневных воздушных боях над территорией Медико-санитарного батальона и на близком расстоянии воздушных налетов на другие Военные объекты тов. ТОЛОСТУХ не отходила от операционного стола и продолжала работать, *своим* мужеством и спокойствием воодушевляла раненых.

Тов. ТОЛОСТУХ ^{является} за свои заслуги в правительственной награде - Медалью за "ВОЕННЫЕ ЗАСЛУГИ".

Командир (начальник)

И.И.И.

Военный комиссар

И.И.И.

Начальник штаба

И.И.И.

15-го сентября 1942 года.

Врачи 94 ОМСБ
Е. Койфман, П. Селиванов, М. Толстых

**Врачи 94 МСБ
М. Толстых и Е. Койфман
с комиссаром дивизии товарищем Кравченко**

Кр. звезда

116 60145

✓

Обязательно все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

ТОЛСТЫХ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

Фамилия, имя и отчество
Военное звание **КАПИТАН МЕД. СЛУЖБ.**
Должность **ВРАЧ-ОРИНАТОР ОМЕД. ПЕРЕВЯЗОЧНОГО ВЗВОДА 94 СМОВ 11 П**
II Стрелковой Валдгеймской Дивизии

Представляется к **Ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"**.

- 1. Год рождения **1914г.** 2. Национальность **Русская**
- 3. С какого времени состоит в Красной Армии **с 1941г.**
- 4. Партийность **беспартийная.**
- 5. Участие в боях (где и когда) **Отечественная война с 14.8.41г. Нем. фронт**
2. фронт. фронт.
- 6. Имел ли ранения и контузии **не имеет.**
- 7. Чем ранее награжден (за какие отличия) **Орденом "За боевые заслуги" в 1942г.**
"За оборону Ленинграда" в 1943г.
- 8. Каким РВК призван **УИМКИНСКИМ**
- 9. Постоянный домашний адрес (представляемого к награждению или его семьи)

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГИ

С начала Отечественной войны врач-ординатор оперативно-перевязочного взвода 94 МСВ хирург тов. Толстых показала отличные образцы, квалифицированной, самоотверженной работы при всех боевых операциях дивизии тов. Толстых не отходя сутками, отдавая все силы и опыт для спасения жизни раненых бойцов и офицеров. В январскую операцию с/г когда требовалось на пречь все силы, чтобы быстрее выполнить свою почетную задачу, возвращение в строй раненых воинов: Мария Сергеевна проследила 219 чел. Тяжелых и средней тяжести. Своим примером, преданностью и любовью к раненым она поднимает работоспособность всего коллектива взвода. В боях за водную преграду и Г. тарна, хирург Толстых обследовала ее, обработала более трехсот раненых: до 40 часов не выходя из операционной.

Во время ноябрьской операции когда дивизия прощала передний край вражеской обороны тов. Толстых только за две суток проследила 67 чел. Тяжело раненых и все они в хорошем состоянии. За свою сознательную работу по оказанию помощи раненым, неоднократно представлялась к награде.

За сотни спасенных жизней, самоотверженным трудом в течении 3 1/2 лет в войсковом районе, достойна правительственной награды "Ордена "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ".

КОМАНДИР 94 МСВ
КАПИТАН И/С

/ КОРОНОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 94 МСВ
СТАРШИНА ВОЕННЫЙ МЕДИК

ТМАХАРИНСКИЙ

25. Ноябрь

1944

У врача Карповой Евдокии осколком снаряда срезало косу. У меня на столе лежал раненый под наркозом с множественными ранениями тела. При каждом разрыве снаряда я ложилась на пол и инстинктивно поднимала руки вверх, чтобы не запачкать.

Во время наступательных боев мы не спали по несколько суток. Врач, стоящий у операционного стола, напряжен, и это спасало его от засыпания. А помощницы — санитары, дружинницы падали на пол. Но вот нужно заполнить на раненого эвакуационную карточку. Во время записи слова и буквы расплывались, но стоило 3–5 минут прикорнуть, например, на ящике с ватой, и снова можно работать. Писари, которые регистрировали карточки в журнал, работали посменно.

Мы, медицинские работники, жили одной дружной фронтовой семьей. Здесь каждый был на виду со своими достоинствами и недостатками. Если во время затишья некоторые врачи отлучались на разгрузку эвакогоспиталей, то непременно стремились вернуться в свой родной фронтовой дом — медсанбат.

В перерывах между боями мы повышали свои знания. Проводились научные конференции врачей. Во время работы нас посещали с инспекцией фронтовые хирурги, однажды приехал сам Вишневецкий. Он обошел всех работающих хирургов, сделал свои замечания и предложения. Нас регулярно посещал заместитель командира дивизии по политчасти полковник Веклярский, бывал и сам командир дивизии полковник Шкель. Мы помним не только тяжелые дни работы, но и часы отдыха. У нас были плясуны и хор, которым руководил Миша Соснин.

Закончилась война. По-разному сложились наши судьбы. Многих уже нет среди нас. Но те, кто живы, до конца будут помнить своих фронтовых друзей молодыми, красивыми, смелыми.

Слово командира полка в память о бесстрашной пулеметчице

огда по другую сторону шоссе «поселился» не менее отважный офицер — Шура Окунева, гитлеровцам стало еще хуже. Об этой девушке я расскажу особо.

До войны Шура работала продавцом в гастрономе на Абельмановской заставле столицы. Осенью 1941 года ушла на фронт, сначала официанткой в столовую, потом добилась направления в офицерскую школу. Окончив ее, летом 1942 года она прибыла в батальон, где была назначена командиром пулеметного взвода.

В аккуратно подогнанном обмундировании, с короткой мальчишеской стрижкой и завидной строевой выправкой, Шура как-то сразу всем у нас пришлась по душе. Что же касается фашистов, то им приход Шуры сулил лишь новые неприятности. Мастерски владея оружием, Шура добивалась от подчиненных того же. Результаты этого гитлеровцы очень скоро почувствовали на своей шкуре, когда Окунева «взялась» по-настоящему за холмский тракт. Огонь ее кочующих пулеметов не раз сметал все живое на тракте, по которому шло снабжение немецких войск.

Гитлеровцы пытались отбросить взвод Окуневой, но лишь теряли людей. Тогда они подтянули артиллерию, минометы и обрушили на крошечный участок тонны смертоносного металла. Однажды в амбразуру дзота Окуневой влетел снаряд и, не, разорвавшись, застрял в брешу. Я предложил ей сменить позицию. «Самолюбие не позволяет», — ответила она.

«Смирившись», гитлеровцы почти прекратили обстрелы. Но тишина не устраивала Шуру. Затемно она выдвигала пулеметы к тракту и подкарауливала очередную колонну автомашин. Фашистам оставалось лишь одно: в бессильной злобе вновь обрушивать огненный шквал на позиции и КП батальона.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

10

1. Фамилия, имя и отчество Окунева Александр Михайлович
2. Звание лейтенант 3. Должность, часть Заместитель командира пулеметной роты 123 Стрелкового полка 62 стр. дивизии.
- Представляется к ордену "Красная Звезда"
4. Год рождения 1923 5. Национальность Русская 6. Партийность Член ВКПб
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Северо-Западный фронт с 17 июля 1941 года
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Контузия в августе 1941 г.
9. С какого времени в Красной Армии 17 июля 1941 г. 10. Каким РВК призван Коминтерновский РВК г. Москвы.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За отвагу"
12. Постоянный домашний адрес [REDACTED]

ДЛЯ ПОДАШКИ

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Атов Окунева в бою 26 февраля 1942 г. под г. Заболотье проявил себя смелым, решительным и инициативным командиром. В взвод под огнем без перерыва и без одной задержки по огневой точке противника и заставлял их замолчать. Сам Окунев из станкового пулемета полностью вошел из строя три немецких пулемета и убитых немцев Вели Насичев, и своим огнем непосредственно подкрепил продвижение. Окунева Александра Михайловича заслуженно представляется к правительственной награде Орденом "Красная Звезда".

14. мая 1943 г.

Командир (начальник) 1. Стефан
Камитан (звание)
Г. Суляев

Наградной лист

30 страниц

109

Фамилия, имя и отчество Окулева Александра Михайловна

Военное звание старший сержант

Должность, часть Курсы курсов ком. состава 1 Ударной Армии

Представляется к медали "За боевые заслуги"

1. Год рождения 1923

2. Национальность русская

3. С какого времени в РККА с июля 1941 г.

4. Политическая связь ВЛКСМ

5. Участие в боях (где и когда) В Отечественной войне Северо-Западного фронта с июля м-ца 1941 г.

6. Имеет ли ранения или контузии Имеет 2 раза контузии

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) Ранее не награждалась

8. Каким РКК призван Коминтерновский РКК г. Москвы

9. Постоянный домашний адрес

(предоставляется к награде или его семье)

ул. дом № 20 кв. 8

I Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

С первых же месяцев Отечественной войны с немалыми захватчиками т. Окулева Александра Михайловна проявила себя, как истинная дочь Ленинского Комсомола и пламенная патриотка Родины.

В июле 1941 г. она вступает добровольно в ряды РККА. В армии отдает все свои знания и силы делу защиты Родины. Почти все время находилась на передовой позиции, проявила мужество и отвагу. С июля по октябрь 1941 года - она сандрезинница в 24 армии, где спасла многих раненных бойцов, оказывая им первую помощь и вынося с поля боя.

С января по Апрель 1942 года - рядовой боец 18го личного батальона, и с Апрель по Июнь 1942 г. - боец и им. командир 47 бригады. Отличилась также во многих боях, два раза ходила в разведку; не раз защищала, выводящих из окружения, младших и средних командиров. В марте м-ца 1942 г. ей, как инициативному, боевому бойцу, присваивают звание старшего сержанта.

В июне м-ца 1942 г., как лучшего им. командира, ее назначают

на курсе ми. лейтенантов, где т. Визуева с первых же дней учебы проявила себя, как дисциплинированная, старательная, инициативная курсант.

Не имея почти никакой военной подготовки, она упорно работала над собой и к концу учебы становится по успеваемости одной из лучших.

Принимает энергичное участие в общественной работе. Как член комсомольского бюро курсов, принимает участие в руководстве комсомольской работой в ротке. Активный корреспондент и инициатор по выпуску боевых листов, за что имеет благодарности от командования курсов.

Являясь председателем товарищеского суда роты, ведет борьбу с нарушениями дисциплины в ротке. Проводит инициативу в организации соревнований, проведения митингов и бесед; в курсантской самодеятельности.

Как лучший курсант, бюро парт. организации курсов, была принята кандидатом в члены ВКП(б). Достойно представляется к правительственной награде - медали "За боевые заслуги".

Начальник курсов
полковник / Костромин /

Военком курсов
полковник / Родионов /

Начальник учеб. части
капитан / Дмитриев /

Золотой

22	✓ Окунеев	Лейтенант	Ротм. Фурсов	мл. ВРП (б)	1923
	Александр Штальберг		РВГФ		

Шов. Окунева в боях за г. Потаново Н. боевое
 233.1 отряда Из пулеметов И контрастами противника.
 В последний контрастике противник с танками
 при поддержке Самоходных Орудий численностью
 до 2^х батальонов приближался к траншеям бойцов тов.
 Окунева руководя огнем пулеметов по абсегменту
 нехотел погибла от прямого попадания снаряда, но
 не отступила. Пулеметный взвод т. Окуновой
 уничтожил до 60 вражеских солдат и офицеров
 сама лично из станкового пулемета уничтожила
 17 немецких солдат и 2^х офицеров.
 Шов. Окунева была до конца предана партизан
 Ленин - Сталин.

Иногда, когда было тихо, я заходил в ее блиндаж. Девичьи руки сумели создать там своеобразный уют. Над амбразурами были протянуты узкие кружевные полоски. На полочках, рядом с гранатами, туалетные принадлежности, патефон (единственный в батальоне), пластинки: она любила музыку.

В феврале 1943 года батальон готовился к наступлению. Слева наших частей не было. Фашисты узнали об этом, и недалеко от хвойных шалашей штаба появились их автоматчики. Началась перестрелка. Я позвонил Окуновой:

— К штабу ломятся немцы...

— Мы уже разобрались, где они, — спокойно ответила Шура. — Сейчас устроим им отходную.

Ее пулеметы ударили по фашистам. Враг повернул назад, но было поздно: около двух немецких рот осталось в заснеженном лесу.

За этот бой Шура Окунева была отмечена второй боевой наградой — орденом Красной Звезды. Тогда она была единственной в бригаде, имевшей две правительственные награды.

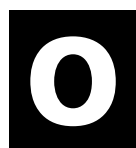
Через полгода, уже на другом фронте, отважная пулеметчица погибла в жестоком бою.

Василий Поликарпович Славнов,
 командир 123-го стрелкового полка
 62-й стрелковой дивизии

Приводится по книге «Южнее озера
 Ильмень». Л., 1980

Рассказчик: С. Славнов	С 1941	15.08.43, штаб войсковой бригады в г. Потаново	Наши	11 авто-оружия и 1 авто-пулемет	материал 2. и 3. в отделении 15 мая в архиве 30.05.8.
------------------------	--------	--	------	------------------------------------	---

Как можно убить человека, похожего на твоего брата?

О начале войны узнала на улице. Были такие черные репродукторы, висели по Москве. Вдруг объявили, что немцы напали на СССР. Это было ровно 12 часов дня. Мой отец сразу пошел в ополчение. В основном женщины остались в Москве, потому что мужчины все ушли на фронт. Как только тревога, все закрывали окна для светомаскировки. У нас одеяло было на окне.

Ребята ушли на войну, а у меня специальности нет никакой. Чтобы попасть на фронт, я ходила в райком Ленинского района, а меня не берут. Тогда я узнала, что берут коммунистов. Я вступила в партию в 1943 году, и с того времени я до сих пор в партии. Меня взяли в армию. Мы стояли в Булатниково, там была зенитная артиллерия. Я работала на дальномере. Это такая трубка — летит самолет, они долетали до Москвы, я их ловила этой трубой в объектив, оттуда передавали на зенитную батарею все данные и затем стреляли по самолетам. Если сейчас кнопку нажали и ракета летит прямо в самолет сама, то раньше была такая процедура.

Но еще до этого, до армии, я жила на Полянке, рядом с «Ударником». Поскольку ребята все были в армии, мы, женский персонал, дежурили при налете самолетов на Москву во дворе. У нас было две бочки, одна с водой, другая с песком. Эти самолеты сбрасывали зажигательные бомбы. Если опускаешь зажигательную бомбу в бочку с водой, то она брызгает.

Иногда были бомбы потяжелее. Одну такую бомбу сбросили около «Ударника». Почему? — потому что в этом доме (а был это дом правительства) на последнем этаже то откроют окно, то закроют, то свет, то света нет. Остальная Москва была затемненная. Так самолет подлетел и бросил бомбу. В дом правительства и в «Ударник» не попало, ударила бомба прямо в асфальт, даже в мост не попала. Около «Ударника», метрах в пяти от входа, была бомба. Мы как ненормальные осколки

собирали, зачем — не знаю. Такое дело было. А туда, в дом правительства, пошла наша ответственная женщина. Там оказалась немка, которая сигналила своим самолетам. Вот такое дело было в начале войны.

Пока я в зенитной части была, немцев стали отгонять от Москвы. Меня такая служба не устраивала. Подала рапорт. Попала в снайперскую школу в Подольске. Из наших московских девушек окончило школу 250. Мы на полигон ездили, стреляли. Я окончила школу с отличием, была награждена именным оружием и почетной грамотой ЦК Комсомола. Я уже стала снайпером и была направлена в 47-ю армию.

Когда я убила первого фашиста лично, ко мне пришли взять интервью, но вы знаете, я даже ничего не могла сказать. Я убила человека. Он фашист. Мы должны были убивать офицерский состав, связных и «кукушек», то есть снайперов, которые сидели на деревьях и где-то еще прятались. И вот я убила этого фашиста, офицера, молодого, я же в оптику видела, кто он такой. Я не могла говорить. Я убила человека. Знаете, убить сложно. Первых троих убитых я до сих пор помню зрительно, потому что в оптику я их видела. Это были молодые немецкие офицеры. Меня спрашивают: «Сколько Вы убили?» Я в ответ: «Не скажу». Но мы на прикладе делали звездочки, сколько убитых.

Одного немца я не смогла убить. Почему? Я увидела офицера, а он — копия моего брата, и я не смогла его убить. Мне за это попало. Мне говорят — он фашист, она нас жгут, вешают, а вы не убили. Я говорю — знаете, рука не поднялась, он очень похож на моего брата. Как можно убить человека, похожего на твоего брата? Вот такой случай был...

Антонина Котлярова

От Москвы я дошла до Эльбы. Когда под Варшавой была, снайперы вместе с разведкой впереди всех шли, первые мы, а за нами армия. У нас обязательно на поясе было две гранаты. Почему две? Одна для фашистов, а другая — если меня окружили фашисты, я чеку выну и погибаю вместе с ними. Один раз мы поднялись, несколько девчонок, наверх в какой-то дом, а за нами немцы. Гранатами мы нескольких убили, они отступили, мы проверили этот особняк, вышли и пошли дальше. Один дом освободили, второй освободили. Там больше трехэтажных не было. А как-то раз вошли — и в доме никого. Тогда мы вниз. Оказывается они все в подвале были, боялись, что их разбомбят. Мужчины при них были. Если наши мужчины все на фронте, то здесь мужчины и дети. Вот так воевали.

24 февраля 1945 года. После взятия Кенигсберга.
Антонина Котлярова в центре

Все время шли вперед с боями, всегда впереди. Между прочим, когда мы в Польшу попали, поляки все-таки не добрые. Надо было попить, мы вошли: «Пани, воду, воду!» — «Нема воду». На нее наставляешь винтовку, а она: «Сейчас, сейчас». Заставляли их выпить, если она выпьет воду, мы пьем. Если не выпьет... Но не было случаев. Мы их не расстреливали. Давали воду нормально. Некоторые убегали. Войдешь в дом, никого нет, на сковородке все горячее, но мы не ели, потому что может быть специально оставлено, чтобы нас отравить. Проходили дальше. А так как мы снайперы и разведка впереди, наши обозы с питанием всегда отставали. Так, чего-нибудь перехватишь на пути и бежишь дальше. Так до Эльбы дошли.

Наша армия с американцами не встречалась, они были правее. Говорят, что американцы освободили Европу. Ни фига не освободили. Мы освободили Европу. Если помню, Черчилль сказал, пока не вступать в Европу, посмотрим, кто будет побеждать. Если русские, будет русским помогать, если немцы — то им.

Когда мы приехали на передний край, я шла первая, потому что я очень длинная была. Пришли на передний край, там такое окошко, амбразура. Я посмотрела как там немцы, и пошла дальше. А за мной девушка шла, я уже не помню фамилию. Она все блокаду прожила в Ленинграде, приехала бить фашистов и она за мной в эту амбразуру сунулась, и ее снайпер убил. В первый же день на фронте. Это нам уже дало знать — один сунулся, второй не сунься. У нас на переднем крае вместо войны были похороны этой девушки. Ну откуда мы знали, я просто посмотрела, а она за мной.

Потом так, мы снайперы всегда воевали по два человека, это снайперская пара. Моя пара Ольга Важенина была, правда ее уже лет пять как нет. Умерла. Она из Дубны была.

Если надо было где-то на открытой площадке лежать, мы днем приходили, выбирали себе место, где будем лежать. Лежали мы на

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

280

1. Фамилия, имя и отчество Захарова Антонина Александровна
2. Звание сержант
3. Должность и часть командир отделения командой снайперов при 143 стрелковой конотойско-кбростенской Краснознаменной ордена Суворова дивизии
представляется к награждению орденом Славы III степени
4. Год рождения 1923, 5. Национальность Русская 6. Партийность член ВКП/б/с 1944г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне
в Отечественной войне участвовала с декабря 1944г. на белорусском фронте
8. Имеет ли ранения в Отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с декабря 1942г.
10. Каким РВК призван Ленинским РВК г. Москвы
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждалась
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награде и адрес его семьи _____

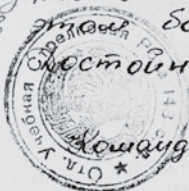
1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Сержант Захарова Антонина Александровна, командуя отделением девушек-снайперов как в период нахождения в обороне, так и в период наступательных боевых действий 1945г. всегда и всюду показывала примеры самоотверженности и мужества.

Находясь в обороне севернее Варшавы, из засады уничтожила 3 гитлеровцев, в том числе 1 немецкого снайпера.

11 февраля 1945г., когда колонна спецподразделений дивизии была обстреляна из лесу немцами, т. Захарова первой бросилась, с винтовкой на деревес, на врага, по ее примеру стремительно двинулись снайпера ее отделения и бойцы углубной роты. В результате стремительной схватки вражеская засада была уничтожена, 5 гитлеровцев взято в плен. Лично сама сержант Захарова в этом бою уничтожила 2 немецких солдат.

Стойко награждена орденом Славы 3-й степени.

Командир отдельной углубленной стрелковой роты
капитан *[Подпись]* /Винников/

16 февраля 1945г.

расстоянии вытянутой руки и могли сделать выстрел только я один, и она один, потому что нас могли засечь и убить. И вот мы с ней, лежим, рука на курке, наблюдаем за фашистами — если я ей сигнал даю, то я буду стрелять, если она мне, то она стреляет, и только по одному разу стреляли. А если из окопов, то с какого места стреляли, мы уже говорим — сюда не подходите, чтоб по вам не попало. Подсказывали, откуда мы стреляли, чтобы туда солдаты не подходили.

У нас было 10 девушек в отделении. Мы при [штабе] дивизии, а дивизия — это 5 километров от переднего края, мы ночевали там, где стояла дивизия. Потом нас посылали в тот район, где мы нужны. Ходили пешком на передний край.

Когда идешь на задание, выдавали водку, а мы-то непьющие, отдавали ее ребятам. А ребята если где-то шоколад хапнули — то они его нам. Мы в основном с разведкой вместе были. Бывала у некоторых и любовь. Как без любви? Моя любовь воевала.

Ходили и воевали, убивали. Много, много. Я не говорю, сколько, не надо этого.

Освободили Варшаву. Потом на Кенигсберг наша армия пошла. Кенигсберг красивый город, освободили его. У меня грамота за Кенигсберг, почему-то медаль на дали.

После войны я работала сначала в Госплане СССР и потом Госспнабе СССР, и оттуда ушла на пенсию. Работала старшим экспертом. Зарплата была 350 рублей. Работала замсекретарем парткома, тоже большая должность.

Нынешнему поколению хотелось бы пожелать в первую очередь доброты. Если раньше народ добрый был, отзывчивый, то сейчас народ очень жесткий. Народ плохо живет. Хотелось бы, чтобы народ жил хорошо. Доброта идет от благополучия. Чтобы народ был дружный, чтобы любили, чтоб не убивали.

...Я насмотрелась этого, и чего я до сих пор живу?!

Меня зовут Медведева Евдокия Алексеевна, 1925 год рождения. Родилась в феврале, 10 февраля, в городе Пенза. Это Приволжье России. А как попала в Москву?

Это потому, что все захотели учиться, все захотели иметь то, чего в деревнях не было. Не было школ, церкви еще какие-то были, а школ не было. И мы в одну школу с сестрой ходили. Она ходила в первый, а я вроде бы получше знала, и ходила в третий. Но учились в одном классе, с одним же преподавателем. Вот такие у нас были школы. Потом, когда вышло, что надо уезжать, вспомнили, что у нас дядя работал в Пензе замдиректора школы. Он сказал «я вас переведу, куда захотите». Перевел нас сюда. Здесь работала наша тетя. Она меня забрала к себе, а сестру вернули к матери в Пензу. С тех пор с тетей Наташей мы жили, она у меня была как мать. Пошла я сразу здесь в пятый класс, потому что как-то у меня все получалась хорошо. Я не была отличницей, но и плохо не училась. Очень много занимались спортом, пятиборьем, лазили по деревьям, и где только угодно, и, как угодно. И плавали, и бегали, вот так нас заставляли. Школа так тренировала, так нас научила собирать газеты, кастрюли, все куда-то надо было сдавать, отнести. И мы этим занимались и с удовольствием занимались, нас хвалили дурачков, но мы делали это с удовольствием, для нашего государства. А кто? А кто если не мы?

Когда началась Великая Отечественная война, тут уже дело пошло серьезное. Мы пошли в военкомат вставать на учет. У нас был

Евдокия Медведева

1925 год, последний на тот момент год призыва. Он нас все время гнал, этот товарищ, который сидел в военкомате:

«Пока не вырастите, идите отсюда, больше никого из вас даже видеть не хочу!».

Опять время проходит, а он говорит: «Я вас вызову. Вызову!» А вызвал он тогда, когда пришло время. В феврале. Нас четверо пошло — три девчонки и мальчишка. Я перед этим окончила курсы в нашем госпитале. Тут целый госпиталь был, лежали раненные и больные люди. Госпиталь открыл у себя курс медсестер. Мы про это дело прослышали и бегом туда. Молодняк — да, в основном молодняк. Нас взяли. По возрасту и внешнему виду я не очень подходила везде, потому что я небольшого роста. Правда! Худенький такой ребеночек. Но все-таки меня записали. Я ходила, 11 месяцев, но две недели не дали доходить, забрали в армию. Это было уже в 1944 году. Посадили нас, организовали здесь в солдатском районе. Посадили нас на машины, а куда везут — мы не знали. Котомки нам выдали, и повезли. Мы-то думали, нас сразу на фронт, в бой! На самом деле перед Смоленском мы где-то долго стояли. Видели ужас сожженных деревень. Потом направили нас в Смоленск — там уже началась формироваться группа наступления на Минск.

Я видела только трупы немцев валяющихся, которых таскали. Фронт — это страшное дело. И когда мы прибыли в Смоленск, я поняла, что мы настолько малы для этого! Насколько мы дурочки, мы и подумать не могли, что ребенок может схватить мужика раненого и куда-то тащить, до нас это даже не доходило лично. Но приходилось.

«Дяденька миленький, только не умирай, только не умирай, я тебя спасу!» — «Дочка, брось меня, ну брось, куда ж ты меня!». Потом идет солдат помогает, мы перекатываем на мою плащ-палатку, передвигаем куда-то в укрытие, где канавка или кустик какой-то. Что я могу — то перевязываю. Он только спрашивает: «А где я? Где нахожусь?» — «Ты уже не в бою, ты лежишь уже дома, лежи спокойно!». Следующий подбегает — тоже подтягиваем. И вот этих людей, мы должны были отвезти в полевой палаточный госпиталь, где собирали людей. А с этого госпиталя уже собирали людей, отвезти чуть подальше, километров за 20, за 30 от передовой. Поэтому... Ой ребят, не дай Господь вам видеть это, это нельзя детям смотреть, и вообще, такая мясорубка, такая мясорубка получается!

В том госпитале, который подальше, там врачи, там их кормят, моют, одевают. Поэтому конечно, когда я это все увидела... Были такие раненые, которые прям кричали: «дочка, дочка, девочка, девочка подойди ко мне! Ну поцелуй меня разок, ну поцелуй. Я ни разу не целовался!» Такие даже были моменты.

Я говорю «Господи!» Целую. Что делать? Просит человек. И ничего не поделаешь! Я говорю: «Ну что ж ты делаешь, ты не умрешь, не волнуйся». Нет... Плачет, плачет... Молодые ребята! «Ты не умрешь, не

волнуйся, все в порядке, мы тебя сейчас подвезем, мы тебя отнесем...» И потихоньку-потихоньку подкатываем, кто на плащ-палатке, кто на руках. То с подружкой несем.

Я не задумывалась, нужно выносить солдата с оружием или без него. Я — медсестра — перевязала солдата, а за остальное отвечал солдат-санитар, который должен был помогать, забирал его оружие и документы в штаб.

Один раз несем с девчонкой моей какого-то летчика — он говорит: «Девочки, дети мои, да бросьте меня! Вы же не донесете, ну куда ж вы меня тащите?» — «Вы молчите, вы только ничего не говорите». А нести надо. Донесли. Донесли, он нам благодарность: «Спасибо!» С наших рук слез и лежит на земле. «Ой, неужели я дома». И умер.

Всего на фронте нахлебались... Как голодали, как стояли в этом болоте, в белорусских болотах — страшное дело. По трое суток стояли в болоте, держали раненого одного на руках. А нас окружили, и выхода нет, и рядом нет никого, и никуда не денешься. Пока ждали, пока нас освободят наши, пришли танкисты, знать-то не знали, кто тут орет. Пришли, и вытащили нас оттуда, отогнали немцев. Вытащили нас мокреньких и грязненьких из этого болота. Таким образом, мы оказались живы, и нас немцы в этот раз не подавили.

Когда уже подошли к Кенигсбергу, такой город, такую бомбежку устроили... Зачем разваливать такую красоту, я считала, что это музей, а это какой-то дворец главный немецкий был. Такой музей! А ребята все грязные. А я уже смотрю: в этих болотах немцы в зеленых шинелях все плавают убитые. Ну, открывают они этот дворец, а там ребята... Красотища-то какая! Хрусталья-то! Сколько ковров, посуды, Бог знает сколько. Разжигают печки какие-то, затопили, и устроили баню там. Наши солдаты. Я говорю: «Ах, ну что ж вы наделали?» Потом поняла, что правильно сделали, ведь они все вшивые, и грязные, эти ребята, и столько прошли. Разве мыслимо им запрещать. Да я и не имела никакого права на запрещение. Это было все на моих глазах.

Поэтому... Не дай Бог это все никому. Самое главное: берегите своих родителей и свою страну. Какая бы она не была, вот такая она у нас. С таким начальством, и с коммунистами и с либералами.

Один раз был такой случай. Поехал, значит, один мой врач за бинтами, так как я была фельдшер. И вы знаете, не приехал. Нет его. Потом кто-то видел этого врача. Перепугался с войны, потому что он еврей был. Потом пришлось мне самой ехать. С украинцем — Сашок был такой, парень хороший. Говорит: «Поедем, ща все сделаем!». Ну поехали, получили, спрашиваем: «У вас был парень врач?» — «Нет, не было». Его искали, и нигде не нашли. Всякое в жизни было.

Кроме бинтов использовали йод. Все, что могли делать сразу. И туго перевязывали ногу, руку, лицо, голову. Очень жалко, когда сильно ранена голова. Страдает очень человек, страдает.

Хирургов и врачей в госпиталях при нас уже хватало. Полный госпиталь, бегают одни медсестры, врачи. Там делают операцию, там делают то да се. Так много нашего брата было, что я думала: зачем нас, дурочек, прислали сюда? Там такие умные мужики врачи. Они прям сразу берут парня, и на стол. Сразу знают все, что надо делать.

А мы как помощницы были. В любом деле. Без медсестры не обойтись. Все еще и кипятили. Шприцы мы еще кипятили, потому что не было шприцов, это уже потом стали нам присылать готовые шприцы, а до этого мы их кипятили в баках. Все прошло ребята, все пролетело, как дым. Как утренний туман.

Крови для переливания не всегда хватало. Но очень старались ее где-то взять. Когда мы пришли в Кенигсберг, то нас сразу отправили в одно здание. Там немцы собирали детей и выкачивали из них то ли кровь, то ли вырезали какие-то органы. И заставили нас, просили нас выносить этих детей, и грузить в машины, а это знаете это уже не дети, это плети. Берешь ребеночка, а ему, может, лет пять... Он уже никакой. И несешь его. Я насмотрелась этого, и чего я до сих пор живу?! Такие немцы творили вещи, выкачивали кровь, выкачивали органы. У детей. А дети эти уже были плесень, плеть. Ножки, ручки, прямо все тонюсенькое. Очень страшно, ребята. Часть, конечно, удавалось, спасти, не всех, правда, но удавалось. Очень тяжело. Потому что выкачали все. А много ли у ребенка крови? Полтора литра.

Для гигиены обязательно делали бани и так называемые вошебойки. Первым делом все вещи: брюки, халаты, куртки на эту бойню. Белье выдают чистое. А это после чистки не знаю, куда девалось. Но какие вещи одевались на солдат, поступали свежие, чистые, новые, кем-то быстро пошитые. Хорошо пошитые белые рубашки и кальсоны. Но это было уже под конец войны, а так поначалу вши бегали по человеку массой. Чистого белья хватало. Даже если солдат оконфузился, все быстро меняли и стирали.

Успокаивали раненых и таблетками, и уколами, и добрым словом. Все было, но я забыла названия. Раньше было все по-другому. Был какой-то красный «Аспирин», а сейчас совсем другие лекарства и другие уколы. Кормили раненых хорошо. Котлы подвозили чуть ли не каждому больному, тут же наливали и кормили.

Сотрудники госпиталей все были очень хорошие. Фронт это общая каша, где все надо понимать.

К нам в госпиталь приезжали артисты. Правда, я на фронт попала только в 1944 году, и мало кого застала, это больше супруг увидел. Были так называемая группа «Березка» и Краснознаменный оркестр Красной армии.

На передовой мы питались сухим пайком. Консервы очень вкусные были американские. В больших банках, очень жирные. Мы с удовольствием ели, другой еды не было, и их нам хватало надолго. А летом

были ягоды, так что мы не голодали — мне так казалось. Голод был в Поволжье в 1932–1933 году. Деревнями умирали, у меня отец, брат, сестра и два двоюродных брата умерли с голоду. Мы отекали и опухали, еле ходили. Как выжили — непонятно. Сейчас украинцы говорят, что мы им устроили Голодомор, но ведь это неправда, мы тоже голодали. Все голодали, никому специально ничего не делали.

Весной 1942 года, еще в тылу, в госпитале я встретила своего будущего мужа. Иван Филиппович раненый попал в наш госпиталь, и там мы с ним познакомились. Ему было 23, а мне 17. Да, любовь с первого взгляда. Как потом он мне говорил — я так запала ему в душу, что он еще два месяца, после того как рана зажила, ходил на перевязку ко мне. А соперников у Ивана Филипповича было много. Вы себе не представляете! Можно было 25 раз выйти замуж и разойтись.

Как на войне можно за девушкой ухаживать? Как знаки внимания оказать? Цветочки принесет, ботинки себе и мне почистит. А еще стихи писал и песни пел. Он и сейчас мне поет. По-русски и по-украински. Я не могу сдержать слез, когда он мне поет — плачу.

Мы с тех пор с ним. Весь дальнейший боевой путь. Он воевал, а я была рядом с ним в армейском полевом госпитале. В 1944 году мы расписались в части. Закончили с ним войну в Кенигсберге — и нас отправили на Дальний Восток, на войну с Японией.

О войне с Японией осталось одно-единственное воспоминание. Помню только резкую пыль и грязь. Континентальный климат там, очень тяжелый. Мы в туалет ходили по веревке, чтобы не заблудиться, потому что если ты споткнешься и упадешь, то ветер унесет тебя в этот кошмар. Так же было и в Монголии, и теперь меня никто и ничем туда не заманит. Именно туда Ивана Филипповича направили служить после разгрома Японии. Так мы с ним в Монголии жили, потом его отправили в Москву, в Кубинке служить.

Наша история любви не уникальна. Были и другие такие примеры. Встречали свою любовь. Многих уже нет в живых, но жили они долго и счастливо. И дети у них были. Так что не только у нас был пример, что парень взглянул один раз, и на всю жизнь!

День Победы помню хорошо. Все начали стрелять, солдаты выскочили из казарм, начали обниматься, целоваться. Шапки летят! Это было очень красиво и незабываемо. Много радости, что люди выжили. Очень часто вспоминаю войну. Как выжить в таких условиях, такие brave парни погибают. За что такое нам, девушкам, на все это смотреть и переживать?

Вот лежим, и я думаю: 17 лет прошло, я до восемнадцати еще не дожидка!

Я, Зонова Анна Марковна, родилась в июне 1925 года. Мои родители — служащие. Папа начал свою работу в дивизии Котовского, прошел школу красных командиров и всегда был на партийной работе. После убийства Котовского он демобилизовался и был только на партийной работе, разъезжали мы по разным городам и весям, но больше прожили в Москве. В 1938 году папа учился здесь по переподготовке партийных работников. После окончания Хрущев их посылал парторгами ЦК, и слушателям этих партийных курсов Хрущев давал наставления распределял. Папа выбрал юг, потому что тут холодно, а на юге очень хорошо. Его и распределили на юг, в Запорожскую область Украины, в научно — исследовательский институт акклиматизации и гибридизации животных Оскание Нова. Был такой институт на Украине. В 1938 году мы уехали из Москвы туда, в Осканию Нова. Осканию Нова основали немцы, и последний из этих немцев помогал нам после войны искать янтарную комнату из Петергофа. Жили мы там именно в том дворце, который построили немцы. Там была усадьба шикарная, ботанический сад с разными видами деревьев, растений, сделали артезианские колодцы для того, чтобы это все поливать, проводили еще опыты — скрещивали породы разных животных, выводили: овец, свиней, коров красно — желтых. Очень большая была работа.

Еще хочу сказать, что 1938 году, когда мы выезжали, а жили мы на Малой Грузинской улице в двухэтажном желтеньком доме, мы с мамой как-то шли, а в то время было очень много цыган, и одна цыганка говорит маме: «Давай погадаю?», а мама говорит: «Не надо, иди своей дорогой», она на меня посмотрела и говорит: «У тебя девочка красивая, у нее три пуда счастья!» Сказала и сказала, я это как ребенок — мимо ушей, а когда после войны папа с фронта вернулся с пулей в позвоночнике — инвалид войны, я пришла, и мама вспомнила эту фразу:

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

118

1. Фамилия, имя, отчество ГАЛАК Анна Марковна
2. Звание Взрейтор 3. Должность и часть Радистка штабной батареи УКА-5
- Представляется к Медаль "За боевые заслуги"
4. Год рождения 1925 5. Национальность Украинка 6. Партийность Член ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне, последних боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне /где, когда / В Отечественной войне с ноября 1942 г.
8. Имеет ли ранения и контузии Не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с декабря 1942 года
10. Каким РВК призван Медведицким РВК Сталинградской области
11. Чем ранее награжден Медаль "За оборону Сталинграда"
12. Домашний адрес _____

Взрейтор ГАЛАК работая на радиостанции в боевых сетях с 23 июня по 5 июля 1944 года, обеспечила командование на всем протяжении боев радиосвязью с подчиненными штабами, которая является единственным и основным видом связи во время наступления.

Взрейтор ГАЛАК приложила все усилия чтобы дать связь командованию и оказала ему большую помощь для управления частями.

Радиосвязь работала бесперебойно. На всем протяжении службы Галак добросовестно относится к работе, повседневно повышая знания своего дела, аккуратно выполняя все приказания. материальную часть радиостанции знает хорошо.

Своей добросовестной работой заслуживает представления к правительственной награде Медаль "За боевые заслуги".

КОМАНДИР ШТАБНОЙ БАТАРЕИ УКА-5
Старший лейтенант /ПЛАТУА/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРТИЛЛЕРИИ 5 АРМИИ
Полковник /ДБЯЧАН/

«А помнишь, цыганка тебе нагадала три пуда счастья?» Именно три года я была на фронте. Много или мало — я не знаю, но я, наверное, счастливый человек, если у меня определились эти три пуда счастья.

19 июня 1941 года я закончила там 10 классов, а 22 июня началась война. Папу сразу призвали, потому что он был офицером запаса. 24 июня его вызвали в военкомат и предложили какую-то большую должность, а нам он велел с мамой: «Уезжайте! Будет война долгая и тяжелая, вы уезжайте отсюда!» Уехали не только мы, но и научные сотрудники. Отправили нас в Сталинградскую область. Это был 1942 год. Я работала на машинно-тракторной станции в конторе, потому что мужчин призвали. Была счетоводом в бухгалтерии этой МТС. И уже весной 1942 года начали к нам поступать раненые. Очень было много раненных. Весна, лето 1942 года, госпиталь полевой, вы знаете, сколько раненых было? Это невозможно! В этой машинно-тракторной станции были навесы — туда со всех колхозов свозили трактора, комбайны на ремонт. Так вот, машины из-под навеса изъяли, солому стелили и рядышком клали всех раненых, которых привозили из-под Сталинграда, с Дона. В конце августа мне принесли повестку. Одну повестку — не помню, когда, но был директор Иван Степанович, он сказал: «Эту девочку нельзя забирать». А я активная была, комсомолка, помогала раненых перевязывать, поить их... Очень много было раненых. Такие страшные ранения, а жарко было летом 1942 года, под бинтами было полно червей — очень тяжело. Я фронт прошла, но такую массу раненых я не видела никогда больше.

В конце августа мне прислали вторую повестку, потому что Иван Степанович с женой добровольно ушли на фронт, поэтому приехал другой директор МТС, и он меня запросто отправил в военкомат. Приехали мы с мамой, конечно, потому что любой маме жалко ребенка, когда идет война. Сидит комиссия из четырех мужчин, заходишь, тебя спрашивают: «Фамилия? Имя? Отчество? Комсомолка?» — комсомолка. «Кто на фронте?» — «Отец» — «Защищать Родину хочешь?» Что бы вы ответили, когда идет такая страшная война? «Хочу, хочу!» — «Иди в ту дверь». Я пошла. Там сидит мужчина в белом халате — врач. Он мне глазки посмотрел и сказал: «Иди в ту дверь. Здорова». Я пошла в ту дверь — там грузовик, на котором уже сидят люди, я села в этот грузовик и нас повезли в город Камышин. Там собирали из Сталинградской и Саратовской областей молодежь на защиту Сталинграда. Нас собрали много тысяч, потом мне мама прислала записку в треугольничке, что нас собрали 30 тысяч добровольцев, а мама потом спрашивает: «Как же добровольцы, если вас вызывали по повестке в военкомат?» Как-то у нее не укладывалось: добровольцы с повесткой.

Нас переправили из Камышина через Волгу, и мы по левой стороне Волги шли к Сталинграду днем и ночью. Сначала только днем, а потом уже, ближе к Сталинграду, в километрах 150–170 от города,

НАГ РА Д Н О Й Л И С Т

226

1. Фамилия, имя и отчество - ГАЛАК Анна Марковна
2. Звание - рядовая 3. Должность и часть - радистка 47 штабной батареи
- Представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".
4. Год рождения - 1925 г. 5. Национальность - украинка, 6. Партийность - чл. ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне и последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне - В Отечественной войне с 3 декабря 1942
8. Ранения и контузии - не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии - с 1942 года
10. Каким РВК призвана - Н-Троицким РВК, Запорожской области
11. Чем ранее награждена - медаль "За оборону Сталинграда", медаль "За боевые заслуги"
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи -

Рядовая ГАЛАК Анна Марковна в наступательных боях в Восточной Пруссии проявила себя смелой и находчивой радисткой. Работая на радиостанции оперативной группы Штаба артиллерии армии, не считаясь с опасностью и лишениями товарищ Галак на протяжении всех наступательных операций умело поддерживала связь с радиостанциями подчиненных штабов, частей, а также с радиостанцией фронта. Будучи хорошо подготовленной радисткой, умело обеспечивала подачу команд по радио на открытие арт-огня по наступающему противнику на КВ в Тифенгаль. Умело сохраняла радиостанцию и документацию при радиостанции.

За проявленные отвагу и мужество в наступательных боях по обеспечению бесперебойной радиосвязи Штаба артиллерии армии с подчиненными частями достойна Правительственной награды орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

КОМАНДИР 47 ШТАБНОЙ БАТАРЕИ
КАПИТАН

-ЛАТУТА-

"4" июня 1945 года

Достоинна награждения *орденом Красная звезда*

НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРТИЛЛЕРИИ 5 АРМИИ
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК

-УВАРОВ-

"4" июня 1945 года

Уваров

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Талак Анна Марковна
2. Звание сержант з. должность и часть радиот 47 штабной
батареи Представляется к награждению ордена "Красная звезда"
4. Год рождения 1925 5. Национальность украинка
6. Партийность чл. ВЛКСМ 7. Участие в гражданской войне и
последующих действиях по защите СССР и Отечественной войне участвует
7. Отечественной войны с ноября 1942 года
8. Ранения и контузы не имеет
9. С какого времени в РККА с ноября 1942г.
10. Каким РВК призван Одесским РВК Сталинградской обл
11. Чем ранее награжден мед. "За отвагу" "За боевые заслуги"
12. Постоя семьи

Сержант Талак А.М. при прорыве государственной границы с Японией, будучи радиотом поддерживала бесперебойную радиосвязь с группой и поддерживала штаб. 10 августа Талак с радиостанцией при опергруппе штаба вышла вперед в р-н Франца и в течение суток без перерыва обеспечивала поддержание бесперебойной радиосвязи с частями, принявшими от подгруппы штабов оперативные и разведывательные сообщения, передавала их в штаб артиллерии армии. 16 августа обеспечила в срок передачу боевых приказаний штабом вновь прибывшим артистам. Во внутренних радиостанциях этих же частей и соединений. 17.8.45 вместе с мат. радиот серж. Талак вышла с оперативной группой в р-н раз. Линский и обеспечила бесперебойную связь с подгруппами штаба. Серж. Талак на всем протяжении боевых операций показала себя знающим радиоделом, культурным, неутомимым радиотом. За умелое поддержание связи в наступательной операции, проявленную находчивость и мужество серж. Талак достойна представлять к правительственной награде **ордену "Красная звезда"**.

КОМАНДИР 47 ШТАБНОЙ БАТАРЕИ
СЕРЖАНТ *[подпись]* / ЛАРУТА
Достоин награждения ордена "Красная звезда"
НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРТИЛЛЕРИИ 5 АРМИИ
15. ПОЛКОВНИК *[подпись]* УВАЛОВ
27 августа 1945г.
Достоин награждения медалей за отвагу
КОМАНДИР АРТИЛЛЕРИИ 5 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ - ЛЕЙТЕНАНТ АРТИЛЛЕРИИ
" " августа 1945г. *[подпись]* УВАЛОВ

никогда я столько не ходила. На левой стороне есть такое село Николаевка. Вот там был 203-й запасной полк, знаменитый, как потом я прочитала в каких-то воспоминаниях, что знаменитый. Наверное, через этот запасной полк прошли миллионы людей. В этом запасном полку нас учили всему: что такое взвод, что такое полк — чтоб мы имели представление, какое строение армии. Изучали еще ручной автомат, пулемет, винтовку — собирали, разбирали для того, чтобы знать, как оно все стреляет. Учили ползать по-пластунски, учили идти в атаку — там у нас была небольшая будочка, наверное, туалет, так мы этот туалет брали в атаку несколько раз, ползали по-пластунски — тоже брали это «укрепление» несколько раз. Тренировались. А еще нам не давали никакого обмундирования. Представляете, в платице ползать, и брать это учреждение было не очень удобно.

После обучения меня пригласил майор, видимо, данные у него какие-то были, он посмотрел и спросил о том, кто на фронте, какая семья, откуда я. Побеседовал со мной и говорит: «Девочка, я тебя хотел в партизаны радистом, а потом думаю: пожалею тебя, не пошлю в партизаны, отправлю тебя в часть». После этого собеседования, там землянка такая была — окошко из земли — тебе оттуда выбрасывают обмундирование. Было все не по мне, но мы маленько менялись между собой, ведь ты подходишь, он выбрасывает обмундирование, но не видит, кто подошел, ему главное выбросить нам форму. Мне сказали, что я радист. Попала я в артиллерийскую часть 57 армии, и уже только тогда, когда мы переплыли через Волгу. А что значит переплыть: маленький катерок, мы стояли впритык друг к другу под обстрелом фашистских самолетов, ширину Волги я узнала потом — два с половиной километра, а я не умела совершенно плавать, не научилась. Я очень боялась. Оказывается, я страшно визжала и кричала. Откуда я это знаю — я кричала в ухо мальчику, который рядом стоял. И, когда мы благополучно доплыли и встали на землю, он меня спрашивает: «Ты чего меня оглушила?» А я со страху не помню, что кричала ему в ухо. Я и три мальчика — мы пришли пополнять часть, в которой я служила. Полуземлянка, там солдаты, а я как-то боялась и оттого прижалась в уголок и смотрю: один солдат заходит и смотрит на меня, другой, третий, оказывается, им сказали, что пришло пополнение, и они на меня смотрят как на чудо. Ждали мальчика-радиста, а пришла вот такая... но я даже радиостанцию не видела, вернее, коробку видела, а саму — ни разу, и пришел ко мне Кеша Крохолов — Иннокентий его зовут — он сам из Сибири, из Барнаула. Он показал: «Вот стрелка, это включаешь, вот это нажимаешь, переключатель, нажимаешь, лампочка горит — радиостанция работает». Он был мой учитель по тому, как работать на радиостанции, но предупредил строго: «дали тебе позывной — никому не говори, никаких бумажек, запомни и никому не говори» — этому он меня научил в первую очередь. Это был мой наставник, как радиста.

И вот я влилась в эту среду под Сталинградом. Первое, что мне запомнилось — там не рыли окопы, там кричали: «Щели!». И был в нашем взводе такой солдат, наверное, из Белоруссии, он как увидит, что самолеты летят, кричит: «Летят, летят, летят, раз, два три, четыре, пять» — до пяти самолетов немецких он насчитывал, а дальше его терпения не хватало, и он кричал: «По щелям!» Один или два человека влезли в щель — он хотел как-то подлезть, у него даже нос такой был утиный, сплюснутый кончик, и он норовил подлезть под всех. А там, в Сталинграде, нельзя рыть окопы настоящие, потому что земля супесчаная, тебя может присыпать гравием — не выберешься, поэтому рыли щели.

Еще хочу сказать про свою первую помощь медицинскую. После бомбежки, все вроде стихло, я услышала рык. Вылезла, отряхнулась, смотрю — лежит парень, мужчина, мальчик — как хотите его называйте. У него был распорот желудок, и кишки пузыряются. Сколько раненых я видела, но такого я больше не видела никогда — чтобы кишки наружу. У него так, гортанно шел этот рык, и я хотела помочь впахнуть ему кишки, но его уже было не спасти, и так он умер. Очень на меня подействовало это: что я не могла оказать помощь, а главное — этот рык, через много лет в другом месте я услышала такой рык, когда у моей сослуживицы в армии, под Гороховцом умер сын. Когда я пришла к ней сказать, что умер ее мальчик — у нее тромб оторвался, и вот у нее тоже этот рык был. Она так была поражена, и я вспомнила рык сталинградского солдатика, когда такое горе. Это очень печально...

Короче говоря, Сталинград — это мои 17 лет, и столько было обстрелов, столько было жертв. Сколько раз я видела: придет пополнение, сидит несколько человек, разрыв! Там голова, там нога... Это невозможно забыть, я и тогда думала: жива останусь — никогда не забуду! Во мне оно сидит. Сколько лет я хожу в школы, рассказываю детишкам, я говорю, что страшно, но откровенно пугать мне их жалко. Мне жалко, если когда-нибудь наши дети, внуки, правнуки увидят такое — не надо!

Сталинград закончился. Нам устроили баню, дали по 4 мандаринки, я не знаю, как давали в других частях может, больше, может — нет. Опять погрузили нас в эшелоны, и поехали. Попали мы под Старую Руссу. Там были бои местного значения, наступления не было — что правда, то правда. Зима, зарылись мы в снег — как хорошо! Если немцы стреляют по какому-то квадрату, то и мы в ответ пульнем. А потом — март, снег начал таять, оказывается, мы в болоте! С потеплением мы проваливались в эти болота, пушки с колесами... Подвоз снарядов закончился, подвоз продуктов закончился, у нас пошли фурункулы от сырости, от грязи, голода и холода, стали слепыми — авитаминоз пошел, но главное — фурункулы. Это страшные большие черви, и они под мышками, во всех нежных местах, на шее... Не дай Бог!

Нас вывезли, как небоеспособную часть: сначала несли на носилках, а потом грузили рядышком, и когда в одной деревне закукарекал

петух, а мы проезжали в это время, — заплакали все, ребята все заплакали. Петух закукарекал, значит, мы живы! Представьте себе: мы лежим, внизу вода, болото. Когда еще можно было ходить, ребята нарубили веток, переплели и сделали решетки, чтобы тело не проваливалось в болото. Сделали решетки, накрыли брезентом, а потом сами ложились, потому что мы ходить уже не могли. Вот лежим, и я думаю: 17 лет прошло, я до восемнадцати еще не дожила! Это март — апрель 1943 года. Думала, что в болоте утону и не найдут, если бы где-нибудь в бою, а вот так... Все почти лежали, не только я. А потом я достала свою алюминиевую кружку, зачерпнула этой талой вонючей воды, сделала глоток и начала говорить какой-то стишок. Сначала никто на меня не реагировал. Я прочитала, потом другой, третий, потом что-то забыла, а мне один подсказал, другой подсказал. Потом я стихи забыла уже, кончила, начала из произведений читать. Смотрят все: «Анютка, давай еще!» Вспомнили, что я Анютка. Все немножко взбодрились, зашевелились. Вы знаете, наутро нас вывезли. Это такое совпадение, что утром подъехали машины и вывезли нас всех. И вот я говорю, что когда услышали петуха, заплакали все. Живы мы, петух кукарекает — все пойдет хорошо.

Не помню место, не могу сказать, но где-то на опушке нас стали отпаивать. Давали дрожжи, не дадут тебе никакого супу, если ты не выпьешь эти дрожжи. До сих пор эти дрожжи для меня страшное явление, но надо выпить. Давали еще настой хвои, чтобы мы витаминами напитались. А потом освободили Ржев, Гжатск, до Смоленска дошли, потом до Орши. В 1943 году мы дошли до Орши с боями, с трудными, страшными боями, но уже меньше нас бомбили. В ночь на 1 января мы поднялись по тревоге, погрузились. Оказывается, из-под Орши нас перебрасывали под Витебск. Мы погрузились, и ребята говорят: «Анютка, давай, залезай в кузов, чтоб не сверху мерзнуть, а в кузове ехать». Там были мешки, не знаю что, может, сухари, может, еще чего. Я туда влезла, и так я там хорошо уснула! Хорошо, что была остановка, ребята открыли дверь — посмотреть, как я там. А я нанюхалась выхлопных газов и отравилась. Если бы не открыли, не выволокли бы меня и не стали снегом лицо тереть, тормозить меня, то меня бы не было. Они меня спасли. Спасибо им! Так что все случается.

Перебросили нас под Витебск. 24 июня начали мы наступление. Еще один комичный случай приведу в пример. Начали наступление в Белоруссии под названием «Багратион», я уже знала, что мы в пять часов утра 24 июня начнем наступление, поэтому я искала себе место для радиостанции, где лучше передавать команды. Было очень жаркое лето. На опушке леса сосна большая, а по ней аж смола течет сильная, а я держу моток кабеля для того, чтобы к штырю своему прикрутить, чтоб меня слышали лучше, это как надо забросить! Но как я туда залезу? Если, я залезу, конечно, буду вся в смоле. Идет лейтенант, такой свеженький, молоденький, красивенький. Он говорит: «Ну, как у тебя

тут дела?» Я говорю: «Да тут проблема — не знаю, как себе сделать, чтоб меня слышали, как следует. А он знал, что есть такая радистка с косами: куда ее не пошли — связь будет. «А какая проблема?» — «Да вот проблема — надо залезть на дерево». Он говорит: «Давай», взял моток и полез на дерево. Залез туда, прицепил, дает мне, а потом на себя посмотрел... Ну, конечно, в три верха выразился хорошим словом и ушел. Больше я его не видела. В 1946 году мой муж приехал ко мне жениться и привез меня в Спасск-Дальний на Дальний Восток, и кто у меня сосед? Этот лейтенант, который меня выручил, вот такие бывают совпадения!

В Белоруссии мы шли в хорошем темпе. Очень было жалко белорусских партизан: выходили они с этого леса, с этих болот сами чуть живые, худые, изможденные, грязные, но выводили коров, корова еле переставляет ноги, у нее ребра все видны, лошади все такие же. Как они там выдерживали — я не знаю. Освободили Белоруссию — в Прибалтику. В Прибалтике хочу прибавить один случай. Там лесов нет, там асфальт, кирпичные дома, черепичные крыши, все красивенько, культурненько. И по окраинам «мызы» — хутора — отдельные дома.

Я забиралась на чердаки, и с чердака посылала свои команды, потому что мне не надо ничего прикручивать, куда-то лазить — я забиралась на чердак и оттуда передавала команды. Но у меня теперь уже как получалось: один мой — наушник — трубка, а другой — снизу, где там командир сидит и говорит, кому и куда, что передать. И когда я там в одном сарае сидела, а я сидела лицом к двери, которая на чердак вела, потому что я должна видеть — мало ли кто ко мне на чердак залезет. У меня автомат лежал на коленях, и вдруг смотрю — кто-то ко мне лезет, смотрю — женская голова. Вышла, смотрю — старушка, ну, как старушка, ей лет 40–45 было. Она принесла мне гостинец, я сначала на нее автомат, а потом думаю: да нет, вроде она с миром. Принесла мне в голубенькой кастрюлечке, внизу — беленькая эмаль, и там были четыре картошинки размером с орех. Вот она мне принесла с кастрюлечкой этот гостинец, угостила меня латышка. Ну, конечно, я съела, поблагодарила ее, а говорить-то мы не могли, но я так поняла, что у нее дочка погибла, она меня по головке погладила, посидела со мной и ушла. Я хотела ей отдать эту кастрюльку, а она: «Не надо, я тебе эту кастрюльку дарю, возьми с собой!» И из этой кастрюльки я сына кормила кашкой, потом сын вырос, я сестре подарила эту кастрюльку — она дочь кормила и говорила: «Это хорошая, заговоренная кастрюлька!»

14 сентября мы вышли на старую границу Советского Союза. 1 января 1945 года я встретила уже в Восточной Пруссии. Новый Год встречали в городе Раджен, сейчас эта территория отошла к Польше. Наш взвод занял огромный дворец. В Восточной Пруссии знать немецких военных была, поэтому у всех шикарные дома. Я там тоже на чердак лазала, но там я уже выбирала чердак, потому что немцы все сами коптили, окорока делали, один дымоход для отопления дома, а другой

дымоход — для копчения этих окороков. Так я залезала на чердак и нюхала, где окороками пахнет — я туда радиостанцию ставлю. В общем, сидела в том дымоходе, где окороками пахнет, хоть питалась запахами. А в самом Раджене, где мы разместились, нашему взводу достался свиарник. И я новый 1945 год встретила в свиарнике немецком, но там было чисто, известью все выбелено, там было хорошо. 21 апреля 1945 года, когда взяли Кенигсберг, закончилась моя служба в Восточной Пруссии. 22 и 23 числа нас погрузили на эшелоны и отправили на Дальний Восток.

День Победы встретила за Уралом. В 3 часа ночи 8 мая, я дежурила несколько дней, всем рассказывала сводки СОВИНФОРМБЮРО, ведь Левитана все слушали взахлеб, понимали, что война скоро кончится. И вот я приняла ночью известие, что Жуков подписал капитуляцию, что Победу объявили, что война кончилась. Все спали, конечно, одна я дежурила. Печка чугунная стоит и там дневальный сидит. А у меня голос сел, громко говорить не могла, запищала: «Ой, война кончилась!», сказала этому дневальному: «Ты знаешь, война кончилась, сейчас Левитан сказал, что Жуков подписал акт о капитуляции!» Он как рявкнет: «Подъем! Война кончилась!». «Кто сказал?». «Да вот, Анютка сказала». И они меня давай целовать и подбрасывать, как мячик, туда — сюда. А нашей части было два вагона, наш — товарный вагон, там такая скоба, и дверь открывается на роликах. А эшелон идет, ночь, темная ночь. Вроде замедлился, а я переживаю: те люди спят и не знают, что война кончилась, это ж наши! А нам еще в Восточной Пруссии придали три устанювки «Катюш». Три «Катюши» с нами ехало, и сам командир, майор Серегин, руководил «Катюшами». Это, наверное, взвод или батарея — три «Катюши». Он был в том вагоне и солдаты. Вроде замедлился эшелон, я спрыгнула, добежала до того вагона, ухватилась за ручку, за скобу, а он набирает темп. А дежурный дверь не закрывал до конца — там же никакой форточкой не было, чтобы воздух вентилировался, а у меня голос сел, я вишу на скобе, и ноги мои затягивает под колеса, думаю: все, без ног останусь и ничего не скажу. Запищала, дневальный услышал, но у него не хватило сил отодвинуть мой вес, меня туда тянет, и этот майор Серегин, он высокий такой был, отодвинул эту скобу, но уже ухватил, за подмышки взял, как рванет... И я головой о крышу как шарахнусь. Но я ухватила его, и в ухо ему говорю от боли: «Война кончилась, война кончилась!» — «Как?» — спросил он. «Война кончилась!» — говорю я ему третий раз в ухо. Он тогда отпустил мои подмышки, и я тогда шлепнулась другим местом об пол. Сажу на полу и так говорю: «А война кончилась все-таки!» Тогда он меня сразу поднял, обнял, поцеловал, тут уже все принялись меня снова подбрасывать как мячик. Никто не встречал День Победы так, как я, это точно, потому что другой ночи, восьмого мая, ни у кого не могло быть. Вот такой мой День Победы.

Потом — Дальний Восток. Там сначала сплошные тренировки, чтобы мы бегали по сопкам, как япошки. И строевая, и все было. Еще

скажу, как мы строевой занимались, чтобы мы по сопкам бегали, чтобы у нас было лучше всех, мы же Победители! Ночью, днем — в любое время поднимали. А как раз июль, август, сентябрь — там полоса дождей, очень часто и сейчас — наводнение на Дальнем Востоке, все плывет, все смывает — климат там такой. Днем занимаешься теорией, только поужинаешь, заснешь, и тебя по тревоге поднимают, ливень сплошной, а ты должен бегать. Кустарники тебя хлещут, но надо бегать, чтобы ты был бегучий, а у меня же еще радиостанция за плечами — 4 килограмма, те бегут с автоматами, а у меня еще нагрузка эта. Я девочка, а кто будет спрашивать, ты — солдат, выполняй, бегай со всеми.

Был такой случай: день позанимались, ночью нас подняли по тревоге — мы брали сопку под проливным дождем, потом уснули, даже не доходя до своего места, где каждый взвод огородил свое место, а нам еще выдали такие палатки на одного человека. Лежишь под этой палаткой, а ливень как пошел, тебя смывает с этой сопки, плохо было. После страшной ночи по тревоге, дошли до ужина, идем, а в каждой части все было построено по порядку: дежурный принимает рапорт — день прошел хорошо, замечания, кому есть, кому — нет, и потом: «Запевай!», пропел песню и идешь ужинать. Дошла очередь до нашего взвода. Командир взвода отрапортовал: «Запевай!». Молчат. Наш взвод идет штрафной круг, дошли до дежурного: «Запевай!». Опять молчат. А я замыкающая во взводе. Отошли от дежурного, я говорю: да вы что? В каждом взводе есть свой запеваля — один, два мальчика запеваля песню, у каждого взвода была своя задачка. Я говорю: да вы что? Давайте, запевайте, у меня уже ноги не ходят, а вы забастовку устроили! Дошли до дежурного — опять молчат. Дежурный: «Запевай!», и я запела. Никогда я не пела. А какую песню пела — сама удивляюсь: «По Дону гуляет казак молодой». Вы заулыбались, дежурный захохотал, и весь мой взвод, все захохотали до упаду. Подошли к кухне, а я отстегнула котелок и говорю: нет, братцы, ужин мой, не дам! Не захотели петь, и еды вам не будет! Ну, конечно, пошутила. Вот, всяко бывает, третий круг я бы не выдержала.

Раз зашел разговор про пение, то хочу сказать, что туда, на Дальний Восток, приехал ансамбль Александрова всем составом для поддержки морального духа, естественно, ведь частей туда навезли много, а скоро должно начаться наступление, 8 августа. Грузовики открыли борта и устроили сцену, а там их, наверное, 100–150 человек — огромная масса добрых молодцев. Потом я несколько раз слушала ансамбль Александрова, но такого впечатления, как там, у меня не оставалось, шикарно, очень хорошо, но как там... Представляете, сопки, на них солдаты сидят со всех сторон, и как оркестр аккорд дал: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Вот я сейчас говорю, а по спине мурашки. Такое эхо, такой звук, что незабываемо. Потом пляски были долго, но вот это: «Вставай, страна огромная!» — это не забыть. Вот так до 3 сентября 1945 года. Так закончился мой боевой путь!

Мы просто хотели сделать больше вылетов. Так воевали легендарные «ночные ведьмы»

Было ощущение, что надвигается война. Но у меня было особое такое ощущение. Я пошла на физфак учиться не по огромной любви к физике. Я наоборот хотела быть врачом, но я была очень болезненной девчонкой, мама очень не хотела этого. Отец умер к этому времени. Тогда я решила — пойду на физфак, папа мой кончал физфак МГУ. Наверное, это интересно, если папа кончал.

Детство

Я кончила школу с золотой медалью, в школе увлекалась драмкружком, и больше ничем, но кончила школу на отлично. Пришла в университет, подала документы. Тогда уже стали принимать детей интеллигенции — мою старшую сестру не принимали, так как она была на шесть лет старше, и тогда принимали только детей рабочих и крестьян. А когда я подросла через шесть лет стали принимать в ВУЗы вне зависимости от твоей родословной. Пришла на физфак, подала документы. Меня пригласили на собеседование — экзамены я не должна была сдавать. Помню, меня замдекана спросил: «Почему вы пошли на физический факультет?»

Я говорю: «У меня папа кончал физический факультет».

«Ну, хорошо». Так меня приняли.

Потом, когда собрались все однокурсники, которых приняли — я увидела, какие все серьезные, умные. Все ходят, говорят о каких-то

Ирина Ракобольская

проблемах научных. А мне тогда все это было совсем неинтересно. Я абсолютно тогда не увлекалась физикой. Я увлекалась театром, самодеятельностью, медициной. А тут — физика какая-то! Ну, уж поступила, так поступила. Так началось мое обучение на физическом факультете.

Начало войны

Мы готовились к последнему экзамену на третьем курсе физфака. Последним экзаменом был экзамен по теоретической физике. Мы занимались с моей подружкой, дочкой врача, у них на квартире. Сидели, зубрили теоретическую физику. Звонит телефон, и мальчик, кто-то из наших однокурсников — уже не помню кто, говорит: «Девочки, включите радио. Сейчас будет выступать Молотов. Как будто о войне». Почему-то у меня потекли слезы — я даже не знаю, почему. Мы включили радио и услышали речь Молотова о том, что началась война, что немцы напали. Обычная его речь. Выступал не Сталин, а Молотов.

Мы оделись и поехали в МГУ. Тогда наш университет размещался на углу Моховой и улицы Герцена. Там с обеих сторон улицы Герцена были факультеты — и технические, и гуманитарные. Тогда университет был меньше, чем сейчас, раз, наверное, в десять. У нас был только один гуманитарный факультет — исторический, а остальные были технические: физмат, химфак, физфак, биофак, географический и геологический.

Все студенты, кто услышал новость — все приехали в МГУ. Там была огромная аудитория по тем временам — коммунистическая. Большой зал на углу Герцена и Моховой. Вся аудитория была полна студентами. Все приехали, как-то поместились в этой аудитории. Кто стоял, кто сидел на полу. Начали выступать, говорить — война началась, что будем делать. Помню, что по предложению одного нашего физика, Федора Типунина, мы приняли такое решение: наша комсомольская организация считает себя мобилизованной партией и правительством на любые задания, которые они нам дадут. Мы приняли такое решение и разошлись.

Первое задание, которое они нам дали — это было убирать сено в Рязанской области. Мужики все, колхозники, ушли в армию, и студенческий отряд уехал туда. Потом рыли окопы между Москвой и Смоленском, потом пошла мобилизация с нашего курса. Все мальчики, кто имел здоровье и не имел репрессированных родителей, были призваны в авиационную академию Жуковского и академию бронетанковую. Образование, которое мы уже получили — три года физического факультета — было достаточно для того, чтобы не учить нас основам. На тот теоретический пласт, который мы имели, можно было наложить то, что нужно для того, чтобы быть хорошим авиационным инженером, танкистом. Нам не нужно было преподавать основы математики и физики.

Вот так наши мальчишки почти все попали в академию Жуковского и бронетанковую академию. Мы остались на факультете. Мы собирали сено, рыли окопы. Я была тогда секретарем вузкома комсомола университета. Я выезжала — у меня даже до сих пор где-то лежит командировочное удостоверение, что меня посылают на окопы посмотреть, что там происходит, что там делают наши ребята. Я дважды выезжала на эти окопы. Очень хорошо помню наших мальчишек, которые почему-то все стояли ко мне лицом, когда я подходила. Потом выяснилось, что они стояли лицом, потому что у них сзади у всех были рваные штаны.

Первый раз я приехала, второй раз отвозила им ботинки и какую-то материальную помощь. В то же время из студенческих отрядов стали постепенно отзывать студентов четвертого курса, чтобы их направить в какие-то вузы. Так начиналась для меня война.

Формирование женского полка

Таким образом, наши мальчишки или пошли в академию, или пошли добровольно воевать в партизаны или еще куда. Кто был не здоров, направлялся в эвакуацию. Москва вся разъезжалась. Эвакуировали заводы, фабрики, институты. Университет уезжал в эвакуацию в Ашхабад. Обстановка была, знаете ли, напряженная. На всех крышах домов были нарисованы какие-то объекты, чтобы не видно было. Ночами все дежурили на крышах, ловили «зажигалки», которые на нас сыпали немцы.

В это время в нашей стране было очень много летчиц — женщин, которые кончали аэроклубы. Это было что-то вроде спортивного кружка. Женщины хорошо водили самолеты. Они стали писать командованию, Сталину, считая, что их тоже могут направить на фронт. Им — отказ.

В это время в нашей стране было только три Героя Советского Союза — женщины. Осипенко, Гризодубова и Раскова. Раскова рассказывала, что она тоже написала заявление, чтобы ее послали на фронт. Отказ. Тогда Расковой пришла в голову такая озорная мысль: «Почему нас не берут? Может, за моральный облик боятся или что? Почему не берут девчонок, хороших летчиц? Они же водили пассажирские самолеты!»

И ей пришла в голову идея сформировать женские авиационные части. Женские авиационные полки. Она в своем кругу это обсуждала, и над ней смеялись. Говорили, что мировая авиация не знает таких авиационных частей. Но мировая авиация не знала и таких женщин, как Марина Раскова! Через какое-то время пробивания, трепыхания, 9 октября 1941 года Сталин подписал приказ о формировании трех женских полков. Один — истребительный, один — на дневных пикирующих бомбардировщиках (Су), и третий на самолетах У-2. Тогда они были учебными самолетами, а стали ночными бомбардировщиками.

Не сразу, через какое-то малое время она (Раскова) и помогающие ей люди сообразили — как формировать бомбардировочный полк без штурманов? Там же должен быть обязательно летчик и штурман. Летчик ведет самолет, а штурман определяет курс, куда лететь, снос ветра, куда бомбы бросать. Штурман, собственно, и бомбит. Без штурмана нельзя. А штурманов на «гражданке» среди женщин не оказалось! Были летчицы, которые водили самолеты, а штурманов не было. Тогда в Москве ЦК комсомола объявил призыв по Москве женщин, желающих пойти в армию. Там не было ничего сказано, что это в авиацию или куда-то. ЦК дал разнарядку: от каждого райкома Москвы они будут отбирать 12 человек. Женщин, которые или пулеметчицы, или парашютистки, или умеют работать на приемниках. То есть уже с какими-то определенными навыками.

Эта телеграмма от ЦК пришла к нам в Университет. Поскольку в это время секретарь райкома была у нас в Университете, то эту телеграмму для Краснопресненского райкома получила я. С телеграммой пошла к Захарьян — она была секретарем райкома, показываю ей. Она говорит: «Ну, 12 человек. Ира, проводи этот набор у себя в Университете за наш район». Я стала обзванивать факультеты, искать кого-то. В это время уже были занятия, Университет собирался в эвакуацию. Кого-то я находила, каких-то девчонок. Я им звонила, с ними договаривалась. На следующий день в 10 утра всем было необходимо явиться в отборочную комиссию ЦК Комсомола.

Орава девчонок на следующее утро явилась в ЦК, который находился на Лубянке. Это были наши девочки, а мы и не знали об этом начальстве. Я хочу показать вот эту газету, первую, которую мы нарисовали тогда. Как тогда, семьдесят два года назад, мы в ЦК ползали на коленках и говорили, что мы все можем, и вы не смотрите, что я такая хилая! Мамы тогда не было в Москве, не было никого, кто бы меня не мог пустить на войну. Мне сказали «да». Всех, кого Раскова отобрала на штурманов и пилотов, погрузили в теплушки и отправили в Энгельс. Сначала думали, что будут учить в Москве, в академии Жуковского, но Москва тогда была на эвакуации. Пахло войной, и Москва уже не была таким местом, где это можно было бы делать. Повезли нас в Энгельскую авиационную школу пилотов. Марина Раскова сформировала группу, которая училась на штурманов, группу, которая училась на вооруженцев, и группу, которая училась на военных летчиц. Для всех групп была разработана ею с помощниками программа. Мы начали заниматься. Я по определению попала в штурманскую группу. Это был октябрь 1941 года. У нас были очень напряженные занятия. В то время авиация не была так сильно распространена. Не летали на самолетах из города в город, а ездили на поездах. Поэтому девочки подходили к такому чуду, как самолет, трогали пальцем плоскости и удивлялись — что это такое, и как на нем летать? Что мы будем тут делать?

НАГРАДНОЙ ЛИСТ.-

Фамилия, имя и отчество - РАКОВОЛЬСКАЯ Ирина Вячеславовна.-

Военное звание - Лейтенант,

Должность, часть - Начальник Штаба Ночного Легко-Бомбардировочного
588 Авиационного Полка.-

Представляется к Правительственной награде ордена
"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".-

1. Год рождения - 1918 г.
2. Национальность - русская,
3. С какого времени состоит в Красной армии - 1941 г.
4. Партийность - Чл. ВЛКСМ с 1957 г.
5. Участие в боях /где и когда/ - с 27 мая 1942 г. Ржевский фронт.
6. Имеет-ли ранения и контузии - не имеет.-
7. Чем ранее награжден /за какие различия/ - награды не имеет.
8. Каким РВК призван - По мобилизации ЦК ВЛКСМ.-
9. Постоянный домашний адрес: -
/представляемого к награждению или его семьи/.-

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО
БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.-

Тов. РАКОВОЛЬСКАЯ на фронте Отечественной войны с 27 мая 1942 года. За этот период времени проявила себя дисциплинированной, требовательной к себе и подчиненным. Работает в должности Начальника штаба с февраля месяца 1942 года, с работой справляется хорошо. Штабную работу знает и правильно организовала работу штабных командиров. В повседневной своей работе лично помогает и учит подчиненных. Личным примером, самоотверженной работы добилась хорошей работоспособности командиров штаба. Много уделяет внимания по обеспечению боевой работы полка. Работая Начальником штаба, ежедневно присутствует на полетах, помогает командирам организовать боевую работу.-

Учет и отчетность штаба поставлена хорошо. Штабную работу любит и требует от подчиненных в точности и аккуратности. - Полученные боевые приказы и распоряжения, немедленно доводит до сведения командования Полка для принятия решения и сама делает правильные решения по целому ряду вопросов. -

Много внимания уделяет летно-штурманскому составу, правильности, четкости и аккуратности доклада о выполнении боевого задания и эффективности бомбометания. -

За период боевой работы Полком произведено 3041 ночных боевых вылета по уничтожению мотомехчастей, живой силы противника, переправ, ж.д. узлов. Оброшено бомб 18661 шт. весом 304980,5 кг. бомб. Средняя напряженность за сентябрь месяц 1942 г. 49 самолетов вылетов. Наиболее напряженные ночи: - с 29 на 30-е августа 1942 г. 82 самолета вылета, с 31 августа на 1 сентября 1942 года 68 самолетов вылетов, с 6 сентября на 7 сентября 1942 г. 78 самолетов вылетов. -

Экипажи свободно делают по 6 вылетов в ночь. Всего было произведено 251 очага пожаров, из них 10 сопровождалось взрывами. Уничтожено 4 переправы в пунктах Моздок, Константиновская, Раздольское и Кизляр. -

Тов. РАКОВОЛЬСКАЯ морально и политически устойчива. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предана.

За самоотверженную работу Лейтенант РАКОВОЛЬСКАЯ достойна представления к Правительственной награде ордена "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА". -

КОМАНДИР 588 НЛБАП
МАЙОР
/БЕРШАНСКАЯ/.

ВОЕНКОМ 588 НЛБАП
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
ПАЧКЕВИЧ/.

Рачин

"...." октября 1942 года. -

**Штаб 46-го гвардейского ночного бомбардировочного полка.
Ирина Ракобольская — в первом ряду в центре**

Нам дали обмундирование, и мы написали «О, Швейк, дорогой! Далеко ты отстал! Ты формы такой никогда не видал!»

Потом нам всем сказали подстричься «под мальчика». Подстриглись, ходили только строем: в столовую и на занятия в Энгельской авиационной школе. Вот «мальчики» — девочки, которые подстриглись под мальчиков. Бывшие студентки мехмата, а теперь такие пареньки красивые. Вот какая бомба, и вот какая девочка должна ее вешать, такую здоровую. Это был первый номер «Крокодила», который выпустили девочки. Этот журнал выпускали всю войну три одни и те же девочки.

Нас в течение четырех месяцев учили штурманскому делу. И теоретически, и строевой подготовке, и определять маршрут в воздухе. В это время какой-то самолет, пролетая над Энгельсом, сел у нас на вынужденную. Раскова сразу куда-то обратилась, и этот ТБ-3 — знаете, здоровенный такой, гроб летающий, оставили у нас, чтобы нас на нем учить. Появилась какая-то техника, учебный процесс налажился. Утром — строевая, потом — морзянка, потом — как маршруты прокладывать. Ветрочет, как определять угол сноса, как по нему определять курс. В общем, все, что необходимо штурману. Жили мы в общежитии, даже скорее в необорудованном спортивном зале. Двухэтажные койки. У нас была дружная девчачья команда на этих койках. Жили дружно

и весело. Нам казалось, что война быстро пройдет, что война — это временно.

Но мужчины, которые учились в Энгельской авиационной школе, подняли нас на смех. Бабий полк какой-то, девки приехали. Тогда у нас был введен строгий режим — с мужчинами никаких дел не имеем! Мы строем шли в столовую, строем — из столовой. Рядом с нами всегда бежал бобик, который облаивал встречных мужиков. Когда две девчонки с мехмата встретили своих студентов в столовой, которые почему-то попали в Энгельс, и пришли с ними без строя, то мы собрали на следующий день собрание. На собрании говорили, что девочки позорят московский университет, что мы туда сообщим. Девочки плакали и говорили, что в жизни больше с мужчинами разговаривать не будут.

Нам казалось, что все это временно. Все быстро закончится. Так началось наше обучение, и так я закончила штурманскую группу. Руководила всеми группами Раскова. Она же подбирала преподавателей и программу. Сначала на все три женских полка были подобраны женщины-командиры, но потом с одной что-то случилось, потом — с второй, и стали в истребительном и пикирующем полку командирами мужчины. У нас, в нашем полку, нашли летчицу из Краснодара Бешанскую. Она была очень хорошей летчицей, с очень хорошим характером. Она прошла с нами всю войну.

Я же по своему организационному характеру и в своей штурманской группе была комсоргом, и вообще считалось, что в университете комсомольская организация все может. Мы все можем!

Подошло время формирования полка, и вдруг получаем приказ, что меня назначают начальником штаба полка на По-2! Никто меня не спрашивал. Почему меня туда? Я пошла к Расковой. Говорю: «Марина Михайловна...»

Тогда же я еще была не военной, у меня не было военного языка или еще чего-то. «Марина Михайловна, почему же меня назначили? Я не хочу, я хочу летать!»

Она на меня посмотрела, и сказала: «Я гражданских разговоров не люблю. Идите!»

Я ушла. Потом я поняла, что если бы я подала рапорт, как положено в армии, то, может, все бы получилось. Я же пошла с ней по-домашнему поговорить, и меня отфутболили. Поплакала, и начала служить начальником штаба полка. Все те штурманы, с которыми я жила в одной комнате и дружила, стали моими подчиненными. Теперь, когда я входила в комнату, они должны были вставать, потому что я — начальник штаба. Я не могла с ними уже поговорить про МГУ, про мальчиков или еще о чем-то. Катя Рябова мне даже как-то сказала: «Ира, я просто слышать не могу, как ты кричишь: «Рябова, ко мне!»

А я не знала, как управлять полком. Что такое начальник штаба? Они организовали для нас курсы, мы учили, что такое оперативная

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

224

1. Фамилия, имя и отчество - РАКОБОЛЬСКАЯ Ирина Вячеславовна.
2. Звание - гвардии капитан, 3. Должность, часть - начальник штаба 46 гвардейского Таманского ночных бомбардировщиков авиационного полка.
- Представляется к ордену "Отечественной войны I степени".-
4. Год рождения - 1919 г. 5. Национальность - русская, 6. Партийность чл. ВКПб
7. Участие в гражданской войне: в Отечественной войне с 27 мая 1942г.
8. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.
9. С какого времени в КА с октября 1941 г.
10. Каким РК призыван - по мобилизации ЦК ВЛКСМ.

II. Чем ранее награждена - орденом Красная Звезда 1942 г.

Постоянный домашний адрес:-

=====

I. Краткое, конкретное изложение, личного боевого подвига или заслуг

Тов. Ракобольская за период боевой работы на фронте Отечественной войны по борьбе с немецкими оккупантами проявила себя дисциплинированным, выдержанным волевым командиром. Как начальник штаба правильно руководит штабными командами. Штаб выполняет волю командира и полностью обеспечивает выполнение боевой работы полка. Руководит всей учебно-боевой работой в эскадрильях. Учет и отчетность штаба поставлена хорошо. Под руководством гвардии капитана Ракобольской штаб руководил выполнением боевых операций по разгрому немецких захватчиков на Северном Кавказе, Таманском и Керченском полуостровах. В результате правильного руководства штаба полком сделано по разгрому немцев на Таманском полуострове 1625 боевых вылетов. Полк получил звание Таманского. Штаб руководил боевой работой по освобождению от немецких захватчиков Керченского полуострова. В результате умелого руководства сделано 5221 боевой вылет, разбросано свыше 2,5 мил. листовок. -

За весь период боевой работы полк произвел 14 775 боевых вылетов ночью с общим налетом 18619 час. Сброшено по уничтожению мотомехчастей, укреплений и живой силе противника 1852 тонны бомбового груза. В результате бомбардировочных ударов полк имеет эффективность: повреждено 14 переправ, уничтожено 9 ж.д. эшелонов, разрушены 2 ж.д. станции, уничтожены 34 автомашины, 40 складов с горючим и боеприпасами, 31 огневая точка, 7 прожекторов, вызвано 364 очага пожара, 672 сильных взрыва. Наряду с выполнением боевой работы под непосредственным руководством штаба выращено своих кадров и введено в строй 30 человека летчиков, 33 штурмана. За период боевой работы полк вырастил из молодых малоопытных летчиков десятки отличных летчиков и штурманов, которые выполняют боевые задания в любых метеорологических условиях.

За этот же период в полку награждено орденами и медалями
Союза ССР 155 чел. Дважды 38, трижды 16 чел. 1 Герой Советского Слю-
за. Боевые потери: за период боевой работы самолетов 23, людей 21.

Лично сама гвардии капитан РАКОВОЛЬСКАЯ сделала 14 боевых вы-
летов на контроль бомбометания экипажей. Тов. РАКОВОЛЬСКАЯ все свое
свободное время отдает работе с командирами штаба и наведение поряд-
ка и культуры работы штаба. Является парторгом штабной парторгани-
зации. Хорошо владела партработу, вовлекла в нее всю партийную органи-
зацию.

За самоотверженную работу, умелое руководство боевой работой
гвардии капитан Раковольская достойна второй Правительственной наг-
рады ордена "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ".

КОМАНДИР 43 ГВАРДИЙСКОГО МАШИННОГО ЦАП
ГВАРДИИ МАТОР /Бершанская/

"9.6." апреля 1944 года.

Приказом ЧВА № 013/н от 26.4.1944
Награждена орденом "Отечественной войны I степени"

Сит. пом. Чатка 2отд ОК ЧВА

капитан аф

Оксидкиз /Киселков/

29.4.44г.

сводка, что такое справка какая-то. Начальником оперативного отдела назначили нашу студентку с химфака Еленину, начальником связи — Ступину. В общем, из тех самых девчонок-студенток и собрали штаб. Из нас никто никогда ни в каком штабе не служил. Мы быстро стали подучивать, что мы должны делать. Меня поселили уже в отдельной комнате. Я только помню, что каждый вечер я возвращалась в эту комнату и рыдала на кровати, вытирала слезы. За что я попала в такую вещь? Почему? Как мне быть? Как мне остаться их подругой — мы же все из МГУ, все студенты-штурманы. Как мне остаться их подругой, и чтобы они меня слушали? Я не знала, я не умела! Принимала командирский тон, а они надо мной хихикали. В общем, тяжелое было время становления.

Нам казалось, что война — это что-то временное, краткое. А потом оказалось, что война — наша жизнь. Мы живем в ней. Не то, что тебя позвали на месяц, ты позанималась два месяца и все кончилось. Нет, это жизнь твоя. И нужно учиться жить в войне. Забегая вперед, скажу, что я прослужила начальником штаба 46-го, потом гвардейского полка, всю войну. Когда закончилась война, и полк расформировали, я ушла последней. Все документы я должна была сдать в архив, знамя — в музей Красной армии. Все полки, которые расформировывались, получали другой состав, других людей. Но как у нас это может быть, как на наше место придут мужчины? Мы же женский полк.

Вот так я попала на фронт. Забегая вперед, скажу, что на самолюбии — на самолюбии! девчонок — полк стал гвардейским, дважды орденоносным. Потом мы стали известными. К нам приезжали командующие фронтами посмотреть, что это за полк, что воюет без одного мужика! И они не принимают к себе ни одного мужика! Мы журналистов не принимали. Приедет журналист, сразу начнет за девушками ухаживать. Мы не хотели этого. Мы жили изолированно, что мы — только женщины. Приезжал к нам командующий Петров, командующий Тюленев, потом, когда нас перевели на 2-й Белорусский фронт, приезжал командующий Рокоссовский. Он к нам приезжал и после войны.

Мы стали полноценной боевой единицей. И не только полноценной, но легендарной. Это же легенда! Сто пятнадцать девчонок — столько нас было при формировании. Потом, когда нас оценили и дали нам гвардейское звание, нам надо было иметь не две эскадрильи, а три. Откуда третью эскадрилью взять? В тылу-то девчонок никто не готовит. Мы стали делать это сами. Из штурманов обучали на летчиков, из вооруженцев девчонок брали на штурманов. На вооруженцев брали девчонок из каких-то деревень по соседству. Когда мы пришли на фронт, нас было сто пятнадцать. Когда кончилась война, нас было двести тридцать. Тридцать погибло. То есть двести шестьдесят девочек прошло через наш полк. И ни одного мужчины никогда не было. Полк был жесткий. У нас был свой суд чести. Мы судили своих людей, если

они что-то нарушали. Были случаи ревтрибунала наших девочек, но мы оставляли их потом в полку. Рассказы про наш полк — это легенда и сказка. Это другое.

Весной 1942 года наш полк должны были вывести на фронт. В это время был снегопад, плохая погода. В один день подготовки к перелету в плохую погоду разбилось четыре наших самолета. Погибло четыре человека, четыре осталось живыми, хотя самолеты упали. Нас задержали. В результате наш полк попал на фронт только в мае 1942 года. Нас направили на Южный фронт. Это особый рассказ. Вы не можете себе представить, что из себя тогда представлял Южный фронт. Фронт бежал. Это было направление, на котором немцы стремились на юг, на Кавказ, к нашим нефтяным залежам. И там не было у нас обороны. Был Сталинград — страшная битва, был Ленинград, а у нас не было. Поэтому фронт фактически бежал, и мы бежали вместе с ними. Я видела бежавших солдат на дороге. Никогда не забуду картины: бежит солдатик, за ним какая-то женщина, хватается его за рукав, а он от нее отмахивается. Она к нему приставала, потом он к ней повернулся, и у него из-за пазухи выпала курица. Очевидно, он у нее на огороде украл курицу — есть-то было нечего! Женщина и погналась за ним. Эта курица у него выпорхнула. Вот такой был фронт.

Тогда впервые в нашей стране был опубликован приказ Сталина № 227. Запомните этот номер. В этом приказе было написано, что это позор, что мы отступаем и бежим. Что тех, кто бежит, надо судить. Надо создать ревтрибуналы, штрафные батальоны создать. Это был приказ, который должен был показать, какие будут наказания за трусость. Я, как начальник штаба, читала этот приказ девочкам. Девочки плакали. Потом я спросила у Наташи Меклин: «Наташа, а что ты плакала?» Она говорит: «Ира, мы же тоже войска Южного фронта!»

Так мы отступали фактически до Владикавказа. Там мы остановились в чеченской станице, простояли там несколько месяцев, и оттуда уже пошли в наступление по той же дороге.

Хочу вам немного рассказать то, чего вы, возможно, не знаете. Как тогда была устроена авиация. Есть полк. В полку — самолет. В самолете летчик, штурман, механик и вооруженец. Четыре человека на один самолет. Если можно перебраться в другое место, летчик сажает во вторую кабину второго человека, потом еще двух, и перелетает с этими людьми на новый аэродром. Кто нас кормил, кто оборудовал аэродромы, кто привозил бомбы? Это был не наш полк, а батальоны аэродромного обслуживания (БАО). Летный состав — люди, относящиеся к самолетам, и БАО, который строил столовую, общежитие, привозил бомбы и бензин по нашему заказу, устраивал взлетную полосу, строил баню и так далее. Две разных организации. Разные линии подчинения. Мы подчинялись командующему авиации фронта, а БАО были по линии обслуживания. По идее БАО должен был построить нам аэродром, а мы

НАГРАДНО-ЛИСТ.

1. Фамилия, имя и отчество - Ракобольская Ирина Вячеславовна,

2. Звание - гвардии майор, 3. Должность, часть - Начальник штаба 46 гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Таманского Краснознаменного ордена Суворова 3 степени полка.

Представляется к ордену "Красное знамя".

4. Год рождения 1919г. 5. Национальность - русская, 6. Партийность - чл. ВКПб - 43г.

7. Участие в Отечественной войне с 27 мая 1942г.

8. Имеет ли ранения и контузии - не имеет.

9. С какого времени в КА с ноября 1941г.

10. Каким ВВК призван - по мобилизации ЦК ВЛКСМ.

11. Чем ранее награжден - орденами Красная звезда 1942г. Отечественная война I степени 1943г. Отечественная война 2 степени 1945г. медалью За оборону Кавказа 9.44г.

12. Посты, должности, адреса:-

=====

I. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

=====

Тов. Ракобольская участница Отечественной войны с мая 1942г. В должности начальника штаба полка работает с февраля 1942г. За период боевой работы по борьбе с немецкими оккупантами проявила себя работоспособным, волевым командиром, умеющим хорошо организовать свою работу. Как начальник штаба правильно руководила штабными командирами в период проводимых боевых операций. Штаб полностью выполнял волю командира и обеспечивал боевую работу полка.

Под руководством тов. Ракобольской штаб выполнял боевую операцию по форсированию р. Одер. В результате правильного руководства штаба полком полком произведено с начала его деятельности 2367 боевые самолеты вылета. Политико-моральное состояние полка было вполне здоровое. Личный состав выполнял любое задание командования. Как начальник штаба большое внимание уделяет бытовому вопросам полка. Повседневное занимается воспитанием штабных командиров, в результате чего штаб работает правильно и никаких замечаний со стороны вышестоящих штабов не имеет. Больше внимание уделяет налаживанию отличного учета и планированию работы в эскадрильях. Как командир к личному составу требовательна, повседневно борется за выполнение уставов и наставлений Красной Армии, сама их знает отлично. После третьего награждения полк произвел 2772 боевых самолетов вылета.

За самоотверженную работу, умелое руководство боевой работой полка в период форсирования реки Одер гвардии майор Ракобольская достойна Правительственным награды ордена "Красное знамя".

Командир 46 гвардейского НБАТОП
Гвардии подполковник /Бершанская/.

ЗАПЯТОЧЕНИЕ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ

Достойна правительственной награды ордена "КРАСНОЕ ЗНАМЯ"

КОМАНДИР 325 П
ПОЛКОВНИК *Покоевой* /ПОКОВОЙ/

"20" июня 1945 года

ЗАПЯТОЧЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 4 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ

Достойна награждения орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ"

КОМАНДУЮЩИИ 4 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ
БЕРШИННИ *Берш*

"14" июня 1945 года

Приказом 2-го Белорусского фронта № <i>0719/Н</i> от
<i>15. июня</i> 1945 г. награжден <i>009</i>
<i>Кр. Знамя</i>
Пом. Нач. 3 отд. ОК 2 Б.З. <i>Велу</i>

должны были просто прилететь на готовое. Потом мы должны были перелететь на другой готовый аэродром, и так далее. Но на самом деле мы не садились на готовые аэродромы. Мы садились куда угодно — на улицу деревни, на опушку леса, на бывшее картофельное поле. Там нам никто аэродромов не строил! Мы летали прямо с площадок. Никто нам столовых не давал. Никто бань не строил. Но нас должно было обслуживать какое-то БАО. Поскольку мы прилетали не на готовое место (мы сначала были маленьким полком), то какое-то БАО выделяло команду в примерно 30 мужчин, которые нам помогали. Они быстро делали нам столовую, привозили еду, выделяли повара. Они привозили по нашим заявкам бомбы, которые нам были нужны. Какие бомбы? 50-килограммовые, кассетные маленькие, другие? Мы писали им заявку. Они привозили нам оборудование, одежду. Штаны мужские, кальсоны мужские. Самое ужасное — сапоги от сорок третьего размера и выше, в которые наши ножки помещались по две штуки в один сапог! Опять же, все по нашей заявке — сколько человек, сколько нам нужно обмундирования.

Они строили нам бани, в которых мы потом мылись, и в разных местах получалось по-разному. Например, в одном месте у нас была такая баня: стояла большая палатка, в палатке были сооружены нары, на них лежали тазы, а на улице сидел работник БАО и кипятил воду. Девочки заходили в эту палатку, раздевались, брали тазик, выходили голенькие к этому старику, брали воду, шли в палатку и мылись. И никакого вопроса не возникало, что они голенькие выходили к этому мужику. Он был возраста тридцать-сорок лет. Старик уже. На фронт таких пожилых уже не брали. Брали в БАО.

Приходили в столовую, там стоял какой-то повар, нам там давали какую-то еду. Мы давали заявку, сколько человек нужно кормить. После полетов, когда мы ночью летали, на завтрак ставили половину стакана спиртного какого-то. Сначала вина, потом водочки, потом даже какой-то чачи. Для того, чтобы снять напряжение с человека, который всю ночь летал на боевые задания. А летали мы всю ночь. С закатом вылетал самолет один, за ним, второй, потом — третий. Почему мы не летали строем? Потому что летали без опознавательных огней. Полагалось на самолете три огня — красный, зеленый, белый. Может, я уже путаю, где какой. Но если лететь строем, то нужно зажигать эти огни, чтобы не стукнуться, и немцы нас сразу увидят. Мы летаем медленно, низко, нас всех перебьют в одну минуту. Поэтому летали с погашенными огнями АНО. Самолет не был виден. Он летал в темноте. Один, сам за себя. Один вылетал, бомбил, возвращался, ему подвешивали новые бомбы, экипаж докладывал, что и как бомбил, что видел. Два человека в самолете — летчик и штурман. Кабина открытая по поясу. Никакой крышки над головой, никакого укрывания. Ничего этого не было. Это же был учебный самолет! Впереди летел летчик опытный, сзади — ученик, и он командовал. Было двойное управление, учили на нем.

А когда стали воевать — летчик впереди, штурман сзади. Надо было придумать, как вешать бомбы — он же не был военным. Помню, что когда мы еще учились в Энгельсе, то мы придумали бомбодержатели. На животе у этого самолета делалось железное дно и круглые щипцы. В эти щипцы вставляли девчонки бомбы, в ушки, и прищелкивали. Веревку от этих щипцов провели в кабину к штурману. Над целью штурман дергал за эту веревку, щипцы открывались, и бомбы вываливались на врага. Когда мы это придумали, то сказали: ой, как просто! Это называется «ППР» — «проще пареной репы». Иногда подвешивали не каждую бомбу отдельно, а кассету. Открывали кассету, насыпали туда мелкие бомбы по два килограмма, закрывали. Над целью штурман дергал, кассета открывалась, и бомбы высыпались. Но надо было видеть, куда ты бомбишь, видеть цель, куда бомбы бросать. Для этого была еще одна бомба — она называлась САБ — «светящаяся авиабомба». Обычно две таких бомбы или три даже штурман брал к себе на коленки. Когда они вылетали, у нее на коленях лежали такие бомбы САБ.

Когда мы подлетали на большой высоте, немцы нас еще не видели. Мы начинали потихоньку снижаться, немцы ловили нас прожекторами, открывали огонь зенитки. Тогда штурман бросал за борт эту светящуюся авиабомбу. Это был парашют, а на парашюте подвешен факел — вроде, тряпка горящая обычная. И этот факел тихонько спускался на парашюте. Летали же ночью, ничего не видно, и этот факел освещал цель.

САБы брали на колени. Парашютов не было. Не были оснащены они парашютами. Кто на таких самолетах будет прыгать с парашютом? Он сам как парашют. Не было радиосвязи, ни с кем не могли связаться. Летали без огней АНО.

В полной темноте летел этот самолетик один, подходил к цели, спускался, искал... Бросал САБ, затем, увидев что-то, бомбил. Спускался еще ниже и возвращался на аэродром. Сядет, подрулит к командному пункту. Вылезет штурман, доложит командиру полка или дежурному начальнику штаба: где бомбил, что бомбил, показывает на карте. Ему за это время подвешивают новые бомбы. Механик за это время проверяет: нет ли ранений у машины, и если нужно, ставит заплатку. Проверяет мотор, проверяет бензин, заправляет, проверяет бомбы, и через десять минут самолет вылетает снова. И так всю ночь. От заката до рассвета.

Летом успевали сделать три, иногда четыре боевых вылета. У нас были так называемые аэродромы подскока — обычно наши самолеты стояли дальше, в садах. Прилетали на аэродромы подскока, и работали с них. Успевали слетать три-четыре раза, отбомбиться и вернуться. А в зимние длинные ночи успевали сделать до семи боевых вылетов. Пять, шесть. Или семь даже.

Иногда давали задание так: «двадцать боевых вылетов». Тогда мы считали, сколько нужно послать самолетов, чтобы мы успели за ночь

НАГРАДНОК ЛИСТ

242

1. Фамилия, имя и отчество- Ракобольская Ирина Вячеславовна.
2. Военное звание- гвардии капитан.
3. Должность-часть- Начальник штаба 46 Гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Краснознаменного Таманского полка.

Представляется к ордену "Отечественная война 2 степени".-

4. Год рождения- 1919г. 5. Национальность- русская, 6. Партийность- чл. КПС-1943г.
7. С какого времени в КА- С октября 1941г.
8. Участие в боях- В Отечественной войне с 27 мая 1942г.
9. Имеет ли ранения и контузии- Не имеет.
10. Чем ранее награждена- орденами: Красная звезда 1942г. Отечественная война I степени 1944г. медаль За оборону Кавказа 3.44г.
11. Каким РВК призвана- По мобилизации ЦК ВЛКСМ.
12. Постовый домашний адрес:-

=====
1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.
=====

Тов. Ракобольская участница Отечественной войны с мая 1942г. В должности начальника штаба работает с февраля 1942г. За период боевой работы по борьбе с немецкими оккупантами проявила себя работоспособным, волевым командиром, умеющим хорошо организовать свою работу. Как начальник штаба правильно руководит штабными командирами. Штаб полка точно выполняет волю командира и обеспечивает боевую работу полка. Под руководством тов. Ракобольской штаб выполнял боевые операции по разгрому немцев на Северном Кавказе, Таманском и Крымском полуостровах, Белоруссии и в Польше. В настоящее время осуществляет руководство по разгрому немцев в Восточной Пруссии. За хорошую боевую работу и организацию боевых действий полк неоднократно имел благодарности от тов. СТАЛИНА. За успешные операции по разгрому немцев на Северном Кавказе и Керченском полуострове гвардии капитан Ракобольская была награждена орденом Красная звезда и орденом Отечественная война I степени. В результате правильного руководства штаба полком произведено с начала его деятельности 20900 боевых самолетов вылетов, с боевым налетом 25434 час. Оброчено по войскам противника 2590 тонн бомбового груза. По далеко неполным данным в стане врага было вызвано 760 очагов пожара, 830 сильных взрывов, уничтожено и повреждено 43 склада с горючим и боеприпасами, 13 цистерн с горючим и 9 пролетаров, 4 самолета, 17 переправ, 9 ж.д. эшелонов, 670 автомашин, 1 баржа, уничтожен и поврежден огонь 50 артиллерий, 16 пулеметных точек, оброчено войскам противника свыше 7 миллионов листовок. За этот же период в полку награждено орденами и медалями Союза ССР 189 чел. Из них: 5 Героев Советского Союза, введено в строй нового пополнения летчиков 41 чел. Штурманов-40, Механиков 14. Принято в члены и кандидаты ВКПб-114 чел. Политико-моральное состояние полка вполне здоровое, личный состав выполняет и готов выполнить любое задание командования. Как начальник штаба большое внимание уделяет бытовым вопросам полка. Повседневно занимается воспитанием штабных командиров, в результате чего штаб работает правильно и никаких замечаний со стороны вышестоящих штабов не имеет. Учет и отчетность штаба поставлена хорошо

Большое внимание уделяет налаживанию отличного учета и планированию работы в эскадрильях. Штаб под руководством тов. Якобовской умело организует работу по разгрому немцев в Крыму, Белоруссии. После второго награждения полк произвел 6225 боевых ночных вылетов. Лично сама гвардия капитан Якобовская сделала 16 боевых самолетовылетов на контроль бомбометаний летным составом. Как командир к личному составу требовательна, повседневно борется за выполнение уставов и наставлений Красной Армии. Сама их сдала на отлично.

За самоотверженную работу, умелое руководство боевой работой по разгрому немецких захватчиков в Крыму, Белоруссии и в Польше гвардии капитан Якобовская удостоена третьей Правительственной награды ордена "Отечественная война 2-й степени".-

Командир 46 Гвардейской авиационной дивизии майор Берпанская./.-

"18" февраля 1945 г.

*Игорь
В.А. М.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ

Постоянно правительственной награды - ордена "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2-й СТЕПЕНИ".

КОМАНДАР 325
П О Л К О В

" февраля 1945 года.

/ПОКОВЫЙ/

Приказом 4 ВА №-013/Н от 23 февраля 1945 года,
награжден Орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й СТЕПЕНИ

СТАРШИЙ ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА
2 ОТДЕЛЕНИЯ КАДРОВ 4 ВА
КАПИТАН А/С

/КИСЛЯКОВ/

сделать двадцать вылетов. А иногда говорили: по максимуму, сколько успеете. Тогда мы вылетали на аэродромы подскока и работали, сколько могли.

Возвращаясь с последнего вылета, летчик и штурман были уже обалделые. Их четыре раза ловили прожекторы, четыре раза по ним били зенитки снизу, четыре раза они бомбили, они планировали и маневрировали между лучами прожекторов и трассами зенитных очередей, потом уходили на бреющем на свой аэродром... Вот так организовывались полеты на этих самолетах. На всех фронтах летали полки По-2. Они сначала были У-2, учебные самолеты, но когда пришла война и стало ясно, что их можно использовать для военных целей — больших самолетов не хватало, тогда переименовали их в По-2 (потому что конструктор Поликарпов). На всех фронтах были такие мужские полки.

Но мы от них отличались. Во-первых, когда мы вышли на фронт, то над нами смеялись. Ха! Девки какие-то пришли летать! Ха-ха-ха! А нам обидно. Мы-то пришли добровольно, нас же никто силой не брал. Они пришли по призыву, как и положено мужику. А нас никто не призывал! Нам отказывали, мы силой пробивали себе дорогу на фронт. И почему над нами надо смеяться? Поэтому мы старались сделать что-то такое, что мужские полки не делали.

Например, мы стояли под Владикавказом в чеченской станице Асановской. Дело было так: около станицы поле и арык, а перед ним огромный яблоневый сад. Мы сделали так: заказали в БАО, чтобы нам сделали мостки. Наши самолеты по мосткам заруливали в сад, там разворачивались, и стояли в саду перед своим мостиком, по которому приехали. На плоскости клали яблоневые ветки, чтобы сверху вообще не было видно, кто там находится. Маскировали самолеты на день.

Девчонки с вечера садились в свои самолеты. Летчик и штурман. Погоды не было. Мы летали между тремя морями — Черным, Азовским, Каспийским. Туманы без конца были сначала. Все сидят, ждут погоды. Облокотится о край кабины летчик и штурман, и спят в кабине. Каждые полчаса или час с нашего аэродрома вылетал разведчик. Вылетал, смотрел погоду. Когда он давал добро на вылет, то девчонки просыпались, наши самолетчики быстро выходили из сада через деревянные мостки на аэродром. Бомбы у них были уже подвешены. После этого они быстро взлетали. Кроме того, для нас строили так называемые аэродромы подскока, чтобы ближе было, чтобы быстрее долететь до линии фронта. И так — каждую ночь. И так — до утра. Работали всегда только по передовой. Мы очень много бомбили на Керчь, на Тереке бомбили немецкую оборону, когда на Тамани стояли.

Какие были цели? Во-первых, самые разные склады — с оружием, с бензином. Она бросит САБ, и увидит какую-то постройку, склад. И она в этот склад старается бомбить. Иногда — автомобили, которые что-то привезли, иногда — паровозы, если работали по железной дороге.

Иногда ничего не было видно — только поле, где возились или спали немцы. Они бросали САБ, она освещала это поле, но девочки почти ничего почти не видели. Но мы знали, что там немцы. Видны были взрывы, и следующий самолет видел, как бомбил предыдущий. Поэтому штурманы и летчицы докладывали мне о тех, кто бомбил до и после них. Мы отмечали все эти точки, и потом могли сказать, удачно девчонки отбомбились или неудачно.

В этом и было отличие нас от мужского полка. Мужики никогда не спали в самолетах. Они спали в своих общежитиях-сараях, как это прописано в наставлении по производству полетов. Как полагается. Когда погода улучшалась, и можно было летать, их поднимали по тревоге. Им нужно было надеть штаны, надеть сапоги, выйти на улицу... Им подавали полуторку, они на машине ехали на аэродром и садились в свои самолеты. Пока они все это делали, мы успевали один раз слетать, отбомбиться и вернуться. Мы всегда успевали сделать на один полковой вылет больше, чем мужской полк. При всем том, что они над нами смеялись все время. Девчонки какие-то. Одна — котенка носит. Другая — вышивает на портянках незабудки. Еще что-то такое делает, девичье. Танцует ночью на аэродроме. Стихи пишет. Играет на губной гармошке. Занимается самодеятельностью, устраивает концерты. Одна горит над целью, а другая в это время юмористические стихи пишет на аэродроме.

В этом было наше отличие — из-за того, что мы были добровольцы, у нас и делалось все по-другому. Нам надо было доказать этим мальчикам, что мы не хуже их, а может быть, и лучше. У нас был случай — одна командир эскадрильи учила в Энгельсе пилота и схулиганила. Полетела на самолете под проводами, хотела показать, как можно. Задела плоскостью провода. Самолет рухнул, ее судили. Дали десять лет. Мы узнали об этом, когда уже были на фронте, написали в Энгельс, и попросили ее направить к нам. Эта Санфирова приехала к нам на фронт, имея приговор на десять лет. Дали ей штурмана, она была очень хороший летчик. Скоро стала командиром звена и потом командиром эскадрильи. Потом, в 1944 году, когда нам наконец дали парашюты, она была единственная, кто им воспользовалась. Их сбили, и они со штурманом прыгнули. Санфирова приземлилась на минное поле, подорвалась на противопехотной мине и погибла. Ее штурман приземлилась на противотанковое минное поле, и ее спас боец. Увидел, как она спускается, выскочил, и вынес ее без унтов с минного поля. Это была как раз одна из тех девчонок, что выпускала «Крокодил» — Руфа Дашева. А ее командир эскадрильи была Оля Санфирова — та самая, которая имела в свое время десять лет за погибший самолет. Олю Санфирову мы похоронили под Гродно. Посмертно она получила звание Героя Советского Союза.

Я, как начальник штаба полка, получала боевое задание на ночь по радио. Иногда нам давали задание такое: «сколько сможете, работа по

максимуму». Иногда давали двадцать вылетов или тридцать. Мы считывали, через какие промежутки наши самолеты должны взлетать. Но можете ли вы понять такую вещь: человек перелетел линию фронта, его обстреляли из зениток, он сбросил бомбы, он ушел с пикированием... и так четыре раза. После этого человек был уже умирающий от усталости, напряжения и ужаса. А у нас была девочка, которая сделала тысячу таких боевых вылетов! По положению можно было представлять к званию Героя Советского Союза после 500 удачных боевых вылетов. А как сказать, удачный вылет был или нет? Она сбросила бомбы, мы же не знаем, сколько от этого людей погибло. Было видно, что удачно, если взрывались на земле склады, горел бензин или еще что-то. У нас была частушка такая:

На Дону я раз летала,
Пароход, гляжу, плывет,
Бомбу сбросила я метко —
Пароход ко дну идет.

Если вы видите, и другой видит, что пароход ко дну идет, то ясно, что вылет удачный. А так... Поэтому мы представляли к званию Героя тех, кто сделал более 700 боевых вылетов. Или погиб. Сгорел над целью.

Когда на нас немцы наслали истребитель, который летал ночью, то мы не понимали, в чем дело. Он тихо наверху ходил над нашей целью, нас ловил прожектор, а их зенитки не стреляли. Вдруг самолет загорался, и мы видели, как огненный столб падает на землю. С нашего аэродрома мы видели: с неба огонь, огонь, огонь... до земли. Мы смотрели на часы, на наш распорядок, и считали, кто сейчас горит над целью. Мы никогда в войну не знали, как они там — сгорели до конца? Или, может быть, упали еще полуживыми, и немцы взяли их в плен? Что с ними было? Мы не знали, что было с девочками, которые горели и падали со своим самолетом. Только после войны мы, уже демобилизовавшиеся, собрали деньги, и послали по местам боев нашего комиссара — по всем местам, где мы видели эти огненные смерчи. У нас было все записано: где, над какой деревней пропал, сгорел наш самолет. Она объездила все деревни, и нашла, что все погибшие и сгоревшие самолеты погибли вместе с экипажами. Никто живым на землю не упал. В то же время она нашла, что население деревни, куда падал наш самолет, поднимала два обгоревших тела, и хоронила их. Ставила на могиле столбик и дату гибели. Они же не знали, кто это. Летали без документов. Они не знали фамилий, не знали, кто сгорел. Итак, наша комиссар нашла, что на всех наших сгоревших самолетах девочки погибли, и местные жители их трупы похоронили. Немцам погибшие были не нужны. Они видели, что лежат два мертвых трупа. Наши успевали до немцев похоронить эти трупы и поставить столбик с надписью, когда это было...

У меня к немцам не было злости. Мы сначала с ними не сталкивались. Но когда мы отступали и наступали иногда по тем же самым деревьям, и крестьяне нам говорили: у нас стояла немецкая часть, и они знали, что здесь летают девушки. Немцы говорили сначала, что мы все преступницы, которых послали на фронт искупить свои преступления. Но потом они поменяли свои речи. Они никак не могли сбить наши самолеты. Он же темный, его не видно. Летит низко, надо увидеть, чтобы в него попасть. Были случаи, что у нас сбивали самолеты, но это были единицы. Поэтому немцы начали говорить, что мы колдуньи. По-немецки, вроде бы (я языка так хорошо не знаю) «колдунья» очень похоже на «ведьму». Так и прижилось это название «ночные ведьмы». Не потому, что мы им наносили какой-то большой урон, а потому, что они не могли нас сбить. А нам, девчонкам, это даже понравилось. Оказывается, мы не просто воюем, а мы еще и ведьмы! С этим именем мы и закончили войну. Поэтому и моя книжка озаглавлена «Нас называли ночными ведьмами».

Только один раз, когда они на Тамани около Керчи послали на нас ночной истребитель, который многих сбил, у нас были серьезные потери. Потом он перелетел куда-то в Крым и через тридцать дней там погиб. То есть у них против нас не было ночных истребителей, которые могли бы нас перецелкать, как орехи.

Когда мы пришли на фронт, у нас было две эскадрильи. В каждой эскадрилье — десять экипажей. Итого — двадцать экипажей. Потом, когда полк стал выделяться, то нам присвоили звание гвардейского. Гвардейскому полку полагается три эскадрильи. Где взять новых девочек? Ведь только у Расковой нас готовили. Пришлось все самим делать. Мы открыли две школы. Штурманов переучивали на летчиц, вооруженцев — на штурманов, а девочек из окрестных деревень, которые к нам приходили и хотели с нами воевать — учили быть вооруженцами. У нас всю войну, помимо того, что мы бомбили, работали школа летная, школа штурманов, школа вооруженцев. Школой летной занималась замкомандира полка по летной части Амосова. Штурманской школой занималась студентка нашего астрономического отделения Руднева. Кто работал с вооруженцами — уже не помню.

У нас был случай с Санфириковой, был случай, когда нашего инженера полка приговорили к смертной казни. Она вышла из окружения, и, очевидно, что-то не то сказала. Когда в дивизии об этом узнали, то подняли вопрос, ее оправдали вчистую, и она потом с нами всю войну воевала.

Мы хотели сделать больше вылетов. Мы придумали, что нужно обслуживать самолеты бригадным методом. Полагалось, что каждый самолет принимает и выпускает его механик. Бомбы подвешивает вооруженец из его эскадрильи. Штурман и летчик — все свои. Но если механик всю ночь обслуживал вылеты, а днем латает, ремонтирует

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

ВВС КРАСНОЙ АРМИИ	
Отряд	187
Сл. №	187/184 г.

1. Фамилия, имя и отчество - Санфирова Ольга Александровна.
2. Звание - гвардии капитан, З. Должность, часть - Командир эскадрильи 46 Гвардейского Ночных-бомбардировщиков авиационного Краснознаменного Таманского полка.
- Представляется - К Званию " Герой Советского Союза "-
4. Год рождения, 1917 г. 5. Национальность - татарка 6. Партийность - чл. КП/б/
7. Участие в Отечественной войне - с 27 мая 1942 года.
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне - Не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии - с декабря 1941 г.
10. Каким РЗК призван - По мобилизации ЦК ВЛКСМ.
11. Чем ранее награжден: - орденами - Красное знамя и Отечественная война I Степени 1943 г. Александр Невский 1944 г.
12. Постоянный домашний адрес: -

=====
 I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.
 =====

Гвардии капитан Санфирова участница Отечественной войны с июля месяца 1942 г. От рядового летчика выросла до командира эскадрильи. Проявила себя энергичным, волевым командиром, умеющим хорошо организовать боевую работу эскадрильи. Эскадрилья под командованием гвардии капитана Санфировой произвела 3270 боевых вылетов с боевым налетом 4500 час. Сброшено по уничтожению войск противника 304 тонны бомбового груза. Эскадрилья, руководимая тов. Санфировой нанесла тяжелый урон противнику, вызвано в стене врага 577 сильных взрывов, 468 очагов пожара, уничтожено 30 автомашин, 5 пулеметных и 5 зенитных точек, 3 склада с боеприпасами. Разрушено 6 переправ противника. Уничтожено свыше батальона пехоты противника. Разбросано войскам противника 2,5 миллиона листовок. Это только часть урона, нанесенного противнику эскадрильей, что удалось учесть.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в эскадрильи награждено орденами и медалями Союза ССР 33 человек. Из них: - двумя орденами 18 чел., тремя орденами 6 чел. В результате боевой и политико-воспитательной работы личный состав эскадрильи выполняет любое задание командования при сложных метеословизках, сильным зенитном огне и проекторах противника.

Лично сама капитан Санфирова в боях за Родину произвела 630 боевых самолетовлетов, с боевым налетом 875 час. Имеет общий налет 2508 час. Дви падем тов. Санфировой сброшено по уничтожению мотомехчастей, живой силы и укрепленным противника 77 тонн бомбового груза. В результате бомбардировочных ударов гвардии капитан Санфирова уничтожила свыше 2-х взводов пехоты противника, 1 склад с боеприпасами, 2 артточки, 2 переправы, 5 автомашин, 3 пулеметных точки, вызвано 135 сильных взрывов и 78 очагов пожара. Разбросано войскам противника 70000 листовок.

178

Обращено 26 мешков с боеприпасами и питанием для наших войск блокированных в районе Ольтигена.

Тов. Санфирова является активным участником освобождения от немецких захватчиков Северного Кавказа, Таманского и Крымского полуостровов, Белорусии и в настоящее время громит немецких захватчиков в Польше. Боевая работа гвардии капитана Санфириной служит образцом для всего личного состава полка. Как летчик тов. Санфирова при выполнении боевых заданий командования показывает отличную технику пилотирования. В сложных метеословиях при попадании в зенитный обстрел и прожекторов противника проявляет высокие боевое мастерство, настойчивость, смелость, мужество и героизм. Выполняя боевые задания в районе Ольтигена тов. Санфирова летала на высоте 75-100 м., не считаясь с опасностью и с трудностями, все боевые задания командования выполнялись отлично. Грузы с продовольствием и боеприпасами сбрасывались точно в район расположения наших войск. Боевая работа капитана Санфириной сопровождается высокой эффективностью. Так например:-

В ночь на 5 ноября 1942г. бомбила скопление мотомехчастей и живой силы противника в пункте Дигора. В результате действия бомбардировочных ударов наблюдались сильные взрывы и два сильных очага пожара с черными клубами дыма. Эффективность действия подтверждена последующими экипажами гвардии лейтенанта Худяковой и гвардии лейтенанта Пискаревой.-

В ночь на 12 декабря 1942 года производила бомбардирование скопления войск противника на ст. Ардон, в результате бомбардировочных ударов в расположении станции наблюдался сильный очаг пожара и 4 взрыва, результат действия подтверждают гвардии лейтенант Себрова и гвардии ст. лейтенант Попова.-

В ночь на 9 апреля 1943г. бомбила скопление войск противника в северо-западной части пункта Крымская. Несмотря на сильное ПВО противника экипаж достиг данной цели, произвел бомбометание, в результате чего было вызвано 3 сильных взрыва. Результат действия подтверждается гвардии ст. лейтенантом Нарденовой и гвардии лейтенантом Сыртлановой.-

В ночь на 13 сентября 1943 года производила бомбардирование войск противника в пункте Марениковская, в результате точного бомбометания было вызвано 3 сильных взрыва, последующие экипажи гвардии ст. лейтенанта Романовой и гвардии лейтенанта Себровой подтверждают, что взрывались машины с боеприпасами.-

В ночь на 4 октября 1943 года производила бомбометание по отсутствию войск противника в пункте Кучугуры. В результате точного бомбометания возникло 4 сильных взрыва, что подтверждают экипажи гвардии мл. лейтенанта Рыжковой и гвардии мл. лейтенанта Никитиной.-

В ночь на 30 января 1944 года бомбила скопление войск противника в районе Керчь. При подходе к цели экипаж капитана Санфириной был схвачен 5-ю прожекторами и обстрелян зенитным огнем противника. Умелым маневром самолет был выведен из под обстрела и прожекторов противника, умелым заходом над целью произвела бомбометание, в результате чего был вызван сильный очаг пожара с черными клубами дыма, последующие экипажи гвардии мл. лейтенанта Корниенко и гвардии лейтенанта Ароновой подтверждают, что были взорваны и горели машины с горючим.

В ночь на 12 марта 1944 г. бомбила по воюющим противника в пункте Бульбак. При подходе к цели была обстреляна сильным огнем противника. Не теряя самообладания, умело маневрируя тов. Сандрова вывела самолет из под обстрела зенитного огня, достигла цели, точно произвела бомбометание, в результате чего было вызвано 4 сильных взрыва. Данные подтверждаются гвардии ст. лейтенантом Тихомировой и гвардии лейтенантом Меклин.

В ночь на 26 апреля 1944г. в районе Севастополя подавила огневые средства противника, в результате точных бомбовых ударов был подавлен огонь артоточки. Результат действия подтверждается лейтенантис Серебряковой и гвардии лейтенантом Шевченко.

В ночь на 9 мая 1944 г. уничтожила отступающие войска противника в бухтах Крившеватая и Амега. Несмотря на сильный заградительный огонь противника тов. Сандрова привела бомбометание точно по заданной цели, в результате был вызван сильный взрыв с черным густым дымом, последующие экипажи гвардии лейтенанта Шкозарева и гвардии лейтенанта Кривоной подтверждают что взорвана машина с боеприпасами.

В ночь на 13.12.1944г. после выполнения боевого задания экипаж гвардии капитана Сандровой, штурман гвардии ст. лейтенант Гашева в 20.00 час. в районе Доместав был обстрелян КЗП, от прямого попадания в мотор самолет загорелся. Экипаж вынужден был вырваться на парашютах и приземлился на нейтральной полосе в районе Покшивица. При переходе нейтральной полосы гвардии капитан Сандрова ночью попорвалась на минах.

За отличное руководство экипажем и лично произведенные 620 боевых самолетовылетов на самолете ИС-2 с успешным выполнением боевых заданий по уничтожению живой силы и техники противника, проявленные при этом смелость, мужество, отвагу и героизм гвардии капитан Сандрова достоин высшей Правительственной награды посмертного присвоения звания "Герой Советского Союза".

Командир 46-й гвардейской ночной бомбардировочной авиационной Краснознаменной Тамбовского полка
Сандрова / Бердизкая /

"17" декабря 1944 года.

Мерзет
18.12.44г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ

Достоин посмертно присвоения высшей Правительственной награды - звания "Герой Советского Союза".

КОМАНДИР 325-й БОМБНОЙ АВИАЦИОННОЙ
ДИВИЗИИ КРАСНОЗНАМЕННОЙ

А. В. М. З. И. И. :-
ПОДПОЛКОВНИК

"25" декабря 1944 года.

ПОЛКОВНИК

самолеты — то механик начинает падать от бессонницы. Мы тогда придумали, что будем обслуживать вылеты бригадным методом. У нас были бригады механиков и бригады вооруженцев. Эта бригада из трех человек — один отвечает за вылет, другой — за встречу, третий — за просмотр качества заплаток. Они обслуживали все самолеты, что вылетали или прилетали. Не было такого, что «этот самолет не мой, не буду его смотреть». Нам это очень понравилось, легче стало на аэродроме. Не было суетолки, что всматриваются — мой, не мой самолет прилетел — ночь ведь! Приземлился самолет — сразу его встречают, помогают, держат за плоскость, поворачивают, ведут на стоянку. Тот, кто отвечает за выпуск — берет самолет за плоскость, выводит его на взлет. Нам очень это понравилось, очень стало легко работать на выпуске. Я уговорила нашего инженера написать об этом доклад в дивизию — как мы хорошо придумали метод работы, который позволяет ликвидировать суматоху на аэродроме и сделать больше вылетов. В ответ нашему инженеру полка объявили выговор — за то, что мы нарушаем закон о производстве полетов. После этого мы с Соней решили больше никуда не писать. И мы всю жизнь дальше летали бригадным методом, но никогда не писали об этом в дивизию.

Или, например: грязь непролазная, летать самолеты не могут, колеса вязнут в грязи, другие полки все стоят! А Бешанская говорит БАО: постройте нам деревянную взлетную полосу! БАО разбирает все сараи в округе, строит деревянную полосу, и мы выпускаем самолеты с этой полосы. Самолет вырывает на эту деревянную полосу, его вытаскивают за плоскости из грязи, держат за плоскости, чтобы он мотором скорость развил. Потом отбегают, и он, как ведьма на помеле, вылетает с этой деревянной плоскости на бой. Потом садится на эту же плоскость, его так же из грязи под крики «ухнем!» вытаскиваем, очищаем от грязи, и он летит дальше. Мы с такой деревянной полосы сделали 3000 вылетов. Это мы придумали.

Второй пример, чем отличался наш полк. Мне письмо прислали в штаб от пехоты с Терека:

«Найдите женщину, которая летала, бомбила правый берег Терека, где стояли немцы. Она спустилась, убрала газ, и кричала нашей пехоте «Черт вас возьми! Мы летаем, бомбим, а вы сидите, не идете в наступление!» После этого наша рота перешла в наступление. Объявите ей благодарность».

Так и не нашли эту девушку. Никто не признался, потому что это нарушение. Не полагается кричать с воздуха вниз. Мы подозревали, кто... Но, в общем, мы этого не знаем. Потом, например, мы летали на Керчь. А южнее Керчи был высажен десант на пункт Эльтиген — хотели расширить плацдарм на берегу Крыма. Высадили, а немцы отрезали его от Керчи, не мог пройти и соединиться с Керчью. Люди, которые там попали, не имели ни питания, ни оружия, ни мин. Они просто сидели

в окружении. Тогда нас всех бросили туда поставлять им мины, картошку, консервы — все, что было нужно. И вся наша дивизия ночная летала. Бросали им картошку южнее школы... Потом они вышли из окружения, и проходили через Тамань. Проходили через нашу деревню, и говорили: «Девочки, вы нас спасли. Мы там погибали совершенно, а мы от вас и питание, и оружие, и газеты даже бросали!» Мы говорим: «Почему только нас благодарят? Вся дивизия летала!»

Оказывается, вся дивизия летала и бросала на эту школу молча, и только наши девчонки кричали, снижаясь:

- Полундра! Держи мины!
- Алло! Куда картошку?
- Держитесь! Вот вам газеты!

Когда они слышали эти женские голоса сверху, они говорили, что это помогало им больше, чем мины или картошка. Тем более что картошку бросали сырую, печь они ее там не могли — костер не развести было. Поэтому они, проходя через нашу деревню, всем нам жали ручки. «Вы нас спасли!» А мы тогда этого не понимали...

Женский полк отличался стремлением сделать больше вылетов, чем мужские полки. Мы пошли на войну добровольно — а раз добровольно, значит, мы хотим больше летать, значит, мы должны сделать больше вылетов, доказать это. По-моему, во всей нашей России не было другого такого полка на По-2, который стал гвардейским, Таманским, дважды орденоносным, и в котором двадцать три девчонки стали Героями Советского Союза, две — Героями России, и одна — Героем Казахстана. Двадцати шести девчонкам присвоено звание Героев, потому что они сделали это неопишное количество вылетов.

Мы прошли через Польшу, потом через Германию. Я уже говорила, что к нам заезжали командующие фронтами уже чисто из любопытства — каким это полком командующий 4-й воздушной армией хвалится, что у него девчонки, что летают лучше мужиков? И так, присвоили в полку звание трех Героев Союза, и приехал их вручать Рокоссовский. Мы могли бы и без него вручить. Подозреваю, что он приехал из любопытства. Собрались в каком-то большом зале. Бешанская сидела с командованием, а я обеспечивала, чтобы столы все были на месте, чтобы полк был в сборе на месте, чтобы электричество было — короче, все чтобы было в порядке. Прибегаю в комнату, где все они сидят. Обращаюсь, как положено (не помню, был он уже маршалом или еще генералом): «Товарищ Маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к командиру полка!» Он встал. За ним встали все генералы. Говорит: «Обращайтесь». Я говорю Бешанской, что зал готов, через пять минут можно начинать. Он стоит, и я стою. Он мне говорит: «Садитесь». Я села, потом он, и за ним все остальные. Тут я поняла, что он встал передо мной, как перед женщиной! Я еще, оказывается, женщина, и передо мной встают генералы и маршалы! Я была просто потрясена его

интеллигентностью. Ведь совсем недавно я была в штабе дивизии, общалась с начштаба дивизии, по радио передавали Шумана, мы сидели и слушали. Я как-то раскрепостилась... Шуман закончился, я и говорю: «Ну, я пошла». Он мне в ответ: «Как вы уходите, товарищ капитан?» Я под козырек: «Товарищ полковник, разрешите идти?» — «Идите». А тут все совсем наоборот.

Конец войны застал наш полк на берегу Балтийского моря. Это было севернее Берлина, на берегу, где немцы строили в подземельях какие-то новые ракеты. Гитлер говорил, что сейчас построим эти ракеты, выйдем снова на фронт, и прогоним этих русских. Мы приехали туда на берег, и мы знали, что где-то под землей у немцев помещения, где они делают свои крылатые ракеты. Нам дали задание краем их побомбить ночью. Мы слетали, побомбили. Ответа зенитками от них с земли уже не было. Сидим ночью, наши самолеты стоят с бомбами. Никакого задания на ночь мы не получали... Девчонки сидят в общежитии своем, я примостилась где-то на скамеечке. Вдруг слышу: Бам! Бам! Бам! Зеленые, красные, белые ракеты в воздух! Что такое? Сумасшествие! Подбегаю к нашему общежитию, и вижу: наши девчонки, в одних трусах — голые фактически — вышли и стреляют в воздух ракетами! Война же, какие ракетницы? Я к ним: «Что происходит?» Они мне в ответ: «Товарищ начальник штаба! У стартеха радиоприемник! Она по нему услышала сообщение, что война закончилась, и что у нас подписан мир! Начиная с сегодняшнего дня, 9 мая 1945 года!» Они это слышали по радио, и начали в воздух палить!

Вот так я встретила конец войны.

СОВМЕСТНО С:

Клуб «Front-Line», Эстония

СЕСТРЫ ПО ОРУЖИЮ
ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИН О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Выборг, 2016–2017

Издательство «Военно-исторический центр Карельского перешейка»

Главный редактор Баир Иринчеев

Оформление — Максим Цой

Допечатная подготовка — Игорь Сергеев

Крашенные фото на обложке — Ольга Ширнина (Klimbim)

Гарнитуры Mirta (Елена Новоселова, Студия Артемия Лебедева)

и Новая Букварная (Изабелла Чаева, ПараТайп)

Подписано в печать 30.12.2016

Формат 70·100/16. Объем 24,51 усл. печ. л. Бумага офсетная, печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1701183

Отпечатано в типографии ООО «ЛПринт»

197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, 37, т. (812) 340-51-27

www.l-print.spb.ru

Добро пожаловать в Военно-исторический центр Карельского перешейка в Выборге
ул. Крепостная, 26

Наш телефон (10:00–19:00):

+7 (921) 945-69-91 (справки по работе музея, экскурсии)

www.war-museum.ru

Сборник воспоминаний советских женщин «Сестры по оружию» — продолжение книги «А зори здесь громкие». В обновленный сборник включены рассказы и интервью женщин, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной в самых разных родах войск. В книге читатель найдет уникальные истории — от начальника штаба полка «Ночных ведьм», партизанок и девушек-снайперов, до совсем молодых девочек, которые пошли на войну со своими любимцами — собаками. В издание также включены наградные листы и фотографии.

Эта книга — наша общая благодарность всем женщинам, которые честно воевали, самоотверженно трудились в тылу и внесли неоценимый вклад в Победу нашей Родины в Великой Отечественной войне.

ISBN 978-5-9909020-5-3

9 785990 902053

12+